

ISSN 0131-6656

# СМОНА

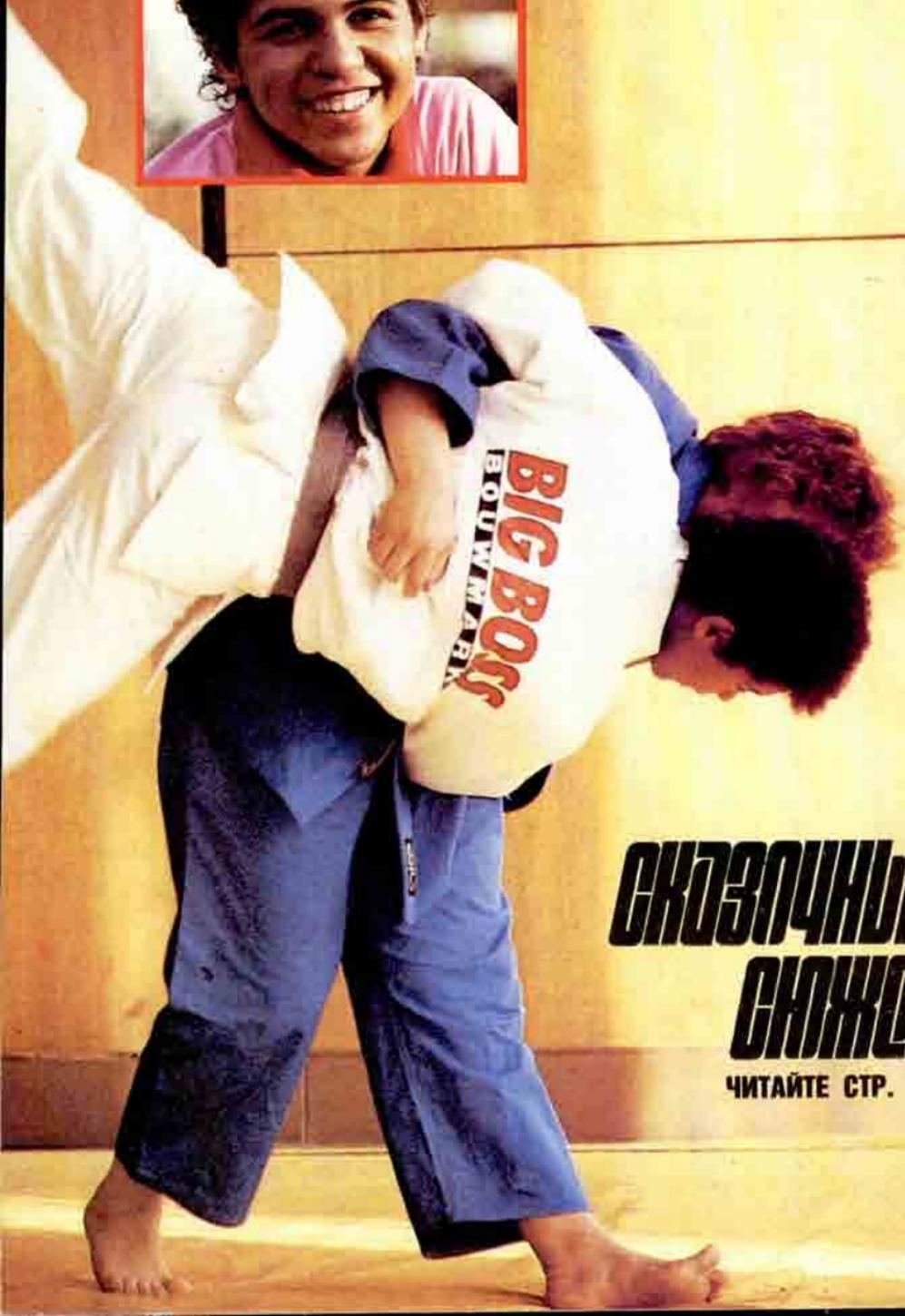
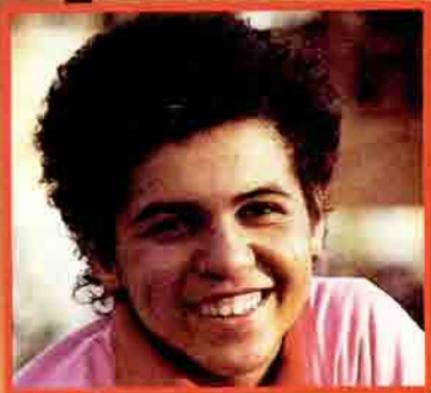
ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН. МУЧЕНИКИ НАУКИ    ИОАННА ХМЕЛЕВСКАЯ. ВСЕ КРАСНОЕ



6'90

АЛЕКСАНДР МЕНЬ.

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ



**СКАЗОЧНЫЕ  
СЛУЖИ**

ЧИТАЙТЕ СТР. 27

# 6'90 СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ  
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ  
Основан в январе 1924 года.

**Главный редактор**  
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

**Редколлегия:**

БОРИС ДАНИШЕВСКИЙ  
(зам. главного редактора)  
АЛЕКСАНДР КУЛЕШОВ

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ  
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ  
СЕРГЕЙ ПОПОВ  
(зам. главного редактора)  
ЮРИЙ РАГОЗИН  
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ  
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ  
ВАДИМ САЮШЕВ  
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ  
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ  
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ  
(главный художник)  
ТАМАРА ЧИЧИНА

**Оформление**

ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА  
АМАЛИИ АВДЮШИНОЙ  
**Технический редактор**  
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 17.05.90.  
Подписано к печати 13.06.90.  
А 00315. Формат 84×108½.  
Бумага газетная «Тампресс».  
Печать офсетная.  
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.  
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано  
1 729 913 экз. (из общего тиража  
3 330 000 экз.)  
Заказ № 2325. Цена 70 коп.  
101457, ГСП, Москва,  
Бумажный проезд, 14.  
212-15-07 — для справок  
212-11-27 — отдел писем.  
Ордена Ленина и ордена Ок-  
тябрьской Революции типогра-  
фия имени В. И. Ленина изда-  
тельства ЦК КПСС «Правда».  
125865, ГСП, Москва, А-137, ули-  
ца «Правды», 24.  
Рукописи, фото и рисунки не воз-  
вращаются. Рукописи объемом  
более 1 авторского листа (24 ма-  
шинописные страницы) редакци-  
ей не рассматриваются.

Б (1508) ИЮНЬ

© Издательство ЦК КПСС «Правда».  
«Смена», 1990.

# В НОМЕРЕ:

## ПРОЗА

4

**ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН.** МУЧЕНИКИ НАУКИ  
Рассказ

90

**ИОАННА ХМЕЛЕВСКАЯ.** ВСЕ КРАСНОЕ  
Роман

## ПОЭЗИЯ

15

**КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ**

248

**МАРИНА ХЛЕБНИКОВА, БУЛАТ БЕКТЕМИР**

## ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

18

**ВЯЧЕСЛАВ БОГУСЛАЕВ.** НУЖНО ЛИ РЕЗАТЬ КУРИЦУ, НЕСУЩУЮ ЗОЛОТЫЕ ЯЙЦА?

22

**МАШИННЫЙ ВЕК.** БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ ЛЬВОМ КОШКИНЫМ

33

**XXI СЪЕЗД ВЛКСМ.** 11—18 АПРЕЛЯ 1990  
Фоторепортаж

50

**ЕВГЕНИЙ ЗАХАРОВ.** ПОКУШЕНИЕ

## МОРАЛЬ И ПРАВО

214

**ОКАЯННОЕ РЕМЕСЛО.** БЕСЕДА С ГЕНЕРАЛ-МАЙОРОМ ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ В. И. СНЫЦЕРЕВЫМ

## НАУКА

252

**ВЛАДИМИР ФИНОГЕЕВ.** ХИРОМАНТИЯ ПРОТИВ СУДЬБЫ

## КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

63

**МИХАИЛ МОРОЗОВ.** ЗЕРКАЛА ВСЕВОЛОДА МЕЧКОВСКОГО

66

**АНДРЕЙ СЕДЫХ.** ИСКУССТВО ЗАБЫВАТЬ

На нашей  
обложке:  
фотозтиюд  
ВИКТОРА  
БРЕЛЯ



204

**АЛЕКСАНДР МАРКЕВИЧ.** АНТИЦИКЛОН ИЗ СИБИРИ

222

**СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ.** РИСК И НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПЕРЕСКАЗА

225

**АЛЕКСАНДР МЕНЬ.** СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

**СПОРТ**

274

**КОНСТАНТИН ТИНОВИЦКИЙ.** СКАЗОЧНЫЙ СЮЖЕТ

269

**ВАШИ ПИСЬМА**

278

**ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ, ЮМОР**

7•90

3

■ **Хью Пентекост. «Оборотни».**

Хью Пентекост — псевдоним известного американского писателя Джадсона Филипса, автора более ста детективов, лауреата многих литературных премий.

Его произведения, популярные во многих странах, не перенасыщены сценами насилия, остросюжетны, динамичны. Филипс отдавал предпочтение сериалам, связанным одним главным героем, зачастую это непрофессиональный сыщик.

Мы предлагаем вашему вниманию повесть «Оборотни» из сериала, герой которого — управляющий отелем «Бомонт» Пьер Шамбрэн. В основе повести — борьба с международной наркомафией.

■ **Стихи Ирины Ратушинской.**

Творчество Ирины Ратушинской широко известно за рубежом. Книга «Серый — цвет надежды» переведена на все европейские языки, а также на японский.

По опросам общественного мнения, проводимым на Западе, Ратушинская входит в тройку наиболее популярных русских писателей-эмигрантов наряду с А. Солженицыным и В. Буковским.

**АНОНС:**

# МУЧЕНИКИ

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН



4

Раскрыв эту страницу, наш постоянный читатель вправе спросить: не перебарщивает ли редакция, вновь предоставляя место произведению Евгения ЗАМЯТИНА?

Ответить можно было бы, с одной стороны, совершенно искренним признанием,

что редакция не испытывает ни малейших сомнений, публикуя произведение, заведомо обреченное на успех, с другой — тем, что такого Замятина ни «Смена», ни появляющиеся наконец с великим запозданием его сборники еще не представляли.

Этого, пожалуй, вполне достаточно для ответа на возможный вопрос самого взыскательного и столь же требовательного читателя.

Потому остается лишь заметить, что публикуемый нами рассказ — последнее произведение Замятина, написанное на родине и шесть десятилетий остававшееся на родине неизвестным.

# НАШКИ

Рисунки БОРИСА СОПИНА



1

**Н**ачиная с Галилея, все они перечислены в известной книге Г. Тиссандье (изд. Павленкова, СПб, 1901 г.). Но для наших дней книга эта, несомненно, уже устарела: там, например, нет ни слова о знаменитой француженке г-же Кюри, нет ни слова о нашей соотечественнице г-же Столпаковой. Памяти этой последней мы и посвящаем наш скромный труд.

Своим подвигом г-жа Столпакова, конечно, искупила все свои ошибки, но тем не менее мы не считаем себя вправе скрыть их от широких читательских масс.

Первой ошибкой Варвары Сергеевны Столпаковой было то, что родителей себе она выбрала крайне непредусмотрительно: у отца ее был известный всему уезду свеклосахарный завод. Даже и это, в сущности, было не так непоправимо: Варваре Сергеевне стоило только отдать свое сердце любому из честных тружеников завода — и ее биография очистилась бы, как углем очищается сахар-рафинад. Вместо этого она совершила вторую ошибку: она вышла замуж за Столпакова, увлеченная его гвардейскими рейтузами и исключительным талантом — пускать кольца из табачного дыма.

Атлетическое, монументальное сложение Варвары Сергеевны было причиной того, что третья ее ошибка произошла почти для нее незаметно, когда она в столпаковском лесу нагнулась сорвать гриб. Нагнувшись, она ахнула, а через четверть часа в корзинке для грибов лежала эта ее ошибка — пола мужского, в метрике записан под именем Ростислава.

5

РАССКАЗ

Из других письменных материалов для истории сохранился также еще один документ, составленный в день отбытия Столпакова-отца на германский фронт. В этот день кучер Яков Бордюг привел из монастыря всем известную монашку Анну, и полковник Столпаков продиктовал ей:

— Пиши расписку: «Я, нижеподписавшаяся, монашка Анна, получила от г-жи Столпаковой 10 (десять) рублей, за что обязуюсь класть ежедневно по три поклона за мужа ее, с речательством, что таковой с войны вернется без каких-либо членовреждений и с производством в чин генерала».

Этот трудовой договор монашка Анна выполнила только наполовину: в генералы Столпакова действительно произвели, но через неделю после производства немецкий снаряд снес у Столпакова голову, вследствие чего Столпаков не мог уже пускать табачных колец, а стало быть и жить.

Газету с известием о безголовьи Столпакова с завода привез все тот же кучер Яков Бордюг. Если вы вообразите, что у нас на Невском землетрясение, Александр III уже закачался на своем коне, но все-таки еще держится и геликонным голосом кричит вниз зевакам: «Чего не видали, дураки?» — вам будет приблизительно ясно, что произошло в столовой, когда Варвара Сергеевна прочитала газету. Все качалось, но она изо всех сил натянула поводья и крикнула Якову:

— Ну, чего не видал, дурак? Иди вон!

Яков вышел, и только тогда в тело Александра III вернулась нежная женская душа, Александр III стал монументальной свеклосахарной Мадонной, на коленях у нее сидел сын, и Мадонна, рыдая, говорила нежнейшим басом:

— Ростислав, столпаченок мой, единственный...

С тех пор — был только он, единственный, и его собственность. Согласно учению Макса Штирнера и Варвары Столпаковой — его собственностью был весь мир: за него люди где-то там сражались, на него работал столпаковский завод, ради него была монументально построена грудь Варвары Сергеевны — этот мощный волнолом, выдвинутый вперед в бушующее житейское море для защиты Ростислава.

Единственному было десять лет, когда в столпаковской столовой вновь случилось землетрясение.

Эпицентром, как и в первый раз, оказался кучер Яков Бордюг. Громыхая стихийными, танкоподобными сапогами, он подошел к столу, положил перед Варварой Сергеевной газету.

Совершенно неожиданно из газеты обнаружилось, что одновременно произошли великие события в истории дома Романовых, дома Столпаковых и дома Бордюгов: дом Романовых рухнул, госпожа Столпакова стала гражданкой Столпаковой, а Яков Бордюг — заговорил. Никто до тех пор не слышал, чтобы он говорил с кем-нибудь, кроме своих лошадей, но, когда Варвара Сергеевна прочла вслух потрясающие заголовки и остановилась, — Яков Бордюг вдруг произнес речь:

— Это выходит... Это, стало быть, я теперь вроде... это самое? Вот так здра-авствуй!

Возможно, что эта была — в очень сжатой форме — деклара-

ция прав человека и гражданина. Как мог ответить на декларацию Александр III? Конечно, только так:

— Молчи, дурак, тебя не спрашивают! Иди, запрягай лошадей — живо!

Человек и гражданин Яков Бордюг почесался — и пошел запрягать лошадей, как будто все было по-старому. Мы склонны объяснить его поступок действием многолетнего, привычного условного рефлекса. Когда Яков доставил в город Варвару Сергеевну, ее единственного и два чемодана, он в силу того же рефлекса распряг лошадей, засыпал им овса — и вообще остался при лошадях.

В эту ночь свеклосахарные мужики сожгли столпаковский дом и завод. У Варвары Сергеевны сохранилось лишь то, что она привезла с собой в чемоданах, и то, что лежало у нее в сейфе. Тогда для хранения ценностей еще не были изобретены сейфы антисейсмической конструкции, как-то: самоварные трубы, ночные туфли, выдолбленные внутри поленья. Поэтому все содержимое сейфа Варвары Сергеевны в октябре было поглощено стихией.

Ей пришлось отступить на заранее заготовленные позиции — в мезонине у часовщика Давида Морцинкера. Лошадей и экипаж она приказала продать в спешном порядке.

Яков Бордюг выполнил эту операцию в первый же базарный день — в воскресенье. Вечером он, как каменный гость, прогромыхал по лестнице на мезонин, — выложил перед Варварой Сергеевной керенки, николаевки, думки, — и сказал:

— Ну... благодарим, прощайте.

В ответ — разгневанный императорский бас:

— Что-о-о? Иди, дурак, лучше в кухню — самовар пора ставить.

Бордюговские сапоги шаркнули вперед, назад, остановились: их душевное состояние несколько секунд было неустойчивым. Но условный рефлекс еще раз одолел: Яков Бордюг пошел ставить самовар.

И дровами, самоварами, печами — он занимался в течение трех следующих глав.

## 2

В законе наследственности есть некая обратная пропорциональность: у гениальных родителей дети — человеческая вобла, и наоборот. Если у генерала Столпакова были только табачные кольца и ничего больше, то естественно, что у Ростислава оказался настоящий талант. Это был талант к изливающимся в трубы бассейнам, к поездам, вышедшим навстречу друг другу со станций А и Б, и к прочим математическим катастрофам.

Общественное признание этот талант впервые получил в те дни, когда судьба, демонстрируя тицету капитализма, всех сделала одновременно миллионерами и нищими. В эти дни Варвара Сергеевна продала Давиду Морцинкеру три золотых десятки, и надо было это перевести на дензнаки. Бедная морцинкерова голова, размахивая оттопыренными крыльями-ушами, нес-

лась через астрономические пространства нулей, пока окончательно не закружилась.

— Дайте-ка мне,— сказал Ростислав.

Он нагнул над бумажкой криво заросший черным волосом лоб. Минута — и все было готово: бесконечность была побеждена человеческим разумом. Морщинкер воскликнул:

— Так вы же, госпожа Столпакова, имеете в этой голове какой-нибудь клад! Это же недалекий будущий профессор!

Слово это, наконец, было сказано: профессор. Рукою бедного часовщика был зажжен маяк, осветивший весь дальнейший путь Варвары Сергеевны. Она теперь знала имя бога, какому она принесет себя в жертву.

Упоминание о боге, хотя бы и не с прописной буквы,— в сущности, неуместно: сама жизнь в те годы вела всех к твердо-му научно-материалистическому мировоззрению. И Варвара Сергеевна усвоила, что талант составляется из ста двадцати частей белка и четырехсот частей углеводов, она поняла, что пока, до времени, только подвигов более героических, она может служить науке, только снабжая будущего профессора хлебом, жирами и сахаром.

Сахару не было. В бессахарном мезонине Яков Бордюг растапливал печку. У Варвары Сергеевны в груди материнское сердце скреблось, как крот, слепо отыскивая путь к сахару. На Якове Бордюге была надета стеганая солдатская безрукавка.

— Поди сюда! — вдруг скомандовала Бордюгу Варвара Сергеевна. — Стой... Снимай! — она ткнула пальцем в безрукавку. — Так. Можешь идти.

Яков Бордюг ушел. Безрукавка осталась у Варвары Сергеевны. Зачем все это было — пока никому непонятно.

Через неделю Варвара Сергеевна сидела в вагоне. Заря — упитанная, розовая, буржуазная, еще во времена Гомера занимавшаяся маникюром — с любопытством смотрела в окно. Возле окна, на мешках три гражданки спали кооперативно, кустом: приткнувшись одна к другой лбами. Над ними, качаясь, свешивалась рука с багажной полки, торчали чьи-то забытые руки из-под скамьи. Все руки — красные от зари и от холода, но Варваре Сергеевне тепло: на ней та самая безрукавка Бордюга, густо простеганная... чем бы вы думали? Гагачьим пухом? Ватой? Нет: сахарным песком. Кроме того, ее материнское сердце согрето и еще кое-чем, о чем мы пока говорить не вправе. Какой-нибудь час — и она дома, сама обо всем расскажет Ростиславу. Только бы благополучно проехать последнюю станцию...

Варвара Сергеевна осторожно запахнула на груди безрукавку — так осторожно, как будто вот сейчас ее бюст вспорхнет и улетит. На скамейке напротив старичок неизвестного пола (бабья кацавейка и борода) понимающе взглянул на бюст, осенил себя крестным знаменем и сказал:

— Пронеси, Господи! Подбъезжаем...

Погрозив хоботом, мелькнула в окне водокачка. Кооперативные гражданки вскочили. Кто-то сзади Варвары Сергеевны открыл окно и испуганно ахнул: «Идут!» Под окном на станций



запел петух — видимо, молодой: он знал только полпетушиной строфы. Но и этой половины было довольно, чтобы Варвара Сергеевна похолодела. Она торопливо командовала:

— Закройте окно!

Никто не шевельнулся, все примерзли к своим корзинам, мешкам, чемоданам, портпледам, баулам: в вагон уже входили они, заградилорцы. Впереди шел веселый, тугощекий парень морковного цвета, сзади — три бабовидных солдата с винтовками на веревочках.

— Ну-ну, граждане, веселей — расстегивайся, распоясывайся! — крикнул морковный парень.

За окном молодой петушок опять начал — и опять сорвался на половине строфы, как начинающий поэт. Если б можно было встать и закрыть окно...

Но уже рядом стоял морковный парень и, прищурясь, глядел на одну из кооперативных гражданок.

— Ты что, тетка, из Киева, что ли — из киевских пещер?

— Нет, что ты, батюшка, я из Ельца.

— А почему же у тебя глава мироточивая?

Чудо совершалось на глазах у всех: ситцевый платок у гражданки был сзади чем-то пропитан, что-то стекало у нее по щеке...

— Ну-ка, снимай, снимай платок! Ну-ка?

Гражданка сняла: там, где у древних женщин полагалось быть прическе, — у гражданки была прическа из сливочного масла в воценой обертке...

— А у вас? — морковный парень повернулся к Варваре Сергеевне.

Она сидела монументально, выставив, как волнолом, могучую грудь, как будто еще более могучую, чем всегда. Она молча, императорским жестом, показала на раскрытую козровую сумку, там были только законные вещества.

— Это все? — парень остановился и острым мышинным глазом стал вгрызаться в Варвару Сергеевну.

Она приняла вызов. Она шла в бой, в конце концов, ради чистой науки. Она подняла голову, посмотрела на врага и впустила его в себя, внутрь — как будто внутри ее не было ни сахара, ни...

— Ку-кка-рекс... — опять запнулся начинающий петушинный поэт за окном.

— Да закройте же... — начала Варвара Сергеевна и не успела кончить, как в вагоне произошло новое чудо: в ответ петуху за окном... запел бюст Варвары Сергеевны. Да, да, бюст: заглушенное кукареку сперва из левой, потом из правой груди...

Разоблачитель чудес с торжеством вытаскивал оттуда — левого и правого — молодых петушков. Кругом кудахтали от смеха. Госпожа Столпакова была, как послереволюционный Александр III: внизу кем-то вырезана позорная надпись, но он делает вид, что не знает о ней — но зато знает что-то другое.

Это другое — был сахар: стеганную сахаром безрукавку Варвара Сергеевна все-таки довезла.

И вот уже затихли бои, созданием мирных ценностей занялась вся республика — в том числе, конечно, и Варвара Сергеевна. Ее ценности были: наполеоны, эклеры, меренги, бисквиты.

С корзинкой в руках она воздвигалась на базарной площади, где, понятно, уж всем была известна чудесная история о поющем бюсте. Сбоку или сзади тотчас же раздавалось: «Ку-ккаре-ку!» — это человеческие петушки, как зарю, приветствовали Варвару Сергеевну.

Однажды петушье пение, едва начавшись, оборвалось. Варвара Сергеевна оглянулась и увидела над толпою — над всеми головами — чью-то одну голову на тончайшей, жердяной шее, чьи-то руки, погружающиеся в волны мальчишек. Затем покоритель мальчишек подошел к ней:

— Вы меня помните? Я — Миша.

Варвара Сергеевна сейчас же вспомнила: это был сын бывшего предводителя дворянства — тот самый, какой играл теперь на трубе в ресторане Наршита. Ростом он был даже чуть выше Варвары Сергеевны, но это был только человеческий каркас, не обтянутый мясом, и когда он двигался в толпе, казалось, что — как во времена Марата — добрые патриоты несут эту голову, поднятую на кошке.

Теперь она была рядом — эта трагическая, окровавленная голова — кровь текла из носу и была пролита за Варвару Сергеевну. Варвара Сергеевна, ни секунды не колеблясь, взяла наполеон, отложенный для него, для единственного, для Ростислава, и подала Мише:

— Вот... не хотите ли?

Миша хотел. Он явно хотел не только наполеона, но и Александра III: он как бы нечаянно, робко коснулся могучего бюста, сейчас же извинился. В бюсте у Варвары Сергеевны запело — но уже каким-то иным, не петушиным пением... С этого дня Миша был возле Варвары Сергеевны каждый базар.

Был май, было время, когда все поет: буржуи, кузнечики, пионеры, небо, сирень, члены Исполкома, стрекозы, телеграфные провода, домохозяйки, земля. В мезонине Ростислав, заткнув уши, наморщив косою лоб, сидел над книгой, Варвара Сергеевна — перед раскрытым окном. За окном в сирени пел соловей, в Наршите пела труба. Ростислав держал выпускные экзамены во 2-й ступени — и самый серьезный экзамен начинался для Варвары Сергеевны.

Письменные испытания начались на Троицу утром. Варвара Сергеевна спускалась с мезонина, чтобы идти к обедне. В самом низу темной лестницы она увидела заткнутый за щеколду букет сирени, а к букету была приколоты записка следующего содержания:

«Я к вам — с сиренью, а вы ко мне — с молчанием. Я так не могу больше. Ваш М.».

За обедней Варвара Сергеевна увидела и самого «М.» — Мишу. При выходе из церкви Миша, конечно, оказался рядом

с Варварой Сергеевной. Коллектив верующих тесно прижал их друг к другу, два сердца пели рядом, был май...

— Вы... вы чувствуете: мы — вдвоем? — задыхаясь, сказал Миша.

— Да, — сказала Варвара Сергеевна.

— И я хочу... чтобы мы... вообще вдвоем навсегда... Я играю на трубе в Нарпите, так что я могу... Варвара Сергеевна — да говорите же!

Перед ней мелькнул нахмуренный косой лоб Ростислава единственного... Нет, уже не единственного! Несокрушимый, казалось, волнолом треснул, расселся на две половины, вступивших в смертельную борьбу, и у Варвары Сергеевны не было сил решить сейчас же, за кем она пойдет в этой борьбе.

— Завтра вечером... Приходите... я вам тогда скажу, — ответила наконец Варвара Сергеевна.

Завтра был решительный день для Ростислава: последний экзамен — политграмота. И завтра был решительный день для Варвары Сергеевны.

#### 4

Утром Ростислав убежал, еле хлебнув чаю. К обеду он вернулся, сияя косым треугольником лба: он победил, он выдержал!

— Студент ты мой! Столпаченок мой, един... — Варвара Сергеевна загнулась: нет, уже не единственный...

12

Снизу прибежал поздравлять Морцинкер и даже допущен был для поздравления Яков Бордюг. Утвердившись у притолоки, он начал приветственную речь:

— Как, знычть, вы... вроде, например, лошадь на ярманке... и ежели благополучно продамши и, знычть, хвост в зубы...

Реалистические, рыжие сапоги его ерзали, он искал слов на полу, он мог каждую минуту наступить на них сапогами. От него пахло стихиями, кентавром, потом.

— Ладно, ладно, спасибо... Иди к себе на кухню... — сморщилась Варвара Сергеевна.

Яков Бордюг вышел, громыхая, как танк. Ушастой летучей мышью выпорхнул Морцинкер. В мезонине осталось трое: Ростислав, Варвара Сергеевна — и тень нависшей над ней судьбы. Солнце садилось, тень становилась все длиннее.

Варвара Сергеевна ждала. Ей было узко дышать, она расстегнула пуговицы на груди, она раскрыла окно. Там, на свежих, только что вынутых из комода облаках, лежала заря, краснея от любовных мыслей. Ничего не подозревающий Ростислав читал газету.

Вдруг лоб у него перекосялся, но крикнул, умирая: «Мама!» Варвара Сергеевна бросилась к нему:

— Что ты? Что с тобой? Ростислав!

Он уже ничего не мог сказать, он только протянул ей газетный лист. Она схватила, обжигаясь, — прочла...

В газете была статья о том, что необходимо, наконец, изме-

нить социальный состав студенчества, о том, что в этом году первый раз прием будет происходить на новых основаниях, о том, что...

Не нужно было дальше и читать. Все было так же ясно, как ясен был социальный состав Ростислава. Все для него поггло.

Как капли холодного пота, на небе проступали звезды, в ресторане Нарпита зажигались огни. Вошел Яков Бордюг, громыхнул на столе самоваром и стал у притолоки. Варвара Сергеевна молча смотрела на него: пусть стоит, все поггло... она молча смотрела...

Вдруг она встала, воскресла: нет, не все!

Тотчас же снаружи, под окном — робкий кашель: это он, Миша, пришел за ответом.

— Да... Да! — отвечая этому кашлю или какой-то своей мысли, сказала Варвара Сергеевна. — Да: только это одно и осталось...

Было бы бестактным спрашивать сейчас у Варвары Сергеевны, что такое «это одно», но мы вправе предположить, что Александра III, чистую науку, малонну, мать — все в ней сейчас победила женщина.

Женщина высунулась в окно. Оттуда на нее пахнуло пивом, сиренью, счастьем, оттуда донеслось чуть слышное, как запах, слово «Варечка». В бюсте у нее запело, но сейчас же, на полужазе оборвалось.

— Миша, я не могу сойти к вам... Миша, если бы вы знали, что произошло! Единственное, что мне теперь осталось... — Пауза. И затем самым нежнейшим из всех своих басов: — Ведь вы меня... любите? Да? И вы сделаете для меня все?

— Варечка!

— Тогда приходите сюда завтра в десять, и прямо отсюда же пойдем...

— В загс? — крикнул Миша.

— Как вы догадались? — удивилась Варвара Сергеевна.

Казалось бы, догадаться было нетрудно, и скорее удивительно было, что она удивилась. Но кто поймет до конца женскую душу, где — как буржуазия и пролетариат — рядом живут мать и любовница, заключают временные соглашения против общего врага и снова кидаются друг на друга? Кто знает, о чем, спустившись вниз, говорила она с Морцинкером и даже — с Яковом Бордюгом? Кто объяснит, почему к утру подушка ее была мокрой от слез?

## 5

Ночью шел дождь. День настал свежий, обещающий, как новая глава. Ростислав еще спал, когда Варвара Сергеевна вышла из дому на улицу. Там уже ждал ее Миша, он сиял счастьем, крахмальным воротничком. Он только что хотел спросить Варвару Сергеевну, как из калитки вышел Морцинкер, а за ним — Яков Бордюг. Миша понял: свидетели для загса. Морцинкер был в сюртуке, из Якова Бордюга был новый синий

картуз — он налезал на уши, на глаза, до времени прикрывая таинственность Бордюга.

Варвара Сергеевна вытерла платочком ресницы — быть может, вспомнила Столпакова, табачные кольца, рейтузы... Это была последняя минута слабости. Затем она выпрямилась и повела за собой армию в бой.

Загс помещался теперь в «розовой гостиной» бывшего земства. Ничего либерально-розового там теперь уже не было, стояли голые столы, на стене висел строгий плакат: «Просят отнюдь граждан на столах не разлагаться». И под плакатом сидел человек, в кепке, как судьба — одинаково равнодушный к разложению, к смерти, к любви и к прочим гражданским состояниям.

— Вступаете в брак? — сказал он, закуривая папиросу. — Невеста? — Он взял у Варвары Сергеевны документ, перелистал. — Гм... Ростислав, семнадцать лет... Гм... Ваш сын?

Это было началом генерального сражения. Варвара Сергеевна стояла твердо, неизбежно, как Александр III. Она оглянулась, ее взгляд был императорским, императивным.

И подчиняясь ему, Яков Бордюг подошел к столу и сказал:

— То есть... это — вроде как мой...

— Как? — человек за столом даже выронил папиросу.

— Да, — твердо сказала Варвара Сергеевна. — Хотя он и записан как сын Столпакова, но он прижит мною от бывшего... от гражданина Якова Бордюга, который его усыновляет в виду нового строя и вступления со мною в брак.

— Как? — крикнул сзади Варвары Сергеевны Миша.

— ...и вот эти двое граждан, — Варвара Сергеевна показала на Морщинкера и Мишу, — подтверждают мои слова.

Она еще раз оглянулась. Обрезанная белым воротничком Мишина голова. Его посинелые губы еле выговорили:

— Да... Подтвер... ждаю...

— Да, и я говорю тоже — да, — подлетел к столу Морщинкер.

Человек в кепке вынул из чернильницы муху, обмакнул перо, записал. Ростислава Столпакова больше не было: родился Ростислав Бордюг, теперь уже бесспорно — студент и будущий профессор.

Когда вернулись на мезонин (втроем — Миша туда не пошел), Варвара Сергеевна сказала Якову Бордюгу:

— Ну, спасибо, Яков. Ты больше не нужен, иди... Иди к себе на кухню.

Но рыжие танки сапог не двигались, новый синий картуз прикрывал глаза, пахло кентавром, потом.

— Иди же, ставь самовар, — сморщилась Варвара Сергеевна.

Картуз вдруг соскочил с головы и полетел на кровать Варвары Сергеевны, Яков Бордюг с грохотом сел на стул, прогребил пятерней караковые лохмы и сказал:

— Иди ставь сама.

Молчание. С раскрытым ртом, онемевший Александр III.

— Ты кто мне теперь, — жана. Ну, так и иди ставь. Слышишь, что я говорю.

Самодержавие пало. Мученица науки пошла ставить самовар.

КОНКУРС

ДНОГО  
СТИХОТВОРЕНИЯ

ИВАН ВАСИЛЬЦОВ  
ТАТЬЯНА ОЛЕЙНИК  
АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

АНДРЕЙ СИЛАЕВ  
ЛЕОНИД ПУЗИН  
ВЯЧЕСЛАВ ПОПОВ

**ИВАН ВАСИЛЬЦОВ,**  
16 лет, учащийся, Саратов

—  
Душа, как столб, заземлена,  
Ее цветы суровы,  
Она —  
где зреют семена  
И где мычат коровы.

И за душой богатства нет,  
Есть розовая стружка,  
Земля, семья,  
велосипед  
Да вечная ватнушка\*.

Да зеркальце, как озерцо,  
Куда смотреть —  
не дело:  
Степнячки гордое лицо  
До кости прочернело.

Да непонятный далей зов,  
Тоску попробуй скрой-ка...

\* Ватнушка — телогрейка, ватная стеганка.

Да темный час до петухов,  
Когда на ферме дойка.

Деревня. Степь. Скупы сады.  
Зато поля — без края.  
Здесь жизнь, как формула воды,  
Обманчиво-простая.

**ТАТЬЯНА ОЛЕЙНИК,**  
19 лет, студентка, Москва

Жить по особым нравственным законам,  
Глядеться в зеркальце из тусклого свинца,  
Беспечно наблюдать, как скачут кони,  
Дарить возлюбленным часы и месяца,

Писать, цenia каноны орфографии,  
Десятки смыслов придавать словам  
И требовать с поэтов эпитафии  
Спаленным при завивке волоскам.

**АЛЕКСАНДР КАБАНОВ,**  
22 года, студент, Киев

Играла женщина в пивной  
за полюбовную зарплату,  
и поцарапанной спиной  
мне улыбалась виновато.  
Дрожа в просаленном трико,  
под черным парусом рояля,  
слегка напудренным кивком  
на плечи музыку роняя.  
Играла, словно мы — одни,  
забыв на миг пивные морды,  
и пальцами делила дни  
на черно-белые аккорды.  
Над чешуей в клочках газет  
привычно публика рыгала,  
и в одноместный туалет  
тропа бичами зарастала.  
И в лампочке тускнела нить, —  
теряя медленно сознание, —  
как будто можно изменить  
нелепой смертью мирозданье.  
Играла женщина.  
И жаль  
ее мне было за улыбку,  
а под подошвою педаль  
блестела золотою рыбкой.

**АНДРЕЙ СИЛАЕВ,**  
17 лет, школьник, Москва

---

Город-пленник тяжелой атмосферы.  
Нависает марево тумана.  
Словно раб истерзанный с галеры —  
Редкий путник. Озираясь странно,  
Он бредет, подавленный и зыбкий,  
Поскорей стараясь оказаться  
Под электроламповой улыбкой,  
Там, в квартире, храбрости набраться,  
Посмотреть сквозь стекла в мутный вечер,  
Насмехаясь над неясным светом,  
И, расправив узенькие плечи,  
Снова возомнить себя поэтом...

**ЛЕОНИД ПУЗИН,**  
35 лет, художник, Москва

---

Чур, меня, Родина, чур —  
кровавой рукой за горло  
не надо хватать. Молчу  
и без того как мертвый.  
Чур, меня, Родина, чур —  
не заласкай до смерти:  
молюсь я и жгу свечу,  
чтоб не забрали черти,  
которых давно из ада  
ты призвала служить.  
Не надо меня, не надо,  
рано еще душить!  
Дай надыхаться гнилью  
с детства родной до слез,  
цветочной пыльцой и пылью  
всяческих производств.  
Чур, меня, Родина, чур,  
избавь от своей заботы.  
Любви твоей не хочу —  
мне еще жить охота!

**ВЯЧЕСЛАВ ПОПОВ,**  
24 года, студент, Тарту

---

Стоять в кругу невидимых стволов,  
привычно полагая центром круга  
свой темный лик, где некий птицелов  
раскинул сеть душевного недуга.  
Хотя, быть может, душеньке твоей  
удобно думать, глядя против света,  
что эта сеть — всего лишь тень ветвей,  
и песня птички все еще не спета.

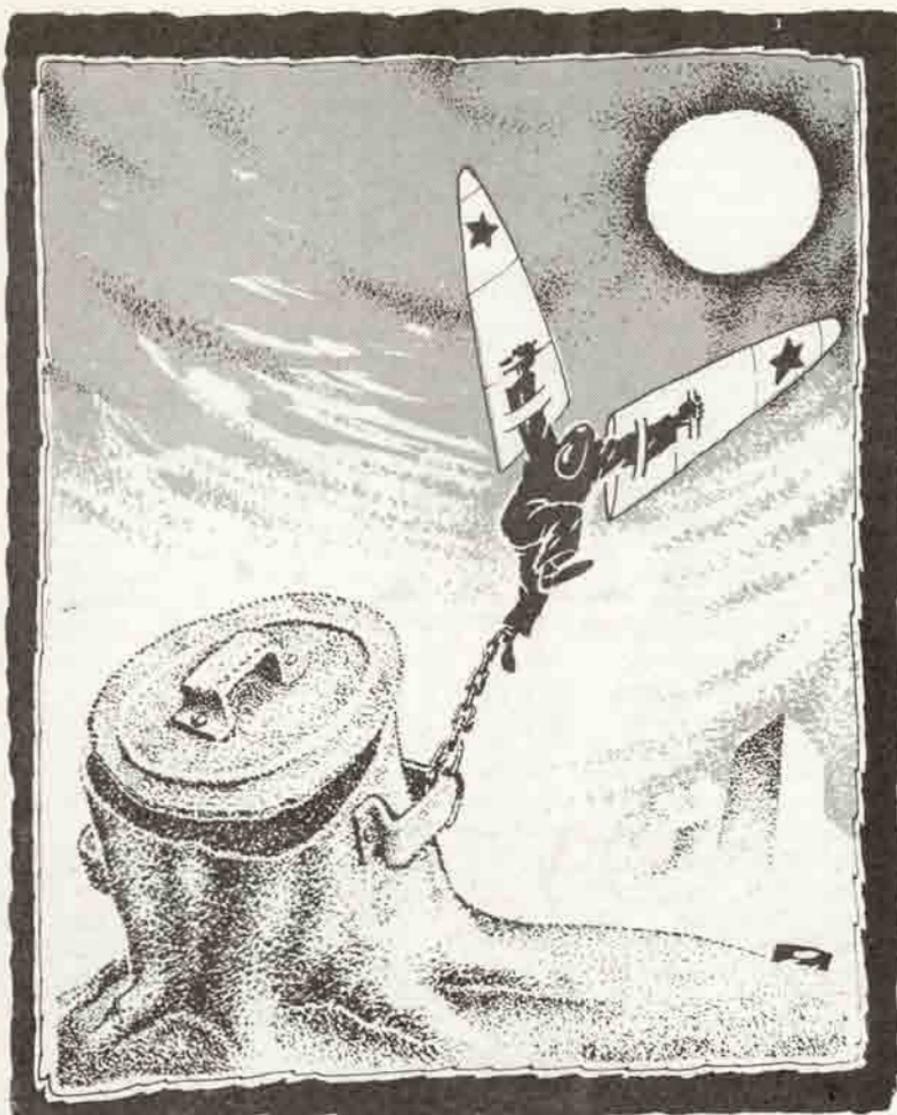
**ВЯЧЕСЛАВ БОГУСЛАЕВ,**  
генеральный директор  
запорожского  
производственного объединения  
«Моторостроитель»

# НУЖНО ЛИ РЕЗАТЬ КУРИЦУ, НЕСУЩУЮ ЗОЛОТЫЕ ЯЙЦА?

Этот, на первый взгляд, риторический вопрос невольно возникает в связи с острыми проблемами конверсии. Казалось бы, все предельно ясно: после сокращения ассигнований на оборону высвобождаются мощности, которые надо перевести на выпуск нужных народу изделий. Однако не все так просто...

Отечественное авиадвигателестроение — одна из немногих отраслей, выпускающая продук-

цию, ничем не уступающую лучшим зарубежным аналогам. В настоящее время только четыре страны, в том числе и СССР, могут самостоятельно вести полномасштабную разработку и производство авиационных двигателей любого назначения. Наша отрасль — одна из самых наукоемких. Мы многое можем, и планировать нам выпуск кастрюль, ложек, вилок, ножей?! А такие приказы продолжают поступать сверху.



И мы обязаны подчиняться...

Думаете, у нас слишком много отходов для выпуска кастрюль? Значит, не знаете, какие материалы мы применяем. Скажем, жаропрочный литейный сплав — он в сотни раз дороже обычного. И вообще зачем нужна кастрюля, выдерживающая 900 и более градусов?

Правда, используем мы и обычные сорта нержавеющей стали. Но при правильном раскрое отходов

почти не бывает. Да и не пора ли нам прекратить снабжать народ товарами, сделанными из отходов? Ведь хорошего качества в таком случае не добьешься.

Предвижу возражения: мол, не хотят моторостроители думать о нуждах людей. Но давайте разберемся, так ли это на самом деле. Что, у нас уже нет очередей за авиабилетами и каждый может полететь куда и когда хочет? По явно заниженным данным Мини-

стерства гражданской авиации, неудовлетворенный спрос на внутренних авиалиниях оценивается в пределах 15—20 процентов. А в аэропортах простаивает множество самолетов. Одна из главных причин — нехватка действующих двигателей и запчастей к ним. И при этом требовать от нас кастрюль?

Известно, что МГА неоднократно ставило вопрос об увеличении выпуска более совершенных и экономичных самолетов, а также новых двигателей к уже имеющемуся парку. До последнего времени мы мало чем могли помочь Аэрофлоту: слишком большим был объем военных заказов.

Но сегодня-то этот объем сокращается на 20 процентов! К сожалению, конверсия пока направлена не столько на удовлетворение потребностей авиапассажиров, сколько на создание оборудования для легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства, медицины и расширения производства товаров народного потребления.

Неужели не ясно, что уж коли мы имеем большой задел в военной технике, то должны создавать самые современные двигатели для нашего самолетного и вертолетного парка? Вполне возможно, например, переделать военные двигатели для гражданской авиации. Кстати, так делают, и весьма успешно, во многих странах. Второе направление — давать вторую жизнь отработавшей свой ресурс технике. И в этом вопросе конверсия для нас — не будущее. Скажем, производим автоматизированные передвижные электростанции — в них используются списанные «с крыла» авиадвигатели.

Список можно продолжить. Мы выпускаем установки для бурения глубоких скважин, компрессоры высокого давления, установки для дозированного направленного опыления сельскохозяйственных

растений, специальные котлы для предприятий химчистки...

Короче говоря, мы можем и должны делать машины, близкие нам по профилю. Только тогда будет настоящая польза. Планирующие органы должны помнить, что эффективность одного часа рабочего времени в авиапромышленности в 50—70 раз выше по сравнению с производством на тех же мощностях товаров народного потребления.

Кроме того, не надо забывать, что ни одно авиа- или моторостроительное предприятие не может в один день перейти на продукцию массового спроса. Требуется перестраивать производство, доставать новые материалы. На все это нужны время и многомиллионные расходы.

Нельзя сбрасывать со счетов и еще одну важную проблему, характерную для всех стран с развитым военно-промышленным потенциалом. Я имею в виду сохранение рабочих мест, квалифицированных специалистов. Лучшие уходят, не желая производить примитивный ширпотреб, ощутимо терять в заработке.

Один пример из нашей собственной практики. Приходит в объединение разрядка: начинайте выпускать чесальные машины. Основное в них — литой чугун. Не можем мы заниматься подобным делом в цехе, где магниевую сталь обрабатываем! Пришлось создавать новое производство.

Но и это еще не все. Решили узнать, где подобные машины выпускаются. Оказалось, в Орле и Иванове. Поехали туда, чтобы опыт перенять. А там как узнали, что мы авиадвигатели, так глаза от удивления выпучили. Мол, вам-то эти агрегаты зачем? Объяснили — приказ выполняем. Они еще больше удивляются: мы, говорят, и сами-то загружены всего на 80 процентов!

Сколько я ни стучался в различные вышестоящие двери,

сколько ни объяснял, что ошибка вышла, все без толку. И виноватого не нашли, и приказ не отменили. Так и пришлось нам заниматься этими самыми чесальными машинами. Но сколько сил нам стоило уговорить рабочих идти на это производство!

А теперь конкретное предложение, основанное на собственном опыте. Раз уж нельзя «отбиться» от ложек-кастрюль и прочего ширпотреба, надо заниматься этим совершенно иначе. Нужна специализация! Не так давно мы «приобрели» один заводик в другой области. Послали туда своего директора, главного инженера, специалистов. Они привнесли туда совсем другое отношение к труду и производству, нашу дисциплину, высокую технологию. И сегодня уже наладили выпуск различных инструментов, ключей.

Теперь в нашей фирме шесть заводов, расположенных друг от друга нередко за тысячи километров. Три из них мы перепрофилировали на выпуск бытовых товаров. В общем объеме они составляют уже около 12 процентов. Причем эта новая продукция отличного качества. Потому что к каждому из наших изделий мы подходим так же, как и к авиадвигателям: авторский контроль и помощь обеспечиваются до самого последнего дня эксплуатации. Быть может, это хлопотно, но не хотим даже в мелочах отступать от высокой марки «Моторостроителя».

Скажите, нам проще наладить специализированное производство, поскольку в объединение входит несколько заводов? А кто мешает другим обрести филиалы? В стране более 20 тысяч нерентабельных предприятий. Вот я и считаю, что подобные предприятия необходимо передать объединениям и заводам Минавиапрома, где высокая технологическая культура, большая производительность, крепкая дисциплина.

Именно там мы и должны налаживать выпуск товаров народного потребления, а не отвлекать на это дело основные мощности.

Есть, правда, еще один путь, на мой взгляд, тоже правильный. Один двигатель на мировом рынке стоит до 6 миллионов долларов. Когда были сняты некоторые ограничения на внешнюю торговлю, мы продали несколько двигателей за рубеж, а на вырученную валюту закупили товары массового спроса. А нас за это... отругали и обвинили в местничестве. Дело в том, что эти товары продавались только в магазинах нашей области. Ну а кое-кто из начальства решил, что мы должны были бы сдать их в «общую копилку». И уж куда они потом поступят — не наше дело.

Долго мне доказывали, что поступили мы неправильно. Но почему? Разве это не международное разделение труда, деловое сотрудничество, к которому, как мы знаем, стремится сегодня весь мир?

Конверсия — это не просто переход на выпуск гражданской продукции. Это большая открытость и гласность в ранее засекреченных отраслях, существенное расширение международного экономического, научно-технического сотрудничества и, как следствие, объединение усилий для решения крупных общечеловеческих проблем. Конверсия — это также передача научно-технических достижений оборонных отраслей гражданским. Только при таком понимании конверсии прилавки магазинов будут завалены отличными высококачественными товарами.

Так что давайте не будем резать курицу, несущую золотые яйца!

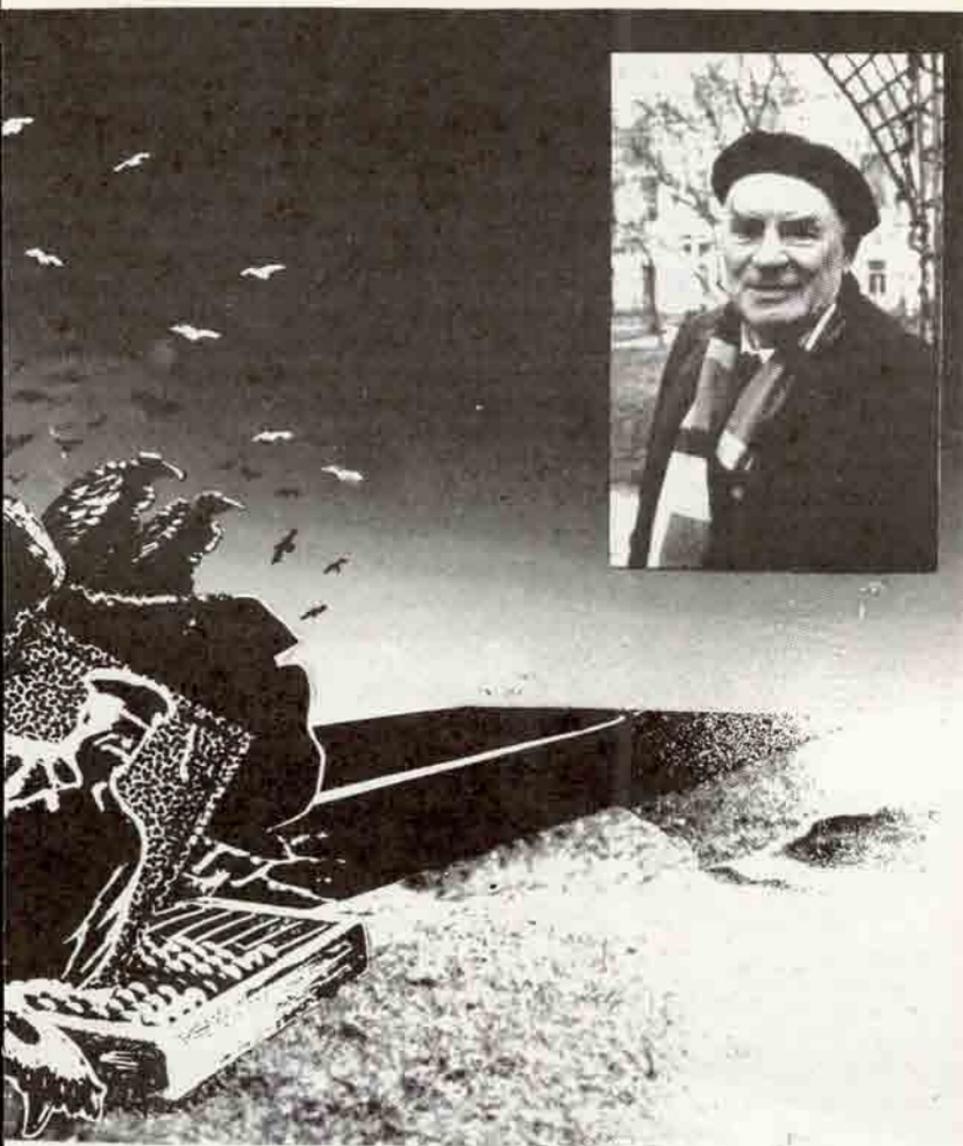
**Записал Г. МАКСИМОВИЧ.**

Коллаж АЛЕКСЕЯ МЕРИНОВА



# МАШИНЫ

ЧТО ОН НЕСЕТ ЛЮДЯМ?



**ВЕК.**

Об этом  
размышляет  
академик  
**ЛЕВ КОШКИН**  
в беседе  
с корреспондентом  
«Смены»  
**ВЛАДИМИРОМ**  
**АНИСИМОВЫМ.**

**Лев Николаевич Кошкин, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, более полувека работает в оборонной промышленности. Возможно, «закрытостью» отрасли объясняется его сравнительно редкое появление в прессе и на телевидении. Известен главным образом как создатель принципиально нового класса машин — роторных и роторно-конвейерных линий. До недавнего времени являлся генеральным директором межотраслевого научно-технического комплекса. Сейчас — почетный генеральный директор. Но эта должность — не синекюра. Л. Н. Кошкин по-прежнему принимает самое непосредственное участие в разработке новой техники.**

— *Лев Николаевич, вы работаете на предприятии с 1937 года. Знаете, сама эта дата вызывает определенные ассоциации...*

— Нет, репрессии тридцатых годов меня и мою семью каким-то образом миновали.

— *Сказалась специфика вашей отрасли?*

— Не думаю. И у нас людей забирали, уничтожали. А я в тридцать седьмом только-только институт окончил. Наверное, еще не успел «навредить». А потом, где-то году в сороковом, я сделал первую роторную машину. На нее обратил внимание нарком оборонной промышленности Дмитрий Федорович Устинов и выдвинул меня на Сталинскую премию. Я получил ее в первый год войны и отдал на строительство танка. О чем известил телеграммой Сталина, которого считал тогда отцом родным, и прочел его благодарность в «Правде». Возможно, и это сы-

грало свою роль. Танк построили, я даже некоторое время переписывался с экипажем. Позже переписка вдруг оборвалась. Значит, погибли ребята...

— *Лев Николаевич, я только что из цеха, видел ваши роторные линии в действии. Двойственное впечатление... С одной стороны, нельзя не поражаться скорости, слаженности действий всех механизмов. Но когда видишь этот бесконечный поток патронов, невольно озноб берет. Как представишь, на что направлена ваша техника, на что устремлена конструкторская мысль...*

— Я буду счастлив, когда наше производство окажется ненужным... Но существуют объективные закономерности прогресса. Еще Энгельс сказал, что именно военная промышленность будет показывать путь развития техники. Его слова полностью подтверждает вся мировая практика. А наша

роторная техника применяется теперь и на множестве гражданских заводов.

— Конверсия затронула и ваше предприятие?

— Конечно. Мы передаем другим отраслям самую современную технологию. За последние два с половиной года обследовано 233 производства в 44 городах. Выделено 4169 наименований деталей, которые можно делать на роторно-конвейерных линиях. И это только начало. Поэтому наращиваем производство таких линий — счет им в стране идет на тысячи.

Кроме того, мы готовим специалистов для всего народного хозяйства. Создаем во многих министерствах специализированные организации с опытным производством...

— Наше время характерно повальным увлечением экономикой. Споры о путях перестройки идут повсюду — от коммунальной кухни до Верховного Совета. Страсти кипят вокруг кооперации, аренды, хозрасчета, собственности, рынка... Проблемы научно-технического прогресса отодвинулись на второй план. А ведь без него никакая перестройка невозможна.

— Смею утверждать, что у нас экономика оторвалась от техники и технического прогресса. Любят все сводить к организационным преобразованиям. И это, конечно, нужно. Но основа основ — сама производственная техника. Поэтому надо начать с того, что же является главным экономическим показателем производственной техники, определяющим весь уклад жизни. Часто говорят: самое важное — повысить производительность труда. Однако это недостаточно точный показатель, он может приводить к грубейшим ошибкам. Вот перед вами две машины. Одна делает сто деталей

в минуту, вторая — двести. Какая лучше?

— Вторая...

— Но если первая стоит сто тысяч рублей, а вторая — миллион?

— Видимо, в моем ответе сказались стереотипы мышления...

— Надо стереотипы менять на понимание сути дела. Чего мы все хотим? В двух словах — хорошей жизни. А что это такое? Материальная обеспеченность плюс значительно большее свободное время, чем мы сейчас имеем. Так вот, главным показателем, меняющим уклад жизни, является, на наш взгляд, не просто производительность, то есть количество изделий в минуту или час, а общественная производительность труда. Иначе говоря, суммарная выработка на рубль суммарных затрат.

— Как это расшифровать?

— Очень просто. Проектное время работы любой машины определено: год, двадцать лет. Легко подсчитать, сколько тысяч, миллионов операций она произведет за все время эксплуатации. Это и есть суммарная выработка. Ее можно перевести в натуральную продукцию. Если речь идет об обуви, то 100 миллионов операций — это, допустим, миллион ботинок. Но сама по себе данная цифра ничего не говорит. Надо еще учесть, какие необходимы суммарные затраты. Миллион? Десять тысяч?

— Вы имеете в виду стоимость техники?

— Техники, ее эксплуатации, производственной площади. Отношение выработки к затратам, то есть какой ценой вы достигаете желаемого, и есть главный экономический показатель производственной техники. Вопрос: как его повышать?

— Кто против новой техники? Тем не менее, по моим данным,

отечественное гражданское машиностроение не обновлялось почти четверть века.

— Если ставить вопрос о причинах нашего отставания вообще... Основная причина — ни у кого нет заинтересованности двигаться вперед. Личной заинтересованности! Никогда не вывести такой породы человека, который начисто лишен желаний, кроме желания соревноваться, выполнять и перевыполнять. А исходили-то из этого! Поэтому у человека не осталось стимулов к настоящей работе. Впрочем, кое-какие остались: самолюбие, интерес, фанатичное желание что-то делать. Но это бывает довольно редко. И вот, поскольку была узаконена такая идеология — будто стимулы не нужны людям, будто они рождены только для участия в соревновании, для выполнения сплошь и рядом idiotских заданий и проектов, — мы имеем то, что имеем. Когда человек понимает, что активность в работе не улучшает его жизнь... Скажем, если инженер независимо от результатов работы получает свои сто двадцать и нет никаких перспектив, он постепенно скатится на позицию максимальной незатраты труда. Вот в чем вся трагедия.

— Вам удалось довольно много. Что же двигало вами?

— Отчасти самолюбие. И еще желание доказать свою правоту, отстоять то направление развития техники, которое, как я понял, является чрезвычайно важным. Речь идет о новом классе машин.

Маркс говорил: экономические формации различаются не тем, **что** производится, а тем, **как** производится. Разные формации базируются на разных средствах труда. Одни дают десять тысяч операций на рубль затрат и вызывают необходимость работать по 8—10 часов, имея при этом небольшую

материальную обеспеченность. Другие — миллион операций и короткий рабочий день, материальный достаток. Видите, наш уклад жизни напрямую связан с производственной техникой и ее главным экономическим показателем.

Я понял, что существует определенная закономерность в развитии технологических процессов и технологических машин, которые выполняют эти процессы. Есть четыре класса процессов и соответственно четыре класса машин.

— В чем их различия?

— В самой сущности, определяющей все остальные свойства. Всякая сущность, по марксистской диалектике, есть отношение основных противоположностей. Сущность же машины — это отношение основных противоположных составляющих, а конкретно — отношение между транспортным и технологическим движениями. Транспортное движение — всего лишь перемещение предметов через зону обработки, через машину. А технологическое — то движение, которое что-то делает с предметом: меняет его форму, размеры, поверхность — движение резца, фрезы, штампа. В машинах первого класса отношение между двумя этими движениями — прямое противоречие. Одно движение прерывает другое. Операции могут быть любыми — токарная обработка, вязание, разливка. Но суть одна: пока деталь перемещается — ничего не делается. И наоборот.

У машин второго класса транспортная и технологическая функции совпадают. Какие это машины? Наиболее важные — прокатные. Кстати, я всегда подчеркивал, что капитализм — это прокат. Если установить связи между техникой и укладом жизни, то в докапиталистическую пору они определялись машинами первого класса.

А капитализм связан с прокатом. Почему? Без проката не было бы металлического листа, бумаги, рельсов, труб, проводов... Что бы осталось от капитализма? Связь между техникой и социальными формациями совершенно ясная, непреложная и безоговорочная.

Теперь перейдем к машинам третьего класса. Что может быть, кроме противоречия и единства, между транспортным и технологическим движениями?

— *Компромисс?*

— *Независимость!* Обработка ведется не во время остановки и не во время двух совпавших движений, как в прокате, а в процессе совместного движения предмета и инструмента. Поэтому обрабатывать можно как угодно долго, а транспортировать как угодно быстро. Производительность перестает зависеть от времени обработки. Она определяется скоростью движения предмета. К третьему классу и относятся роторные и роторно-конвейерные машины и линии.

Но независимость здесь еще неполная. Мы еще не можем организовать сплошной и сколь угодно широкий поток деталей. Вот этот остаток противоречия между транспортным и технологическим движениями исчезает в машинах четвертого класса. Но это очень далекое будущее...

Четвертый класс машин возможен только для процессов, в которых орудия действуют пространством. Достаточно поместить предмет в пространство, чтобы он был обработан. Собственно, давно известны процессы четвертого класса: пропитка, окраска, сушка, закалка. Но пока мы умеем только преобразовывать поверхность, структуру предмета. А вот формообразование, сборка... Это действительно дело далекого будущего. Но я берусь утверждать: чело-

вечество освоит эти процессы для многих технологических целей. Что дает основание так утверждать? То, что эти процессы существуют в органическом мире. Рост дерева, рыбы — чего угодно — это процесс четвертого класса. Их же никто не вытачивает, не штампует. Сами растут в пространстве.

— *К такому классу процессов можно, наверное, причислить процесс искусственного выращивания кристаллов?*

— Кристаллы — лишь робкие зародыши этой технологии. В общем, надо так сказать: машины первого класса — наихудшие, четвертого — идеальные.

— *Лев Николаевич, давайте из далекого будущего вернемся в сегодняшний день. Сколько было совещаний, постановлений по научно-техническому прогрессу, сколько давалось заданий выйти на мировой уровень, а все на месте топчемся. Почему безрезультатны все постановления?*

— А потому, что в этот термин — НТП — не закладывалось конкретного, а тем более продуктивного содержания. Да, сказали, что нужно техническое, технологическое обновление. Кто возражает? Нужно, конечно. А в чем оно будет заключаться — никто не подумал. Во что вылилось пожелание обновления? Решили заменять старые машины новыми. В результате колоссальное количество техники, которая могла бы еще работать и работать, было выкинуто. На ее место привезли новенькие машины. Не новые, а именно новенькие. А они сплошь и рядом еще хуже, чем старенькие.

...Я когда-то работал токарем в депо на станции Орел. Был у меня станок фирмы «Бромлей». Он бы мог прослужить еще очень долго. Но попал под «директиву» о техническом обновлении. И станок выкинули. А на его место при-

везли «Догнать и перегнать», ДИП — плохую, неточную копию «Бромлея». Поэтому и сегодняшнее требование технического, технологического обновления неконкретно и неточно, хотя в принципе возразить против него нельзя. Но в чем его смысл? Что на что менять?

— Обычные универсальные станки — на роботы, обрабатывающие центры, ГАПы — гибкие автоматизированные производства.

— Дичайшая чушь!

— Боюсь, вас не поймут...

— Могу объяснить свою позицию. Я рассматриваю машины не по названию, а по сущности. Роботы, обрабатывающие центры — машины первого класса. Этим все сказано! Они несоединимы в автоматические линии, они в принципе не годятся для решения важнейшей задачи — повышения главного экономического показателя.

Все надо рассматривать в движении. Существует объективная закономерность развития технологии, ведущая к процессам и машинам третьего класса. Только такие машины позволяют повысить главный экономический показатель в десятки и сотни раз. А когда этого не понимают, то хотят отделаться новыми названиями вроде ГАПов, обрабатывающих центров. Но суть-то не меняется: это машины наихудшего класса! Такое «обновление», полагаю, делается в угоду конъюнктуре. Конъюнктурщики уже причинили вреда на сотни миллиардов.

— А как же Ивановский станкозавод, прославившийся именно созданием обрабатывающих центров?

— Вы думаете, обрабатывающие центры — шаг вперед? Архинелепая генеральная схема. Конечно, где-то центры могут быть необходимы, но вообще это издевательство над экономикой. На-

стоящему техническому прогрессу свойственно разделение функций: каждый рабочий орган соответствует своей функции. Если это пустяковая сверловка, то должна выполняться легоньким шпинделем. Если следующая операция — тяжелое фрезерование, его надо делать тяжелым, большим шпинделем. А концепция обрабатывающего центра прямо противоречит основополагающей доктрине прогресса: все операции выполняются на одном месте, одним и тем же исполнительным органом.

— Вроде как палят из пушки по воробьям...

— Совершенно верно. Кроме того, обрабатывающий центр делает только часть операций, на нем никогда не кончается обработка. После изделие надо будет, например, красить, закаливать, сушить... Да и производительность низкая. Поэтому и невозможно — вернее, нерационально — соединять такие центры в автоматические линии. Чтобы линия себя оправдала, нужно получать с нее 20, 30, 100 изделий в минуту. А там — одно в час.

— Тем не менее напомню, что роботами, обрабатывающими центрами занимаются и японцы. Дураками их не назовешь. И добились они, между прочим, очень неплохого уровня жизни.

— Они добились всего, между прочим, не за счет роботов и центров. Как раз наоборот — вопреки им. На тех производствах, где подобных «новшеств» нет, они получили такой выигрыш, что намного перекрыли проигрыш на роботах...

До тех пор, пока в науке и технике, ее руководящих кругах не научатся следовать объективной закономерности развития, будут возникать случайные направления вроде роботизации. Сколько в них вбили миллиардов? А теперь, если

роботы где-то и работают, то приносят регулярный убыток.

— Я их видел на нескольких заводах — обычно на специально огороженных площадках...

— Вот и на соседнем с нами заводе поставили такой огороженный робот — он подавал какую-то детальюшку под пресс. Причем пресс с ручным питанием делал сто штук в минуту, а робот, стоящий полсотни тысяч, подает... штук семь!

Вот и спрашиваешь: чего ж вы достигли? Как же, говорят, роботизация! А зачем? Технический прогресс, говорят. А в чем прогресс? Электронику применяем! Для чего? А чтоб прогресс двигать! Тогда давайте и на лопату микропроцессор ставить — вот уж прогресс так прогресс!

— Лев Николаевич, сейчас стало чуть ли не модным говорить о нашем отставании от Запада. Не избежим этой темы и мы. Ведь и впрямь их техника лучше нашей. Если, конечно, не считать отдельных экземпляров отечественной промышленности. Да и лучшие наши станки тоже не совсем наши, так как начинены западной электроникой.

— Наверное, единственное, в чем наше конструкторское бюро опережает Запад, — так это в понимании объективной закономерности, развития технологических процессов и машин. В создании техники будущего мы ближе к цели. Если б у нас это осознали все, от кого зависит научно-технический прогресс! Мы могли бы сделать третий класс машин господствующим и повысить главный экономический показатель так, как повысили в нашей отрасли, — минимум в десять раз.

— Что мешает развивать это направление техники дальше?

— Я уже сказал о непонимании в руководящих научно-техниче-

ских кругах. Кроме того, у нас не всегда простые отношения с другими предприятиями и учреждениями. Недавно изготовлено тридцать линий для производства сосисок. Лишь несколько работают в разных городах. А в Москве мы столкнулись с откровенным противодействием агропрома. Три линии смонтированы на столичных мясокомбинатах, испытаны и... бездействуют.

— Почему?

— Для сосисок без оболочек, в вакуумной упаковке (а именно на такие рассчитаны наши линии), нужен определенного качества фарш, а не сплошное сало или неизвестно что. Но линии были поставлены на маленьких комбинатах, где выбирать бывает не из чего... Впрочем, это частности. При желании можно наладить работу. А желание совсем другое: купить оборудование за границей. Понятно, это интересные, приятные поездки. Вот и купил Мосагропром устаревшее оборудование.

Но главная беда — всеобщая незаинтересованность. Вот сейчас интересная ситуация с одноразовыми шприцами. Минстанкопром должен был изготовить роторно-конвейерные линии для их производства. Но с первого раза что-то не получилось, и они решили сделать простые автоматы. Вроде, чтоб побыстрее. А в Совмин написали письмо, очень любопытное: поскольку эти линии у нас не получаются, значит, они вообще никуда не годны! Словом, делается все, чтобы отбиться от работы над новым оборудованием. А почему? Каждый стремится затратить поменьше сил. Он знает, что лишние затраты сил ничего ему не дадут. Или дадут страшно мало. У нас не созданы условия, не определены твердые законы, по которым человек может зарабатывать сколько

угодно. Господствует представление: нельзя давать никому много зарабатывать. Дескать, это нарушит коренные принципы социализма и приведет к эксплуатации человека человеком.

Все эти вещи надо рассматривать в историческом процессе. Действительно, эксплуатация человека человеком была при рабовладении. В какой-то степени что-то присваивается капиталистом от труда рабочего, хотя рабочий этого не замечает. Самый же страшный вид эксплуатации — как раз та, которую мы сейчас имеем: государственная эксплуатация. Хотя формально человека никто не эксплуатирует, но он ничего от этого не имеет, живет в бедности. Не богатеет и само государство, поскольку заработанное растрачивается на нелепые проекты, ошибочные направления в науке и технике и так далее. Разве не абсурдно такое положение?

— *И все же, имея большие деньги, я могу наживаться на чужом труде.*

— Каким образом?

— *Допустим, найму батрака.*

— Ну и что? Если батрак будет недоволен вами, он уйдет. Он не раб! Что ж вы боитесь наемного труда? Если у вас созрел хороший урожай — нанять работников не смей, пусть лучше добро гибнет, да? И все для того, чтобы не дать вам возможности кого-то «проэксплуатировать», не дать получить несколько сот или тысяч рублей? Можно только удивляться такому примитивному мышлению.

— *Что бы вы предложили, будучи членом Верховного Совета?*

— Отстаивал бы принцип заинтересованности. Идея равенства нелепа. Говорят, нет двух одинаковых колосьев. Людей — тем более. А получают одинаково... Заинтересованность должна быть мощной, безграничной. Не бойтесь

появления миллионеров — такие еще не скоро появятся. Чаще всего заработки будут исчисляться тысячами, десятками тысяч рублей.

Позволю себе пример из собственной жизни, из практики изобретательства, что наиболее мне близко. Роторные линии позволили высвободить около ста тысяч человек.

Годовой эффект — примерно 300 миллионов рублей. А в целом — миллиарды. Конечно, над роторами работали целые коллективы. Но я дал решение. Можно оценить мой вклад хотя бы как один процент эффекта? Наверное, можно. Значит, государство — не в убыток себе — могло бы платить мне три миллиона ежегодно. Однако я за все 50 лет, за все изобретения (а их более полутора сотен) получил примерно 70 тысяч. Или тысячу с небольшим в год. Для меня может возникнуть вопрос: а если заболел или, не дай бог, останусь один, кто принесет хлеба, подаст воды? Мне не хватит платить за обслуживание... Я не заработал на это! Хотя кому-то покажется, что у академиков финансовых проблем не бывает... Что ж тогда говорить о простом инженере? По идее каждый должен иметь возможность заработать на приличную жизнь в старости. А мы делаем ставку на то, чтобы человеку ничего не прибывало. Сводит концы с концами — и ладно. Приходим в ярость при одном лишь слове «нажива». Так что ж, человек должен работать на разорение? А так, кстати, и получается по нашему недомыслию...

— *Кстати, вы говорили, что на ряде предприятий вашей отрасли главный экономический показатель повышен в десять раз. Как же изменился уклад жизни работников? Вдесятеро повысилась зарплата?*

— Конечно, нет. В нашем обществе нет связи между полезностью, результатом труда и его оценкой. Продолжается всеобщая уравниловка. Если что изменилось в отрасли, так это условия, характер работы. Я помню тяжелейший ручной труд — теперь он сводится к обеспечению работы оборудования. Зарплата же растет незначительно. Наверное, и не может произойти десятикратного роста в одной отдельно взятой отрасли. Хотя должна быть прямая связь! Людям надо чувствовать весомую пользу от внедрения прогрессивной техники. Внедрили — получите! Тогда и для других заманчиво будет.

— Надо полагать, с принятием Закона об изобретательстве новаторы станут жить лучше? Вы принимали участие в разработке этого закона?

— Очень давно, на начальном этапе. Холостили его, холостили, всячески резали. Я опасаясь, что и последний вариант, с которым я знакомился, будет удушен финансистами.

— Как же? Ведь теперь изобретатель будет получать значительно большее вознаграждение?

— Да, есть такой пункт. Но дальше в проекте закона идут оговорки, которые могут все свести на нет. Например, выплата вознаграждения не от экономии, которую дает изобретение, а от прибыли предприятия. Подсчитать же конкретный вклад изобретателя в общую прибыль очень трудно. Но самое главное, что в законе заинтересованы только изобретатели. А тем чиновникам, кто по должности обязан следить за исполнением этого закона, в сущности, почти всегда безразлично, будет внедрено изобретение или нет...

— Лев Николаевич, какой у вас был самый продуктивный, творче-

ски интересный период в жизни?

— Начало. Когда складывалась система основных решений, необходимых для создания машин третьего класса. Когда я сформулировал главный принцип: обработка должна вестись в процессе совместного движения предмета и инструмента. Многим это казалось невозможным. Но только такие машины имеют одинаковую производительность на всех операциях, поэтому их можно соединять в автоматические линии.

— Вас волнует, кто придет на смену? Есть у вас молодые единомышленники, способные продолжить дело?

— Единомышленников много. И это квалифицированные специалисты. Но они, к сожалению, тоже в возрасте — всем уже около шестидесяти. А молодые... Давно не приходили с новыми идеями, инициативами. Но ведь мы уже говорили: инициатива и творчество у нас не стимулируются. Психология максимальной незатраты труда закладывается еще в институте, и у студентов нет никаких стимулов рваться к знаниям.

— Как вы относитесь к идее обучения наших будущих инженеров и конструкторов в западных колледжах?

— Думаю, это полезно. В прикладных, конкретных разделах техники там, конечно, есть чему поучиться. Хотя перенести эти знания на нашу почву, возможно, окажется трудно.

# XXI СЪЕЗД ВЛКСМ

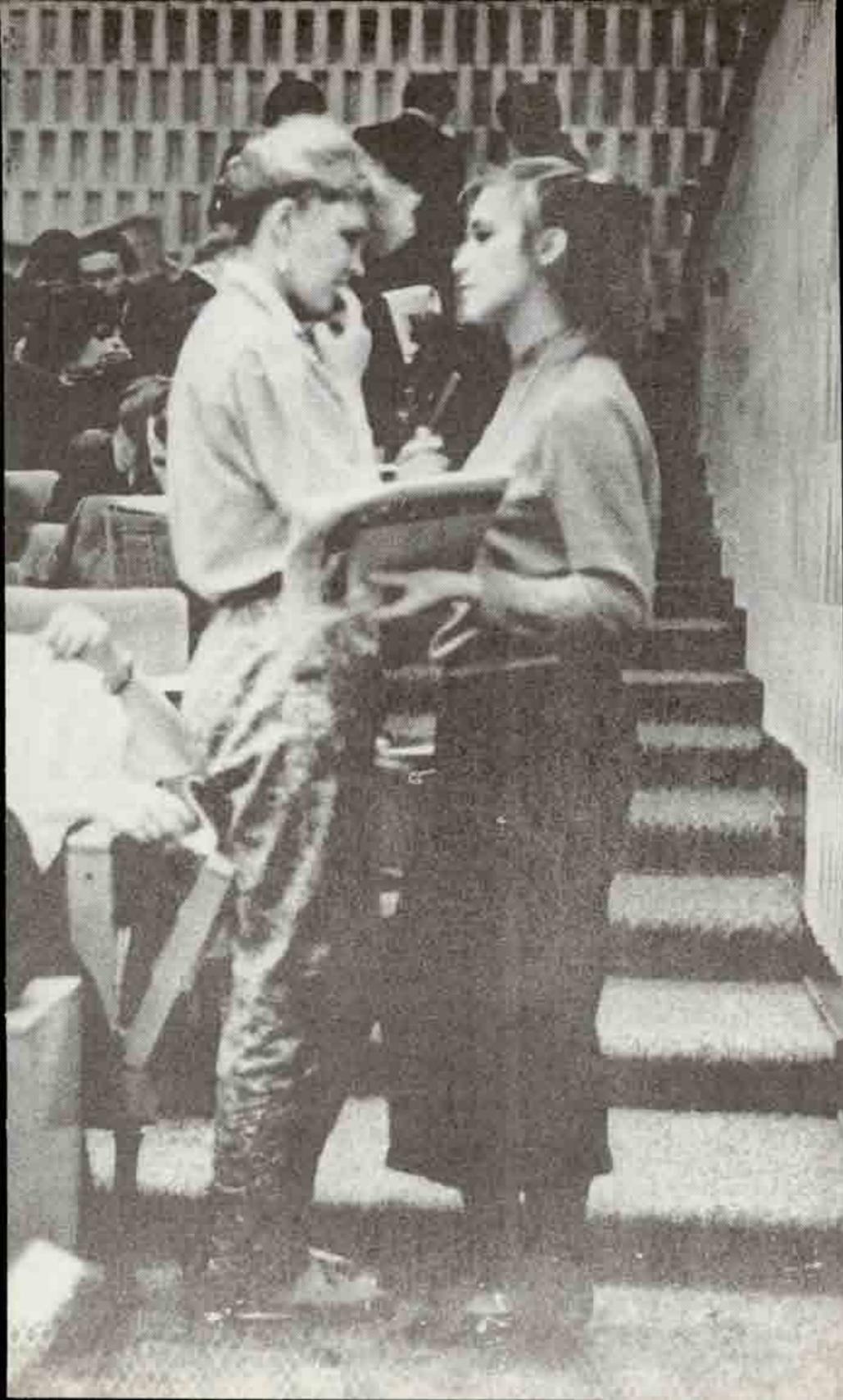
11—18 апреля 1990

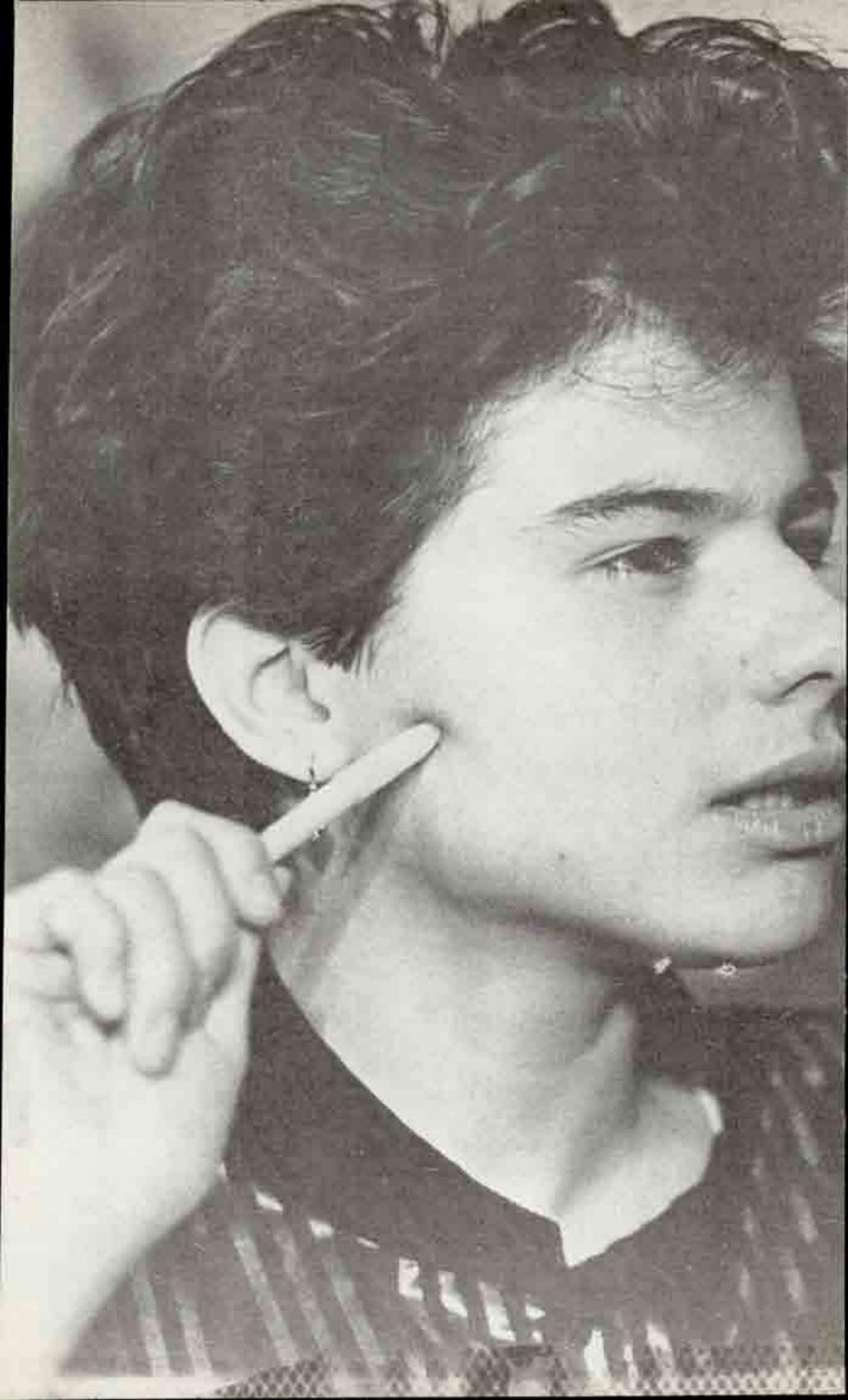
Фото

АЛЕКСАНДРА АБАЗЫ  
ВИКТОРА ВАСЕНИНА  
ЮРИЯ ГАРМАША  
АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА









**ДОЛГОЙ  
НАХЛЕБНИ-  
КОВ НАД  
МОЛОДЕЖЬЮ**

КОЛОСЫ

ЦК

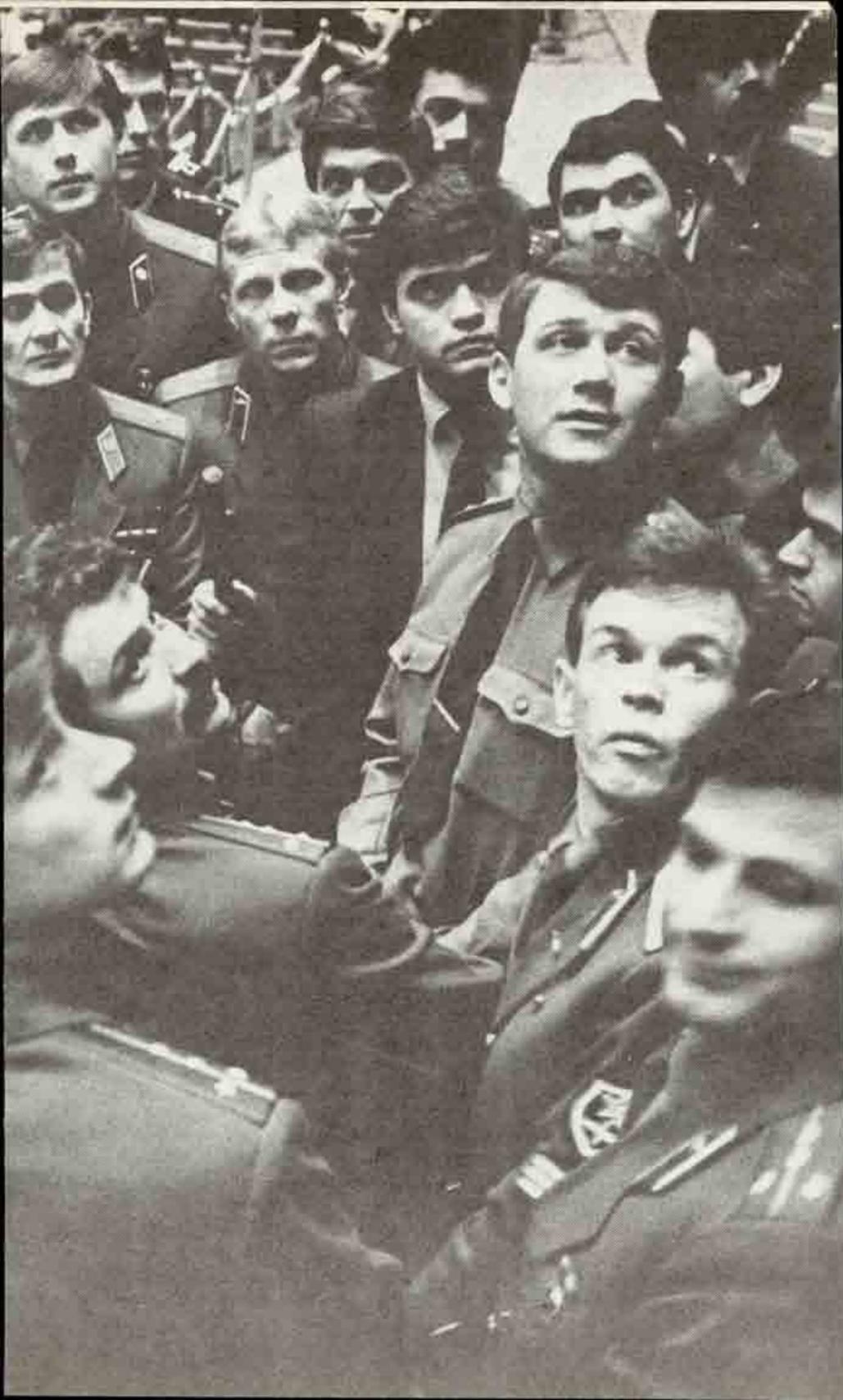


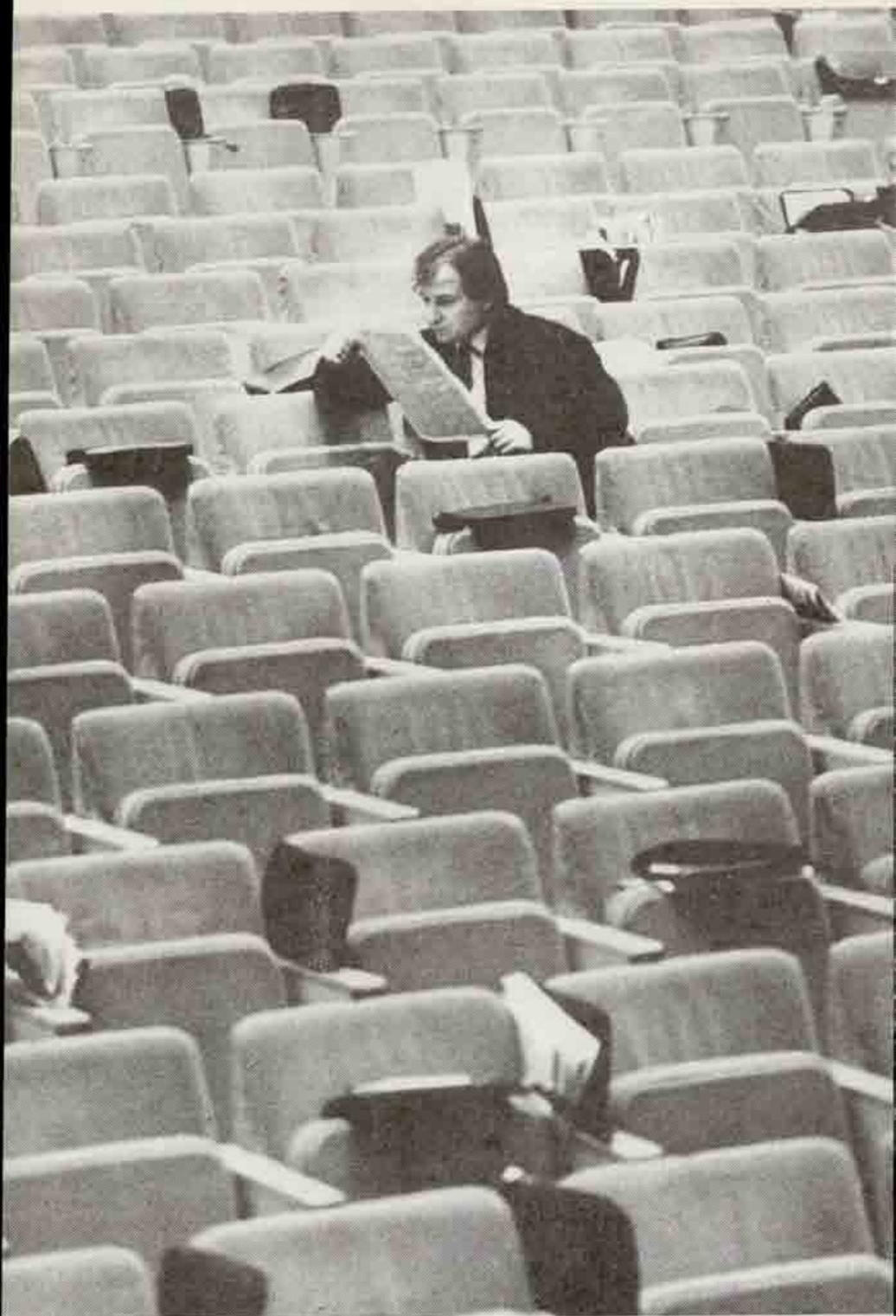




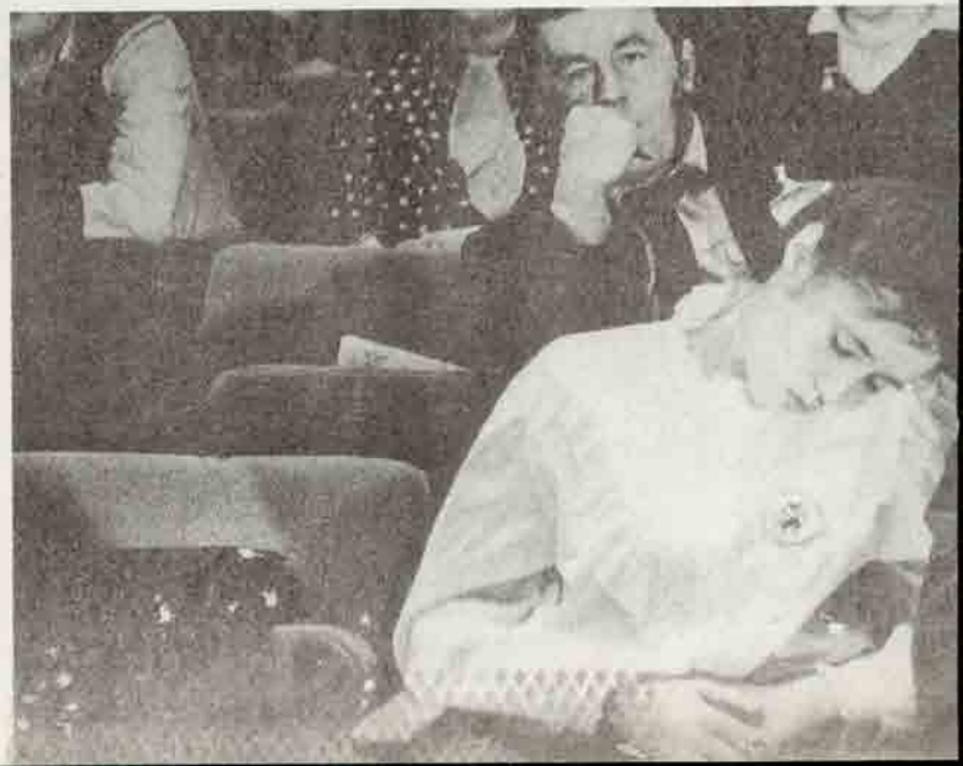






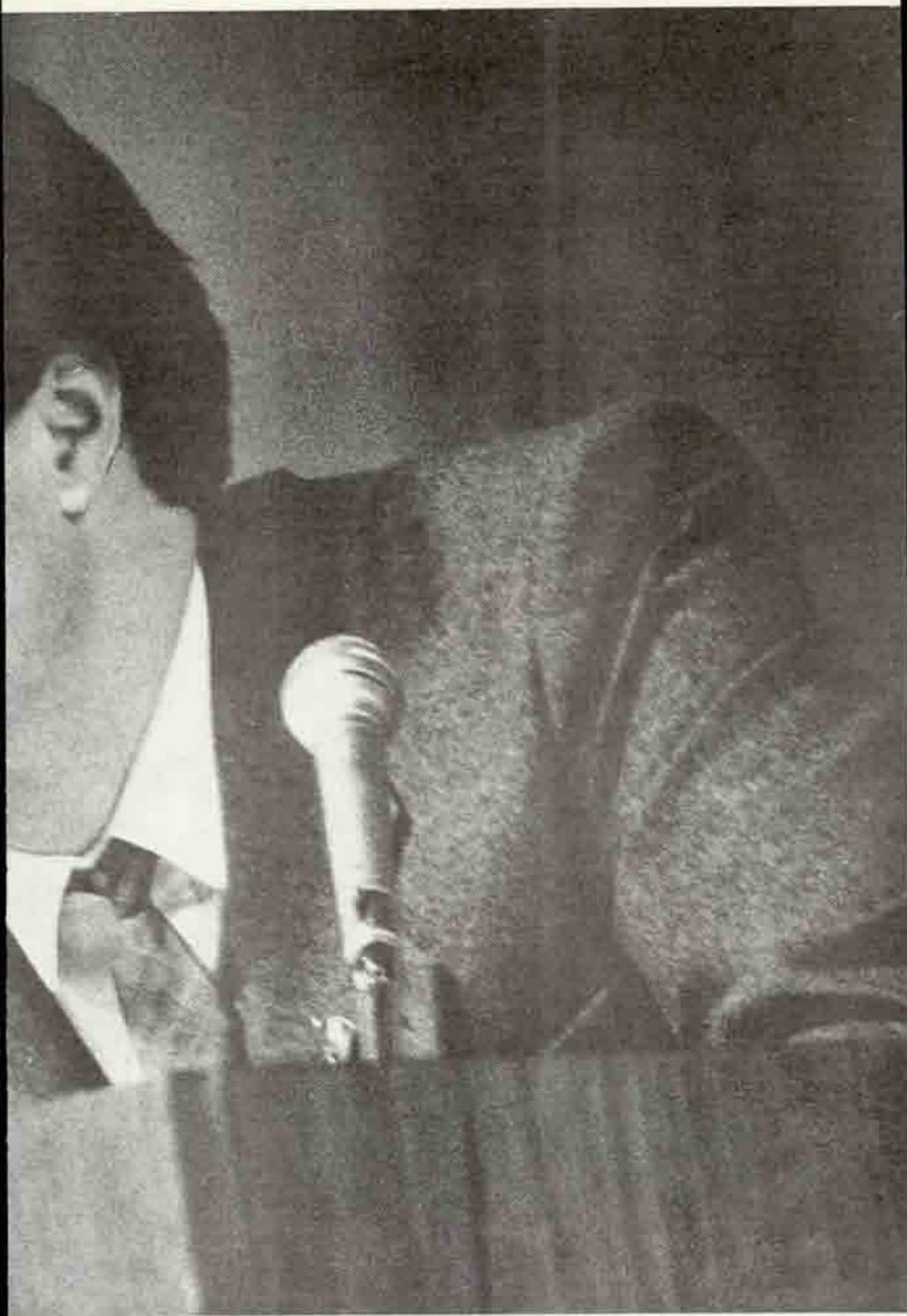






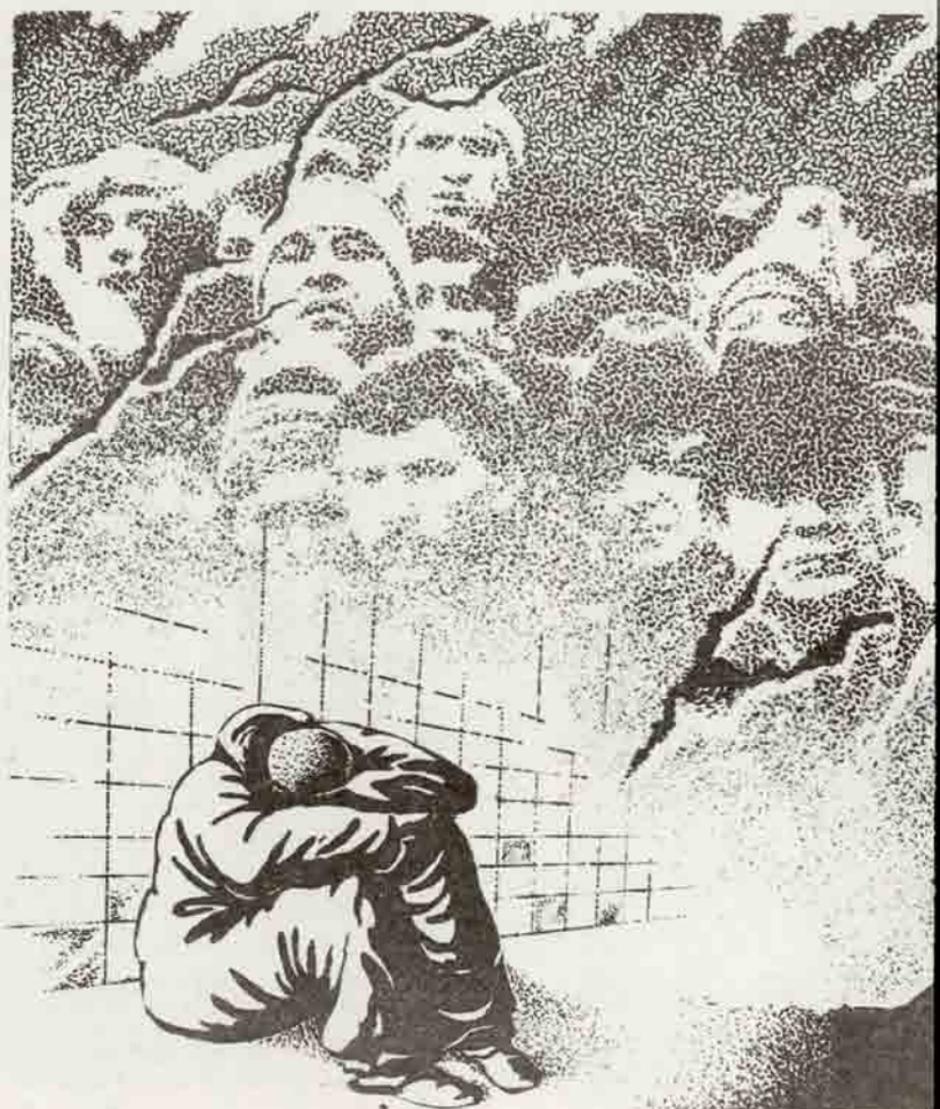






# ПОКУ

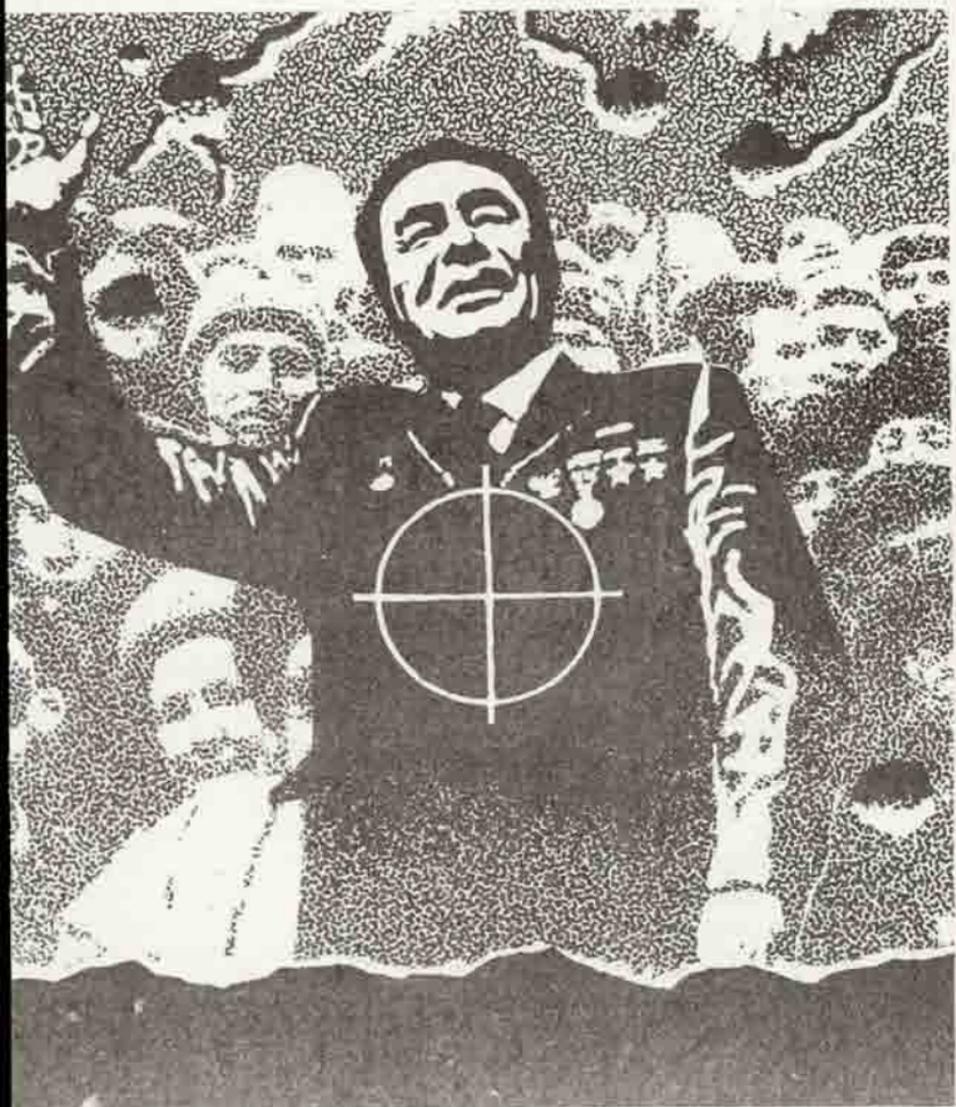
ЕВГЕНИЙ ЗАХАРОВ



50

Коллаж АЛЕКСЕЯ ЛОШАДКИНА

# ШОХУО



51

ВЕРСИЯ

**А** ты знаешь, ошибается твой Рой Медведев. Не так все это было... — В голосе моего старого знакомого звучали интригующие и подзадоривающие нотки. Я еще раз пробежал глазами небольшую заметку в «Комсомольской правде», где на каверзный вопрос читателя: был ли когда-нибудь прецедент покушения на жизнь наших руководителей, уважаемый писатель-историк отвечал молодежи со свойственной ему уверенностью. Да, мол, было в 1969 году единственное покушение (если не считать выстрела Каплан в Ленина) на Брежнева. Но скорее символическое, поскольку офицер авиации, стрелявший по машине, где, как он полагал, находился Брежнев, знал заранее, что стекла и корпус правительственных автомобилей — пуленепробиваемые.

Официально тогда объявили, что преступник стрелял в космонавтов и является психически ненормальным.

Покушение... Единственное... Символическое? Дело пахло сенсацией. И я с азартом взялся за журналистское расследование, результатом которого является изложенная ниже версия. Повторяю, версия, потому что претендовать на окончательную истину можно, только имея на руках неопровержимые доказательства — документы.

Но отсутствующим у меня материалам уголовного дела двадцатилетней давности я противопоставляю показания очевидцев, пострадавших людей, которые так или иначе соприкоснулись с теми событиями...

30 октября 1968 года в 10 часов 25 минут по московскому времени, после четырехсуточного полета на околоземной орбите, в семидесяти километрах севернее Караганды приземлился спускаемый аппарат космического корабля «Союз-3» с космонавтом номер двенадцать — Георгием Тимофеевичем Береговым. А еще через два с лишним месяца, 17 и 18 января 1969 года, в снегах казахстанских степей, в двухстах километрах юго-западнее Кустаная, поочередно совершили посадку корабли «Союз-4» с космонавтами Шаталовым, Елисеевым, Хруновым и «Союз-5» с единственным пассажиром на борту — Борисом Валентиновичем Волюновым.

Страна облегченно вздохнула, узнав о благополучном возвращении героев, и с нетерпением желала наградить их сполна. Первые победы в космосе, дававшиеся нам с таким трудом, отмечались, как всесоюзные праздники. Покорителей пространства ждали земные Звезды и поцелуи первых людей страны.

В это же самое время в далеком от Москвы городе Ломоносове тихо и неприметно нес службу младший лейтенант Виктор Иванович Ильин — двадцати двух лет от роду, русский, неженатый, в порочащих его связях по ту пору не замеченный.

Младший лейтенант Ильин любил космонавтов не меньше, чем остальная страна. А еще любил он девушку Наташу, мать и футбол. Зато страшно не любил свою службу, на которую попал случайно...

**Свидетельствует командир отделения, ныне майор в отставке Михаил Иванович Шишов.**

— Ильин прибыл в нашу часть

в конце марта шестьдесят восьмого года. В составе выпускников Ленинградского топографического техникума. До этого он уже успел немного поработать на предприятии. В техникуме его аттестовали на звание младшего лейтенанта. Их было четверо, проверенных на допуск к секретной работе. Помню, не понравился он мне с первого взгляда. Вид у него какой-то был... Все ребята как ребята, а у этого ушанка нелепо сидит, глаза бегающие. Но в армии подчиненных, как и командиров, не выбирают. Ох и намучились мы после с ним! Не военный он был человек — не серьезный. Хотя не пил и не курил. Зато своим подчиненным через окно водку таскал, я его раз застал за этим занятием. Панибратство разводил — его рядовые Витьком звали. А еще у него кличка была «Копченый», за смуглость кожи прозвали. Внешностью он чем-то цыгана напоминал. А однажды с учений боевых сбежал.

**Вспоминает бывший начальник штаба, ныне полковник запаса Фридрих Иванович Блинов.**

— Мы находились на сезонных работах. Старшим группы почему-то назначили Ильина, хотя его напарник, младший лейтенант Степанов, был гораздо толковее, приятный молодой человек. И вдруг я узнаю, что в мое отсутствие кто-то из офицеров стрелял... После выяснения обстоятельств узнали, что офицер Степанов, поддавшись на уговоры солдат, согласился пойти на танцы в клуб соседней деревни. Там у них вышел конфликт с местной молодежью, и Степанов ради остротки и бравады стрелял в воздух из пистолета. Но где же в это время был старший группы Ильин? Оказалось, что в тот момент он находился не где-нибудь, а в Ленинграде!

Выяснял свои личные отношения с некоей Натальей. И будто бы даже угрожал ей пистолетом, хотя брать его с собой не имел права. Говорят, что эта девушка отвергла его притязания, на что он кричал ей в бешенстве: ты еще обо мне услышишь! В том случае мы разобрались и кого следовало наказать.

Все, с кем мне пришлось беседовать о личности Ильина, в один голос отмечали странности в его поведении, чудаковатость. И все как один заявляли об антипатии к нему. Не мог нормальный человек, считает его командир, в ответ на приказ переделывать неправильный чертеж прыгать на одной ножке вокруг стола и по-детски капризно кричать: «А вот не буду! Не буду!»

— Конечно, ненормальный, — вторит прежний замполит, Алексей Васильевич Мельник. — Это ж надо было додуматься в то время задавать такие вопросы на политзанятиях. Почему, например, мы оккупировали Чехословакию в шестьдесят восьмом. Ему объясняют, что мы воткнули, мол, штык в горло империализма в лице чехословацких экстремистов. А он на следующем занятии заводит разговор о том, что комсомол изжил себя как организация, или почему у нас в стране монополия одной партии. Опять проводит разъяснительную работу. Нет, он точно с чьего-то голоса пел.

С чьего голоса «пел» Виктор, не установлено и по сей день. Есть предположение, что на его мировоззрение во многом повлиял преподаватель-вольнодумец, с кем он провел лето на практике в ленинградских лесах. Задушевные беседы у костра без свидетелей. Возможность высказать наболевшее, не опасаясь лишних ушей. Почему бы и нет? В эпоху безгласия и цветущего застоя это был самый

приемлемый вариант выражения крамольных мыслей. Во всяком случае, был ли то «голос из-за бугра» или голос учителя, но сомнения упали на благодатную почву. Другой человек, пропустив их через себя, усмехнулся бы грустно и в лучшем случае забыл. Но в сознании Ильина они проросли неожиданным, редким и страшным растением. Не укрепленный генами и опытом разум не справлялся с анализом виденного и слышанного. Разговорчики в курилке о наступившем в обществе заморозке контрастировали с парадным тоном официальных средств массовой информации. Кто виноват? Куда катится общество? В чем, где причина вранья, духоты, торможения?

**Показания матери Виктора, Александры Васильевны Ильиной, взятые у нее первой (до КГБ) группой расследования.**

— Он был странный мальчик, непростой. Последнее время часто что-то писал в тетрадку по ночам. Писал много. Затем рвал, плакал. Иногда к нему в гости приходили его однокурсники по техникуму, товарищи по службе Степанов и Васильев. Они о чем-то шептались, пили чай... Однажды, когда приехал мой брат из Подольска, он тоже военный, они долго о чем-то горячо спорили. Я слышала только, что брат стучал кулаком по столу и кричал Виктору: «Дурак! Самого последнего солдата можно убедить, а тебя, гляди, нет!» О чем они говорили, не знаю, но брат был очень недоволен.

Однако существует еще одна причина, наверняка каким-то образом повлиявшая на его сознание. О ней также стало известно из беседы с матерью. Незадолго до случившегося Виктор неожиданно узнал, что он не родной, а прием-

ный. Только что он и мать перенесли смерть главы семьи. Одежда отца еще висела в шкафу. В новеньком демисезонном пальто во внутреннем кармане лежал секретный домашний документ, свидетельствующий о том, что Виктор был взят из Дома ребенка, где его бросили родители-алкоголики. Как эта бумага попала в руки к Виктору, мать не знает. Он глубоко переживал открывшееся ему.

Но как бы то ни было, жизнь продолжалась. Виктор служил, живя с матерью и бабушкой в Ленинграде в трехкомнатной квартире на улице Наличная. По утрам он уезжал на службу в Ломоносов. 15 сентября 1968 года закончили работы, приблизительно две недели сдавали имущество и в октябре ушли в коллективный отпуск на целый месяц. После отдыха Виктор внезапно заболел и лег в госпиталь на Суворовском проспекте, где и пробыл более трех недель.

Страна единогласно и покорно вступила в шестьдесят девятый год, почитая своих вождей и безусловно веря в лучшее будущее. Ракеты еще не успели окончательно издыривать небосвод, и климат отличался относительной стабильностью. На дворе стояла пронизывающая влажным холодом ленинградская зима. А в конторе было тепло и скучно. Виктор оторвался от работы и неожиданно спросил соседку по кабинету Иду Григорьевну Зименкову, сидящую за столом у самых дверей: «Ида Григорьевна, а что вы думаете о Ли Харви Освальде, ну который в Кеннеди стрелял? Представляетелте, всего один выстрел — и ты знаменит на весь мир...» Ида Григорьевна с укором и сочувствием посмотрела на Виктора. Кто бы мог подумать тогда, что его слова

в скором времени не разойдутся с делом.

## ПЕРЕЛОМ

### Свидетельствует бывший замполит части Алексей Васильевич Мельник.

— В тот день мы с командиром части Иваном Андреевичем Машковым отправились на недельные командирские сборы в Ленинград. Уезжали в семь утра. Я зашел к командиру домой и на всякий случай позвонил дежурному в часть. Трубку поднял Ильин. «Как дела?» — спросил я его. «Отлично!» — весело сообщил он. Я, помню, в ответ ему еще сказал: «Отлично не бывает, а бывает хорошо». И вдруг, уже во время обеда, к нам подбегает дежурный и требует Машкова к телефону. Через какое-то время командир вернулся встревоженный и недовольный. Ругнулся: «Сволочь Ильин, куда-то девался. Взял, говорят, пистолеты из сейфа». Это было уже ЧП, и мы решили срочно вернуться.

По графику дежурств «нести караул» Виктору предстояло со старшим лейтенантом Козыревым. Доверчив и соня — эти обстоятельства благоприятствовали его планам. Все было готово к делу. Его слегка знобило при мысли о предстоящем, но он усилием воли подавлял свое душевное волнение. С родными прощался непривычно долго, видимо, считая, что навсегда, чем немало смутил и встревожил их.

— Витенька, может, ты нездоров?

— Все нормально, мама. Прощай.

И он ушел в свое последнее дежурство. Ночь прошла как обычно. В 7.20 старший дежурный оставил Ильина одного, а сам отправился позавтракать. Ключи

от секретной части и оружейной оказались в руках у Ильина. Этого момента Виктор и ждал. Теперь он без труда открыл двери сейфа.

Внутри находилось около шестидесяти пистолетов системы Макарова. Он взял свой и второй, попавшийся под руку. Сунул в карман четыре полные обоймы. На часах стрелки показывали семь сорок утра.

На проходной Ильин сообщил, что он пошел на кухню снимать пробу с завтрака — это положено дежурным офицерам. Ни у кого, естественно, не возникло ни вопросов, ни подозрений. Уверенной походкой он направился к железнодорожному вокзалу. Карман шинели и кобуру оттягивали вороненые «макаровы», а в портмоне лежал авиабилет на Москву, на 92-й рейс, отправляющийся в 10 часов 40 минут. До электрички оставалось время выпить кружку пива.

### Вспоминает начальник секретной части Василий Григорьевич Яншин.

— До одиннадцати часов утра мы никому не докладывали, считая, что Ильин находится где-то на территории. Командиров не было, и за старшего остался заместитель Маргаритов. Искали, думали, спит где. На проходной выяснили, что он ушел, якобы на кухню, но там сообщили, что Ильин не появлялся. Машина тоже стояла на месте. Когда хватились ключей, оказалось, что их нет. Открыв дубликатом сейф, обнаружили пропажу двух пистолетов. Предположили, что он решил покончить с собой. На Ильина это было похоже. Но могло быть что-то и похуже. Когда вернулся из Ленинграда командир части Машков, мы разделились на две группы поиска. Одна искала возможный труп в Ломоносове, другая отправилась на задержание к нему

домой. В группу «захвата» добровольно вошли два младших лейтенанта — Баранов и Фроленко. Их возглавил командир отделения Шишов.

### **Рассказывает участник группы захвата Геннадий Иванович Баранов.**

— Мы сели в машину и «полетели» в Ленинград на Васильевский остров. В 10.30 нашли его дом. Уже когда стояли перед дверью, Машков скомандовал: «Приготовить оружие». Ведь никто не знал, что нас может ожидать.

На звонок открыла мать. Мы группой ввалились в квартиру, готовые к отражению нападения. Но в квартире Ильина не оказалось, домой он не заезжал. При осмотре комнат я случайно взял тетрадку со стола. Она открылась сама собой посередине. На развернутом листе крупными неровными буквами красным карандашом было написано: «Узнать, когда рейс на Москву... Если летят, брать... идти на дежурство... все уничтожить...»

Кому первому тогда пришла идея связать эти слова с фактом прилета космонавтов, сейчас установить трудно. О торжественной встрече героев сообщали заранее. Должны были присутствовать члены правительства. Тут-то бдительные сослуживцы и почувствовали, что дело может оказаться куда более серьезным, чем они предполагают. Своевременный звонок в Комитет госбезопасности мог частично снять с них ответственность. В квартире оставили засаду, и «газик» со следователями покаптал в аэропорт.

Около полудня Виктор Ильин ступил на припорошенный снегом аэродром Домодедово. Он хорошо перенес полет. Его вооружение осталось незамеченным (в то время в аэропортах еще не стояли

«контуры» — металлоискатели). Добрался на метро к своим знакомым. Он несколько удивил их столь неожиданным визитом.

— Хочу на космонавтов посмотреть, — мотивировал он приезд.

— Слушай, — обратился к мужу своей знакомой, — дай мне на завтра форму, а то меня в Кремль не пустят.

— Ты что, с ума сошел, — оборвал тот разговор. Он был строг, дисциплинирован и бескомпромиссен, как и большинство московских милиционеров образца 1969 года.

### **Свидетельствует командир отделения Михаил Иванович Шишов.**

— В аэропорту нам удалось узнать, что Ильин действительно взял билет на Москву. Но вот улетел или нет — уверенности не было. Мы до вечера ждали возвращения того самого самолета. На наши вопросы стюардесса ответила, что в салоне находились 50 спортсменов из ГДР, один подполковник и еще какой-то чин рангом ниже. Помню, я тогда предложил нашему майору-особисту, не теряя времени, отправиться в Москву на поиск Ильина. Но тот наорал на меня: «Ты что думаешь, Москва — это тебе большая деревня?» Больше я подобной инициативы не проявлял.

## **АКТ**

И пришел день 22 января 1969 года. Ильин «вынырнул» на морозный воздух из метро «Проспект Маркса», проследовал мимо Исторического музея в Александровский сад. Проходя, покосился на Вечный огонь. Гости столицы уже стояли в главной очереди страны. Никто не обратил внимания на милиционера, куда-то спешившего по своим делам. Хотя внимательный

прохожий мог заметить, что форма у милиционера летняя, а карманы слегка оттопыриваются.

Он спешил к проезду Боровицких ворот, через которые, как он предполагал, должны проследовать автомобили в Кремль. Он встал в милицейское оцепление наугад, по наитию. Он и сам не знал, как ему повезло. Случайно (?) он оказался на стыке двух отделений. И те, и другие предполагали, что он имеет отношение к соседям. Один лишь только раз к нему подошел некто в штатском и спросил, что он тут делает. Страх и владеющая им цель придали наглости, и он с видимым спокойствием доложил: «Меня здесь поставили». Более вопросов не последовало...

На протяжении всего расследования меня беспрестанно терзали сомнения: откуда недотепистый Ильин мог так точно знать время и маршрут правительственных автомобилей? Как случилось, что его не задержали ни на одном этапе осуществления теракта? Говорят, дуракам везет. Дуракам? Нет, не будем торопиться вставать на сторону официальной, удобной для всех версии. Допустим, он мог знать порядок церемонии. К тому времени она уже стала достаточно традиционной. В первой машине, как правило, находились космонавты, а во второй — руководитель государства. С аэродрома кортеж обычно направлялся в Кремль, где героям космоса вручались положенные награды. Комментаторы радио и телевидения, не раз красочно описывавшие все эти события, сами того не предполагали, какую услугу они оказали человеку, который, воспользовавшись их подсказкой, стремился осуществить свою Идею.

Стянув перчатки и сунув руки в карманы, он снял с предохрани-

теля оба пистолета. У поворота на мост Боровицкой башни показались черные «Чайки» в сопровождении мотоциклистов. Сердце бешено колотилось, в кровь поступали сумасшедшие порции адреналина. Он уже не контролировал своих действий. Он был робот, запрограммированный на исполнение. Пропустив первую машину, он выскочил навстречу второй и открыл стрельбу в упор по лобовому стеклу. Впоследствии оказалось, что он успел произвести 16 выстрелов. «Пуленепробиваемое» стекло покрылось паутиной трещин. Упал на руль, обливаясь кровью, водитель. На следующее утро он скончался от ранений, девятимиллиметровая пуля, отрикошетив, разорвала плечо сопровождающего мотоциклиста. Но тот успел направить свою машину на стрелявшего и сбил его. Вышли из шокового оцепления прочие. На Ильина навалилось несколько человек сразу. Он не сопротивлялся, а из рта валила белая пена. Он уже не видел, что произошло страшное недоразумение. Вместо Леонида Ильича в автомобиле оказались космонавты Береговой, Николаев и Терешкова. У Георгия Тимофеевича осколками было задето лицо. Одна из пуль по касательной ранила в спину Андрияна Григорьевича Николаева...

Свидетели прямого телерепортажа недоумевали, почему так неожиданно прервалась передача. Возобновилась она только минут через сорок, когда космонавтам вручали звезды и медали. Награды прицеплял лично товарищ... Подгорный. У награждаемых были растерянные лица. Телезрители отметили такую деталь: почему-то у космонавтов из рук то и дело выпадали грамоты.

Как же вышло, что пули попали не по назначению? Система госу-

дарственной безопасности, надо отдать ей должное, успела принять особые меры предосторожности. С того момента, как младший лейтенант Баранов обнаружил сумбурную записку в квартире Ильина, заработала иная машина, в обиходе именуемая коротко: КГБ. Буквально в последние минуты маршрут автомобиля Генерального секретаря ЦК КПСС на всякий случай был изменен. Брежнев без приключений проехал в Кремль через Спасские ворота, а на его традиционном месте оказались несведущие герои страны, которые и приняли пули от террориста.

### КРУГИ РАСХОДЯТСЯ

**Свидетельствует Герман Леонидович Ширяев, помощник начальника штаба.**

— Мне было поручено вести дознание по делу сбежавшего младшего лейтенанта Ильина. Я приступил к работе на следующий день, то есть в среду. Но ко мне подошли два человека, предъявили документы сотрудников госбезопасности. Забрали все бумаги и посоветовали забыть все до особого распоряжения.

Думаю, нет необходимости описывать в подробностях события последующих дней. Происшествие всколыхнуло не только госбезопасность, но и войска, от командующего и кончая последним рядовым. Столько «Волг», «Чаяк», полковников и генералов часть не видела со дня своего основания.

Дальнейшее разбирательство в штабе округа на Дворцовой площади напоминает сюжет барельефа на фронтоне Исаакиевского собора «Избиение младенцев».

Необходимо было срочно принимать какие-то меры, чтобы как-то оправдать случившееся. Решением Военного совета со своих по-

стов слетели начальник рода войск Ленинградского округа Павел Никитович Бова, военный комиссар Смольнинского района, имевший несчастье направить Ильина на службу, замполит части Алексей Васильевич Мельник, как не разглядевший врага.

Вместе с Ильиным на скамью подсудимых, к удивлению для всех, попали и его сослуживцы Васильев и Степанов. Им было вменено в вину «недоносительство о готовящемся террористическом акте». Молох правосудия требовал жертв и сполна получал их.

Признаюсь, я никак не ожидал, что розыски «соучастников» Ильина вызовут у меня столь большие трудности. Следы их потерялись за воротами воинской части, и никто не желал даже вспомнить имена и отчества своих бывших сослуживцев. Бесполезно, да и небезопасно для моего несанкционированного расследования было стучаться и в железные двери сейфов архивов КГБ и военного трибунала. Но удача, банальная удача не отворачивалась от меня. И вот в один из дней мне пришла мысль обратиться за помощью в отдел кадров топографического техникума, в котором некогда училась триоца. По счастливому стечению обстоятельств инспектор отдела кадров Софья Борисовна Глинская оказалась не просто добросовестным работником и профессиональным архивариусом, но, более того, она помнила этих парней, много была наслышана о том происшествии.

Итак, перетряхивая старые папки личных дел учащихся техникума, всюду напротив искомым фамилий мы находили пометку: изъято следственными органами. И вдруг случайно в одной из ведомостей распределения выпускников я увидел то, что искал: адреса Степанова и Васильева.

Первая наша встреча напоминала сцену из фильма о шпионах. Александр Васильевич Степанов назначил место свидания у игральных автоматов в зале ожидания Финляндского вокзала. В указанный час ко мне подошел коренастый мужчина с открытым симпатичным лицом и усталыми настороженными глазами. «Степанов», — протянул он руку.

**Свидетельствует А. В. Степанов. Бывший военнослужащий, осужденный по ст. 88 прим. УК РСФСР за недоносительство.**

— Был ли я другом Ильина? Скорее товарищем по службе и то по воле обстоятельств. Ведь Виктор был старше меня на год, и потому после того, как меня распределили в часть, я оказался под его «опекой». Но со временем я понял, что вполне могу обходиться без его помощи, о чем и указал в рапорте. На реплики Ильина не обращал особого внимания и вообще всерьез его не воспринимал. Как я, например, должен был реагировать на его слова о том, что в Африке, мол, офицеры запросто переворот совершают, а возможно ли такое у нас? Я обычно отвечал: «Не мели, Виктор, чепухи».

Мы все, конечно, переживали случившееся. Но, скажу честно, моя душа была спокойна. Прошло уже дней пять после ЧП. Я в это время простудился, взял больничный и находился дома, то есть в поселке Молодежный Зеленогорского района. В четыре часа утра меня разбудил полковник Блинов. Сказал: «Собирайся, вызывают в Москву по делу Ильина». Я и тогда не предчувствовал никаких неприятностей, не считал себя в чем-либо виновным.

Билеты в Москву были на руках у полковника. Как только мы приземлились в аэропорту, нас уже

ждала черная «Волга». По дороге мы притормозили у гостиницы «Москва», где нам забронировали номера, и оставили, как порекомендовали сопровождающие, вещи. Далее, это я уже узнал позже, мы направились напрямик в Лефортовскую тюрьму. До полудня я ожидал своей очереди в коридоре перед кабинетом следователя. И затем с часу дня до полпервого ночи я «беседовал» с ним. Все вопросы следователя сводились к тому, не стоит ли за действиями Ильина антигосударственного заговора и не участвую ли я в нем. Для меня это было сушей нелепостью. Но я внушал себе — это необходимо для дела... Ночевать меня оставили в камере. Переодели в гражданскую одежду, покормили. Я все еще успокаивал себя мыслью, что я чист перед законом и потому бояться мне нечего. А наутро следователь с нескрываемым сочувствием предъявил мне обвинение по статье 88-прим. Из примечания следовало, что я являюсь государственным преступником потому, что якобы знал о готовящемся покушении и не сообщил куда следует. Вот так обернулись для меня бред Ильина и моя естественная готовность помочь следствию...

Дальнейшие события разворачивались по всем законам жанра. Степанов, обескураженный поворотом дела, возмущался, насколько позволяло его нынешнее положение. Он отказывался и от адвоката, прекрасно понимая никчемность юриста в разыгрываемом фарсе. Но защиту ему все же навязали (правила игры должны были соблюдаться хотя бы внешне). Полтора года длилось расследование. Все это время Степанов находился в тюрьме Лефортова. Скоро он узнал, что вместе с ним по соседству сидит и Анатолий Ва-

ильев, на которого при допросе указал Ильин. Все это напоминало былые мрачные времена «слова и дела», когда обвиняемый, которого водили по улицам, мог указать на любого прохожего, назвав его своим соучастником. Впрочем, на одной из очных ставок сам Ильин отрицал какое бы то ни было участие в теракте своих сослуживцев, но на их дальнейшей судьбе его поздние заявления никак не отразились.

Исход суда, по всей вероятности, был предрешен. Защитник, а в его роли выступил тогдашний председатель коллегии московских адвокатов, в своей речи предоставил единственный смягчающий аргумент — это возраст осуждаемых.

И вот товарищи по несчастью отправились по этапу напрямик в Пермскую область. Их ожидала зона общего режима, без права на амнистию. О подробностях лагерной жизни осужденных Степанова и Васильева нужно было бы рассказать отдельно, но это не самое главное. Важнее то, что жизнь молодых людей, офицеров, подававших надежды, была сломлена в самом начале их пути.

Круги от брошенного камня расходились, расходились, раскачивая далекие от места действия объекты. Ученые в конструкторских бюро ломали голову, почему спецстекло не выдержало девятимиллиметровой пули. На автозавод поступил спецзаказ на усиление броневой мощи спецтранспорта.

Было и еще одно последствие, о котором многие знали, а иные догадывались. Первым секретарем обкома партии в ту пору был Василий Сергеевич Толстиков. Личность неординарная. Он в кулуарных разговорах на уровне обкомов и ЦК считался более передовым

во взглядах, нежели Леонид Ильич. Он, если хотите, был своего рода Ельциным конца шестидесятых. А Брежнев, как мы уже знаем, не терпел даже намеков на альтернативу. И, следуя своему гуманному принципу «не уничтожать, а перемещать», он воспользовался «проколом» ленинградца. 27 января, в день снятия блокады, Брежнев должен был прибыть на торжества в Ленинград. Но после случившегося в «колыбель революции» рискнул приехать лишь генерал Федюнинский. «Другой Ильич не испугался бы...» — грустно пошучивали питерцы. А в скором времени страна доверила Василию Сергеевичу Толстикову ответственный пост Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Китае. Бывшего первого секретаря обкома ждали нелегкие будни в бушевавшей республике.

А что же Ильин? Что стало с ним? Насколько мне известно из неофициальных источников, первоначально военный трибунал приговорил его к высшей мере наказания. Но повторная медицинская экспертиза установила у него явное психическое расстройство. Это и спасло ему жизнь. Его направили в особую психиатрическую больницу в Казани, где он и прожил без права встречи с родными около двадцати лет. И только после долгих и настоятельных прошений матери в сентябре 1988 года он был переведен в Ленинградскую психиатрическую клинику № 3 имени Скворцова-Степанова.

### **Свидетельствует лечащий врач Ильина Михаил Михайлович Васильев.**

— В наше отделение он поступил из Казани буквально в «подвешенном состоянии»: без паспорта, прописки, без средств к существованию... С самого начала у нас не

было никаких сомнений в его болезни. Наблюдалась совершенно однозначная симптоматика, которая ясно прослеживается, начиная с 1966 года и по настоящее время.

Какую цель преследовал Ильин? Он хотел организовать некоммунистическую партию, во главе которой видел себя. Один из основных его программных тезисов заключается в следующем: каждый член этой партии имеет право корректировать действия правительства и делать соответствующие выводы, достоин ли тот человек управлять, принимать решения или же нет. Все предыдущие годы сознательной жизни Ильина до шестьдесят девятого года были посвящены воплощению этих умозаключений.

Болезнь всегда определяется совокупностью изменений различных сфер психики: эмоций, мышления, логики, выводов... Так вот, у Ильина совокупность этих сфер не соответствовала реальной картине мира. Болезненное восприятие и отсюда болезненные выводы. Посудите сами: человек, не имея ничего за душой, вдруг четко сделал вывод, что именно он является лидером, который должен перевернуть общество, а его имя будет вписано в историю. Хотя, если взглянуть с позиции сего дня, создание некоммунистической партии не выглядит бредом сумасшедшего. Но 20 лет назад была иная ситуация. И явления, происходившие в то время в политической, социальной жизни, экономические проблемы — они послужили причиной той симптоматики с последующей реализацией в действии. Даже когда он уже находился на лечении, был изолирован от общества, у него

продолжалась та же тенденция к реформаторству, действию. Но энергия пошла по иному руслу. Ильин, например, «на досуге» изобрел средство для ращения волос. И не главное, действует оно или нет, — это все проявление его болезненной фантазии. Кстати, в тот момент, когда обсуждался проект «брежневской» Конституции, Ильин пытался послать в адрес Верховного Совета письмо со своими предложениями. Одно из них звучит так: «Каждый член общества имеет право на террористический акт в случае, если партия и правительство ведут политику, не соответствующую Конституции».

Недавно по нашей инициативе его осматривала группа ВТЭК и пришла к выводу, что он нетрудоспособен. Ему была присвоена II группа инвалидности. Сегодня нам уже удалось получить на него паспорт. Оформляются документы на получение пенсии по инвалидности.

Сам он четко осознает и говорит, что «Ильин восемьдесят девятого — это не Ильин шестьдесят девятого». Он также знает и понимает, что из-за него пострадали люди, но относится к этой информации совершенно равнодушно. Безэмоциональность — это последствия, остаточный признак болезни.

Ильин в курсе современной политической жизни. Он смотрит телевизор, читает газеты. Но какой-то личностной заинтересованности у него нет. Он лишь констатирует факт, и не более того. Сейчас он полностью дезадаптирован, но у него достаточно разумные установки на будущее. Он желает освоить какую-нибудь профессию, жениться. Ведь он не старый —

ему каких-то сорок два года. И я думаю, что его мечты осуществимы, если суд отменит принудительное лечение. А он должен отменить первоначальное решение, поскольку инкриминируемые Ильину статьи, и в частности статья 70, «не лезут ни в какие ворота». Он не мог организовывать и распространять клеветнические измышления, порочащие советский строй, так как Ильин по характеру своей болезни не мог ничего измышлять и тем более организовывать. Он — одиночка. Я считаю, что из пяти статей, по которым он был осужден, три должны быть пересмотрены и сняты. Да, он совершил убийство, попытку теракта, похитил оружие и дезертировал с места службы. На первом же этапе расследования, при собеседовании с ним, была заподозрена его психическая несостоятельность. После проведения экспертизы стало ясно, что он болен психическим заболеванием. А, как известно, по нашему законодательству такие лица освобождаются от уголовной ответственности.

Виктору Ильину в прошлом году 26 декабря исполнилось сорок два года. Почти половину своей жизни он «лечился» от прежних мыслей, приведших его к действию. Возможно, в скором времени Ильин выйдет на свободу как прошедший полный курс лечения. Все это время он не был уволен из армии, состоял в штате части и числился как болеющий.

На этом можно было бы и закончить повествование о далеком уже «символическом покушении». Но необходимо, наверное, ставя точку, выразить и свое отношение к личности самого Ильина. терро-

ризм никогда не поощрялся общечеловеческой в любой стране мира, какие бы причины ни порождали его. И как террориста мы осуждаем Ильина. А как человека, возможно, больного, во всяком случае, теперь уже точно больно-го? Роясь по ходу дела в литературе, я неожиданно наткнулся на книгу Георгия Тимофеевича Берегового под названием «Угол атаки», изданную «Молодой гвардией» в 1971 году, то есть всего через два года после события у Боровицких ворот. Листая страницы книги, в которой космонавт вспоминает боевую юность, первый свой полет в космос, я вдруг натолкнулся на главу, совершенно не вписывающуюся в контекст произведения. Чувствовалось, что написана она была, что называется, в досыл. И говорилось в ней о странной молодежи, которой чего-то не хватает в нашей стране. И потому я закончу свой рассказ цитатой из этой главы: «...Любой свихнувшийся парень — живой человек. И его судьба — не только его личное дело; ответственность за нее лежит на нас всех. По крайней мере должна лежать».

# ЗЕРКАЛА ВСЕВОЛОДА МЕЧКОВСКОГО

МИХАИЛ МОРОЗОВ

Ему сорок четыре. После нескольких лет изнурительной борьбы за свои эстетические взгляды в 1985 году по воле случая Всеволод Мечковский оказался во Владивостоке, где неожиданно для себя обнаружил атмосферу, наиболее благоприятную для творчества.

До июля 1988 года приморским любителям живописи мало что было известно о художнике-дизайнере отдела рекламы Дальневосточного морского пароходства. Состоявшаяся тогда во Владивостоке первая персональная выставка Мечковского стала для многих открытием — в городе живет Художник. Не обошлось и без курьеза: находившаяся в те дни в городе японская делегация посетила экспозицию и на встрече с руководством края поделилась своими впечатлениями, одобрительно отзываясь о работах художника и о самом факте их пу-

63

МАСТЕРСКАЯ

бличной демонстрации; спешно направленный на выставку секретарь крайкома КПСС молча познакомился с картинами и сдержанно резюмировал: «Сейчас и такое можно»...

В центре Владивостока на Площади борцов за власть Советов стоит самое высокое здание в городе — Дом Советов. Метко окрещенное «зубом мудрости», возвышается оно над суетой бытия, стараясь не замечать вплотную подступающего к нему чудом сохранившегося квартала дореволюционного Владивостока, носившего колоритное название — Миллионка. Среди беспорядочного нагромождения старых двух-трехэтажных домиков из темного кирпича в одном из маленьких двориков и обосновался Мечковский со своими до жестокости правдивыми зеркалами.

Его мастерская не знает покоя. Кто-то приходит перекинуться с художником парой слов, кому-то необходимо участие, а некоторые просто молчат, стараясь ему не мешать, и рассматривают свое отражение. Он расточительно щедр, этот «самый далекий поляк», как назвал его журнал «Млодош», но иначе он не может, ибо тогда не был бы самим собой.

Увидев его картины, невольно становишься их пожизненным пленником. Они только делают вид, что смирились с пытающимися ограничить их рамками, поймав же на себе внимательный взгляд зрителя, они уводят его в бесконечную глубину, непонятно каким образом скрытую в плоскости оргалита (наиболее привычный материал художника), и, проведя воображение по лабиринту превращений во времени и пространстве, возвращают его в день сегодняшней, на многострадальную землю, к извечному вопросу —

куда идешь, хомо сапиенс, к чему стремишься, как собираешься жить дальше? Ответы Мечковского не льстят ни роду человеческому, ни созданному им обществу, поскольку, по убеждению художника, только правдивое отражение поможет найти дорогу в завтрашний, лучший день.

Выпускник архитектурного факультета Новосибирского инженерно-строительного института, Мечковский быстро продвигался по служебной лестнице, заняв должность главного архитектора проектов во Фрунзе. В столице Киргизии по его проектам построена гостиница, магазин «1000 мелочей», санаторий на берегу Иссык-Куля. Перед ним открывались широкие перспективы, но, оказавшись в 1977 году перед выбором между проторенной дорогой к вершине административной пирамиды и живописью, он выбрал второй путь и уехал в Днепропетровск.

В этом городе он продолжил творческие поиски, начатые еще после окончания института. В 1980 году появляется картина «Трамвай», ставшая поворотной в его творчестве. Этой картиной Мечковский заявил о себе как о художнике с острым социальным зрением.

...Мчится застывший на месте трамвай, из никуда в никуда, брошенный хмельным водителем на произвол судьбы; его пассажиры чувствуют, что с ними происходит нечто совершенно противоположное тому, к чему они стремились, — добро обернулось злом, — но покинуть трамвай не могут — двери закрыты и остановки не предвидятся... В своих последующих работах «Наши университеты», «БерегиСь крыс», «Ржавчина», триптихе «Ресторан» — он продолжает жесткий и нелицеприятный разговор о страшной разрушительной силе, которая может



*Ржавчина.*

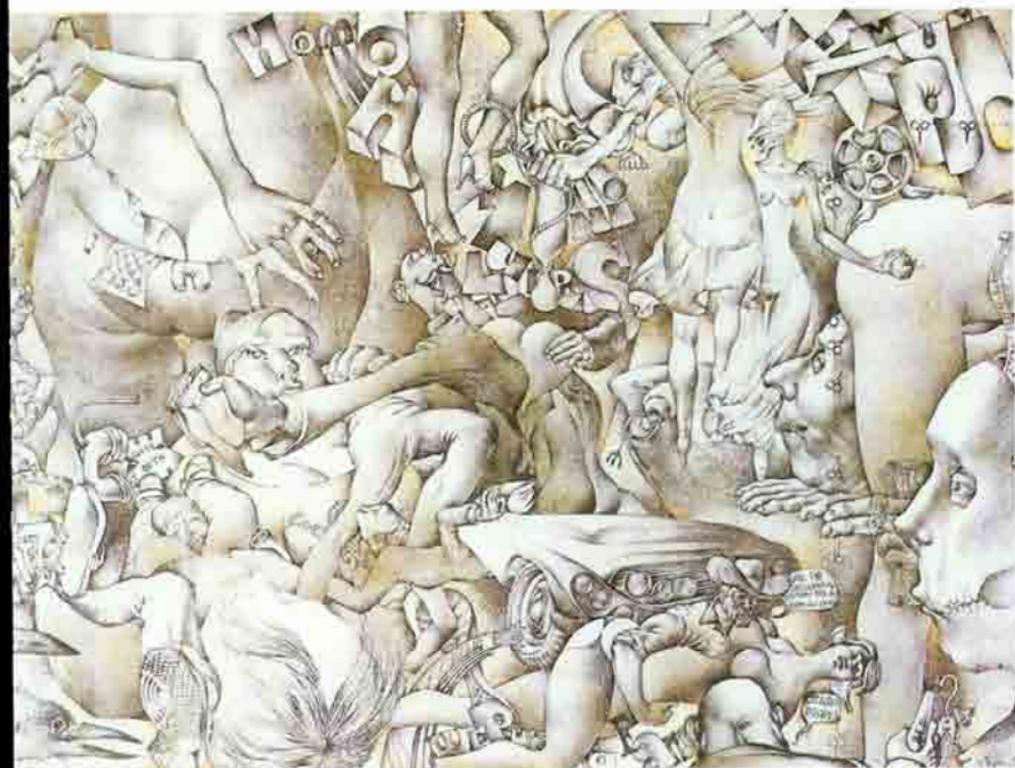
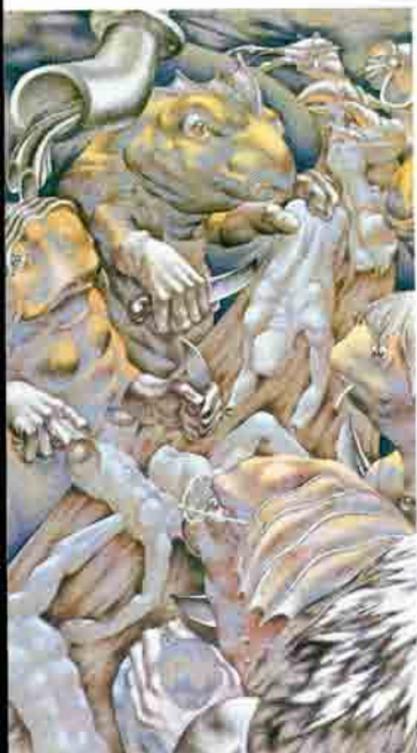


**Триптих «Азабвалл»:**

- 1. Мостик.**
- 2. Цех разделки.**
- 3. Трюма.**



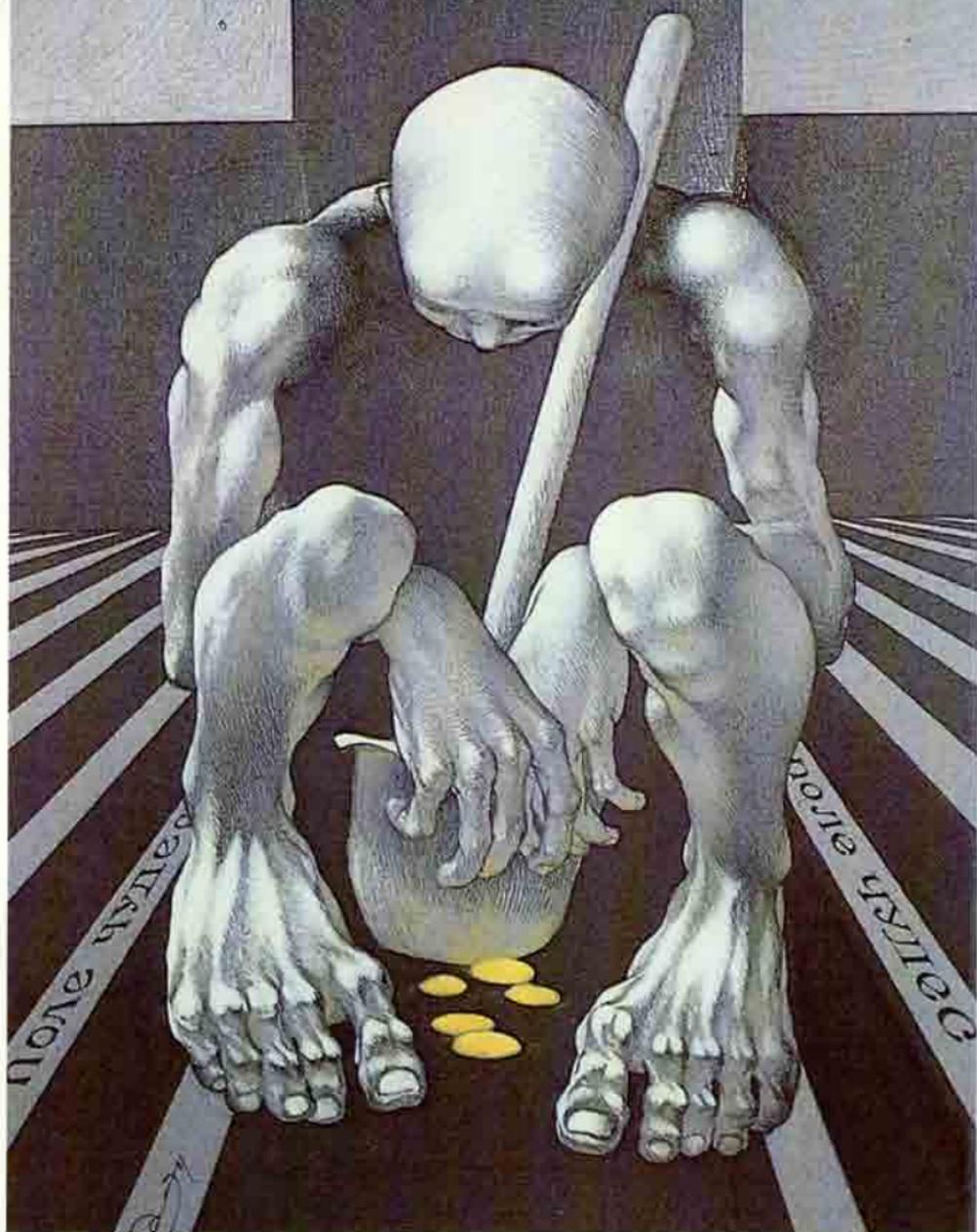
**Вестибюль.**



*Солнце в городе.*

РАЈА

ДУРА



Доколе?

вырваться из недр общества, если на капитанский мостик проберется серый тиран, вытравливающий все цвета, кроме единственного — своего собственного.

В королевстве кривых зеркал обычные зеркала беспощадно разбивали, работы Мечковского, к счастью, всего лишь не разрешали выставлять. И тем не менее камни в художника летели — один из них на «Автопортрете» так и застыл с бросившей его рукой...

Платой за рождение Всеволода стала смерть Матери. Любовь к той, чье тепло и ласку, голос и улыбку ему никогда не суждено было знать, выросла в сострадание к Женщине, в удивление перед земной Инопланетянкой. Это чувство наполнило всю его жизнь и творчество и наиболее ярко проявилось в работах «Очень старая сказка», «Солнце в городе», «Рыцарский зал» (правая часть триптиха «Ресторан»), при этом Мечковский далек от идеализации. Лишь спустя много лет художнику удалось создать трепетный и лаконичный «Реквием по мадонне».

Как ни парадоксально, на сегодняшний день Всеволод Мечковский больше известен японским, нежели советским любителям живописи, благодаря журнальной статье и экспозиции его произведений на Хоккайдо. Его плакат, темой которого стала операция по спасению североамериканских китов, отправлен на выставку в Лондон, но у большей части живописных работ, созданных для Дальневосточного пароходства, немного шансов попасть в экспозицию.

...На краю России, в городе на берегу залива Петра Великого живет мастер, которому удалось сохранить трудное и самоотверженное искусство — отливать зеркала, не умеющие лгать.

# ИСКУССТВО ЗАБЫВАТЬ

66

Нет, мы не будем оценивать, комментировать и тем самым лишать читателя непосредственности впечатления от того, с чем ему предстоит сейчас познакомиться,— предлагаемые воспоминания в предисловии не нуждаются. Но несколько слов об их авторе сказать все-таки придется, причины того весьма основательны.

Для большинства наших читателей Андрей Седых, родившийся в России в 1902 году, а в начале двадцатых — с «первой волной» эмиграции — оказавшийся вне родины,— имя новое. Странное это обстоятельство тем более достойно удивления, что стремительно взошедшая звезда Андрея Седых не померкла на литературном небосводе и по сей день, хотя речь идет о литераторе, ни романов, ни повестей не писавшем.

В 1926-м, в тот самый год, когда появился первый роман В. Сирин (Набокова) «Машенька», вышла в свет и первая книга очерков А. Седых. Единодушное признание летописцев «золотого века» определило в этом жанре Андрею Седых недвусмысленное место: «ведущий зарубежный очеркист», «несомненный королевич, обещающий стать самодержцем»... Оценки весьма высоки, особенно если иметь в виду, что в «первой волне» оказался тогда едва ли не лучший цвет русских мастеров этого жанра. Однако нет у нас оснований полагать, будто в таком мнении профессиональных критиков могли иметь место поспешность и преувеличение, свойственные людям, пишущим для га-

зет, рассчитанных на один день,— подобные оценки не расходились и с мнением лучших русских писателей, ревниво оберегавших высоту отечественной словесности. Восторженное предисловие к первой книге А. Седых написал Куприн, другую — не менее восторженно — предварила статья самого Бунина, к поспешности и преувеличениям, как известно, отнюдь не склонного и отметившего между тем, что сам он «... был даже удивлен: так отлично написана была она (книга.— А. К.), так легко, свободно, разнообразно, без единого фальшивого слова, с живыми лицами, с присущим каждому из них языком. Тут уже явно сказались особенности Андрея Седых: его юмор, живость, умение схватывать на лету все, что попадает в поле его наблюдений, мгновенно пользоваться схваченным...» Такой отзыв мэтра русской литературы ко многуму обзывал, и, надо сказать, молодой автор ожиданий не обманул.

Одна за другой продолжали появляться и неизменно с русского переводились на другие языки его новые очерковые книги, все более укреплявшие сразу обретенную славу. В жанре очерка А. Седых умел мастерски сочетать три главных его элемента: яркость описания, точность фактического репортажа и актуальность сюжета, причем подавая все это «с замечательной эlegantностью». А когда увидела свет и вскоре потребовала переиздания его книга «Далекие, близкие», стало очевидно, что и в труднейшем синтетическом жанре мемуарно-литературного портрета если и найдется автору соперник, то исключительно среди очень немногих первых мастеров. «И какая художественная память! И какая богатая лингвистика!» — восклицает Бунин.

Впрочем, все достоинства этой книги, — а их множество, — можно свести к одному, главному, как нам представляется, выводу: автор показал, что величие русской культуры в лице людей изгнанных, но не утерявших кровной связи с родиной и традициями, не минуло, не погибло и не могло быть уничтожено никакими социальными катаклизмами или географическим перемещением под чужие небеса. Какой-то новой ипостасью сверкнула здесь мысль Достоевского о всемирной отзывчивости русской души, так близко миром воспринятой даже на трагических изломах нашей истории. Быть может, потому, а скорее именно потому, книга «Далекие, близкие» имела тогда небывалый успех и как откровение читается сегодня.

И наконец о том, почему при такой известности автора пространное это предисловие оказалось неизбежным.

Для советских читателей — и предшествующих поколений, и тех, кто пришел на смену, — Андрей Седых — имя новое.

Не потому, конечно, оно новое, что, как горько заметил Пушкин, мы ленивы и недлюбопытны; не по той причине, что все им написанное случайно прошло мимо нашего

внимания или составляет ту область отечественной словесности, которую без особого чувства потери можно обойти. Причины, увы, другие — прямо противоположные, хотя и долгие годы все «объясняющие» и с таким же успехом оправдывающие: «не принял», «не понял»... словом — враг. А если враг не сдается, его, как те же долгие годы нас учили, уничтожают; в лучшем случае — посредством «острого пера». Андрею Седых выпал именно такой случай. Надо только сказать, что советский читатель в глаза не видел ни единой его строчки, в то время как литературоведы и публицисты драконили это имя на все корки, если попадалось оно под руку. Правда, попадалось оно — в силу тех же причин — крайне редко, и эта война с тенью велась бесшумно на поле боя, ограниченным разделом «примечания», поскольку само это имя числилось в списке «Для служебного пользования». Что же касается, как принято у нас высокопарно выражаться, «широкого читателя» — ему знать об Андрее Седых было «не положено», и вот тут весьма успешно действовал другой испытанный способ уничтожения — молчание. Настолько глухое молчание, что порой становилось не по себе, ибо отдавало уже чертовщиной.

Так, в двух томах «Литературного наследия», посвященных И. А. Бунину и изданных в 1973 году, в именном указателе, содержащем около тысячи лиц, так или иначе связанных с Буниным или им упомянутых, не отыскалось местечка давнишнему и преданнейшему его другу, литературному секретарю в нобелевские дни — Андрею Седых, написавшему, заметим кстати, одни из лучших воспоминаний о Бунине. О них — тоже ни слова...

Монументальный — трехтомный! — сборник документов и воспоминаний о Ф. И. Шалипине, законченный изданием в 1979 году, также — не удивляйтесь! — не содержит ни одного упоминания об Андрее Седых, хотя именно он был своеобразным и наиболее авторитетным летописцем второй половины жизни и артистической деятельности Шалипина, постоянно публиковавшим в западной, в том числе и русскоязычной, прессе содержательные обзоры его выступлений на сценах мира, послужившие основой доброго знакомства, а затем и блестящих воспоминаний о Шалипине...

Добросовестно проштудировали мы и обширную купринскую библиографию; результат тот же — ни слова об А. Седых, ни намек на его воспоминания о Куприне...

Такая вот, с позволения сказать, случайность!.. Впрочем, она и побудила нас к этой публикации.

АНДРЕЙ СЕДЫХ

# ШАЛЯПИН

**В** жизни знал я только одного подлинного гения. Это был Шаляпин. Всем щедро наградил его Господь: голосом — единственным в мире по силе и красоте, внешностью необыкновенною, умом острым, талантами разнообразными. Стал он первым в мире певцом и великим актером, — ведь трудно сказать, что в «Борисе Годунове» больше волновало, — пение или игра Шаляпина? Богата Россия талантами, но скольким из них удается развиться и не заглохнуть в полной безвестности? А вот Шаляпин не погиб. Поднялся с самых народных низов, пришел из Суконной Слободки, чтобы дать миру, по выражению Стасова, «радость безмерную».

Впервые услышал я Шаляпина в Париже. Было это в 23-м или в 24-м году. Шаляпин только недавно выехал из России и дал свой концерт в Большой Опере.

На эстраду, как-то по-особенному закинув голову, вышел радостно и уже победоносно улыбающийся гигант, и зал грохнул от рукоплесканий, словно поднялся навстречу певцу мощный океанский вал... Все в нем было как-то празднично и необычайно: крупная, красивая фигура, бледное лицо, высоко зачесанный кок светло-золотистых волос, белесоватые ресницы, резко вычерченные и слегка трепещущие ноздри. Запомнились почему-то особенно ладно сидевший на нем фрак и золотая лорнетка на широкой черной ленте. Он поднес лорнет к глазам, мельком заглянул в программу, лежавшую на рояле, и запел первый романс, слегка прикрыв глаза... Голос его в эти годы был еще молодым, сильным, — это был даже не голос, а какой-то удивительный инструмент, при помощи которого артист умел передавать тончайшие душевные переживания:

*О, где же вы, дни любви,*

*Сладкие сны, юные грезы весны?*

*Где шум лесов, пение птиц,*

*Где цвет полей, свет луны, блеск зарниц?*

И столько грусти и тоски было в эту минуту в его голосе, так печально звучала «Элегия», что слезы сами собой навертывались на глаза, и нельзя было поверить, что этот же самый артист будет петь «Воротился ночью мельник» и изображать подвыпившего мужичка и его сварливую женку, что к концу первого отделения он перевоплотится в старика гренадера, идущего из

русского плена, и как грозно, как величественно будут звучать заключительные аккорды «Марсельезы»! Много пел в этот вечер Шаляпин. И «Ночку», такую простую, задушевную народную песнь, и страшную, сатанинскую свою «Блоху», и «Как король шел на войну». Сколько жалости и нежности вкладывал Шаляпин в строфы о бедном Стасе, над которым шумит и колосится рожь... Вышел я из Оперы как пьяный и потом долго шел пешком, через весь ночной Париж, к далекому студенческому кварталу, и все не мог совладать с охватившим меня волнением.

Несколько лет спустя я пришел к Шаляпину по газетному делу, в его громадную квартиру на авеню Д-Эйло, неподалеку от Трокадеро. Слуга ввел меня в кабинет, где над камином висел кустодиевский портрет Шаляпина во весь рост, в шубе нараспашку, на фоне ярмарки. Кабинет был уставлен тяжелыми старинными креслами, обитыми гобеленами, — на креслах этих были набросаны французские и английские газеты. На стенах было много картин, стояли витрины с какими-то кубками, статуэтками, шкатулками, — я тогда еще не знал о страсти Федора Ивановича к приобретению антикварных вещей. И тут же в кабинете стояли два громадных дорожных сундука с пароходными и отельными наклейками, — Шаляпин только что вернулся из Лондона и не успел распаковаться.

Но рассматривать долго не пришлось. В комнату мягкими шагами вошел певец с улыбкой радушной, почти радостной — тут я почувствовал, что он играет не только на сцене, но и в жизни. Видел он меня впервые, был я молод, ни в какой степени интересоваться его не мог, но раз пришел из газеты журналист, нужно было играть роль человека, ослеславленного и польщенного вниманием представителя «Пятой Державы». И, запахнув полы шелкового халата белой, холеной рукой с крупными перстнями на пальцах, Федор Иванович сказал мелодично, почти пропел:

— Добро пожаловать...

Теперь, вблизи, его можно было хорошо рассмотреть. Все в нем было крупное, даже величавое. Высокий, открытый лоб, глаза светлые, серо-голубые, кожа на лице слегка розовела и каждый мускул играл, — выражение лица его непрерывно менялось. Движения были свободные, гармоничные. Несмотря на утренний час, халат, шарф на шее и комнатные лакированные туфли, от всей его фигуры веяло какой-то естественной элегантностью.

После первых приветственных фраз Шаляпин быстро разволновался, а потом и разгневался. Я принес неприятное известие: «Всерабис» лишил его звания народного артиста. Федор Иванович только недоуменно развел руками, но глаза его в то же время побелели от гнева:

— Что же мне делать? — спросил он. — Стало быть, Шаляпин — не народный артист? А кому же Шаляпин пел, как не народу? Лошадям, что ли? Паспорта меня лишат? Ну, а кровью подменить нельзя, кровь у меня русская. Паспорт — что! Не только паспорт отобрать, но и одежду с меня снять можно... Снимали. В России я пять лет пел за сахар и муку.

Федор Иванович немного помолчал и затем рассказал, из-за

чего возник весь шум, поднятый «Всерабисом». Приехав в Париж, Шаляпин пригласил священника отслужить молебен в недавно приобретенном доме. В церковной ограде на рю Дарю увидел он много бедных людей. Дети, бывшие с ним, выглядели как-то особенно несчастно. И вот Шаляпин, которого все, кому было не лень, упрекали в скупости и в жадности к деньгам, передал священнику для детей 5 000 франков.

— Я не спрашивал, к какой партии эти дети принадлежат. Я знал, что они голодны, и хотел их накормить. Если человек голоден, я готов накормить его. Если это преступление, я виновен перед господами из «Всерабиса».

Расхаживая по комнате, он продолжал говорить:

— Я понимаю это так: мне завидуют и стараются как-нибудь укольнуть. Удивительные эти русские люди! То на руках носят, то готовы в лицо плюнуть. Вот недавно подходит ко мне в ресторане субъект сильно под градусом.

— Федор Иванович! Обожаю... Вы единственный... Позвольте от полноты чувства вас поцеловать.

Смотрю на субъекта, а у него, извините, в усах сопли... Не хочу я с сопливым человеком целоваться. Я женщин теперь мало целую. А тут, вот, чего недоставало! Тип постоял, посмотрел на меня, отошел пошатываясь, и говорит: «Шаляпин, зазнался, сволочь!» Так и «Всерабис». Шаляпин не хочет в Россию ехать, значит, надо ему в лицо плюнуть.

Скажите мне на милость, почему это русские люди так любят заниматься политикой? Вот в России теперь почему-то обязательно надо быть коммунистом, а я не коммунист, от политики устал, никогда она меня не интересовала, и люблю я только пение. Да ведь и пением не давали мне заниматься там спокойно всякие «Всерабисы».

И Шаляпин сказал мне фразу, которую я тут же записал и которую, конечно, никогда не воспроизведут его официальные советские биографы, всячески старающиеся доказать, что великий русский артист стремился вернуться на Родину, но что его не пускало туда «алчное его окружение»:

— В Россию я не вернусь. Довольно. Мне в России «морду горчицей вымазали»... Вот здесь, в Европе, ни немцы, ни французы, ни англичане, никто не приходит и не требует от меня, чтобы я обязательно выступал против китайцев. Нет уж, от китайцев увольте! Слышал я, меня там эксплуататором называют. Так ведь не рабочих я эксплуатирую, а свой собственный голос. И шампанское пью, ежели это им не нравится, за свои собственные, заработанные денежки...

Позже, в наших беседах, возвращался он к этой теме неоднократно. Конечно, был Шаляпин глубоко русским человеком, по России тосковал, чувствовал себя связанным с ней глубокими, органическими узами. И свой вынужденный отрыв от России, от родной русской природы, от русского театра переживал болезненно. Иногда спрашивал:

— Скажите на милость, почему должен я петь в Бордо или Мюнхене, а не у нас в Саратове? По-настоящему хотел бы я жить в моей деревушке Старове, во Владимирской губернии.

Дача у меня была там славная. Сколотили замечательный дом из сосновых бревен. Речка под боком,— мы с Костей Коровиным рыбу удили, потом купались и на берегу уху варили... Оказалось, все это буржуазно. Должно быть, сделали там какой-нибудь колхоз.

Вот как странно у меня судьба сложилась. Вышел я из этого самого пролетариата, образование получил в приходском училище. Так и остановился на первых четырех правилах. Много пришлось поработать, многому самому научиться, чтобы потом Бориса сыграть... Был я всю жизнь рабочим, а вот — наложили на меня всякие контрибуции да и из России выжили. Не знаю кому сколько, а мне торжество пролетариата обошлось без малого в четыре миллиона рублей. Бог с ними, с деньгами этими! Не в наследство получил от отца-писаря! Сам нажил, своим трудом... Звали меня в Россию вернуться, звали... Надо было поклониться...

И с лицом, внезапно налившимся кровью:

— Не лоблю кланяться. Ни царям, ни псарям!

Его звали. И полпред Красин, с которым Шаляпин иногда встречался за границей, и Алексей Толстой, и, в особенности, Горький. Федор Иванович отвечал уклончиво: подписаны контракты, занят, да и впускают ли?

По свидетельству Е. Пешковой, Максим Горький обратился с этим вопросом к самому Сталину.

— Что же,— ответил Сталин,— двери открыты, милости просим...

Приглашение это было немедленно Федору Ивановичу передано, но он не пожелал им воспользоваться.

Однажды, в веселую минуту, рассказал мне Шаляпин такой случай. Было это через год или два после его отъезда из России, когда жил Федор Иванович еще по советскому паспорту.

Из полпредства явился чиновник. Очень любезный. Осведомился о здоровье, об успехах. И вкрадчивым голосом напомнил, что по соглашению с Наркомпросом перед выездом за границу Федор Иванович пообещал некий процент своих заработков отдавать правительству. Должок накопился порядочный...

Федор Иванович выслушал чиновника одобрительно, почти радостно кивая головой:

— Совершенно справедливо... Так, так... Конечно, надо заплатить. Да я сейчас, одну минуточку.

Вышел в соседнюю комнату, порывлся в письменном столе и нашел старую чековую книжку Петербургского Международного Банка,— хранил ее, как реликвию... Выписал чек на шестизначную сумму и с торжеством вынес представителю советской власти:

— Пожалуйста. В Петербурге и получите с моего счета. У меня там несколько миллионов рублей осталось.

И, вспоминая об этом случае, Шаляпин неизменно начинал весело смеяться.

Со времени смерти Шаялина не прекращается спор о том, думал ли он когда-нибудь серьезно о возвращении в Советскую Россию.

Вот что рассказала мне как-то за обедом у общих друзей вдова покойного Мария Валентиновна:

— Федор Иванович в гневе бывал страшен... Так вот, живи он в Советской России, он не выдержал бы. Бутылкой мог убить.

Бывали у него в Москве такие страшные припадки гнева. Однажды какой-то комиссар в театре начал доказывать, как много, дескать, советская власть делает для искусства. Федор Иванович вдруг вспылил:

— Да какая же это власть? Г..., а не власть! Что она в искусстве понимает?!

В те времена это еще могло сойти ему с рук. А другой раз какой-то советский сановник начал поучать Федора Ивановича, как надо понимать пролетарское искусство. Шаялин побелел, встал, взглянул на него и загремел:

— Ты кого учишь, сукин ты сын! Я царя Бориса понимаю, а твоего пролетарского искусства понять не могу?! Вон отсюда, пока я тебя с лестницы не сбросил!

И Мария Валентиновна заключила:

— По России Шаялин тосковал. Но вернуться в Советскую Россию никогда не собирался.

Шаялин вечно был в разъездах, уезжал с концертами в далекие страны, но в Париж неизменно возвращался с радостью. Париж был связан с воспоминаниями юности, с триумфальной постановкой «Бориса», привезенного Дягилевым. В Париже была семья, был его дом.

Однажды попал я на авеню Д-Эйло в тяжелый день: у Шаялина была простуда, а на следующий день предстоял спектакль в Опере. И, как всегда в таких случаях, он нервничал, не находил себе места и горько жаловался на свою судьбу:

— Ведь я здоров физически,— говорил он.— Так здоров, что, пожалуй, готов в цирке с кем угодно бороться. А тут заложило нос,— придется весь день сидеть у камина, по-стариковски, и думать: буду петь, или надо отменить? В такие дни на душе так обидно становится, что иногда я спрашиваю себя: а не лучше было бы послушаться отца и стать сапожником? Очень хотел отец из меня сапожника сделать. И жил бы я теперь припеваючи, тачал бы сапоги первый сорт... Бил меня отец под пьяную руку и кричал при этом:

— В дворники надо идти, скважина, в дворники, а не в театр! Что в театре хорошего? Мастерские вот как живут: и сыты, и обуты... А ты в тюрьме сгниешь!

...Походил по комнате, остановился перед зеркалом, с беспокойством на себя посмотрел; взял пульверизатор, попрыскал чем-то себе в горло, вполголоса взял ноту «ми-ми-ми...» И вдруг, неожиданно:

— В карты играете? В преферанс?

— Нет, Федор Иванович,— ответил я не без смущения.— Не играю.

Удивленный и несколько разочарованный взгляд.

— Ну, хоть в шестьдесят шесть?

— Нет... Ничего в картах не понимаю. Червей от пик отличить не могу.

— Так, так... Что же, годики пройдут. Женщины от вас отвернутся. И без карт плохо вам будет. Печальная, одинокая старость.

И опять — пульверизатор...

Я тогда не знал, друзья рассказали мне позже: Федор Иванович любил играть в карты, и если выигрывал, приходил в хорошее настроение, и не из-за денег, конечно, а из столь нужного ему чувства победителя. Проигрыша не выносил, становился раздражителен, резок. Были в его окружении постоянные партнеры, которые хорошо знали эту слабость Шалыпина и делали все возможное, чтобы ему незаметно проиграть.

Дочь Шалыпина, Лидия Федоровна, рассказывала мне, что отец иногда играл с ней в бильярд. Если выигрывал, был весел и ласков. Проиграв же, бросал кий и в сердцах говорил:

— А играть ты все равно не умеешь!

Должно быть, простуда все-таки прошла, потому что на следующий день «Бориса» он пел. И именно потому, что я знал, как волновался перед этим спектаклем Шалыпин, этот вечер особенно мне запомнился.

Вот шествуют чинно бояре из Успенского в Архангельский собор, плывет над Москвой трезвон колоколов, толпится простой народ, и Шуйский сладким тенорком провозглашает с паперти:

— Да здравствует царь Борис Федорович!

А за белыми рындами появляется царь Борис, скорбный, с печальной думой на темном, немного татарском лице, окаймленном черной как смоль бородой. Величава и медлительна его поступь, скорбит душа его, он не сказал еще ни слова — только внимательно взирает на толпы людей, теснящихся перед собором, а уж зритель покорен силой и мощью, исходящей от этого человека... Воистину — великий государь!

Эти молчаливые выходы Шалыпина в «Борисе», в «Псковитянке» или в стане Кончака всегда потрясали. В эти минуты особенно чувствовалась царская его порода, великое искусство шалыпинского перевоплощения. Недаром так много учился он у больших драматических актеров. Станиславский всегда говорил артистам Художественного театра:

— А вы сыграйте так, как сыграл бы эту роль Шалыпин.

Сколько раз потом приходилось слышать и видеть Шалыпина в «Борисе Годунове», и всякий раз спектакль этот потрясал. Почему-то особенно трагической казалась сцена в тереме, — любящий, нежный отец, склоняющийся к «бедной голубке» Ксении, его восхищение царевичем и вместе с тем тайная забота и тревога за будущее:

*Когда-нибудь, и скоро, может быть,*

*Тебе все это царство*

*Достанется...*

А сколько тоски, отчаяния, гнева и бессильной ненависти

в мятушемся царе с нечистой совестью, какой безотчетный страх звучит в его фразе:

*Дитя окровавленное встает...*

И с этой минуты тень замученного ребенка не покидает безумца в кремлевских палатах. Как забыть его допрос лукавого царедворца Шуйского, а потом бредовый выход Бориса в лунном свете, его истошный, страшный крик: «Чур! чур! Не я, не я твой лиходей!», когда он корчится, ползает по полу, — вот они, репинские глаза сыноубийцы Ивана Грозного!

Когда-то А. Н. Бенуа рассказывал, что на первом представлении «Бориса Годунова» в Париже весной 1908 года произошла необычайная вещь. Когда Шаляпин, пятясь назад от призрака кровавого младенца, выпел на сцену с криком «Чур! чур!», часть зала медленно поднялась с мест, словно множество людей в это мгновение сами увидели страшный призрак убиенного царевича. Незабываем и внешний облик, самый грим Шаляпина в этой сцене. Он уже не «великий государь» в полном расцвете физических сил, сознающий всю свою мощь и величие... Щеки его впали, волосы в бороде поседел, спутаны, в глазах ужас и безумие.

Но когда начиналась финальная сцена агонии и приближалась смерть, об игре Шаляпина в зале все забывали: так звучал в эти минуты его голос, столько в нем было нежности, мольбы и любви к сыну, что ни о чем ином, кроме пения, нельзя было и думать. Грозно и повелительно звучало его политическое завещание:

*Не вверяйся наветам бояр крамольных!*

Внезапный переход к человеческому, к отцовским чувствам, нежнейшее пианиссимо:

*Сестру свою, царевну, береги, мой сын...*

И молитвенное обращение к «силам небесным», — некий иконописный образ и чистейший, ни с чем не сравнимый голос, который минуту спустя сменится жалким, страдальческим криком:

*О злая смерть! Как мучишь ты жестоко!*

Последний, душераздирающий вопль было невозможно перенести:

*Повремените! Я царь еще!*

Помню: когда занавес медленно опускался, скрывая от публики тело мертвого царя и склонившегося над ним рыдающего Федора, зал никогда не начинал сразу аплодировать. Была длинная пауза, нужно было несколько секунд, чтобы побороть в себе жалость, и страх, и смятение, и только после этого можно было дать выход своему волнению и восторгу.

Лето 35-го года мы провели в Виши и часто встречались в парке на прогулке с Шаляпиным. Федор Иванович лечился, пил по утрам тепловатую воду из источника, а вечером пел в Театре Казино «Дон Кихота» и «Бориса Годунова». Каждый раз перед спектаклем происходил такой разговор:

— Вы с женой вечером приходите. Только не в зал, а за кулисы, ко мне, в артистическую... Не могу я быть один, нервничаю. А я тут никого в этом городе толком не знаю.

Мы приходили за час до спектакля. Шаляпин уже гримировался. Это была очень медленная и кропотливая процедура, причем работал он над своим лицом, как художник над полотном. Делал широкие мазки, вблизи это могло казаться грубоватым, но со сцены грим не был заметен, так естественно выглядело его лицо. На наших глазах белообрый волжский богатырь постепенно превращался в усатого Рыцаря без Страху и Упрека со впавшими щеками и провалившимися глазами, или в черноволосого, жестокого полутатарина Бориса... Однажды, когда грим был уже почти закончен, Федор Иванович вдруг бросил карандаш на столик и с отчаянием сказал:

— Не могу! Руки дрожат от волнения!

— Помилуйте, Федор Иванович! Вы сегодня поете «Бориса». Тридцать лет уже поете... Чего же вам волноваться?

Шаляпин посмотрел с осуждением:

— Сапожник не волнуется. А настоящий артист волноваться должен, не может не волноваться... У меня всегда руки дрожат перед выступлением.

И правда, я видел, как перед выходом на сцену он места себе от волнения не находил. Но зато после спектакля сразу повеселел. Медленно разоблачился, снял вазелином грим, разделся до пояса, — был он в этот момент похож на римского гладиатора, — и вдруг подмигнул:

— Смотрите, сейчас китайца покажу.

Подтянулся, напряг мускулы, и, правда, из каких-то морщинок на животе сложилось лицо смеющегося китайца.

Обращаясь к жене:

— Ну, ладно, мадам, вы теперь выйдите, а то будет хуже, чем китаец. Я переоденусь, и пойдем выпьем чего-нибудь, отпразднуем.

У меня было в Париже несколько писем Федора Ивановича, они пропали во время войны. Случайно сохранилась только одна открытка, полученная после этого сезона в Виши. Шаляпин уехал отдыхать в Котерет, в Пиренеях, а мы в Овернь, на озеро Шамбон.

«Милый друже мой! — писал Федор Иванович. — Спасибо за статью и за открыточку. Ваша милая память была мне очень приятна.

Я вижу на озере вашем красиво и приятно. Надеюсь хорошо отдохнете. Поцелуйте ручку жене и примите мой сердечный привет.

Ф. Шаляпин».

Было другое лето, когда мы гостили в Сэн Жан де Люс у наших старых друзей М. В. и Л. М. Розенталь. В самом конце бухты, у мыса Сэнт Барб, стояли две виллы Федора Ивановича «Имба» и «Корсар». Утром он приходил на узкий волнорез, где я купался и ловил бычков. Шаляпин неизменно был в ослепительно белой шелковой рубашке с галстуком-«бабочкой», в белых фланелевых панталонах. Даже в деревне на отдыхе сохранял он всю свою элегантность.

Мы долго прогуливались по набережной, смотрели, как в море выходит флотилия рыбацких судов на ловлю тунь, и Федор Иванович любил рассказывать, как в молодости на Волге он вдруг стал страстным рыболовом и теперь иногда мечтает захватить в глушь, чтобы была речка или озеро с запрудой и мельницей и чтобы можно было посидеть на бережку с удочкой в руке... Говорил во время этих прогулок больше Шалапин. Я слушал и старался запомнить и, вернувшись домой, как можно точнее записать его слова, — изменив стиль Шалапина, весь оборот его речи, можно было рассказ только испортить.

Сохранилось у меня с этих времен много таких записей, — иногда просто отдельные, поразившие меня фразы. Например, как-то речь зашла о Рахманинове. Шалапин остановился и, с высоты своего громадного роста поглядев на меня, сказал:

— Рахманинов? Это, друже, гора, горище. Я в жизни никого не боюсь, а перед ним трепещу.

Очень скоро и с удивлением я заметил, что исключительный свой талант драматического артиста, собственно игру, Шалапин в себе не особенно ценил. Пение для него всегда было на первом месте, превыше всего. И замечательно: Федор Иванович, весьма любивший всяческое перед собой преклонение, по отношению к своему собственному искусству был критиком строжайшим, ничего себе не прощал. Если чувствовал, что пел не так, как нужно, или голос не звучал, — комплименты резко обрывал, становился мрачнее тучи.

— Я-то знаю, — говорил он, барабанив пальцами по столу. — Меня не обманешь. Вот вы все игрой восхищаетесь, а я больше всего боюсь, как бы игрой не загниготизировать зрителя и не помешать ему зрелищем слушать музыку... Что говорить, — игра важна, и я над ней немало работаю, но если подумать — вещь не такая уж премудрая... Надо забыть самого себя. Если играю Бориса, чувствую себя Борисом. Когда пою Варлаама, чувствую себя беглым монахом и пьянчужкой Варлаамом.

— Да ведь чувствовать себя Варлаамом можно, — возразил я, — но у вас получается, а у другого, который тоже старается почувствовать, ничего не выходит. Правды нет, и зритель ему не верит, сколько бы он ни старался и ни жестикулировал...

— Жест! — прервал Шалапин. — Жестом у нас в опере любят злоупотреблять, но только что же? Стоят на сцене два десятка здоровенных мужиков с наклеенными бородами и протягивают как по команде руки к дирижеру... Не люблю я в жизни, а тем более и в опере всякую фальшь, даже освященную и узаконенную традициями, и недаром говорили, что я — нарушитель всех трафаретных приемов на сцене. Вот, милый, запомните, что я вам сейчас говорю: настоящий жест — это не размахивание руками и не движение тела, а движение души...

В послеполуденные часы, когда спадал зной, мы отправлялись посидеть в саду «Корсара». Как-то встретившийся по дороге мальчишка-газетчик сообщил,

— Видели? Приехал мосье Шалапин. Только что гулял по набережной...

И с нескрываемым восхищением:

— Здоровый такой... Вот, должно быть, пьяница!

Я рассказал Федору Ивановичу о мальчишке, — рассказ был к случаю, так как Шаляпин в честь гостей распорядился открыть громадную бутылку крепчайшего арманьяка. Прихлебывая спиртное из широкого бокала, он с невинным видом спрашивал:

— Ну, скажите на милость, — откуда пошла эта легенда, будто я — пьяница? Бывало, откроешь какую-нибудь бульварную газетку и читаешь: «Нам передают, что вчера вечером известный артист Ш. на четвереньках искал выхода из ресторана «Олимпия». А выпил я с кем-нибудь за компанию всего-то одну бутылку шампанского... Или возвращается домой из трактира пьяный купчишка, еле на ногах держится. Ну, конечно, жена его начнет ругать, — бесстыжие, мол, твои глаза, опять нализался. А купчишка удивляется:

— Я — пьян? Вот Шаляпин, так тот выпил! Четыре бутылки один раздавил!

Федор Иванович, мастерски изобразивший сцену с пьяным купчишкой, равнодушно добавляет:

— Пью за завтраком и обедом красное французское вино. До двух бутылок в день, и очень хорошо себя при этом чувствую. А алкоголя мне нельзя, врачи не позволяют.

Затем сосредоточенно берет со стола бутылку со стоградусным арманьяком и подливает в бокалы:

— В Виши был, печень лечил... Теперь вот арманьяком себя вознаграждаю. За ваше здоровье!

И при этом церемонно поднимал бокал, слегка прикрывал глаза и вдыхал «букет»... И ноздри при этом трепетали.

Иногда, в те дни, когда Мария Валентиновна особенно сурово поглядывала на бутылку, мы скромно пили чай в саду, под зонтиком, на площадке, усыпанной ярко-желтым гравием. Потом уходили в гору по тропинке, к развалинам старинного испанского монастыря. Шаляпин долго искал во Франции дачное место, которое напоминало бы ему Россию, так и не нашел, но очень полюбил береговую полосу у испанской границы. Здесь был простор, в лицо всегда дул свежий, соленый и немного влажный ветер. Внизу, под обрывом, пенился прибой... Впереди мелькало синенькое ситцевое платье Даси, младшей дочери, в которой Федор Иванович души не чаял.

Как-то отправились мы гулять с местным жителем — контрабандистом. Был он баск, в неизменном синем берете, — еще сейчас помню его смуглое, обветренное лицо. Рассказывал Чикито о своей работе и о том, как безлунными ночами баски пробираются горными тропинками, прислушиваются к малейшему шороху, готовые к встрече с пограничниками.

— Идем гуськом, человек десять. У каждого на спине двадцать литров чистого спирта. Не очень это доходное ремесло, но есть опасность, а опасность всегда влекла к себе монтаньяров. Ничего не поделаешь, в жилах наших течет старая корсарская кровь.

Хуже всего на перевалах, где пограничники устраивают засады. Заезаешься и — пропал твой спирт!

Шальяпин мечтательно слушал, должно быть, представлял самого себя ночью, в горах, с контрабандистами. Покачивал головой:

— Ежели бы я был контрабандистом — давно бы спился. Ведь этакое богатство — двадцать литров чистого спирта!

Поглядел на узкую тропинку, уходящую в горы, и неожиданно вполголоса запел из «Дон Кихота»:

— C'est ici le chemin que prennent les bandits!\*

На следующий день вспомнили о контрабандисте Чисито, и Федор Иванович заговорил о ворах.

— Как-то в Кисловодске воры сняли у меня на улице часы. Ценность не Бог весть какая, а часами этими я очень дорожил, — память была... Отправился на следующий день в сыскное отделение и говорю начальнику:

— Вы ведь всех местных воров и карманников знаете. Они у вас на учете. Уж доставьте мне удовольствие: передайте им, что Шальяпин просит их завтра к себе на завтрак.

На завтрак собралось у меня немало славных ребят. Угостил я их, как следует, шашлык ели, цыплят-табака, вино пили... А под конец я им говорю:

— Слушайте, сукины дети, а ведь кто-то из вас упер у меня часы! Вы их верните мне, а что стоят часы — я с удовольствием заплачу, так что убытка вам не будет.

Начали мои гости друг на друга подозрительно поглядывать, о чем-то между собой шептаться... Потом один говорит:

— Ей-Богу, Федор Иванович, не мы часы сперли! Станем своего брата, артиста, обижать! Да мы вас уважаем слишком!.. Нет, это какой-то подлец-гастролер работал. Мы уж его найдем и часы вам доставим.

Действительно, должно быть, работал гастролер, человек не местный. Потому что часы мне так никогда и не вернули.

Много интересного о Шальяпине узнал я не от него самого, а от членов его семьи или близких друзей. Как-то младший его сын Федор Федорович, отлично имитирующий отца, рассказал забавную историю, по-моему, нигде до сих пор не напечатанную.

Был в Петербурге царский спектакль. Шел «Борис Годунов».

В антракте директор Императорских театров сообщил Шальяпину, что Его Величество приглашает артиста в царскую ложу. В тяжелом парчовом одеянии Бориса, в гриме, как был, Шальяпин проследовал в царскую ложу, где пили чай.

После обычных в таких случаях фраз государь сказал:

— Я, Федор Иванович, хотел у вас кое-что приватно спросить...

Отвел его в глубь ложи:

\* Вот здесь дорога, которую выбирают бандиты. — Франц. (прим. ред.)

— Скажите, вот я часто бываю на оперных спектаклях. Почему это тенора всегда имеют у публики, в особенности у женщин, такой успех, а басы, кроме вас, нет?

Шаляпин ответил:

— Ваше Величество, ведь это очень просто... Тенора всегда поют партии любовников... «Куда, куда вы удалились?» Ну, женщины и умирают... А мы, басы, кого поем? Либо монахов, либо дьяволов, либо царей. Кого же это интересует?!

Государь подумал, подергал бородку и согласился:

— Да, действительно роли все неинтересные...

К слову сказать, Шаляпин в своих «Воспоминаниях» описывает посещения царской ложи, но об этом разговоре умолчал.

*Se non e vero e ben trovato...*

Весной 1937 года был я в Париже у Шаляпина на авеню Д-Эйло. Пришло несколько французских и иностранных журналистов. Федор Иванович «шармировал» их, как он один умел это делать, но больше улыбками и боярскими, широкими жестами. Разговор не клеился — в иностранных языках Шаляпин был не силен.

— *Je parle francais comme un stoeross.*

И, обращаясь ко мне:

— Объясните им, друже, что это означает стоеросовый дуб!

Потом, когда журналисты ушли и можно было перейти на родной язык, Федор Иванович приказал подать виски, оживился и вдруг начал разыгрывать сцену из «Скупого Рыцаря»:

*Тут есть дублон старинный... Вот он. Нынче*

*Вдова мне отдала его, но прежде*

*С тремя детьми полдня перед окном*

*Она стояла на коленях, воя.*

Я слушал его с глубоким волнением и думал: какое это счастье! Вот Шаляпин играет сейчас для одного тебя... Никакое описание не может передать игры Шаляпина. Был он в городском костюме, без грима, но лицо его как-то внезапно осунулось, в глазах появился жадный, лихорадочный блеск, пальцы, перебиравшие золотые монеты, стали крючковатыми и стариковскими... Закончив монолог, Федор Иванович устало прикрыл глаза и тихо сказал...

— Дублон старинный... Я этого Рыцаря скупого чувствую. Недаром говорят люди, что я сам скуп и алчен. Правда, люблю деньги! Меня за это и Горький упрекал, да и все упрекали, кому не лень<sup>1</sup>. А знают ли эти самые люди, что такое

<sup>1</sup> Горький писал, что «Шаляпин много говорит о деньгах — признак дрянной». Но вот что писал по этому поводу сам Шаляпин в письме Горькому из Парижа, 16 сентября 1925 года: «...смысл этой работы теряет то прекрасное, которым я жил раньше: художественные задачи смяты в рутинных театрах, валюта вывихнула у всех мозги, и доллар затемнил все лучи солнца. И сам я рыскаю теперь по свету за долларами и, хоть не совсем, но по частям продаю душу черту. На доллары купил я для Марии Валентиновны и детей дом в Париже (не дворец, конечно, как описывают и говорят разные люди, но однако живу в хорошей квартире, в какой никогда еще в жизни не жил)».

настоящий голод? Я-то знаю — по два дня в Казани и в Нижнем ходил не емши... И еще боюсь, смертельно боюсь: состарюсь, потеряю голос, денег не будет, и никто не поможет, никто!.. Я знал таких нищих стариков певцов, а ведь какие орлы были в прошлом! Вот этот страх остаться без голоса и без денег и гложет меня, не дает мне покоя... Да, деньги, «люди гибнут за металл»... А без этого металла, без денег, не проживешь. Но и в деньгах радости нет.

И внезапно, со слезами на глазах:

— Где она, моя милая Россия? К чему это все? Почему я здесь, а не в Москве или у себя на Волге?

Иногда я заглядывал в студию Коровина у Порт Сэн Клу. Жилось Константину Алексеевичу тяжело, он писал только «ходкий товар» — все больше развални на снегу или ночной Париж, — эти вещи имели легкий сбыт.

По утрам Коровин бродил по своей студии всклокоченный, весь седой, какой-то растерзанный, он удивительно напоминал шалыпинского «Мельника» в последнем акте. И тоже любил поговорить, изобразить — очень красочный был он рассказчик.

Когда-то, когда Шалыпин и Коровин много жили вместе или часто встречались друг с другом, рассказам и шуткам не было конца. Изображали каких-то подвыпивших купцов на нижегородской ярмарке или охотников на глухарей. Был совершенный театр. Но в последний период их жизни старые друзья друг к другу охладели, что-то между ними произошло, и они почти не встречались.

— Знаешь, — говорил Коровин, обращаясь ко мне на «ты», как он делал со всеми своими собеседниками, — Федя, он нынче очень изменился... Я так полагаю: скучно ему стало жить. Понимаешь? Скучно...

— А как вы с Шалыпиным познакомились и подружились? — спросил я, желая вызвать Константина Алексеевича на интересный рассказ.

— С Федей? Прихожу я в ресторан Лейнера на Невском обедать с дирижером оперы Труффи. Приводит с собой Труффочка молодого человека. Ростом в сажень, худой, глаза серые, ресницы — солома. Молодой человек смотрит на меня, улыбается, и спрашивает с таким матерным акцентом:

— Парлато итальяно?

Я был тогда жгучим брюнетом. Он, знаешь, принял меня за итальянца. Начали мы есть. Очень много он ел, прямо видно, как куски в горле проходят... Когда он насытился и собирался уходить, Труффи дал ему взаймы три рубля.

— Кто он такой? — спросил я Труффи.

— Замечательная человека. Приходи его послушать. Зовут Шалыпин. Такая голос!

Так мы и познакомились, и уж на всю жизнь.

Позже знакомство и дружбу с Шалыпиным Коровин описал в книге, вышедшей уже после смерти Федора Ивановича. Странная была это книга, необычайно ярко написанная, как коро-

винская картина. Некоторые страницы были изумительные, а временами вдруг появлялась злость и какая-то зависть к другу юности, и много лишнего, чего можно было о Шаляпине не писать.

Под вечер 12 апреля 1938 года импресарио Ф. И. Шаляпина М. Э. Кашук позвонил ко мне в редакцию «Последних Новостей»:

— Приезжайте поскорее... Только что скончался Федор Иванович.

Французские журналисты, дежурившие в вестибюле дома на авеню Д-Эйло, еще ничего не знали. Им объявили о смерти Шаляпина только после того, как врач официально ее констатировал.

Мне рассказали близкие, что предыдущую ночь Федор Иванович спал спокойно. Но часов в одиннадцать утра начался бред.

В беспомощности Федор Иванович несколько раз жаловался:

— Тяжко мне... Где я? В русском театре? Чтобы петь, нужно дышать, а нет дыхания...

Позже он взял руку жены, стоявшей у его изголовья, и сказал:

— За что я должен так страдать? Маша, я пропадаю...

После этого он уже не произнес ни слова.

Во время своей болезни Шаляпин не сознавал, что умирает, все надеялся, что отлежится и потом уедет в деревню на поправку.

Но о близости смерти писал иногда в Москву дочери Ирине и один раз, дней за десять до конца, приподнялся на подушках и сказал сиделке, бывшей в комнате:

— Мне кажется, я сегодня умру.

— Что вы, Федор Иванович!

— Нет... право... Хорошо бы сейчас умереть. Очень страдаю. Вот тут, — он указал на грудь, — словно нож торчит...

Место на кладбище Батиньоль он выбрал уже давно — кладбище понравилось ему своим простором, солнечностью, раскидистыми платанами.

Он сам указал место, где поставить гроб, — в столовой, под образами, и вечером уже лежал в этом углу, в страшном одиночестве. Прекрасно и бледно было его лицо в неровном свете потрескивавших восковых свечей. Наутро у гроба стоял мольберт, и сын, Борис Федорович, торопливо и нервно писал портрет отца — торопился, словно боялся, что не успеет закончить.

На панихиде в это утро я передал Марии Валентиновне пакетик с русской землей. Я взял пригоршни земли на русской стороне, когда переходил границу в Латгалии. И землю эту на похоронах высыпали на гроб Шаляпина.

Его хоронили чудесным апрельским днем. Старый платан над раскрытой могилой был уже весь в цвету.

# КУПРИН

**И**сполнилось всегдашнее желание Куприна — умереть у себя дома, на русской земле. Когда Александр Иванович внезапно уехал в Россию, его никто не осудил за «измену эмиграции». Знали, что в Россию увезли больного, беспомощного старика, уже плохо сознававшего, что с ним происходит. Но было бы ошибочно думать, что эта последняя, трагическая поездка Куприна не соответствовала его сокровенным желаниям... Вспоминаю я один разговор в Париже, на похоронах писателя-эмигранта. Похороны были бедные, грустные — пришло особенно мало людей, — и на обратном пути Александр Иванович вдруг взял меня под руку, вид у него был очень несчастный.

— Умирать нужно в России, дома, — сказал он тихо. — Так же, как лесной зверь, который уходит умирать в свою берлогу.

Видимо, с каких-то пор мысль эта его не оставляла. Несколько месяцев спустя мы отправились гулять, как это делали часто, шли вдвоем по весеннему парижскому бульвару. Александр Иванович радостно щурился на солнце, любовался молодой зеленью каштанов, которые уже начинали зацветать, а потом, совсем неожиданно и без связи с тем, о чем мы беседовали, сказал:

— А знаете, я верю, что умирать уеду в Россию.

— С чего это вы, Александр Иванович?

— Уеду, и вот когда-нибудь в Москве ночью проснусь и вспомню этот бульвар, эти каштаны, любимый и проклятый Париж, и так занеет душа от тоски по этому городу!

Об этом возвращении в Россию он думал, должно быть, часто. И когда жена начала хлопотать и списываться с И. Я. Билибиным и с Алексеем Толстым, который уехал в Россию совсем не из тоски по родине, как пишет теперь Илья Эренбург, а скорее, чтобы скрыться от кредиторов и портных, Куприн не возражал, а по-детски радовался: вернуться в Москву!.. В этот период парижской жизни он был уже тяжело болен. Не узнавал даже самых близких людей и однажды поразил пользовавшего его русского врача таким разговором:

— А знаете, я скоро уезжаю в Россию.

— Как же вы поедете туда, Александр Иванович? Ведь там — большевики.

Куприн растерялся и переспросил:

— Как, разве там — большевики?

Замолчал, и больше уж на эту тему разговора не возобновлял. А на вокзале, садясь в вагон, он сказал:

— Я готов был пойти в Москву пешком, по шпалам.

Был он связан с Россией такими кровными узами, что, оторвавшись от родной земли, уже не мог писать, сознавал это и испытывал величайшие страдания.

— Писал в Париже Тургенев, — жаловался он. — Мог писать вне России. Но был он вполне европейский человек, и было у него душевное спокойствие. Горький и Бунин писали на Капри прекрасные рассказы. Бунин там написал свою «Деревню». Но ведь у них было тогда чувство, что где-то далеко у них есть свой дом, куда можно вернуться, принасть к родной земле, набраться от нее сил... А ведь сейчас у нас чувства этого нет, и быть не может: скрылись мы от дождя огненного, жизнь свою спасая. Есть люди, которые по глупости или от отчаяния утверждают, что и без родины можно или что родина там, где ты счастлив... Но, простите меня, все это притворяжки перед самим собой. Мне нельзя без России. Я дошел до того, что не могу спокойно письма написать туда, ком в горле... Вот уж, правда, «растворях хлеб свой слезами».

Несчастье Куприна заключалось в том, что он не мог писать по памяти, как Бунин, Шмелев, Зайцев или Ремизов. Куприн всегда должен был жить жизнью людей, о которых писал, будь то балаклавские рыбаки или люди из «Ямы».

84 — Ничего никогда я не выдумывал, — говорил мне Куприн о методах своей работы. — Жил я с теми, о ком писал, впитывал их в себя, барахтался страстно в жизни. Потом все постепенно отстаивалось, и нужно было только сесть за стол и взять в руки перо... А теперь что? Скука зеленая.

Это был черный день. Но бывали дни другие, спокойные, даже радостные. На широком, некрашеном столе появлялась бутылка вина и тарелка с медовыми пряниками из соседней русской лавочки. Александр Иванович разливал по стаканам и говорил с улыбкой — он любил улыбаться, и на лице его при этом появлялось какое-то детское выражение:

— Ну, поздороваемся!

Закусывали пряником, и сразу повеселевший Куприн начинал вспоминать прошлое. Рассказывал он охотно, не повышая голоса, скороговоркой:

— Первый гонорар — нет, это, брат, не забудешь! Десять рублей прислали мне из журнала. Огромнейшая была тогда сумма... Я на эти деньги купил матери козловые ботинки, а на оставшийся рубль пошел в манеж и поскакал. Люблю лошадей!

С этим первым рассказом, который принес ему десять рублей гонорару, вышла большая неприятность. Куприн был тогда еще в юнкерском училище, и когда пришел номер с рассказом, юнкера вызвали к начальству.

— Куприн, ваш рассказ?

— Так точно!

— В карцер!

Так сказать, в назидание на будущее время: не печатайся без разрешения начальства!

Сидя в карцере, Куприн от скуки прочитал свой рассказ отставному солдату, старому училищному дядьке. Выслушал он внимательно и сказал юному автору, ждавшему комплиментов:

— Здорово написано, ваше благородие! А только понять ничего нельзя.

Александр Иванович очень любил молодых и всячески им помогал. Пришел я к нему за интервью для иллюстрированного журнала — был тогда безусым юношей, — а Куприн усадил меня, как почетного гостя, в мягкое кресло, сам сел на стул, обласкал, и вдруг оказалось, что читал какие-то мои очерки и очень хвалил. Это была очень характерная черта его — благородство и благожелательность, постоянная готовность помочь начинающему писателю. Года два спустя, когда мы сдружились, он сам предложил написать предисловие к моей книге «Париж ночью», и предисловие вышло лестное. Перед этим долго и строго меня допрашивал:

— Почему беллетристику не пишете? Пора переходить на рассказы.

— Да я очень люблю газету, Александр Иванович. И журналистика — занятное ремесло.

Куприн поднял свое татарское, скуластое лицо с широким, сломанным и несколько приплюснутым носом и начал смеяться:

— Ну, вам виднее! Хороший журналист всегда лучше посредственного писателя... А вы все-таки попробуйте. Может выйти.

Оригинал написанного им предисловия сохранился у меня до сих пор, в нем он высказывает ту же мысль о преимуществах журналиста перед беллетристом. Предисловие написано тем корявым почерком, который так был характерен для последних лет Куприна. Строчки сползают куда-то вниз, и всюду — бесчисленные вставки и поправки («Без поправок не умею»). К сожалению, хранившаяся у меня пачка отобранных, самых интересных писем Куприна погибла в 1940 году, попав во время обыска в руки агентов гестапо. Уцелело лишь несколько писем, случайно бывших в общем архиве. Вот одно из них, без даты, вероятно, относящееся к 1929 году. Я запрашивал Александра Ивановича, над чем он работает? Ответ был написан в духе шутильвом:

«Над чем я работаю? Над письменным столом. На нем у меня около тысячи самых разнообразных предметов. Каждое утро, не внимая моим ежедневным мольбам, наша Мария Михайловна приводит этот стол в симметрический порядок, я же трачу целых двенадцать часов на то, чтобы привести его в привычный и удобный для моих занятий беспорядок. А назавтра то же самое.

Что я задумал? Поехать на Таити. Об этом я думаю непрерывно с 1899 года, но никак не удается».

В молодости Куприн жил буйно, был страшен во хмелю, злоупотреблял своей физической силой и временами делал вещи

бессмысленные и даже жестокие. Таким я его не знал — мы познакомились поздно, в Париже, и тогда Александр Иванович уже был совсем иным, — гды и болезнь сломили его, он сделался мягким и ласковым.

Жил Куприн по соседству, очень близко от Булонского леса, и я часто к нему заходил. Осенью в его комнате, оклеенной белыми обоями с цветочками, пахло гниющими листьями и теплой, влажной землей. Кот «Ю-ю», которого потом тоже увезли в Россию вместе с хозяином, мирно спал на столе, развалившись на рукописях, на больших белых листах, исписанных почерком человека, которому уже плохо повинуется рука.

— Презирает меня кот, — жаловался Александр Иванович. — Презирает. А почему, не знаю. Должно быть, за поведение...

Кота своего он обожал, и тот держал себя в доме настоящим тираном, разгуливал по столу во время обеда, норовил лизнуть с тарелки. Такой же кот был и у Н. А. Тэффи, также разгуливал он свободно по столу, обнюхивал печенье, и Надежда Александровна негодовала, что я после этого не хочу есть это печенье, за которым специально ходила в хорошую кондитерскую... Любил еще Куприн птиц, собак, лошадей — ни разу не видел, чтобы он прошел мимо пса на улице и не остановился, чтобы его не погладить. Но настоящей страстью были лошади, он искренне был убежден, что лучшее в «Анне Карениной» — это лошадь Вронского Фру-Фру и описание его скачки.

— У меня эта любовь к лошадям в крови, от татарских предков, — вполне серьезно говорил он. — Мать была урожденная княжна Куланчакова. А по-татарски «куланчак» означает жеребец... Я с детства на лошадях по степи гонял, да как!

Многие находили, что в Куприне было что-то от большого зверя. Тэффи мне говорила:

— Вы обратите внимание, как он всегда принокхивается к людям! Потянет носом и конец — знает, что за человек.

Тэффи вообще Александра Ивановича очень любила, и она первая дала мне правильное определение его двойной натуры:

— Он грубый и нежный.

Во время прогулок Куприн всегда что-нибудь вспоминал или изображал в лицах. Раз неожиданно начал меня уверять, что в юнкерскую школу попал по недоразумению — с детства мечтал стать лесничим, ходить с собакой и с ружьем по лесу. Потом, подав в отставку и уйдя из полка, увлекся авиацией и едва не погиб, случилось это во время полета с приятелем, борцом Заикиным.

— Аэроплан тяпнулся, сплошная яичница, а мы — живы. До сих пор не пойму, каким образом. Должно быть, Николай Угодник спас... Заикина знаете?

О Заикине знал я лишь понаслышке, но портрет борца висел в кабинете Куприна на почетном месте, рядом с Репиным.

— Да... Ушел я, значит, в отставку и с жадностью набросился на жизнь. Чего только не видел, чем не занимался! Был я землемером. В Полесье выступал предсказателем. Артистом был в городе Сумы. Изображал больше лакеев и рабов. А потом с балаклавскими рыбаками связался, славные были ребята.

Кирпичи на козе таскал, арбузы в Киеве грузил. Был я псаломщиком, махорку сажал, в Москве продавал замечательное изобретение «Пудр-клозет» инженера Тимаховича. Преподавал в училище для слепых, а когда меня оттуда выгнали, пошел на рельсопрокатный завод.

Писать я серьезно стал, только присмотревшись к жизни, набравшись впечатлений. Литературой занялся случайно. Скажу правду, писать не люблю, трудно мне писать, а рассказывать люблю, и жизнь тоже люблю. И еще люблю простых людей, есть у меня доступ к простым сердцам.

Он говорил правду. В нашем квартале Куприна знали все садовники, а с одним из них он совсем сдружился, кажется, по линии выпивки. Звали его Пьер.

Этот Пьер напивался, как дрозд, а затем приставал к Куприну:

— Мэтр, я не Пьер. Я Артур.

Как так? А очень просто. Когда трезвый, то Пьер. А как напьется — раздвоение личности, и уже он не Пьер, а какой-то второй, таинственный Артур... И Куприн восхищался:

— Ведь какая фантазия, а?!

Недавно я прочел, что именно в этот период парижской жизни была у Куприна некая сердечная тайна. В течение ряда лет 13-го января, в канун русского Нового года, он уходил в маленькое бистро и там «один, сидя за бутылкой вина, писал нежно и почтительно любовное письмо к женщине, которую очень мало знал, но которую любил скрытой любовью». Возможно, именно к этой тайной и безнадежной любви и относится одно его стихотворение, опубликованное уже после его смерти в журнале «Огонек» \*.

#### НАВСЕГДА

*«Ты смешон с седыми волосами...»*

*Что на это я могу сказать?*

*Что любовь и смерть владеет нами?*

*Что велений их не избежать?*

*Нет. Я скрою под учтивой маской*

*Запоздалую любовь мою...*

*Развлеку тебя забавной сказкой,*

*Песенку веселую спою.*

*Локтем опершись на подоконник,*

*Смотришь ты в душистый, темный сад.*

*Да. Я видел: молод твой поклонник.*

*Строен он, и ловок, и богат.*

*Все твердят, что вы друг другу пара,*

*Между вами только восемь лет.*

*Я тебе для свадебного дара*

*Присмотрел рубиновый браслет.*

*Жизнью новой, светлой и пригожей,*

*Заживешь в довольстве и в любви,*

\* «Огонек», 1958 г., № 6.

*Дочь родится на тебя похожей.  
Не забудь же, в кумовья зови.  
Твой двойник! Я чувствую заране —  
Будет ласкова ко мне она.  
В широте любовь не знает граней.  
Сказано: «Как смерть она сильна».  
И никто на свете не узнает,  
Что годами, каждый час и миг,  
От любви томится и страдает  
Вежливый, внимательный старик.  
Но когда потоком жгучей лавы  
Путь твой перережет гневный Рок,  
Я охотно, только для забавы,  
Беззаботно лягу поперек.*

Существовала ли в действительности эта женщина? Не знаю. Куприн был человеком по-рыцарски целомудренным и никого не пускал в тайники души своей. О многом из своего прошлого он вообще не любил рассказывать, был временами скрытен.

Но как странно: и в «Гранатовом браслете», написанном еще в России, в период его большой славы, и в парижском стихотворении состарившегося Куприна — одна и та же тема, один и тот же трагический лейтмотив: неразделенная, какая-то экзальтированная и возвышающая любовь к недоступной женщине.

Иногда в полдень мы шли в знакомое бистро на улице Доктора Бланша. Александр Иванович, кажется, любил это бистро потому, что название улицы напоминало ему о любимом Мопассане. Куприн шел в помятой, криво надетой шляпе, татарские его глазки весело улыбались, и он все жаловался, что из него «никак старик не выходит».

Бистро было маленькое, с цинковой стойкой. Сюда заглядывали каменщики в белых фартуках, маляры — народ мастеровой, любящий выпить и поговорить. Куприна все здесь знали, здоровались и запросто называли «мосье Александр». На столе тотчас же появлялись две внушительного размера рюмки с кальвадосом, желтоватой нормандской водкой, от которой захватывает дух и огонь проходит по всему телу. Хозяйка, мадам Мари, была женщиной приветливой. Куприн пытался сказать ей какой-то комплимент на своем необыкновенном и живописном французском языке. Хозяин знал свое дело, внимательно следил за рюмками и вовремя наливал по второй. В те годы Александр Иванович еще пил, но от второй рюмки он уже хмелел... Развязка приближалась быстро. Появился склероз и мучительная болезнь, перемещение сетчатой оболочки. Встречи наши стали происходить значительно реже. Помню последнюю прогулку. Он пришел на свидание в своем просторном, коричневом пальто, как-то сбившемся набок. Седая борода клином была всклокочена, выцветшая шляпа носила уж очень беженский вид.

— Возьмите меня под руку, — сказал Куприн. — Ходить пря-

мо я еще могу, а вот поворачивать — боюсь, не уверен. И зайдем, знаете, в лавочку к Суханычу.

— А вам можно, Александр Иванович?

— Теперь все можно! — махнул он рукой.

Зашли в русскую лавочку, Куприн съел пирожок и слегка дрожавшей рукой поднес ко рту и опрокинул рюмку водки. В лавке было шумно, тесно, приезжали закусьте русские шоферы, толпились покупатели, и какая-то древняя старуха француженка с подозрительным видом рассматривала через лорнетку непонятные ей пирожки, а хозяин — тот самый, о котором часто писал Ремизов, — упитанный и краснощекий, на смешанном французско-нижегородском языке говорил:

— Прене, мадам. Сэ бон!

В «Воспоминаниях» Бунина есть несколько страшных строк — рассказ, относящийся именно к этому периоду: «...я как-то встретил его на улице и внутренне ахнул: и следа не осталось от прежнего Куприна! Он шел мелкими шажками, плелся такой худенький, слабенький, что, казалось, первый порыв ветра сдует его с ног, не сразу узнал меня, потом обнял с такой трогательной нежностью, с такой грустной кротостью, что у меня слезы навернулись на глаза».

Старые друзья навещали его редко, да он и не всегда их узнавал. Пришел как-то Б. К. Зайцев. Поздоровались. Куприн сидел в кресле и явно не понимал, кто это. Жена, Елизавета Мавриковна, сказала:

— Папочка, это Борис Константинович пришел тебя проведать... Борис Константинович Зайцев!

Тут только он вспомнил и начал разговаривать... В последний раз зашел я к нему за несколько недель до отъезда.

Спросил о здоровье, потом о работе, пишет ли? Спрашивать было грешно — какое уж тут могло быть писание! Куприн поник головой и буркнул в ответ:

— Все это никому не нужно. Не могу я больше писать... Basta!

Потом его увезли в Россию.

Недавно я прочел у Телешова о последних месяцах жизни Куприна. Поселили его в каком-то подмосковном доме отдыха для писателей. Приехали туда в гости матросы-балтийцы. День был хороший, пели хором на лужайке, устроили игры. Александра Ивановича тоже вынесли в кресле на лужайку. Матросы подходили к нему, пожимали руку, говорили, что читали его «Поединок» и другие вещи, благодарили. Куприн молчал и вдруг громко заплакал.

Так он и умер — успокоенный и примиренный. Теперь закрываю глаза и стараюсь представить себе мертвого Александра Ивановича и не могу: идет по улице улыбающийся человек с татарским, широкоскулым лицом, в помятой, криво надетой шляпе — живой Куприн.

# РЕД

ИОАННА ХМЕЛЕВСКАЯ

# КРАСН

— С чего ты взяла, что Аллеред означает все красное? — возмутилась Алиция. — Что за чушь?!

...Так началось мое пребывание в Аллеред. Мы стояли у вокзала и ждали такси. Если бы Алиция обладала даром предвидения, мой перевод возмутил бы ее гораздо сильнее.

— А что тебе не нравится? Ред — красный, алле — все...

— На каком, интересно, языке?

— На немецко-английском.

— А... Слушай, что у тебя в чемодане?

— Твой бигос, твоя водка, твои книги, твоя вазочка, твоя колбаса...

— А свое у тебя что-нибудь есть?

— Конечно — пищущая машинка. «Ред» — это красное. И все. Я так решила.

— Ерунда! «Ред» — это что-то вроде просеки. Такой вырубленный лес. Рос себе рос, никому не мешал, а потом раз — и не стало его...

Подъехала машина. Водитель помог нам втиснуться в кабину вместе с чемоданами. Дорога заняла ровно три минуты.

Я не унималась:

— Всем известно, что «ред» — это красный, а про лес никто и не слышал. Раз его вырубил, то и говорить не о чем. Аллеред — все красное.

— Сама ты красная. Загляни в словарь и не пори чушь! — рассвирепела Алиция.

Она вообще была не в себе. Это сразу бросалось в глаза. Но

# ДЕ



выяснить, в чем дело, я так и не смогла: дороги хватило только на «все красное», а в доме оказалось полно народу, и поговорить спокойно не удалось. Зато наш спор увлек всю компанию, и мой перевод, несмотря на ярость Алиции, всем пришелся по вкусу.

— Располагайся, умывайся, делай, что хочешь, только не морочь мне голову,— нетерпеливо сказала она.— Сейчас еще явятся...

Я поняла, что попала на светский прием средних размеров, только никак не могла разобраться, кто тут гость, а кто в этом сумасшедшем доме живет. Просветил меня Павел, сын нашей общей приятельницы Зоси. Сама она наотрез отказалась от всяких разговоров, самозабвенно отдавшись приготовлению соответствующей моменту изысканной закуски.

— Когда мы приехали, Эльжбета уже была,— начал Павел.— Эдек ввалился сразу за нами, а Лешек — сегодня утром. Четверо пришли в гости: Анита с Хенриком и Эва с этим, как его там, Роем. Алиция в бешенстве, мать з бешенстве, а Эдек пьет.

— Без перерыва?

— По-моему, да.

— А по какому случаю Содом и Гоморра?

— Лампу обмываем.

— Что еще за лампа?

— В саду. То есть, я хотел сказать, на террасе. Подарок Алиции на именины от какой-то родни — пришлось подвесить. Датское общество уже отметило это событие, сегодня наша очередь...

Пришли остальные. Я с любопытством разглядывала Аниту и Эву, которых не видела почти два года. Рядом с Эвой миниатюрная загорелая Анита с буйной копной черных волос выглядела мулаткой. Ее муж Хенрик, обычно спокойный и добродушный, показался мне слегка взволнованным. Рой, муж Эвы, высокий худой блондин, сверкал белозубой улыбкой и смотрел на жену еще нежнее, чем два года назад.

После ужина торжество, достигнув кульминации, перенеслось на террасу, где в метре от пола сияла красным светом виновница торжества, обтянутая большим черным абажуром, не пропускавшим света.

Алиция, как челнок, сновала между кухней и террасой, с маниакальным упорством обслуживая гостей. Я поймала ее в дверях.

— Ради бога, сядь наконец! У меня голова кружится, когда ты так носишься.

Алиция вырвалась у меня из рук и пыталась умчаться одновременно в разные стороны.

— Апельсиновый сок в холодильнике... — в полубомороке проворчала она.

— Я принесу! — вынырнул из полумрака Павел.

— Вот видишь, он принесет... Сядь в конце концов, черт тебя поberi!

— Он принесет! Откроет холодильник и будет глазеть... Ну ладно, неси, только внутрь не смотри!

Павел сверкнул в темноте странным взглядом и пропал в глубине дома.

Я втащила Алицию на террасу и заставила сесть в кресло, заинтригованная до крайности.

— Почему нельзя смотреть в холодильник? Там у тебя что-нибудь этакое?.. — Я сгорала от любопытства.

Алиция расслабленно вздохнула, вытянула ноги и взяла сигарету.

— Ничего этакое. Просто, если холодильник долго держать открытым, придется его размораживать. А Павел распахнет дверцу и будет сто лет сок высматривать...

Из мрака вынырнули ноги Павла, потом появилась его рука с молочной бутылкой.

— Что ты принес? — расстроилась Зося.

— Алиция велела брать не глядя.

— Не уносите молоко. Хенрик с удовольствием выпьет! — вешалась Анита.

Обычно тихое жилище в Аллеред напоминало развороченный муравейник. Одиннадцать человек носились вокруг многоуважаемой лампы, временами исчезая в черной дыре между кухней и террасой. Из-за датчан — Роя и Хенрика — говорили на нескольких языках сразу. А я все не могла понять, кому пришлось в голову устроить этот бедлам. Воспользовавшись шумом, попыталась что-нибудь узнать у Алиции.

— Ты что, свихнулась и специально созвала всех разом, или это просто стихийное бедствие? — спросила я, не скрывая неодобрения.

— Бедствие! — взорвалась Алиция. — Какое там бедствие! Просто у каждого свои капризы! Я все продумала, распределила, когда кому приезжать, но им, видите ли, так удобно! Сейчас очередь Зоси и Павла, и вовремя приехали только они. Эдек собирался ко мне в сентябре. А тебя я ждала в конце июня. А сейчас у нас что?

— Август...

— Вот именно.

— Раньше не могла — влюбилась.

— А Лешек...

Алиция оборвала фразу на полуслове и посмотрела на меня изумленно:

— Что сделала?!

— Влюбилась, — призналась я с раскаянием.

— Тебе что, мало было?! С ума сошла? В кого?

— Ты его не знаешь. Похоже, я встретила того самого блондина моей жизни, которого предсказала гадалка. Долгая история, как-нибудь расскажу. Так когда приехали Лешек и Эльжбета?

— А, Лешек... Подожди, и что? Разлюбила и приехала?

— Наоборот. Поняла, что мой отъезд уже ничего не изменит, и приехала. Ну а Лешек и Эльжбета?

— Кто это?

— Бог мой, ты не знаешь Лешека и Эльжбету?! Отец и дочь, вон сидят перед тобой, Кжижановские их фамилия...

— Идиотка. Я о твоём хахале спрашиваю. Лешек приплыл на яхте на несколько дней, а Эльжбета приехала из Голландии, тоже ненадолго. Возможно, поплывет обратно с отцом, не знаю. Честно говоря, я их вообще не приглашала.

— А Эдек почему сейчас приехал? У меня хоть уважительная причина.

— Он вроде бы хочет сообщить мне что-то страшно важное и неотложное. Да вот три дня уже не может объяснить, в чем дело. Никак не протрезвеет...

Главным занятием Эдека на протяжении всей сознательной жизни было пьянство, только поэтому Алиция в свое время не закрепила юношеских чувств прочными узами и ограничилась дружбой. Может, теперь чувства возродились?

— Пьет все так же? — полюбопытствовала я, потому что к Эдеку у меня свой интерес, очень нужно было, чтобы он хоть на минуту протрезвел. — Не бросил?

— Куда там! Половину того, что привез, уже успел вылакать.

Я захотела выяснить, не догадывается ли Алиция, о чем Эдеку так не терпится с ней поговорить, но опоздала. Она сорвалась с кресла и исчезла во тьме. Павел и Зося тщетно искали апельсиновый сок. Анита вызвалась им помочь. Эва вспомнила вдруг, что как раз сегодня они купили несколько банок, и послала Роя за ними в машину. Апельсиновый сок поглощал все мысли, ревел Ниагарским водопадом, и казалось, что нет больше ничего на свете — только апельсиновый сок...

Наконец Алиция его нашла. Зато Эльжбета проголодалась и принесла себе несколько аппетитных бутербродов. Тут же

захотели есть Павел и Лешек. Алиция, никому не доверяя, понеслась делать бутерброды сама. Зося начала искать новую банку кофе. Эва потребовала для Роя очень крепкого. Анита по ошибке налила Хенрику пива в молоко...

Вечер набирал обороты. Каждый считал своим долгом как можно чаще вскакивать с места, и все с редкой изобретательностью все время чего-то хотели. Только три пары ботинок под красной лампой оставались недвижимыми. Две из них принадлежали Лешеку и Хенрику, обсуждавшим на странной смеси немецкого и английского достоинства и недостатки разных типов яхт. Они так увлеклись, что полностью игнорировали всех остальных. Эдек также не покидал своего кресла, под рукой у него стоял большой ящик с запасом напитков, которые он употреблял без разбора и ограничений.

И вдруг раздался дикий вопль.

— Алиция!!! — заорал Эдек, перекрывая общий шум. — Алиция!!! Что ты себе позволяешь?!

Вопрос прозвучал в темноте так странно и неожиданно, что все вдруг замолчали. Алиция не ответила — ее не было на террасе.

— Алиция!!! — снова гаркнул Эдек, с грохотом ставя стакан с пивом на ящик. — Алиция, черт тебя возьми, ты чего нарываешься?!

Ноги Алиции, видимо, услышавшей глас вопиющего в пустыне, появились наконец в красном круге. Эдек пытался подняться, но рухнул обратно в кресло.

— Алиция, ну чего ты?..

— Ладно, ладно, — мягко сказала она. — Не дури, Эдек, разбудишь весь город.

— Ты на что нарываешься?.. — продолжал Эдек чуть тише. — Зачем ты принимаешь в доме этих?.. Ведь писал же тебе!..

Мрак над красным кругом снова наполнился гамом. Вся компания, учитывая состояние Эдека и не зная, что еще он может ляпнуть, на всякий случай пыталась его заглушить. Это удалось — голос Эдека потонул в общем шуме. Лешек расхваливал Хенрику чью-то корму. Анита настойчиво уговаривала всех съесть последние бутерброды. Зося голосом Валькирии требовала, чтобы Павел открыл бутылку пива...

Алиция подсела к Эдеку:

— Не позорься, тут не кричат — тут Дания..

— Я же тебе писал, чтобы поостереглась, была осторожней! Писал же!..

— Возможно. Я не читала.

— Алиция, вода готова! — позвала Эльжбета из темноты.

— Я тебе сейчас все расскажу, — упорствовал Эдек. — Раз ты не читала, я сам расскажу! Ему, кстати, тоже скажу!.. Ты почему не прочитала письмо?

— Оно куда-то пропало. Ладно, расскажешь, но не сейчас.

— Сейчас!

— Ладно, сейчас, только подожди минуту, я тебе кофе сделаю...

Я слушала эти реплики с большим интересом. Алиция пошла варить кофе. Я за ней, в надежде, что помогу ей быстрее вернуться и Эдек еще что-нибудь скажет. Потом понадобились сливки, сахар, соленые палочки, пиво, коньяк, швейцарские шоколадки... В дверях появлялись и исчезали смутные силуэты, под лампой возникали и пропадали красные ноги. Эдек получил кофе, успокоился и затих, видно, утомленный коротким, но бурным выступлением.

— А главное, это еще не конец,— сказала нервно Алиция, присаживаясь рядом.— Еще приедут Владек и Марианн... Он что, спит?

Я посмотрела на неподвижные ноги Эдека.

— Наверное. Будить будешь или оставишь тут до утра?

— Не знаю. Интересно, что он мне написал?

— А письмо вообще было?

— Было. Правда, не успела прочитать. Потом пыталась его найти, но безуспешно. Совершенно не представляю, что бы это могло быть. Спяну он совсем невменяемый.

Незадолго до полуночи Эва дала сигнал к отбою. Алиция зажгла свет по другую сторону дома, над дверями возле калитки, и наконец стало что-то видно. Все, кроме Эдека, вывалились на улицу к автомобилям Роя и Хенрика.

— Наконец-то! — выдохнула измученная Зося, когда мы вернулись на террасу.— Оставь, я уберу. Павел, за дело! Алиция, ты это все не трогай, займись Эдеком.

— Эдека оставь напоследок,— посоветовала я Алиции, собирая посуду.— Лучше его сразу уложить.

— Отдайте мне Павла. Поможет нести постель.— выдохнула Алиция.— Слава богу, что больше нечего обмывать!

Эльжбета начала мыть посуду. Лешек и Павел внесли в комнату часть стульев и кресел и помогли Алиции переоборудовать дом на ночь.

— Эдек спит на катафалке,— обратилась ко мне Зося.— Может, лучше положить его сегодня тут, на диване? До катафалка его придется тащить по лестнице...

— Предложи это Алиции.

Катафалк стоял на возвышении в ателье Торкилля, пристроенном к основному зданию. Это была кровать неслыханно сложной конструкции, купленная, видимо, для частично парализованных гостей. Там было малоуютно, но неожиданно удобно. При слове «катафалк» Алицию передергивало, и мы честно старались при ней избегать этого прозвища, что удавалось, правда, с большим трудом.

— Возможно, вы правы,— неуверенно сказала она, посмотрев на Эдека, одиноко сидящего на террасе.— На диване действительно будет проще.

— А на катафалке кто будет спать? — заинтересовался Павел.— Тьфу, то есть, я хотел сказать — на постаменте.

— Павел!.. — выкрикнула Зося с упреком, видя блеск в глазах Алиции.

— Ну, на этом родильном столе,— поправился Павел поспешно.— То есть, на операционном...

— Павел!..

— Ну, я уже ничего не говорю...

— А кто раньше спал на диване? — спросила я громко, чтобы прекратить эти бестактности.

— Эльжбета, — с облегчением ответила Зося. — Эльжбета переселится на эстраду... то есть, я хотела сказать, на... кровать.

— Эльжбета! — устало позвала Алиция. — Ты в гробу спать будешь?

— Могу, — ответила с каменным спокойствием Эльжбета, появляясь в кухонных дверях с тарелкой в руках. — Где у тебя гроб?

— В ателье.

— Какое-то новое приобретение? — вежливо поинтересовалась Эльжбета.

— Катафалк, — желчно объяснила Алиция.

— А, катафалк! Конечно, я посплю на этом памятнике. Мне никогда ничего не снится...

Меня не было на террасе, когда Алиция, Лешек и Зося попытались разбудить и транспортировать Эдека. Услышав крик Зоси, я выбежала из дома.

В падающем из комнаты свете было ясно видно смертельную бледность, запрокинутое вверх лицо, бессильно упавшую руку и недвижимые, широко открытые, всматривающиеся в черное небо глаза.

Эдек был мертв.

В том, что это убийство, сомневаться не приходилось. Удар был нанесен сзади.

Мы сидели за завтраком, тупо уставясь в тарелки и напряженно вслушиваясь в телефонные переговоры Алиции. С половины второго ночи до пяти утра табун полицейских носился по дому и саду в поисках орудия преступления. Их попытки объясниться с нами по-датски имели весьма плачевный результат.

Мы реагировали на происшедшее по-разному. Алиция держалась в основном благодаря присутствию Лешека — давнего друга. Сам Лешек и Эльжбета сохраняли философское спокойствие, бывшее, вероятно, их семейной чертой. У Зоси все летело из рук. Павел был захвачен сенсацией. Я же чувствовала себя выбитой из колеи: не для того ехала в Аллеред, чтобы наткнуться на труп.

Очередной звонок. Любезные до крайности полицейские сообщали новые подробности.

— Удар выдает профессионала, пырнули сзади острым, не очень длинным предметом, — поделилась Алиция, кладя трубку.

— Вертел! — вырвалось у Павла.

— Помолчи, а? — мрачно буркнула я.

— Никакой не вертел, а стилет, — ответила Алиция. — Возможно, пружинный. Не знаю, бывают пружинные стилеты? Сейчас они опять приедут искать. Ешьте быстрее.

— Почему они думают, что стилет, да еще пружинный, если в Эдеке ничего не было? — брезгливо спросила Зося.

— Рана выглядит как-то типично. Ешьте быстрее...  
— Думаешь, лучше будет, если мы еще оптом подавимся?  
— Ешьте быстрее! — простонала совершенно потерявшая чувство юмора Алиция.

Мы покорно проглотили все, не жуя, и привели помещение в порядок. Правда, полиция появилась только через полтора часа.

Из-за языковых сложностей для проведения следствия к нам прислали некоего г-на Мульгора — худого, высокого, бесцветного и очень скандинавского. Этот господин (его служебный ранг навсегда остался для нас тайной) имел каких-то польских предков и на польском изъяснялся весьма своеобразно, полностью пренебрегая принятой в Польше грамматикой. Впечатление, однако, он производил симпатичное, и все мы искренне желали ему успеха.

Его помощники сразу кинулись искать тонкий и острый стальной предмет. Мы же собрались за длинным столом в большой комнате. Г-н Мульгор примостился в кресле с большим блоком в руках. Следствие началось. Алиция присутствовала при обыске, и за столом не осталось никого, кто бы говорил по-датски.

— Итак, было ли особ тьма и тьма? — спросил он лобезно, беря быка за рога.

Мы единодушно вытаращили глаза. Павел неприлично фыркнул, Зося застыла с сигаретой в одной и зажигалкой в другой руке, Лешек и Эльжбета, похожие, как сиамские близнецы, уставились на него неподвижным взглядом с одинаково загадочным выражением. Все молчали.

— Было ли особ тьма и тьма? — терпеливо повторил г-н Мульгор.

— Что это значит? — вырвалось у Павла.

— Может быть, он спрашивает, как много нас было? — предположила я с сомнением.

— Да, — подтвердил г-н Мульгор и приветливо мне улыбнулся. — Сколько штук?

— Одиннадцать, — кротко ответил Лешек.

— Кто есть оные?

Сообщили ему анкетные данные всех присутствовавших во время преступления. Г-н Мульгор записал.

— Кто и что делали особы?

— Почему только мы? — вознегодовала Зося, считая, что вопрос относится к женщинам.

— А кто? — удивился г-н Мульгор.

Лешек сделал в сторону Зоси успокаивающий жест:

— Мы тоже. Он имеет в виду нас всех. Говорите, кто что помнит.

— Я — ноги, — решительно заявил Павел. — Помню только ноги.

— Какие ноги? — заинтересовался г-н Мульгор.

Павел смущенно посмотрел на него.

— Не знаю, — начал он неуверенно. — Наверное, чистые...

— Почему? — нахмутив брови, спросил г-н Мульгор.

Павел испугался окончательно:

— Господи! Не знаю. Наверное, их мыли, нет? Тут все моют ноги.

— Павел, ради бога!..— расстроилась Зося.

Г-н Мульгор производил впечатление человека, который терпеливо снесет все:

— Почему одни ноги? А остальное туловище нет?

— Нет,— сказал поспешно Павел.— На ногах была лампа, а на остальном туловище нет.

Видимо, манера изъяснения г-на Мульгора становилась заражительна. Зося попробовала поправить дело.

— Павел, подожди! Наверху туловища было темно. Тьфу! Скажите это как-нибудь по-польски!

— Может, слезем с этого туловища,— предложил Лешек,— и попросту покажем пану...

Г-н Мульгор пожелал воспроизвести обстановку полностью. Мы продемонстрировали ему лампу, расставили стулья и кресла так же, как вчера. Удалось установить, кто где сидел. Я решила внести свою лепту.

— Лешек и Хенрика можем выбросить из головы,— заявила я без колебаний.— Оба, этот пан и Хенрик Ларсен, целый вечер не двигались с места, могу подтвердить под присягой.

— А пани двигалась?— спросил г-н Мульгор, видимо, подозревая во мне скрытую эпилептичку.

— Конечно. Несколько раз ходила за сахаром, за сигаретами, варила кофе...

Эльжбета, Эдек, Лешек, Хенрик и я, Алиция, Эва, Рой, Зося и Павел сидели по часовой стрелке от входа. Сидели чисто теоретически: на самом деле все время вскакивали, ходили, занимали чужие кресла. Только Лешек и Хенрик сидели как прикованные. Г-н Мульгор проверил, не мог ли случайно Лешек убить Эдека, не сходя с места, но эксперимент не удался. Тем более не мог этого сделать Хенрик, сидевший еще дальше.

А значит, убийцу следовало искать среди остальных восьми человек.

Под бдительным взглядом г-на Мульгора мы долго и безрезультатно пытались установить, кто что делал и где при этом находился. Потом занялись поисками мотива преступления.

— Или не голубила его одна особа?— спросил наш Шерлок Холмс, не сводя с нас пронзительного взгляда.

Мы заколебались. Можно было, конечно, сказать, что его голубила Алиция, но г-на Мульгора скорее интересовало, не питал ли кто к Эдеку неприязни. Ничего такого не приходило на ум. Эдек в трезвом состоянии был очень милым и обаятельным.

— Нет,— сказал Лешек после долгого молчания,— все его любили.

Господин Мульгор задумался и задал следующий коварный вопрос:

— Инцидент. Случался какой, либо нет?

Мы смотрели на него, избегая глядеть друг на друга. Молчание затягивалось. Каждый боялся что-нибудь ляпнуть без согласования с Алицией. Был ли в выкриках пьяного Эдека какой-то смысл? Она его знала лучше...

Я поняла, что молчать дальше становится неприлично, и решила найти Алицию.

— Сейчас вернусь! — заявила я, не вдаваясь в подробности, и покинула террасу прежде, чем господин Мульгор успел открыть рот.

Алицию я нашла в ателье стоящей на четвереньках с головой, засунутой под катафалк. Мне показалось, что проще залезть к ней, чем пытаться ее оттуда вытащить.

— Эй, послушай, — сказала я ее локтю, пытаюсь одновременно выпутать волосы из каких-то элементов конструкции. — Дошли до инцидентов, которые были. Не знаем, говорить ли о воплях Эдека. Ты как считаешь?

— Не знаю, — сердито ответила Алиция. — Может, оно сюда завалилось? Не могу, к чертям собачьим, его найти! Где оно, к дьяволу, может быть?!

— Кто?!

— Письмо от Эдека! Не знаю, что он там написал.

— А нам молчать, пока ты его не найдешь? Решай быстро, говорить правду или нет?

Алиция отодвинула локоть и с большим трудом повернулась ко мне.

— Какую правду? — подозрительно спросила она.

— Я же тебе объясняю. Он спрашивает, были ли инциденты, а мы все молчим, как глухонемые. У тебя тут самые верные приятели. Признаваться или нет?

— Эй! — вдруг откуда-то сзади заорал Павел. — Теперь всегда будут только ноги, без туловища?

— Что ему надо? — буркнула Алиция. — Я не понимаю, что он говорит.

— Зато я понимаю. Чего тебе надо?

— Мне ничего. Но этот тип хочет, чтобы вы обе пришли. Он вас ждет!

Мы отцепили головы от катафалка и начали выкарабкиваться на свет. Алиция вдруг решила:

— Ладно, о воплях скажем, этого не скроешь. Но о письме ни слова. Может, это все пьяные бредни.

Господин Мульгор назначил следственный эксперимент. Чтобы точно воспроизвести события, он попросил позвать в Аллеред всех гостей, чем довел Алицию до состояния, близкого к апоплексии. Наконец он покинул дом вместе со всей свитой и несколькими килограммами разнообразных металлических предметов — портновскими ножницами, куском старого подсвечника, стальной измерительной рулеткой... Ничего похожего на стилет не нашли.

На следующий день Алиция решительно заявила: к телефону не звать — ее нет дома, и неизвестно, когда она вернется. Это почти соответствовало истине: мы с ней решили заняться крапивой в дальнем углу сада, уверяя друг друга, что физический труд хорошо влияет на психику. Мысли мои при этом были заняты иным.

Неожиданная смерть Эдека задела и меня лично. Мне необ-

ходимо было задать ему один вопрос. Ответить мог только Эдек, и никто другой.

— Понять не могу, кому Эдек встал поперек дороги?! — свирепо сказала я. — Ужасное свинство так неожиданно его прикончить!

— Он что-то знал, — задумчиво произнесла Алиция. — С самого приезда делал какие-то намеки.

Я навестила уши. Но Алиция вдруг горестно застонала.

— Что я за дура? рта ему раскрыть не давала! Обращалась как с пьяным! Не слушала, что он говорил!

— Перестань! Он действительно был пьяный! Кто же мог предположить, что протрезветь он уже не успеет!

— А теперь ничего и не скажет...

— Конечно, не скажет, сдурела, что ли? Если бы он сейчас что-нибудь сказал, ты тем более не стала бы слушать, а удрала бы со всех ног. Кому он еще хотел это сказать?

— А действительно, кому?

— Откуда я знаю? По-моему, он махнул рукой.

— Все время махал руками. Темно же было. Дурацкая затея с этой лампой. Кажется, показал где-то между тобой и Эвой.

— Мы обе женского пола, — я чудом увернулась от очередного пука крапивы, которым Алиция размахивала у меня перед носом. — Ты не могла бы бороться с сорняками чуть менее энергично? От ревматизма я уже вылечилась: меня две недели кусали красные муравьи.

— Почему красные? — рассеянно спросила Алиция.

— Такие водятся там, где я была...

— Подожди. У меня с ними что-то связано...

— Наверное. Муравьи красные. Все красное.

— Подожди. Красные муравьи... А Зося об Эдеке не знает? Что-то она говорила, похоже на красных муравьев...

— Зося может знать. Она же видела Эдека в Польше. Надо спросить.

— Может, он там с кем-нибудь встречался?..

Внутри у меня что-то дрогнуло.

— Похоже, Эдек что-то о ком-то знал, — осторожно сказала я. — И этот кто-то его укокошил. Ты как думаешь: кто-то из нас или чужой?

Алиция рассвирепела:

— Кто-то из нас — это кто, ты?

— Рехнулась? Почему я?!

— Ну и не я. Возможно, и не ты. Лешек и Хенрик отпадают. Кто остается? Зося? Павел? Эльжбета?

— Еще Анита, Эва и Рой. Про них забыла?

— Я мыслю логично. Он их почти не знал. Скорее он имел в виду кого-то из Польши, он ведь никуда не ездил. Будь любезна, убирайся отсюда к чертовой бабушке!

Я опешила.

— Бога ради, почему?! — спросила я пораженно. — Так сразу?

— Что? — буркнула рассеянно Алиция. — Пошла вон! Будешь еще тут жужжать!

— Я думала, это ты мне, только не поняла, убраться из

крапивы или вообще из Аллеред. Делала бы ты, что ли, паузу, меняя собеседника!

— Что?.. Нет, это я осе. К гостям пока еще так плохо не отношусь.

— Может, и зря. Из вчерашних событий следует, что Эдек был прав. Принимаешь у себя черт знает кого...

Наступившие сумерки прервали наше занятие.

Вытащенная на террасу Зося задумалась.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — наконец сказала она. — Какая связь между красными муравьями и Эдеком? Ничего такого не помню... Павел!

Павел оказался более полезным.

— Знаю! — разволновался он. — Это про того типа в красной рубашке. Не муравьи, а рубашка красная...

— Действительно, — вспомнила Зося. — Павел как-то видел Эдека...

— Что за тип? — нетерпеливо прервала Алиция. — Его кто-нибудь знает?

— Не в курсе, — сказала Зося. — Павел?..

— Я его не знаю. Месяца два назад видел Эдека с таким черным типом в красной рубашке. Я же вам говорил!

— Возможно, я пропустила мимо ушей, — призналась Алиция. — Кто это был?

— Говорю, не знаю. Похоже, что оба были на бровях, то есть, хочу сказать, под мухой... Ловили такси и махали руками, как ветряные мельницы. Этот черный в красной рубашке похож на южноамериканца. Они еще пытались залезть в угольный фургон. Поэтому, собственно, я на них и смотрел: интересно было, что еще выкинут...

Павел замолчал, посмотрел на нас и спросил осторожно:

— Может, вы уже знаете, кто его убил?

— При чем здесь этот тип в красной рубашке? — возмутилась Зося.

— Пока не знаем, — ответила я одновременно Зосе и Павлу. — Может, вам что-нибудь придет в голову?

— Меня это вообще не касается! — вспыхнула Зося. — Меня тошнит от убийств!

Алиция вдруг очнулась.

— Тип в красной рубашке ничего не значит, — заявила она решительно. — Мало ли с кем Эдек мог спяну ездить на угольном фургоне! Все это бесполезно. Не знаю, зачем завтра снова устраивать этот ад. Никто ничего не помнит. А кстати, мне готовить такой же ужин? В холодильнике — ни крошки!

— Может, он надеется, что убийца хлопнется в обморок и тем себя обнаружит? — предположил Павел.

— Чушь! — сердито сказала Зося. — Обойдутся! Пусть наедатся дома!

— Кофе, — предложила я Алиции. — В крайнем случае — остатки водки.

— Водку жалко...

— Ну, без водки. Пиво. Вечер по-датски, с одним пивом. Эва, может быть, привезет апельсиновый сок...

Про апельсиновый сок Эва, конечно, забыла. Была слишком взволнована и расстроена необходимостью снова приехать в Аллеред в том самом наряде, что и накануне. Два раза кряду появиться в одном и том же платье, да еще в присутствии тех же людей — с этим могла смириться далеко не каждая женщина.

Бардак, устроенный на этот раз, был вне конкуренции. Сидевший на месте Эдека полицейский (он должен был в надлежащий момент крикнуть что-нибудь и стукнуть стаканом по ящику) от усердия постоянно издавал дикие рыки. Посланный в машину за соком Рой принес банку смазочного масла. На журнальных столиках стояло с полтонны сахара, муки и соли в разнообразных сосудах. Пива оказалось мало. Точнее, мало закрытых бутылок, которые Павел должен был открывать. Содержимого открытых бутылок хватило бы еще недели на две. Датская полиция во главе с г-ном Мульгором наблюдала за нами с легкой паникой. Какой-то элемент покоя вносили Лешек и Хенрик, сразу занявшие свои места и погрузившиеся в продолжение вчерашней беседы.

— Я ставлю на мужчину, — заявила Анита, наблюдая за Роєм, плутовавшим в темноте с банкой. — Нужно иметь немалую силу в руке, чтобы так запросто это проделать...

— Тебе хорошо говорить, — раздраженно сказала Эва. — У Хенрика алиби. А Рой шатался за его плечами целый вечер...

— Ну, дорогая моя, муж-убийца — это же так интересно!

По заметному даже в темноте блеску глаз я поняла, что вряд ли отношение Эвы к Аните будет в дальнейшем особенно нежным. Анита же купалась в сенсации, как саламандра в огне.

Веселый вечер наконец подошел к концу. Г-н Мульгор, тысячу раз извинившись, сообщил нам, что никому нельзя покидать Аллеред без его согласия. Эве, Рою и Аните разрешалось жить дома, не выезжая за границы Роскилля и Копенгагена. Полной свободой пользовались лишь Лешек и Хенрик.

— Мне очень жаль, дорогая, что вынужден бросить тебя в такой идиотской ситуации, — печально сказал Лешек. — Но я должен отплыть. Да и вряд ли от меня был бы толк. Чем меньше здесь будет гостей, тем лучше для тебя.

Алиция меланхолично кивнула.

— Приезжай, когда все это кончится, — сказала она со вздохом.

Г-н Мульгор собирал свою команду. Я стояла на пороге террасы и видела, как в кухонном проеме Эльжбета задержала Алицию и что-то сказала ей. Алиция оживилась, но на полуслове их прервали: уезжали представители власти. Пройдя мимо меня, Алиция вышла на террасу. Эльжбета скрылась на кухне.

Я сделала шаг, чтобы тоже выйти, но вдруг услышала в прихожей какой-то шорох. Было совсем темно, и я лишь уловила, как дверь скринула и кто-то тихо вышел наружу...

Я обошла дом и вышла на дорожку. Там стояли Рой и Эва, Анита и Хенрик, Лешек, Зося, Алиция и Павел. Полицейские как раз уезжали.

Я задержалась у калитки, поглядела на них и ощутила

беспричинную тревогу. Кто же из них минуту назад вышел из темной передней так таинственно и так осторожно?

В понедельник Алиция сочла за лучшее пойти на службу. Домашний арест никто особенно близко к сердцу не принял, и все собрались ехать в Копенгаген. Зося должна была встретиться там с Алицией и вместе с ней вернуться домой. Мы с Павлом хотели посетить Тиволи. Эльжбета намеревалась пойти к приятелям и вернуться позже. Г-н Мульгор на все дал согласие...

В доме не было ни крошки съестного. Мы с Зосей обошли магазины и среди прочего купили виноград — любимое лакомство Алиции. Вымыли его, красиво уложили в миску, поставили на низкий стол у дивана. И вышли из дома...

Я стояла вместе с Павлом у рулеточного стола в Тиволи и думала об убийстве. Эта история все больше мне не нравилась.

— Павел, скажи правду! — потребовала я, решив поставить вопрос ребром. — Переждем тринадцать... Не ты убил Эдека?

— Почему я? — возмутился Павел, не отрывая глаз от крутящегося круга. — Переждем девятку...

Моя страсть к азартным играм всегда была неукротима.

— Который раз? — спросила я с интересом.

— Сейчас будет восьмой.

— Будь внимателен. Может скоро выйти... Не знаю, почему ты. Если окажется, что это ты, тогда и начну удивляться. А сейчас я спрашиваю: ты?

— Нет, — рассеянно ответил Павел. — Зачем мне его убивать? И никакого стилета у меня никогда не было. Смотри, смотри — тринадцать!..

Он кинул дикий взгляд на номер в обводе круга.

— Нет, проскочило! Сейчас, слава богу, тоже не будет! Послушай меня, оставь на девятке.

— Сейчас?

— Да. Точно не ты?

— Честное слово! Ну?.. Есть!

— Девять. Четыре кроны, — сказал крупье.

— Ставь еще раз. Должно выйти. Слушай, если это не ты...

— Это мое? — оживился Павел, показывая на жетоны.

— Твое. Забирай. Слушай, если не ты...

— Девять. Восемь крон, — сказал крупье.

— О!.. — утешился Павел и сгреб следующую кучу железок. —

Ну, теперь опять переждем. Теперь должно быть тринадцать.

— Не будет, но поставь. Слушай, если не ты...

— Пять и девять. Четыре кроны, — сказал крупье.

— Я же говорила, чтобы держался девятки. Ставлю на тринадцать. Или нет, переждем. Послушай в конце концов, что я говорю! Если это не ты, то скажи мне, где ты был, когда все помчались провожать полицейских?

— Там же. Помчался провожать.

— Каким путем? Вокруг дома?

— Ага. Я теперь пережду четверку.

— А перед этим ты был на террасе?

— Ага.

— Разорюсь на этом идиотском тринадцатом... А еще там кто был?

— Все. Сейчас поставить?.. Нет, еще пережду.

— Кто все? Вспомни... Ну, есть!

— Тринадцать. Восемь крон,— сказал крупье.

— С шестого раза вышла, ставлю. Пережди четверку. Все — это кто? Кого-то должно не хватать?

— Кого? — заинтересовался Павел.

— Не знаю. Я тебя спрашиваю. Вспомни, кто там был.

— Хенрик и Эва. Лешек. Полицейские. Алицию тоже видел. В общем, все были. Ага, Эльжбету я не видел.

— Она была на кухне. А кто вышел из дома через другие двери,— ты не видел? Посмотри на эту четверку!

— Нет, я теперь пережду семерку. Знаю, кто не выходил. Хенрик и Лешек. Эва почти все время была с ними. Она пришла сразу за полицейскими. А тот, кто не был, он что?

— Ничего. Но, возможно, это был убийца. Какой мне толк от Хенрика... похоже на то, что и Эва отпадает...

В последний вагон последнего поезда в Аллеред мы вбежали за секунду до отправления. Выходя на платформу, столкнулись с Алицией и Зосей, которые ехали в соседнем вагоне.

— И чего мы так спешили,— сказал Павел обиженно.— Думал, что ты уже давно ждешь и рвешь на себе волосы от волнения.

— А если бы не спешили, то шли бы двадцать километров пешком или ночевали на вокзале? — заинтересовалась Алиция.

— Конечно,— сказала Зося желчно.— Он никогда не спешит, а потом оказывается, что вмешались высшие силы.

— Ой-ой! Какие такие высшие силы! — оскорбился Павел.— Ну, раз что-то случилось...

— Не раз, а по крайней мере двадцать раз!

Мы с Алицией оставили их выяснять отношения с глазу на глаз и пошли вперед.

Зося с Павлом остались далеко позади. Мы повернули на тропинку, ведущую к калитке.

— Эльжбеты еще нет? — удивилась Алиция.— Везде темно!

— Может, она в ванной? Или спит...

— Да ну! Она поздно ложится...

Алиция не могла найти ключ, и я открыла дверь своим.

— Куда он мог подеваться, всегда лежит тут, в сумке, в карманчике,— бормотала Алиция, входя следом за мной и зажигая свет в прихожей.— О, Эльжбета! Ты почему сидишь в темноте? А где сюрприз? — Все это она говорила, не двигаясь с места и роясь в сумке. Я вошла в комнату, нажала на выключатель и буквально вросла в пол на пороге комнаты, потеряв разом голос и силы.

На диване за столом сидел совершенно незнакомый тип. Его лицо было какого-то ужасного сине-зеленого цвета. Рот полуоткрыт, вытаращенные глаза неподвижны, руки бессильно разбросаны по сторонам.

Алиция наконец нашла ключ, и вдруг, что-то почувствовав, посмотрела на меня, потом на диван у стола.

— Что вам...— начала она и замолчала. Медленно поставила сумку и медленно подошла к дивану.

— Это и есть сюрприз? — спросила она с ужасом.— Кто это?

За дверями раздался голоса Зоси и Павла. Алиция перевела слегка обезумевший взгляд с покойника на меня.

— Кто это? — спросила она, пытаясь сохранить хладнокровие.— Ты его знаешь?

— В жизни не видела.

Вошла Зося и застыла на пороге.

— Иезус Мария!.. Кто это?! Что ему?! Что с ним случилось?..

— Невероятно! — сказал Павел, задумчиво глядя на незнакомца.— Что же это делается! Кто это такой?

— Как, вы не знаете его? — возмутилась Алиция.— В таком случае кто же это? Как он сюда попал?! Где Эльжбета?! И каким образом я должна поддерживать в доме порядок, если первый встречный может прийти сюда и умереть!..

— Где Эльжбета?! — истерически взвизгнула Зося.

— Я здесь,— раздался спокойный голос Эльжбеты, и она вышла из ванной в халате, с волосами, накрученными на бигуди.— Что-нибудь случилось? — Посмотрела на диван, подошла ближе и вздохнула: — Бедный Казю. Я не знала, что мне с ним делать...

— Как?! — прошептала с ужасом Алиция.— И убила его?!

— Да нет,— ответила Эльжбета, не теряя спокойствия.— Привела его сюда, надеясь, что ты позволишь ему переночевать на месте Эдека. Он забыл ключи от своей квартиры. Интересно, что с ним стряслось?..

Совершенно подавленные, мы сидели на кухне и ждали г-на Мульгора. Стараясь не смотреть в сторону комнаты, слушали Эльжбету, а Зося, совсем одурев, периодически повторяла, что несчастья ходят парами, или начинала сетовать на мой дурной глаз.

— Он в меня влюбился,— ровным голосом продолжала Эльжбета.— Поэтому тут и сидел. Я тебе о нем еще вчера хотела рассказать. Это тот, который видел убийцу.

Нас чуть не хватил удар. Павел поперхнулся кофе. Зося уронила ложечку. Я, уставившись на Эльжбету, погасила сигарету о край сахарницы. Эльжбета же тем временем говорила, что Казю работал в Копенгагене, жил в Аллеред, ехал вместе с ней домой, а ключи от дома, как оказалось, оставил в конторе. Поэтому она и привела его к Алиции. Но главным было не это: влюбленный Казю в пятницу вечером спрятался в зарослях в саду Алиции, стараясь углядеть предмет своего обожания. Видел и еще что-то — кусты, которые он облюбовал, находились как раз за плечами Эдека...

— И не сказал тебе, что видел?! — потрясенно спросила Алиция.

— Только сегодня признался, что там сидел. Вчера я не была в этом уверена.

— Ты же еще вчера говорила, что есть свидетель!

— Говорила, что, возможно, найдется. Я же знала, что Казно там сидел, хотя он и не признавался. А если сидел, значит, должен был что-то видеть. По крайней мере мне так кажется. Подумала, что ты мне простишь, если приведу его сюда — вдрут скажет что-нибудь интересное...

— Почему ты не спросила сразу?

— Меня это не интересовало,— отмахнулась Эльжбета с выражением безграничного равнодушия на прекрасном лице измученной мадонны.

Павел бросил на Эльжбету шокированный взгляд. У Алиции в глазах было отчаяние.

— Эй, слушайте,— сказала она.— Если кто-то из вас хочет мне что-нибудь сообщить, пусть делает это сразу. Я уже сыта по горло.

— Подождите,— заволновалась я.— Когда вы говорили об этом? Случайно, не тут, на кухне, когда полицейские уезжали?

Алиция и Эльжбета переглянулись.

— Да. А ты откуда знаешь?

Теперь переглянулись мы с Павлом.

— Значит, это действительно был убийца! — Павел заерзал от волнения.

— Где?!

— Убийца был в прихожей,— объявила я торжественно.— Подслушивал ваш разговор, а потом выскользнул через те двери. Я так и не увидела, кто это был! Если это ты,— обратилась я к Зосе,— то учти: я о тебе ничего такого не знаю и ничего не хочу сказать Алиции. Предупреждаю об этом прямо, потому что хотела бы еще немножко пожить.

Павел нервно захохотал, а Зою передернуло:

— Она с ума сошла?! — недоверчиво спросила она.— Слушай, не цепляйся ко мне!

— Перестаньте! — рассердилась Алиция.— Я думаю. Этот, который был в передней... Ты не выдумала?

— Конечно, нет.

— Что он мог услышать? Вспомни, что ты мне говорила!

Эльжбета, спокойствие которой казалось просто нечеловеческим, очнулась от задумчивости:

— Что я говорила? Подожди. Что кое-кто мог бы быть важным свидетелем. А ты спросила: кто? Я сказала, один тип, который был тут в пятницу.

— И меня, как всегда, кто-то позвал,— дополнила Алиция с раздражением.— А этот все услышал. Кто-то, кого не было на террасе...

— Большое открытие,— язвительно заметила Зося.

— Не мешай! Нужно вспомнить, кого не было на террасе.

— Мы с Павлом уже пробовали вспомнить. Ничего это не дало. Чисты как снег только Лешек и Хенрик.

Алиция задумчиво мешала кофе. Потом очнулась:

— Я себе сахар положила?

— Да,— произнесла Зося.

— Нет,— добавил Павел.

— Сойдитесь на чем-нибудь!

— Может, попробуешь? — посоветовала я.

Алиция попробовала.

— Нет, — констатировала она, потянувшись за сахарницей, вытащила из нее окурки и немного пепла и задумчиво бросила все это к себе в чашку. — Что-то здесь не так. Его убили, чтобы он мне ничего не сказал. Откуда они могли знать, что он сюда попадет? Эльжбета, может, ты говорила как-то иначе?

— Возможно, — согласилась Эльжбета. — Возможно, сказала, что я кое-что знаю и завтра уточню. Все возможно...

— Но это же огромная разница! Если говорила, что ты что-то знаешь, скорее пыталась бы убить тебя! Хотя мы с Зосей должны были вернуться раньше, вы позже, а Эльжбета еще поздней. Не знаю, как он себе это воображал...

У меня вдруг что-то мелькнуло: мы раньше, вы позже...

— Повтори еще раз. Что-то здесь не так.

Скрип калитки и шаги за дверью возвестили о прибытии г-на Мульгора. Алиция поднялась со стула.

— Что не так? — спросила она уже из прихожей.

— Не знаю. Что-то у меня такое мелькнуло. Сейчас нет времени. Потом поговорим.

— Ради бога! — закричала Алиция, поворачиваясь ко мне. — Говори сейчас же! Не желаю тут еще и твоего трупа!

Г-н Мульгор стоял уже в дверях и слышал эти слова. Вместе с ним и следственной бригадой приехал врач. Мы взяли себя в руки и вошли в комнату, где сидел покойник.

Врач с минуту держал за руку несчастного Казио, и на его лице возникло выражение любопытства. Я успела подумать, что, видимо, Казио умер каким-то необычайно редким, интересным способом... И тут покойник моргнул!

Мы замерли. Покойник моргнул снова. Я услышала за спиной чей-то стон. Врач быстро уложил моргающий труп на диван и продолжил осмотр.

— Жив! — сказал он уверенно. — В санитарную машину, быстро!

Произнес это по-датски, но поняли все. Прежде чем мы успели опомниться, санитарная машина с Казио, мигая и вой, понеслась к больнице.

— Как это жив? — сказал Павел с некоторой претензией. — Где это видано, чтобы так выглядеть и быть живым!

— Жив, жив! — сияла Алиция. — Его усыпило, парализовало. Какой-то быстродействующий яд, но, кажется, мало съел. Еще долго будет без сознания... Зося, ради бога!

Зося, глубоко дыша, села на сумку с покупками, уминая разом паштет, салат и крем в порошок. Кротко позволила вытянуть ее из-под себя, но взамен потребовала успокоительного.

Полицейские забрали фрукты со стола, разнообразные лекарства и часть нашей косметики, сопровождая конфискацию версальскими реверансами.

Г-н Мульгор приступил к опросу свидетелей.

— Какого трупа пани желает себе тут? — поинтересовался он любезно, открывая свой блокнот. — Ухо мое слышало. Какого-то трупа желают.

— Секундочку,— Алиция сделала жест, отодвигающий г-на Мульгора куда-то далеко в сторону.— Кажется, ты начала говорить что-то важное. Что ты имела в виду?

— Он же не мог знать наверняка, что Эльжбета вернется раньше,— неуверенно сказала я.

— Я прошу рассказа вещей поочередно,— строго прервал нас г-н Мульгор.— Сначала было, какого трупа пани себе желает?

Некоторое время казалось, что мы никогда не поймем друг друга. Но в конце концов до него все-таки дошло, что Алиция себе не желает никаких трупов. Не только моего, но вообще ничего. Ее потребности в этой области полностью удовлетворены.

После некоторого колебания мы рассказали ему о моих вчерашних наблюдениях и сообщили сведения Эльжбеты. А также дали понять, что Эдек хотел чем-то поделиться с Алицией, но ему помешала таинственная рука. Г-н Мульгор слушал внимательно и кивал, будто все ему было понятно. После чего заявил совершенно обратное:

— Я не понимаю ничего. Он не сказал перед убийством?

— Нет, не сказал.

— Почему?

— Он был пьяный, и я не стала слушать,— произнесла Алиция с тяжелым вздохом.

— Второй труп также? Не сказал ничего?

— Нет,— ответила на этот раз Эльжбета.

— Почему? Пани спрашивала?

— Нет.

— Почему?

— Чтобы сразу сказал Алиции. Зачем ему было два раза повторять?

Г-н Мульгор посмотрел на нее как-то странно и снова обратился к Алиции.

— Пани никакими домыслами не обладает, о чем убитый желал поведать? Пани не знает ничего?

— Нет, не обладаю. И ничего не знаю,— заявила Алиция.

— Не понимаю,— покачал головой г-н Мульгор и погрузился в глубокую задумчивость.

Не знаю, как долго он оставался бы в этом состоянии, если бы не телефонный звонок. Из полицейской лаборатории передавали последние новости.

— Да,— сказал г-н Мульгор, отложив трубку.— Наше суждение такое. Тонкая игла, инъекция. Маленький кусочек около руки. Он съел два фрукта, всего шесть фруктов — яд. Другие нет.

— Бога ради, что он говорит? — побледнела Зося.

— Что кто-то вколол это свинство в виноград,— объяснила я.— В оторванную гроздь, которая лежала на самом верху.

— Это же был виноград для Алиции!!!

— Вот именно.— Все вдруг встало на свои места: Алиция должна была вернуться домой раньше, а о ее страсти к винограду знали все...

— Яд был тоже для Алиции,— заявила я с бессмысленным

торжеством.— Ясно было, что она слопаёт виноград прежде, чем кто-нибудь успеет глазом моргнуть. Он вообще не хотел убивать Казно и Эльжбету!

Алиция посмотрела на меня с сомнением.

— И Эдека не хотел убивать? Спутал со мной?

— Дура! Эдеку заткнули рот, но ты можешь узнать...

Я замолчала, спохватившись, что Алиция решила не говорить о письме.

— Выражаю подтверждение,— сказал г-н Мульгор.— И я не понимаю. Это отравка для женщины, которая первая поест. Неживая особа,— он показал пальцем на Эльжбету,— должна прийти последней. Утолить голод должна была та дама. Или та дама...

Осуждающим жестом он указал по очереди на Алицию и Зося.

— Видите, что вы наделали,— вмешалась я.— Идете себе в гости, а из-за вас травится невинный человек...

— Павел...— шепнула Зося побелевшими губами.— Вы с Павлом... могли вернуться раньше...

— Вот именно. Не жалуйся в другой раз, что я не спешу,— удовлетворенно заметил Павел.

— Мы бы его не тронули!— возмутилась я.— Это же было для Алиции!

Тут Зося перестала владеть собой окончательно.

— Мы его купили! Для нее!

— Боже ты мой, возьми себя в руки! Мы ведь не фаршировали его отравой!

— Но никто другой не знал!..

— Все знали, что она его молотит, как машина!

— Заткнитесь!— сказала Алиция решительно.— Вы правы, это предназначалось мне. Созрала бы его за милую душу. Этот тип меня боится. Угробил Эдека, а теперь моя очередь.

С минуту мы молча смотрели на нее. Как предполагаемая жертва коварного покушения, она явно заслуживала уважения.

— А почему?— вдруг вступил г-н Мульгор.

— Не знаю. Может, я ему не нравлюсь как женщина. Или у нас не сходятся вкусы...

— ...Возможно, пани известием владеет о той особе, убийце. Пани должна умственную работу проделать. Намыслить, что на память вашу залегло, и разогнать все мраки.

— Но память не говорит мне ничего... Ничего не помню и не знаю, что Эдек имел в виду. Но могу подумать...

Г-н Мульгор выразил ей признательность и перешел к следующему преступлению. Не утверждал прямо, что виноград был отравлен Зосей, Павлом или мной, но ясно было, что мы кажемся ему наиболее подозрительными. Эльжбету исключил: если бы она хотела отравить Алицию, то не позволила бы съесть яд Казно. Зося снова разволновалась:

— Мы его принесли, помыли и положили в миску. Так?

Я кивнула.

— И говорили, что это для нее. Окна были открыты. Он мог подслушать.

— Дом отворен стоял?

— Нет,— ответила я.— Дом был заперт. На ключ.

— Может, какое-нибудь окно осталось открытым? — спросила с надеждой Алиция.

— Исключено,— запротестовала Зося.— Я сама запираю.

— А иная особа ключ имеет во владении?

— Кто из вас имеет во владении ключи? У Иоанны один, у меня второй, у Эльжбеты третий, у фру Хансен четвертый, а пятый? Было пять комплектов. Зося, у тебя есть?..

Зося нервно подскочила, уронив на пол спички, сигареты и перевернув вазочку с цветами, высыпала содержимое сумочки на стол.

— Есть! Вот пятый!

— Кто это — фру Хансен? — спросила я подозрительно. Мне показалось, что Алиция говорит сама о себе.

— Уборщица. Приходит раз в неделю. Ее зовут так же, как и меня.

Г-н Мультгор что-то записал и задумчиво посмотрел на нас:

— Потерялся, быть может, один ключ? Пропавшим стал? Пребывают они где?

— Преимущественно у нас в сумках. Или в карманах...

— Секундочку,— прервала нас Алиция.— Я не могла найти своего, помнишь?

Г-н Мультгор сразу заинтересовался, где Алиция хранит сумку. В конце концов установил, что сумочка Алиции стояла вчера как обычно в передней, на комод. Вынуть из нее ключ, сделать оттиск и положить обратно можно было запросто. С таким же успехом эту операцию можно было произвести у нее на службе. Отправляясь, например, на завтрак, Алиция оставляла сумочку на столе.

Алиция ужасно расстроилась:

— Значит, у кого-то есть ключ от моего дома? Что же теперь, менять замки? Одуреть можно! Может, все-таки какое-нибудь окно было открыто?..

— Сейчас проверим! — разволновалась Зося и сорвалась с места.

Мы двинулись обходить дом, поочередно отворяя все двери и проверяя окна, и наконец добрались до комнаты, из которой вел вход в ателье.

— Ну вот,— сказала Алиция удовлетворенно.— Какое счастье!

Двери из ателье в сад были открыты настежь.

— Холера! — расстроилась Зося.

— Не огорчайся,— утешила ее Алиция.— Я даже рада. Чертовски не хотелось бы менять замки!

Мы вернулись обратно к столу и продолжили беседу. Эльжбета привела Казию в одиннадцать. Посадила на диван, дала какой-то журнал и пошла мыть голову. Казию сидел спокойно и не мешал, что ее несколько удивило. Теперь уже не удивляет.

— Ради бога, ищи письмо! — потребовала я, когда г-н Мультгор наконец ушел, а Эльжбета, Зося и Павел пошли спать.— Если ты его не найдешь в ближайшее время, это плохо кончится!

— Что, прямо сейчас? — возмутилась Алиция. — Три часа ночи! Мне утром на службу!

— По такому поводу можешь и опоздать: не советую слишком тннуть, разве что хочешь избавиться еще от пары друзей. И от себя в том числе.

— Думаешь, он и дальше будет продолжать в том же духе? — удивилась Алиция и открыла стоящий у стены сундук для постели.

— Уверена, что на этом не кончится. Разве что его поймают... Ты что, надеешься найти письмо здесь?

Алиция рылась между подушками и пледами.

— Не знаю. Во всех разумных местах я уже искала. Кто-нибудь мог убрать его вместе с постелью. В этом доме все всё убирают...

На всякий случай я сама заглянула в сундук, но никаких писем там не обнаружила. Алиция добралась до самого дна, нашла коробку спичек, запахнула все обратно и начала медленно закрывать крышку.

— Так, подумаем. Зося отпадает, но Павел?.. Молодежь теперь такая странная... Может быть, это такая шутка? Твои дети как?

— Благодарю, здоровы. Убийств они до сих пор не совершали, если ты это имеешь в виду, и в ближайшем будущем, по-моему, ничего такого не планируют. Шутят иначе.

Алиция пожалала плечами, тяжелая крышка сундука выскользнула у нее из рук и захлопнулась с пушечным грохотом. Минутой позже на пороге появилась Зося в пижаме, с бледным лицом и безумными глазами.

— Что случилось? Кто-то стрелял?!

— Ничего, это я, — вздохнула Алиция. — Я разбудила тебя? Извини. Ищу письмо от Эдека.

— Боже мой, — сказала Зося, хватая ртом воздух, — в этом доме можно с ума сойти!

— Бери пример с Эльжбеты, — посоветовала я.

— Эльжбета! — фыркнула Зося. — В Эльжбету можно стрелять из пулемета... Она без нервов!

— Тем более бери с нее пример.

— Поищи на кухне, — предложила я без особой надежды. — Если уж искать в дурацких местах, то последовательно.

Заодно решили сварить кофе. Алиция надумала вообще не идти на службу, признав, что два убийства подряд, даже если одно из них не совсем удачное, достаточное оправдание.

Алиция погасила огонь под чайником и всыпала нам по две ложки кофе в чашки. Я думала о своем.

— Если серьезно, — сказала она, садясь за стол, — кто из них на самом деле мог это сделать? Эва кажется мне вполне возможной кандидатурой.

— Почему? Зачем ей, к дьяволу, убивать Эдека? Видела его первый раз в жизни!

— Второй, — поправила Алиция. — Первый раз они встречались в Варшаве. Привозила ему от меня кисточки для бритья.

— И это произвело на нее такое впечатление, что при следующей встрече сразу его укукошила?

— Дура. Могла сделать какую-нибудь глупость. Была одна без Роя... Эдек об этом узнал...

— С таким же успехом его мог убить Рой. Чтобы не болтал. От любви к Эве.

— Теоретически это возможно. Никогда бы не подумала, что датчанин может до такой степени влюбиться,— добавила Алиция задумчиво.

— Эва очень хороша,— буркнула я.— Меня бы это не удивило. И не такое совершали ради прекрасных дам. Никак только не могу вообразить, что она могла сделать в Варшаве. Кстати, ты в холодильнике искала?

— Холодильник — это уж слишком! — запротестовала Алиция, но встала и открыла дверцу.— Ничего тут нет. Я тоже себе не представляю. Ведь не хахаль же? Кто теперь убивает из-за хахалы?! Кто там еще остается?

— Анита. Кроме нас, только она.

— Она бывала в последнее время в Польше?

— В Польше не появлялась почти год. Но могла что-то натворить и два года назад. Она знала Эдека?

— Не знаю. Наверное, нет. Ничего через нее не посылала. А она не слишком легкомысленна?

— Для чего? Для убийства? Считаешь, что преступления совершают только люди солидные?!

— Нет, я имела в виду, что ей на все наплевать. Ее ничего не интересует до такой степени, чтобы ради этого убивать. Она слишком ленива!

— Ну да, чтобы совершить преступление, нужно быть работающим человеком. Она ленива только в области домашнего хозяйства. Что-то ничего у нас не выходит. Может, лучше подумаем, у кого из них есть алиби?

К рассвету нас окружали исключительно преступники и преступницы разного пошиба. Наконец мы пошли спать, ужасно поругавшись по поводу методов установления алиби. Назавтра Алиция с самого полудня искала письмо. Сидела за письменным столом и выкладывала на него чудовищную кучу бумаг. Под вечер я не выдержала:

— Сомневаюсь, найдешь ли ты его таким методом. Может, лучше искать дедуктивным путем? Что ты делала, когда пришло письмо?

— Откуда я знаю, когда оно пришло? — отмахнулась Алиция.

— Проверь по календарю. Ты ведь записываешь, когда получаешь письма?

— Конечно, но календарь куда-то пропал. Может быть, оставила в конторе.

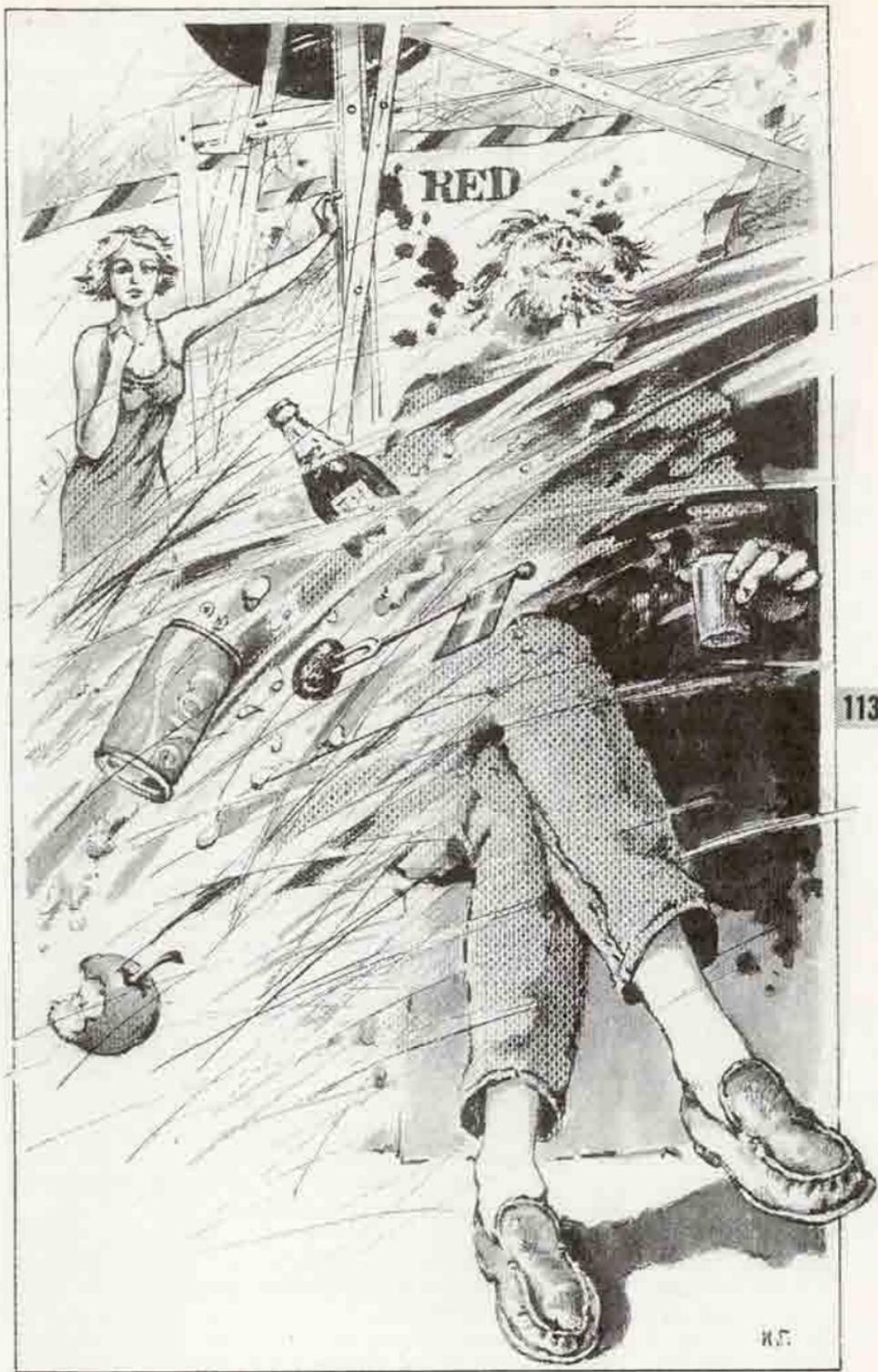
— Может, ты и письмо оставила в конторе?

— Нет, я его получила дома вместе с другими.

— А ты уверена, что не постирала его в стиральной машине?

— Ну, я бы заметила, когда вынимала белье...

— Оно могло быть в кармане халата...



Алиция бросила на меня мрачный взгляд и ушла в свою комнату, старательно закрыв за собой дверь.

Зося, твердившая, что хозяйственные дела действуют на нее успокаивающе, приготовила, наконец, обед. Павел накрывал на стол.

— Не знаю, все ли в порядке с этим обедом,— сказал он мне вполголоса.— Завтрак у нас как-то проскочил, а сейчас немножко страшновато все это есть.

— Ты действительно думаешь, что твоя мать всех убивает? — заинтересовалась я.

— Нет, но кто-нибудь мог подсыпать. Не знаю, что мы там будем есть...

Я заглянула в кастрюлю...

— Картофель вроде в порядке, кукуруза из банки, рыба мороженая, мы ее купили сегодня собственноручно вместе с салатом.

— Помидоры! Было в винограде, может быть в помидорах. Нужно сначала дать кому-нибудь попробовать.

— Кому? У тебя есть на примете какая-нибудь жертва?

— Я тут видел кота в саду, он, по-моему, беспризорный. Можно дать коту.

— От помидоров он будет в восторге... Кроме того, я против издевательств над животными. Человеку еще могла бы предложить...

— Обед на столе,— сказала Зося.

— Я нашла счет, который потеряла два года назад,— меланхолично поведала Алиция, выходя из комнаты.— Хорошо простирался, ничего не разберешь.

Приблизительно к половине обеда она отложила бумаги и села за стол. Была очень задумчива. Мы разговаривали тихо, чтобы не мешать ее умственной деятельности.

— Павел, поставь воду для кофе... — произнесла Зося.

Алиция, по-прежнему не реагируя на окружающее, вернулась к письменному столу. Я вынула чашки для кофе. Зося открыла банку.

— Тут же ничего нет,— сказала она недовольно.— По две ложечки на нос. Павел...

Павел потянулся к стеклянной банке с кофе, открутил крышку и заглянул внутрь.

— Тут немного.— Он подал банку Зосе и повернулся за большой чашкой для чая.

— Господи! — завопила Алиция страшным голосом.— Совсем забыла! Только этого мне не хватало!

Банка с кофе вылетела у Зоси из рук. Павел уронил чашку вместе с блюдцем. Алиция поднялась со стула с какими-то бумагами в руке и подошла к нам.

— Тетка Торкилья нишет... О?.. Что здесь случилось?

— Ничего,— ответила я.— В другой раз воздержись от эффектных вошей, иначе мы ни за что не отвечаем. Какая-то нервная атмосфера создавалась...

— Если я после этого отпуска останусь жива, будет чудо! — заявила Зося.— Что, интересно, может писать тебе тетка Тор-

киля, чтобы так всех пугать? Последний кофе кондрашкахватила. У тебя есть еще какие-нибудь запасы?

— Понятия не имею. Иоанна, посмотри в шкафу, с левой стороны...

— Павел, подвинься!.. Есть шоколад в порошке, какао и какие-то окаменелые остатки растворимого кофе,— доложила я, роясь в шкафчике.

— Может, оно и к лучшему. Пойдем пораньше спать и не будем пить кофе.

— Если только не придут гости,— легкомысленно пошутил Павел. И, конечно, накаркал. В хаосе последних дней все, включая Алицию, забыли о приезде Владека и Марианн. Не успело еще отзвучать эхо легкомысленного предсказания Павла, как перед домом остановился автомобиль и раздался стук в дверь. Увидев, кто приехал, Зоя онемела от расстройства: известно было, что Владек и Марианн жить не могут без кофе.

— Вот ужас-то! Слушай, где можно купить кофе? Павел!

— Что я его, рожу? — буркнул Павел. По неизвестным причинам он терпеть не мог Владека.

— Ужин мы съели в Роскилле, но кофе приехали пить к тебе,— радостно выпрыкивал Владек.— Уж что-то, а кофе у тебя всегда найдется!

Зоя разволновалась окончательно.

— Бога ради, Иоанна! Где сейчас можно купить этот чертов кофе?!

— Нигде. Разве что на Центральном вокзале в Копенгагене и в автоматах.

— Павел!..

Наконец удалось выпихнуть Павла на улицу. Владек и Марианн без зазрения совести продолжали молить о кофе.

Мы между тем обменивались последними новостями.

— Ну ты подумай! — воскликнул потрясенно Владек.— Эдек убит? Тут, у тебя?!

Владек и Марианн проявили ничтожный интерес к нашим заботам. Марианн давно не скрывала усталости, а Владек после взрыва бодрости начал зевать прямо ужасающе. Нужно было срочно с ним что-то делать. Алиция заволочла меня в ателье.

— Слушай, как их устроить? Господи, где Павел?.. Куда он подевался? Я начинаю волноваться... Что делать?

— Не знаю. Во-первых, избавиться от Владека и Марианн, они дольше не выдержат. Где ты собираешься их положить?

— Или там, или тут...

— Ага, понятно. Значит, я должна переехать на катафалк. О, пардон, я имела в виду памятник...

— Ты согласишься?

— Во-первых, не вижу другого выхода, а во-вторых, не имею ничего против.

— И тебе не будет мешать, что отсюда выход в сад?

— Наоборот. Люблю выходы в сад, и моя машинка тут тоже никому не будет мешать...

Алиция вдруг заинтересовалась.

— Новая книжка?

— Нет, письма. Послания к любимому мужчине.

— А кстати! Ты должна мне сказать, кто это!

— Что, прямо сейчас?! Не успели выяснить, в чем дело с этой самой теткой Торкилля.— Марианн и Владек поменяли. Собрались положить спать Марианн и Владека — пропал Павел...

— Черт возьми! — зарычала Алиция.— Еще эта тетка! Ты даже не представляешь, какие у меня с ней сложности! Секундочку, Владек и Марианн...

— Постель,— смиренно подсказала я.— Забирай отсюда то, что для них, а я принесу свою. Давай скорей, иначе они заснут за столом.

— Чушь, Владек зевает нарочно, чтобы показать, что ему на меня наплевать...

Наконец Владек и Марианн, шатаясь, ушли спать. Зоя дошла до состояния полной невменяемости, но тут в дверях появился пропавший Павел.

Выглядел он так, что всякие возгласы замерли у нас на устах. Одежда была порвана, в волосах торчали сорняки и ветки, на щеке — царапина, в глазах — безумие, из распоротой сумки торчал кофе, завернутый в носовой платок.

— Я кого-то выслеживал,— трагически заявил он, предупреждая возможные упреки.

— Кого?! — спросили мы хором, хотя каждая из нас собиралась сказать совсем другое.

— Не знаю. Кто-то здесь прятался, а потом залез в машину и был таков!

— Ты представляешь, что я пережила?! — завопила Зоя душераздирающе.— Как ты выглядишь?! У тебя совесть есть?!  
116

— Где прятался? — недоверчиво спросила Алиция.

— На какой машине? — заинтересовалась я.

Павел пытался ответить на все вопросы одновременно. Зоя устроила скандал, затрудненный необходимостью сохранять тишину. Алиция вырвала у Павла кофе вместе с носовым платком.

— Не знаю, как выглядел, темно было,— говорил вдохновенно Павел.— Ну, знаю, знаю, что ты волнуешься, ничего же со мной не случилось! Никто на меня не нападал, я вообще к нему близко не подходил! Уже возвращался... Успышал — что-то шевелится... О господи, что со мной может случиться?! Вроде бы заглядывал внутрь, а потом дунул через сад, на улицу, я себе чуть глаз не выбил этой веткой сливы. Ну не выбил же!.. Не знаю, женщина или мужчина — в брюках... через какие-то чужие сады... а потом завелся мотор машины, не знаю, какой, я ее вообще не видел. Легковая. Когда я выбрался, его уже не было.

— Если еще раз сделаешь что-нибудь подобное!...—зловеще запищала Зоя.

Купленный Павлом кофе оказался довольно паршивым. Но, разволновавшись от всех этих новостей, мы решили его выпить.

Зачем убийца прятался под окном? И убийца ли это? Алиция снова засомневалась, что покушались именно на нее, и все доказательства этого воспринимала как проявление дебилизма. Ее упрямство отбило у нас всякую охоту к разговору.

— Может, расскажешь наконец, что там с теткой? — спросила я устало. — Или тут скрывается какая-то семейная тайна?

— Угу. Для меня, — ответила Алиция меланхолично. — Для меня полная тайна, как я должна к этой тетке обращаться. Теток две, с одной я на «вы», а с другой на «ты». Не имею понятия, кто есть кто, не различаю их ни в лицо, ни по именам.

— По-моему, это не повод для таких жутких криков, — обиделась Зося.

— Что вы ко мне привязались? Не было никаких криков! Главное, что одна из теток приезжает в Аллеред (не знаю, которая), а я вообще об этом забыла.

— Почему ты? Есть же более близкие родственники?

— Она приезжает ко мне. Жила тут когда-то давно. Остались какие-то вещи, теперь она хочет их забрать, хотя должна была это сделать восемнадцать лет назад.

— Фисгармонию?! — загорелась я. — Или ту картину в последней комнате?..

— Господи, если она заберет картину, я готова для нее на все! — оживилась Зося, жившая в одной комнате с картиной.

— Нет, — вздохнула Алиция. — Картину она возьмет, но не ту...

Интерес угас так же быстро, как и родился.

— И когда она должна приехать? — мрачно спросила Зося.

— Не знаю. Куда я, кстати, положила это письмо? Там было написано.

— Ты держала его в руке во время обеда. Потом понеслась встречать Владека и Марианн.

— Я должна его найти! Оно такое коротенькое... Никто никуда его не перекаладывал?

— Похоже, что теперь будешь искать два письма, — сказала я желчно. — Ищи письмо от тетки — может, найдешь и от Эдека. Человек всегда находит не то, что ищет.

Алиция совсем расстроилась и от расстройства решила идти спать. Зосе она поручила исполнять завтра обязанности хозяйки, а нам с Павлом — купить продукты и заняться гробницами в саду, чтобы они не слишком бросались в глаза к приезду тетки.

Назавтра мы встали не слишком рано (за исключением Алиции, которая опоздала на службу всего лишь на сорок минут). Я напилась чаю, взяла из прачечной пилу и топор и вышла из дома. Зося хозяйничала на кухне, гоняя Павла с места на место и готовя завтрак. Владек и Марианн еще спали.

Справившись с самыми толстыми ветками, я решила устроить перерыв, взяла кошелек и отправилась в магазин за сигаретами. Вернувшись, заглянула в открытую дверь дома.

Зося редела в три ручья, опершись лбом на плечо перепуганного Павла. Слова, долетавшие сквозь плач, меня насторожили.

— Владек и Марианн!.. — всхлипывала Зося. — Боже мой!.. Я уже больше не могу! Я хочу домой!..

— Что вы тут болтаете? Что-нибудь случилось?

— Владек и Марианн!.. Мертвые!.. Я их нашла!!!

Мне сделалось дурно.

— Как мертвые?

— Совсем...

— Да не о том речь! Понятно, что не наполовину! Как погибли? От чего?!

— Не знаю! Никаких следов! Ничего не видно! Ничего нет!..

— Ну нет, есть трупы...— утешающе сказал Павел.

Зося оторвалась от его плеча.

— Что за дети пошли!..— горестно завопила она.— Для вас нет ничего святого, вам на все наплевать! Уйди с моих глаз!

— Хорошо, я уйду, но у тебя нет носового платка...

— Отдай платок и убирайся!

— Я, конечно, не знаю,— обиженно сказал Павел,— но, по моему, надо что-то делать...

Зося вырвала у него из рук носовой платок.

— Умерли,— всхлинула она.— Хотела их разбудить к завтраку... Пресвятая мадонна, что теперь?

— Я должен уйти с твоих глаз,— с достоинством заявил Павел и вышел.

Я наконец набрала воздуха, подошла к приоткрытым дверям соседней комнаты и заглянула внутрь. Долго присматриваться не пришлось. Владек и Марианн не производили впечатления живых.

— Над этим домом тяготеет какое-то проклятие,— сказала я.— Ты проверяла, они точно мертвые?

Зося перестала вытирать нос.

— Как, интересно, проверять, господи, ведь и так видно!..

118 Слушай, что теперь? Опять мы виноваты?

— Нужно позвонить Алиции, пусть сама объяснится с полицейскими. Что с ними, черт побери, случилось?

— Похоже на отравление,— неуверенно сказала Зося.— Видишь, пятна?

Я не видела никаких пятен, но поверила Зосе на слово. Была слишком оглушена, чтобы мыслить самостоятельно.

— Господи, но чем они могли отравиться?

— Не знаю. Хорошо, что обед они ели в Роскилле, а не у нас! Нужно звонить Алиции. Слушай, позвони ты, у меня слова застрянут в горле.

— У меня тоже застрянут. Пусть Павел звонит.

— Павлу она не поверит.

— Неужели она подумает, что он шутит?

— Не знаю. Я бы подумала. Невозможно поверить в то, что тут делается! Хочу домой.

То, что делалось, действительно было невероятно. Труп за трупом, убийство за убийством! Что этот чертов Эдек знал такое, скажите на милость?!

Павел категорически отказался сообщать новость Алиции. Зося опять начала плакать. В результате звонить выпало мне.

Алиция сама взяла трубку.

— У меня сейчас нет времени,— сказала она решительно, едва я успела назваться.— Позвони часа через два, не раньше. Владек и Марианн пусть делают, что хотят.

— Подожди! — поспешно вскричала я. — Тут у нас новая неприятность...

— Говорю тебе: сейчас не могу, не морочь голову!

— Но Владек и Марианн...

— Есть машина, пусть едут осматривать замок в Хиллеред.

— Но Владек...

— Слушай, я действительно не могу разговаривать...

— Заткнись!!! — заорала я наконец. — Владек и Марианн очоурились!

Может быть, это был не самый деликатный способ сообщения о трагической гибели приятелей, но иначе с ней разговаривать было невозможно.

— Пусть не придуриваются, я работаю, увижусь с ними вечером, — не слушая меня, продолжала Алиция.

— Это ты перестань придуриваться! — бешено рявкнула я в трубку. — Владек и Марианн мертвы, к чертям собачьим, у тебя новые трупы в доме, звони в полицию!!!

На лице Зоси читалось неприкрытое осуждение как моей тонкости, так и деликатности. Алиция онемела.

— Шутить, — произнесла она механически.

— Все мы шутим, как дьяволы! Эдек первый начал!

— Как это, мертвые?.. Оба?! Ты уверена, что они мертвые?!

— Оба. Зося тоже уверена. Совершенно точно, оба мертвы.

— Ради бога, что случилось?! На машине?! Авария?!

— Какая там авария. Не знаем, что с ними случилось, но думаем, они отравлены. Как вечером легли, так и лежат до сих пор.

Алиция застонала.

— Господи, что они ели?!

— Не знаю, ничего не ели, а если ели, то ночью, откуда я знаю, что! На них пятна!

— Какие пятна?!

— Не знаю. Зося, какие пятна?

— Синие, — мрачно сказала Зося.

— Синие, — повторила я в трубку. — Перестань задавать дурацкие вопросы, раз у тебя нет времени. Звони в полицию и возвращайся в эту мертвецкую!

— Господи, — шепнула Алиция и отключилась.

Окончательно изнемогшая Зося приподнялась с кресла.

— Завтрак готов, — выдохнула она. — Не знаю, как вы, но я ничего в рот не возьму.

— Я бы взяла — от работы на свежем воздухе появляется зверский аппетит, — но, может быть, Павел прав насчет кота... Павел!

Павел задумчиво раскапывал гробницу. Ссынал в тачку землю с лопаты, оперся на черенок и посмотрел на меня вопросительно.

— Тут нет где-нибудь поблизости кота? Есть хочется!

Павел огляделся, отрицательно покачал головой, вбил лопату в землю и двинулся в сторону дома.

— Крысы, — сказал он, входя, — самые несимпатичные животные.

— Где крысы?! — стремительно обернулась Зося. — Если окажется, что тут еще и крысы, я немедленно уезжаю!

— Продаются белые мыши в клетках, — продолжила я мысль Павла.

— Белых мышек мне жалко, — меланхолично сказал Павел.

Подумав, мы решились на нераспечатанную рыбную пасту и салат. От разглядывания их через филателистическую лупу меня оторвал телефонный звонок.

— Послушай, — раздался в трубке взволнованный голос Аниты. — Мне пришло в голову, что теперь, пожалуй, в Аллеред должно явиться привидение. Ты как считаешь?

Я подумала, что она действительно бьет все рекорды по легкомыслию.

— По-моему, уже, — ответила я мрачно.

— Что ты говоришь? А что вообще слышно?

— Слышно немного, хуже с видами. У нас новые трупы.

— Шутить! Где?!

— Тут, рядом, валяются около ателье.

— Ну, конечно, в этом доме всегда что-нибудь валяется! У Алиции такой беспорядок, везде какие-то трупы... А кто на этот раз?

— Сразу двое. Ты о них слышала — Владек и Марианн.

— Как! Вместе?!

— Лоб в лоб...

— Ну, это уж слишком! И как вы себя чувствуете?

— Средне. Постепенно начинаем привыкать.

— Конечно, ко всему можно привыкнуть. И Алиция в этом балагане еще может что-нибудь найти?

— Наоборот, теряет новое.

— А письмо, которое искала, тоже не нашла?

— Я же говорю, что потеряла следующее.

— Зато из всего этого можно извлечь выгоду, — оживилась Анита. — Если появится привидение, Алиция сможет брать плату за вход. Недорого, по пять крон с носа, а за ночлег, например, пятнадцать. Без постели.

Я невольно задумалась.

— Знаешь, это неглупо... Если привидение в саду, то можно просто впускать в сад на ночь без особых хлопот. Но пока по саду бродит убийца.

— То есть?

Я вкратце рассказала ей о вчерашних приключениях Павла. Анита заинтересовалась.

— Так и не узнал его? Не заметил ничего характерного?

— Ничего конкретного. Было темно.

— Молодежь теперь ни на что не пригодна. Одни растяпы! Не знаю, в курсе ли ты, но мы об этом хотим написать поподробней. У меня уже есть статья...

Я забеспокоилась: Анита была секретарем редакции одной из крупнейших газет Копенгагена, а я не была уверена, что Алиция заинтересована в широкой огласке.

— Слушай, подожди пока с этим. Алиция будет недовольна.

Если не сможешь, то хоть проследи, чтобы не назывались имена и подробности.

— Попробую. Сделаю, что смогу. Но все свежие новости только нам. Больше никому!

Я обещала, что будем молчать как рыбы, и положила трубку. Павел закончил изучение продуктов, признал их съедобными, но на всякий случай выскочил в магазин за молоком. Купленный им кофе признали безопасным; мы пили его вчера и до сих пор живы. Новое потрясение лишило аппетита только Зося. Павел Владека не любил, а Марианн увидел впервые. Я же почти не знала их обоих.

Алиция приехала на машине вместе с г-ном Мульгором, ужасно расстроенная и полная угрызений совести. Тут же подкатила «Скорая», которую я вызвала на всякий случай. Полицейский врач и врач «Скорой» вместе начали осмотр. Мы были так уверены, что на этот раз убийце повезло и Владек с Марианн пали жертвами его упорства, что заключение обоих эскулапов потрясло нас не меньше, чем моргание Казио.

— Живы!!! — заорала Алиция со слезами счастья на глазах. — Их удастся спасти!!! То же, что с Казио!..

— Невероятно! — проворковала в радостном изумлении Зося. — Мне бы и в голову не пришло!

— Чудо! — набожно заявила я.

— Какое там чудо, просто убийца — идиот, — рассудил Павел.

Оба врача удалились вслед за жертвами, дружно гарантировав благополучный исход, но предупредили, что лечение будет нелегким. Убийца применил какой-то необычный яд. Симптомы выглядели на редкость нетипично.

Г-н Мульгор задумчиво покачал головой.

— Удивление ощущать надлежит, — изрек он. — Весьма непростой съели яд особы неживые. Что они употребляли?

— Обыкновенный кофе употребляли, — ответила Алиция.

Павел оторвался от созерцания г-на Мульгора.

— Все не обыкновенный! — запротестовал он. — Я купил самый дорогой, какой был!

— Они вообще не пили твой кофе, — вмешалась я. — Выпили остатки того, из банки. Твой мы начали уже потом.

— Не было ли пицци иной в устах этих особ? — спросил г-н Мульгор.

— Не было. Ничего не ели, пили кофе и коньяк.

— Напитки, — понимающе кивнул г-н Мульгор. — Обозреть желательно оные напитки.

— Кофе будет трудно обозреть — его выпили, но коньяк еще остался. — Алиция открыла шкафчик и вытаскала бутылку с остатками коньяка. — Это пили все.

— Сосуд от кофе надо осмотреть! — Г-н Мульгор дал знак помощнику. И вызвал этим замешательство: оказалось, что Зося в расстройстве и безумии все убрала и перемыла, ликвидируя всякие следы преступления. Кофе, купленный Павлом, она высыпала из пластиковой упаковки в банку. Г-н Мульгор был чрезвычайно расстроен.

— Подождите,— сказала я.— Упаковка должна быть в мусорном баке.

— Нет ее там! — чуть не заплакала Зося.— Павел выбросил мусор!

— Совсем сдурила с этой уборкой! Павел, беги за мусором, может, его еще не увезли!

Павел бросился к двери. Через минуту он вернулся, с триумфом неся пластиковую банку от кофе.

— Есть!

Мы внимательно оглядели упаковку.

— Та.

— Ну, и какой от нее толк? — любопытствовала Алиция.

— Обрати внимание: мы себя чувствуем хорошо, а Владек и Марианн скорее наоборот...

— Я заметила это пару часов назад. И что?!

— Они должны были есть не то, что мы...

— Они вообще ничего не ели!

— Перестань меня прерывать. Значит, пили что-то другое. Если все пили этот кофе, они пили другой, коньяк-то весь из одной бутылки. Кофе у нас как раз кончился, и в этой упаковке оставалось только на две чашки. Заметь, ты варила его в экспрессе, и они пили, а мы нет... Сверху в банке кофе, купленный Павлом, а внизу это свинство. Пусть они его исследуют.

Г-н Мульгор взял кофейную банку и отдал ее помощнику.

— Опять кофе не будет,— буркнул Павел.— Больше я не пойду!

— Вы.— Г-н Мульгор показал авторучкой на Павла.— Ухо мое слышало. Не употребляли кофе. Наносили визиты кустам.

— Что я делал? — переспросил Павел недоверчиво.

— Наносил визиты кустам,— перевела я.

— А! Когда выслеживал этого?..

Г-н Мульгор пожелал подробных объяснений. Рассказывая, мы сами начали удивляться происшедшим за столь короткое время событиям. Убийца рисовался личностью необычайно активной, имевшей одну цель в жизни — укокошить Алицию.

Наконец г-н Мульгор ушел, взяв с нас обещание немедленно сообщать ему о событиях, которые покажутся нам странными. Поздно вечером он позвонил, любезно сообщая о результатах анализа остатков кофе.

— Этот полицейский так доволен, будто открыл бог знает что... — сказала Алиция, положив трубку.— Об убийце до сих пор не имеет понятия... Что он себе воображает?

— Ничего он себе не воображает,— объяснила я.— Он попросту ждет, когда наконец тебя укокошат. Тогда он поймет, в чем дело, устроит обыск, найдет письмо...

— Он же не знает о письме. Или кто-то ему сказал?

— Вроде никто. Прямо удивительно, столько народу о нем знает, и никто ничего не слышит!

— Столько народу? А кто еще, кроме нас?

— Ну как это? Все, кто тогда был на террасе. Ты же сама говорила, что оно пропало до того, как ты его прокла.

— По-моему, я ничего такого не говорила. С чего ты взяла, что все знают? Кто именно?

— Например, Анита. Она сегодня интересовалась, не нашла ли ты письмо.

— Анита знает, а полиция не знает?.. Эва тоже знает?

— Наверное, тоже.

— Я ее сейчас спрошу...

Разбуженная Эва сказала, что о письме первый раз слышит, обещала ничего не говорить полиции, пожелала Алиции не оставлять поисков и непременно найти письмо.

— Эва не знает.— Алиция задумчиво нахмурила брови.— Анита знает... Откуда? Это подозрительно.

— Убийца знает о письме,— тоже задумалась я.— Пытается тебя прикончить, прежде чем ты его найдешь. Как это ни печально, мне подозрительной кажется Эва. Убийца скорее должен делать вид, что ему на это наплевать. Анита же сама спросила...

— Тогда зачем Эва уговаривала меня искать?

— Чтобы ты от нее отвязалась. Уже половина двенадцатого, нормальные люди в это время видят сны...

Честно говоря, я вовсе не была уверена, что моя речь имеет какой-нибудь смысл, но очень хотелось спать, и было совершенно все равно, какую точку зрения отстаивать.

Неуверенность во всем происходящем жила во мне до самой пятницы — то есть еще два дня.

В пятницу утром позвонила Эва и стала уговаривать пойти на выставку скандинавской живописи, открывающуюся вечером. Алиция и Зося решительно отказались, Павел после работы в саду едва дышал, и я пошла одна.

Выставка меня потрясла. Художники достигли потрясающе похоронных эффектов. Я нашла там пейзаж, который бы охотно купила, чтобы, глядя на него, сдерживать природную веселость.

Эва отвернулась от очередной картины, потянула меня за руку и вдруг застыла. В глазах у нее была паника. Я проследила за ее взглядом.

Раздвигая толпу, в нашу сторону пробирался потрясающе красивый высокий черноволосый мужчина, одетый весьма оригинально, но вместе с тем элегантно. Южноамериканский тип вообще не в моем вкусе, но должна признать, что такие могут нравиться. На нем были темный костюм, светлый галстук и красная рубашка.

Эва вдруг ожила. Выражение ее лица изменилось. Она смотрела в пространство сквозь приближающуюся фигуру ледяным невидящим взглядом, быстро тесня меня к выходу.

— Это какой-то кошмар, что там у вас творится! — тараторила она.— Просто ужас! Неужели вы не можете с этим как-нибудь покончить? Это же несосно, столько жертв, на каждом шагу покойник!

Тип врос в пол, и на его прекрасном лице рисовалась полная растерянность. Он смотрел на Эву и становился все мрачней и мрачней, потом вдруг отвернулся и отошел.

— Ужасно! — заявила я прочувствованно, так как связь Эвы

с типом в красной рубашке действительно ужасно поразила меня.— Вся выставка — полное дерьмо!

— Ничего подобного! — запротестовала ошеломленная Эва, и мы вышли на улицу.

— Хочешь, пойдем до Центрального вокзала, посмотрим витрины? — предложила она. — Давно тут не была.

Витрины я уже смотрела три дня назад, но мне нужно было решить, как вести себя. На дипломатию я сразу махнула, зная, что это не самая сильная моя сторона.

— Смотри, какие чудные зеленые сапожки! — оживилась Эва. — Обожаю зеленую замшу! А погляди на эту юбку!

— Что это был за тип? — спросила я, не преминув взглянуть на действительно симпатичную юбку.

— Какой тип? — Эва сразу утратила весь энтузиазм.

Я решила идти напролом.

— Тот черный, в красной рубашке, который собирался к нам подойти.

— Не хотела тебе признаваться, — ответила Эва, медленно проходя вдоль витрины. — Ну, ладно, скажу. Это была моя большая любовь. Никому не рассказывай. Все кончилось много лет назад. Была тогда смертельно влюблена и ужасающе глуха. Порвала с ним окончательно и больше не собиралась встречаться. И сейчас не собираюсь, хотя бы из-за Роя. Рой о нем ничего не знает. Я так испугалась, когда его увидела, захотелось провалиться сквозь землю... Не желаю его знать!.

— Как его зовут? — с вежливым любопытством поинтересовалась я.

— Джузеппе. — выдохнула Эва. — Джузеппе Грассани. Он итальянец.

— А где он живет?

— Не знаю. Когда-то жил в Марселе, там-то и проходил наш сумасшедший роман. Но потом он сразу уехал, больше я ничего не знаю.

Всю дорогу до Центрального вокзала я ломала голову над возникшей ситуацией. Не прерывая этого занятия, спустилась по лестнице, села в поезд и, конечно, забыла купить билет! Ехала зайцем и на каждой остановке тряслась, пока не поняла, что это грозит мне всего-навсего утратой двадцати пяти крон, и ничем больше.

Датские родственники Алиции, до сих пор тактично державшиеся в стороне, решили наконец навесить преследуемую несчастными своячку, и в этот момент все оказались в Аллеред.

С миной радушной хозяйки Алиция подавала на стол кофе, сливки, марципаны и песочные пирожные. Павел в укромном углу предварительно просматривал все это через лупу. Зося, не владея собой, громким шепотом отказывалась отвечать за жизнь стольких персон. Гости же, не подозревая о нависшей над ними опасности, наперебой выражали свое сочувствие.

— Я просто в ужасе, — сказала Зося, и видно было, что это святая правда. — Алиция дала им коньяк, который пили Владек и Марианн.

— Но в нем же ничего нет — полиция проверяла!

— В открытую бутылку можно было уже сто раз подсыпнуть. Не хватало еще, чтоб все эти датчане тут окочурились!

— Лучше, конечно, чтобы они окочурились у себя дома...

— Перестань, мне и так дурно...

— Ничего, пока они выглядят вполне прилично. А потом, может, ему опять не повезет?..

— Когда-то же ему должно повезти!..

На диване и в креслах сидели оба брата Торкилья, Иенс и Оле, с женами, двоюродная сестра Карин, кузина Грета и племянник Торстен. Торстен был единственным среди них человеком, который вообще понимал, о чем идет речь. Остальные, казалось, с интересом слушали рассказ о своеобразных варварских обычаях, бытующих у поляков. Страсти-мордасти, разыгравшиеся в Аллеред, конечно, прибавили хлопот их хозяйнице, но зато позволяли посмотреть вблизи арену этого увлекательного и чуточку неприличного действия. Засидевшиеся допоздна гости позволили мне еще раз обдумать ситуацию и принять окончательное решение.

— Слушай, Павел. Ты узнал бы типа, которого видел с Эдеком?

— Какого типа?

— Ну, черного в красной рубашке.

— Конечно! Я на них долго смотрел.

— А что? — поинтересовалась Алиция, отпихивая Павла от дверцы холодильника. — Он где-нибудь поблизости?

— Не знаю. Как он выглядел?

— Черный, — сказал Павел, опираясь на раковину. — Такой типичный южноамериканец, с носом, с волнистыми волосами. Высокий. Скорее худой. Матери такие нравятся.

— Какие мне нравятся? — подозрительно спросила Зося, входя с грязной посудой и отодвигая Павла от раковины.

— Такие, как тот, которого я видел с Эдеком, — пояснил он.

— Не хочу быть негостеприимной, но разве обязательно все должны толкаться на кухне? — поинтересовалась Алиция, отодвигая Павла, чтобы поставить в шкафчик банку с кофе и остатки печенья. — По-моему, в этом доме есть и другие помещения.

— Это не мне такие нравятся, а Алиции, — мстительно ответила Зося. — Павел, ради бога, убирайся отсюда! Иоанна, и ты тоже.

— Ну-ка подождите, дорогие дамочки, — решительно прервала их я. — Перестаньте к нему цепляться — дело важное. Я сегодня встретила в Копенгагене черного типа в красной рубашке. Южноамериканец, очень красивый, с носом, с волнистыми волосами. Ну что?

Все тотчас повернулись ко мне.

— Думаешь, он все время ходит в одной рубашке? — заинтересовалась Алиция.

— Ты считаешь, тот самый? — спросила Зося недоверчиво. — Где ты его видела?

— На выставке. Рубашка выглядит вполне чистой — может быть, иногда он их меняет.

— Брюнетов в Копенгагене полно,— сказала Алиция скептически.— Все они имеют право носить красные рубашки — черным красное к лицу. С чего ты взяла, что это именно тот, из Варшавы?

Я не могла ответить на вопрос, не впутывая Эву. Паника в ее глазах была главной причиной моей уверенности.

— Не знаю точно,— уклончиво ответила я.— Может быть, и не он, но выглядит очень похоже. По-моему, Павел должен на него взглянуть.

— Не впутывай Павла! — немедленно запротестовала Зося.

— Он и так впутан,— пробормотала Алиция.

— Почему? — возмутился Павел.— Тоже мне впутывание — посмотреть на какого-то типа! Он же меня не удушит, если я на него посмотрю! Где он?

— В Копенгагене.

— А именно?

— Не знаю. Где-то. Вчера был на выставке, но сомневаюсь, что он до сих пор там сидит. Он похож на человека, ведущего ночной образ жизни.

Павел кивнул так энергично, что стукнулся затылком о дверь, на которую опирался.

— Подходит. Тот, с Эдеком, тоже так выглядел. Возможно, это он. Где его искать?

— Не знаю. Где в Копенгагене ведется ночная жизнь?

— Нигде,— сказала Алиция, возвращаясь к уборке кухни.— Можешь усесться на Ратушплац и ждать, когда он пройдет. Когда-нибудь дождешься.

— Что за бред! — возмутилась Зося.— Сидеть на Ратушплац!.. Идиотизм. Зачем он вам вообще нужен?

— Подождите! — Я вспомнила рассказ Эвы.— Похож на приезжего. Может жить в отеле или пансионате. Если посещать каждый день по одному и смотреть в холле, рано или поздно мы его увидим..

— Ну! — энергично подтвердил Павел.— Конечно, посижу!

— Можем сидеть по очереди,— великодушно предложила я.

Красавец мужчина в красной рубашке мучал меня невыразимо. Его загадка ушла в землю вместе с Эдеком. Кто он? Ни в чем не повинный человек или участник сложной аферы?

— Делайте, что хотите,— процедила сквозь зубы Зося.— Не знаю, почему знакомый Эдека должен быть в Копенгагене, и не понимаю, какое он имеет отношение к делу, но если вы считаете, что это чем-то поможет... Только будьте осторожны!..

Наутро Зося, от волнения вообще не спавшая, выволокла из постели Павла и потащила его в город за покупками. Алиция довольно вяло искала письма. Я сидела на диване и столь же вяло делала маникюр, расставив по всему столу разнообразные лаки и ацетон.

— Иоанна! — вдруг позвала Алиция, выглянув из своей комнаты.— Можешь зайти на минуту? Я тебе хочу кое-что показать.

Я прервала свое занятие, растопырила пальцы и побежала к ней.

— Посмотри.— Алиция зловеще указала пальцем на полку, где стояли скульптуры Торкилля.— Ты видишь?

Большинство скульптур я видела раньше. Среди них была группа из двух сирен, хвостами оплетающих друг друга. Таких групп было несколько. Я долго таращила глаза, уверенная, что вот-вот увижу что-то ужасное, быть может, связанное с новым преступлением...

— Ну? — спросила я наконец, обеспокоенная тем, что ничего такого не вижу.

Алиция потянулась к концу полки и переставила одну из скульптур на середину.

— Раньше это стояло так. Видишь?

— Ну? — повторила я, не понимая, к чему она клонит.— Ну и что?

— Кто-то ее переставил.

— Ты уверена?

— Совершенно. Я сама их расставляла, еще в мае. Ты здесь что-нибудь трогала?

— Что я, с ума сошла?

— Вот именно. А теперь посмотри сюда. Вот эта папка со счетами всегда лежала слева, а сейчас она на середине. Видишь?

Я добросовестно вытаращила глаза, пытаюсь увидеть то, что Алиция называла папкой со счетами. На письменном столе находилась какая-то коробка, прикрытая крышкой в цветочек, корзинка с нитками, одежными щетками и еще чем-то, может быть, кремом для обуви, две черные сумки, несколько пар перчаток, чулки, множество разнообразных бумаг, нижняя юбка, моток веревки и большой кухонный нож. Ничего похожего на папку не было.

— Нет,— сказала я вежливо, но решительно.— Не вижу.

Алиция нетерпеливо отодвинула одну из сумок и показала край пластиковой папки для документов.

— Теперь видишь? А раньше она лежала там, на левой стороне. Тут кто-то рылся!

— Я даже могу тебе сказать, кто,— мрачно произнесла я.— Убийца. Потерял терпение и сам стал искать письмо от Эдека. Видимо, у него небольшой выбор: найти письмо или убить тебя. Может, ты знаешь что-то, что его погубит...

Я замолчала и подозрительно посмотрела на нее. Она в ответ подозрительно посмотрела на меня, села в кресло и задумчиво уставилась в пространство.

— Ты что-то знаешь,— сказала она наконец.

Я спихнула со стула какие-то вещи и тоже села.

— Не уверена. Возможно. Зато ты, по-моему, знаешь что-то, чего не знает никто другой. Что это может быть?

Алиция оторвалась от изучения пространства и посмотрела на меня.

— Совершенно точно никто не знает, где я закопала цветочные горшки с клубнями. Но я этого тоже не знаю. Уже несколько месяцев не могу их найти.

— Сомнительно, чтоб его интересовали клубни. Особенно, если учесть, что их давно уже удар хватил...

— Подожди,— прервала Алиция.— Он не знает, что я не знаю. Он думает, что я знаю!..

Мгновение мы молча смотрели друг на друга.

— Ха! Мне всегда казалось, что в компании ты становишься умней. Ясно: он думает, что ты знаешь, и не знает, что не знаешь. А может быть, ты что-то должна узнать?

— Интересно, ты-то что знаешь?— не поднимая головы, вымолвила Алиция.— Ясно же, что не в красной рубашке дело. С чего этот черный тип тебе втемяшился?

— Ладно,— после некоторого колебания согласилась я.— Ладно уж. Черный тип из Варшавы может быть замешан в некоторые несимпатичные дела, а черный тип из Копенгагена связан с одной особой, присутствовавшей во время убийства...

Алиция вскинула голову и вдруг резко вскочила со стула.

— А ну, иди отсюда, холера!— заорала она страшным голосом, бросаясь на меня.

Сигарета вылетела у меня из рук, я стукнулась обо что-то локтем и чуть-чуть не перевернулась вместе со стулом. За окном раздался какой-то шум, неясная фигура отскочила назад и бросилась в георгины.

— А ну, иди!..— повторила с жаром Алиция, погрозила кулаком и вернулась на свой стул.

— Господи,— сказала я слабо, хватая ртом воздух и пытаюсь прийти в себя.— Ты сдурела?! Учти, у меня нервы пошаливают. Что там было? Убийца?

— Мальчишки приходят красть сливы,— ответила Алиция сердито,— и ломают живую изгородь. Надеюсь, они уже удрали. Прежде чем я успела возразить против такого отношения к детям, за окном что-то зашелестело.

— Алиция?— спросил неуверенно тихий женский голос.

— Что?!— поразилась Алиция и быстро надела очки.— О господи! Агнешка!!!

Я быстро обернулась. Агнешку я не знала, но слышала о ней: где бы она ни находилась, немедленно возникали сложности. Год назад она впервые приехала в Аллеред в качестве невесты двоюродного брата Алиции, после чего моментально преобразилась в невесту племянника Торкилля, затем согласилась с заменой племянника на одного из наших молодых приятелей, некоего Адама. Брат винил во всем Алицию, племянник тоже винил Алицию, Адам был к Алиции в претензии за их претензии, и только Агнешка кротко, послушно и без всяких претензий соглашалась с каждой заменой. Наконец она уехала вместе с Адамом, наступил покой, и претензии стихли.

Ужасно сконфуженная Алиция открыла двери.

— Я, кажется, что-то себе разбила,— сказала Агнешка беспомощно.— Боже, как ты меня напугала! Мне действительно уйти?

— Да нет, заходи же! Я думала, это мальчишки... Почему ты так странно выглядишь?

Агнешка рассказала нам, что путешествовала автостопом по

Европе. Ей выпала оказия до Дании, но по дороге водитель начал нахально приставать. Добиралась до Аллеред пешком. Денег у нее ни гроша, не спала уже две ночи, очень хочет есть и вымыться и надеется, что родственники пришлют ей денег на адрес Алиции.

Я с любопытством ее рассматривала. Она была действительно красива, с какой-то телячьей кротостью в глазах. Вероятно, эта кротость и составляла особую прелесть для ее энергичных поклонников, которые, на мой взгляд, чересчур уж активно носились за ней.

— Нужно ее куда-нибудь положить,— озабоченно сказала Алиция.— Боюсь, она опять наделает хлопот... Ты останешься в ателье? Тогда положу ее в последней комнате...

Вернулись Зося с Павлом. Измученная, невыспавшаяся, хромающая Агнешка вышла из ванной и вдруг совершенно преобразилась: Павел выглядел старше своих лет и был недурен. От Агнешки немедленно стали распространяться какие-то флюиды, доверчивый и удивленный взгляд сиротки Марыси не отрывался от Павла ни на секунду. Даже хромать она стала соблазнительно. Павел от этого несколько обалдел, а Зося тут же начала лопаться от злости. Зато я воочию убедилась, откуда берутся все эти троянские войны.

— Вот именно,— вздохнула Алиция, с которой я поделилась своими наблюдениями.— Уж такая она есть. По-моему, это рефлекс, она сама не ведает, что творит.

— Ну, уж нет! Меня на мякине не проведешь! Она прекрасно знает, что делает. Тоже мне, жертва губительных страстей! Павел младше ее по крайней мере лет на пять.

Зося вспомнила вдруг про тина в красной рубашке. Она жить без него больше не могла и потребовала, чтобы Павел немедленно отправлялся в любой отель. Понять ее было нетрудно, и я великодушно предложила составить Павлу компанию. Договорились, что я посижу в «Англетере», а Павел проверит небольшой, но приличный пансионат на одной из боковых улиц.

Я была уверена, что «Англетер» окажется пустым номером: тип не производил впечатления миллионера, он должен был жить в каком-нибудь отеле средней руки. Я спокойно пристроилась на красном диване в глубине холла, пытаюсь с тоски читать датскую газету.

Вдруг двери лифта открылись, и показались двое. На этот раз он был в желтой рубашке. Рядом шла ослепительно элегантная Эва в большой, закрывающей лицо шляпе. Они медленно проследовали через холл и вышли на улицу.

Я настолько обалдела, что опомнилась лишь тогда, когда они уже скрылись за дверью.

Выскочив на улицу, я успела увидеть отъезжающий «форд» и обругала себя последними словами за то, что приехала из Варшавы не на машине, затем выволокла Павла из пансионата и рассказала ему обо всем. Павел разволновался и решил чуть ли не с рассвета заступить на пост.

— Думаю, этим стоит заняться не раньше полудня,— сказала я желчно.— Вряд ли он встанет слишком рано.

Около восьми вечера мы добрались до Аллеред. Агнешка спала, Алиция висела на телефоне, что-то выкрикивая податски, и энергично отмахивалась от непосредственных собеседников.

— Это какое-то проклятье! — сказала Зося раздраженно. — Что за дурацкое лето! Мало того, что эта девка сюда прибудила, так еще и чертова тетка приезжает! Оказывается, Алиция должна была заказать ей номер в отеле, а теперь нигде нет мест. Тетка уже едет...

Она прервала фразу, вскочила со стула и нервно опорожнила пепельницу.

— Осталось каких-нибудь двадцать минут. Нужно ехать встречать! Что она себе думает?!

— Нигде ничего нет, — пожаловалась Алиция. — Чертов туристский сезон... Который час? Проклятье, она сейчас будет тут! Придется ей здесь ночевать.

— Что у нее, больше родственников нет? — рассвирепела Зося. — А Оле и Йенс не могут принять свою тетечку?

— Их, как назло, нет дома. Не могу же я привезти им тетю в виде новогоднего сюрприза. У нас есть хоть что-нибудь на ужин?

— Продуктов много, что-нибудь придумаем. Не морочь себе голову, дуй на станцию! Павел, и ты с ней, у тетки наверняка полно барахла...

После колебаний, совещаний и безрезультатных поисков ключей от машины Павел с Алицией вылетели наконец диким галопом из дому. Зося рухнула на стул, вскочила с места, принесла себе пепельницу и рухнула снова.

— Ну и отпуск, чтоб ему пусто было! — мрачно сказала она. — А где она, интересно, собирается класть тетку?

Позже оказалось, что именно этот вопрос все время мучал Алицию. Маленькие комнаты были заняты Зосей и Павлом, катафалк — мной, а в лучшем помещении, на самой лучшей кровати сейчас спала Агнешка. Оставался только диван в салоне, что для тети безусловно не годилось.

Пока тетя была в ванной, мы провели экстренное совещание.

— Пересели Агнешку на диван, — предложила Зося.

— Не выйдет, Агнешка больна, ее надо оставить в покое.

— Ну, давай Павла на диван, а тетю — к нему.

— Я лучше положу ее в своей комнате, а сама лягу на диване.

— Исключено! Пусть на диване спит Павел, а ты у него!

— Отцепись, не переворачивать же из-за одной ночи все вверх ногами! Диван очень даже удобный.

— Он узкий!

— Павлу не узкий, а мне узкий? Считаешь, что я такая корова?

В конце концов Алиция настояла на своем. Вынесла из своей комнаты две коробки с вещами, сменила постель и прикрыла мусор на столе роскошным купоном розового материала.

— С постельным бельем все! — сообщила она. — Я дала ей последнюю смену. Надо срочно стирать — вдруг, не дай бог, еще кто приедет!

От ужина тетьа отказалась. Нам это показалось очень разумным для ее 89 лет. Она была невероятно энергичной старушкой. Судорожным галопом обежала все помещения, собирая в кучу вещи, сделала небольшую постирушку, напилась кофе и, наконец, закрыла за собой дверь комнаты Алиции. Некоторое время мы молча отдыхали, сидя на кухне за столом.

— Невероятно,— сказала Зося.— Откуда у нее столько сил?

Алиция подперла голову рукой и с тоской посмотрела в окно.

— Все бы ничего,— произнесла она печально.— Узнать бы только, как ее зовут...

— Ты же общалась с ней все это время?

— Ну и что? Она рассказала о путешествии. Наверное, у нее склероз— повторяла все по два раза. А может, я показалась ей тупой, и она боялась, что с одного раза не пойму?

— Ей 89 лет. Может, знаешь, какая старше?

— Обеим 89. Они близняшки.

— Близняшки? В таком возрасте?..— удивился Павел.

— Надо же, не побоялась ехать одна!— восхитилась Зося.— Где она живет? В Виборге? Ты же должна знать, которая из них живет в Виборге?

— Обе они там живут...

— Слушай а, может, она вообще одна?..

Неразрешимая проблема тети поглотила Алицию до такой степени, что с ней ни о чем другом нельзя было говорить.

— Хорошо, что Павел не лег на диван,— сказала я.— На кой черт уступать кровать, если она на нее даже не сядет? Целую ночь будет искать пропавшее письмо.

— Может, заодно найдешь письмо от Эдека?— съязвила Зося.

Наутро Павел вскочил первым: возможно, виной тому была Агнешка. Шумом в ванной он разбудил всех нас. Подгоняемые мрачной Алицией, мы нервно готовились обрушить на гостью все польское гостеприимство и хлебосольство.

Торопились мы зря. Завтрак давно стоял на изысканно сервированном столе, а тетьа все спала. Алиция ничего трогать не позволила, и мы все печально распозались по разным углам, чтобы зря не возбуждаться. Павел с Агнешкой словялись по террасе— Агнешка благодарно опиралась на его руку,— а Зося скрылась в комнате, чтобы не видеть ни завтрака, ни этого безобразия.

Мы с Алицией в это время дня были к еде равнодушны, поэтому спокойно сели за заставленный стол. Чтобы отвлечь ее от навязчивой идеи, я рассказала о встрече в «Англетере». Это ее действительно отвлекло.

— Кстати, ты так и не сказала, с чего к нему прицепилась.

Она осторожно стряхнула пепел в единственную пепельницу, которую Зося позволила нам запачкать, и посмотрела на меня вопросительно. Я заколебалась.

— Понимаешь, он очень важная фигура. Павел видел с ним Эдека. А я знаю... Как бы тебе сказать... Я ничего не знаю.

— Да, ценная информация!

— Я не знаю, и никто точно не знает, но, возможно, один

черный тип принимает участие в одной несимпатичной афере. В подробности не вникаю...

— Не может быть! — ядовито прервала Алиция. — Не вникаешь? Что с тобой случилось?

Я придвинула к себе пепельницу и решила рассказать ей все. Эва же солгала и встретила со своим Джузешпе. Если солгала раз, могла это сделать и по другим поводам.

Алицию мой рассказ взволновал до такой степени, что она даже захотела есть. Я еще раньше присмотрела себе бананы, но они, конечно, уже исчезли.

— Не представляю себе Эву преступницей, — начала Алиция, — но если она действительно встречается с этим красавчиком... И если он встречался с Эдеком, и Эдек хотел мне рассказать... Неужели она так испугалась, что всех переубивала?

— Во-первых, не всех, а только Эдека, а потом, после Эдека, она просто обязана была убить тебя, а то, что ты все еще жива, — твоя личная заслуга. Может, он ее шантажирует? А у нее дом, Рой, дети...

— Один ребенок. И то не от Роя, а от первого мужа... Черт возьми, умерла там эта тетка, что ли? — Алиция вдруг вскочила со стула. — Сколько можно спать? Я умру от голода!

— А ты ее разбуди, — посоветовала я без особой уверенности. — Уже одиннадцать. Может, она давно не спит и только из ложной скромности не выходит?

— Ты что, рехнулась? Какая скромность?

— Кроме того, должна тебе сказать, что остальные уже сожрали все бананы, вылакали молоко и прикончили сыр, который лежал на полке.

— Сыр? Надо же, а я его хотела выбросить... Ну что ж, рискну...

Она уже подняла руку, чтобы постучать, остановилась, приложила ухо к двери, снова подняла руку и снова заколебалась.

— Как мне к ней, черт возьми, обратиться? На «вы» я с ней или на «ты»? Думала, что она сегодня первая заговорит!

— А ты начни так: доброе утро!..

— Подожди, может, заглянуть в окно?

— Думаешь, лучший способ разбудить пожилую даму — внезапно всунуть голову ей в окно? А если от твоей головы ее хватит удар?

Алиция тяжело вздохнула и постучала.

Ответа не было. Алиция постучала чуть громче. Безрезультатно. Постучала в третий раз.

— Слушай, она не глухая? — предположила я. — Ты вчера не заметила?

Алиция с бешенством забормотала что-то себе под нос, снова забарабанила и, выждав мгновение, нажала ручку. Осторожно приоткрыла дверь, заглянула внутрь и застыла в странном поклоне.

— Го-осподи!!! — хрипло застонала она.

Я подбежала, чтобы посмотреть через ее плечо, но не успела вовремя затормозить, дала ей пинка, и мы обе рухнули всей тяжестью на дверь, которая с пушечным грохотом ударилась

в стену. Стеллаж у стены задрожал, и гипсовый бюст с верхней полки разлетелся вдребезги у наших ног.

— Боже мой! — только и смогла прошептать я.

Тело на кровати представляло страшное зрелище. Голова тети выглядела еще хуже, чем бюст на полу, нельзя было разобрать, где лицо, а где затылок. Рядом, на перине, лежал молоток. Я закрыла глаза:

— Все красное...

«Скорая» приехала через пару минут. Врач, тот же, что и в прошлый раз, сделал какие-то таинственные процедуры, после чего тетю осторожно положили на носилки и понесли в санитарную машину.

— Ну что? — спросила я, едва за ними захлопнулись двери.

— Жива, как видишь!

— Она же совершенно изуродована!

— Ничего подобного.

— Как?! А это красное месиво?!

— Масочка из клубники.

Я онемела.

— Масочка из клубники... — обреченно повторила Алиция. — Готовый продукт придает коже свежесть розы...

Я сделала над собой усилие и обрела голос:

— Какая, к чертовой матери, масочка? Из скольких клубничек? Из пяти кило?

— Ну, там была и кровь тоже — у нее осколком порезана артерия над глазом.

— Так что же, она не умерла? Должна была умереть от потери крови!..

Пока г-н Мульгор с помощниками ехал из Копенгагена, мы успели наспех проглотить завтрак и убрать со стола. Случай с тетей уже никого не лишил аппетита — видимо, сказывалась привычка.

— Кажется, буду чувствовать себя не в своей тарелке, если поблизости никого не покалечат, — поделилась я с Алицией. — Кстати, тетя спасла тебе жизнь...

— Лучше бы она этого не делала. Что я скажу родственникам? Почему я ей не заказала эту чертову гостиницу? Там как-то меньше убивают.

— Идиотка! — вмешалась Зося. — Нашла о чем жалеть! Если бы ты заказала гостиницу, то сама сейчас лежала бы с разбитой головой!

— Подумаешь!

— Дура, он наверняка заметил в последнюю минуту свою ошибку и притормозил. Тебе бы досталось сильнее.

— Все четверо живы, и некоторые даже идут на поправку. Какой-то бездарный преступник!

Приехал г-н Мульгор. Было заметно, что и он потихоньку привыкает к образу жизни, укоренившемуся в последнее время в Аллеред. С любопытством поглядел на Алицию, видимо, удивляясь ее живучести, спросил об Агнешке и приступил к делу.

— Пани ожидает еще кого? Какие гости?

— Ради бога, не приглашай больше гостей! — взмолилась Зося.

— Не знаю, — неуверенно ответила Алиция. — Я никого не приглашала.

Г-н Мульгор сделал успокаивающий жест.

— Можно приглашать множество. Тут станет дозор. Мой работник будет стеречь безопасность. Нужно было сразу сделать так. Не сделали. Ошибка.

Алиция кинула на него неодобрительный взгляд.

— Пусть сидят, только чтоб мы их не видели.

Каждый день к нам приходил Торстен. (Честно говоря, я так и не смогла понять, чей он сын и какое родство связывает его с Алицией). Он давно уже заинтересовался событиями в Аллеред, но никак не мог закончить какой-то исторический труд. Сейчас наконец у него дошли до нас руки.

После покушения на тетю жизнь в Аллеред стала чрезвычайно оживленной и разнообразной. Полиция преисполнилась боевым духом. По вечерам вместе с г-ном Мульгором приезжали какие-то высокие чины и пытались объясниться с нами на разных языках. Родственники больше не скрывали неодобрения: польский темперамент польским темпераментом, но покушение на тетю — это уж чересчур!

Казалось совершенно естественным, что от такой жизни Алиция совсем рехнулась. Но, как выяснилось, дело обстояло еще хуже.

Несколько дней подряд Алиция звонила со службы и узнавала, нет ли писем из Англии. В понедельник и вторник я ей ответила отрицательно, а в среду письмо пришло. Вернувшись вечером домой, она быстро разорвала конверт и, начав читать, побледнела.

— Холера... — прошептала она голосом полузадушенной бешеной фурии. В этот момент в дверь постучала кузинка Грета.

Мы с Зосей сразу поняли, как просто на самом деле стать убийцей. Кузинка Грета чудом не была отправлена в мир иной насильственным способом.

— Что случилось?.. — шепотом спросила я, строя одновременно приветственные гримасы в адрес кузинки Греты.

— Не спрашивай! — прошептала Алиция, с огромным усилием скаля зубы в радостной улыбке. — Может, я уже лопну от злости? Не знаю точно — не дочитала до конца.

— А где у тебя письмо? — насторожилась я.

— Тут... Нет, сейчас... Куда я его положила?

Зося тихо ойкнула. Я подумала, что, если и это письмо пропадет, придется нам чтение ее корреспонденции взять на себя. Кузинка Грета мне никогда особенно не нравилась, а сейчас показалась прямо отвратительной. Лицом она напоминала лошадь, зато фигурой была один к одному корова. Производила впечатление могучего столба с огромными лапами, на который водворили конскую челюсть. Отвращение росло во мне как снежный ком.

— Посмотри на нее, — с ненавистью шепнула я Зосе. — Алиция не первой свежести, на ней ужасная юбка, зад обтянут, на

брюхе собрано, и что? Рядом с Агнешкой Алиция выглядит последней лахудрой, а с Гретой — нимфой. Как же выглядит Грета?

— Как корова, — коротко ответила Зося. — Оставь ее в покое. Ищи письмо.

Я взяла себя в руки и мобилизовалась.

— Подожди, сейчас испробуем дедуктивный метод... Она тут стояла и читала. Эта шлюха постучала. Алиция перестала читать, открыла дверь, глупость какая, нужно было запереть на все засовы... стояла тут же, за мной и еще держала письмо в руке. Что она сделала потом?

— Не знаю. Я была на кухне. Когда она вышла из передней, письма в руках уже не было. Она к себе не заходила?

Мы закрылись в комнате Алиции. На ночном столике лежала куча рекламных брошюр. Из любопытства к датским товарам мы стали их просматривать и только поэтому наткнулись на письмо.

— Давай я его спрячу, — сказала Зося решительно. — А ты будешь свидетелем.

— Только не клади в доступное для нее место — она его куда-нибудь переложит. Положи в сумку. Или в чемодан. Отдадим ей, когда Грета пойдет ко всем чертям.

— В чемодан. Посмотри, я кладу за подкладку...

Мы были счастливы и горды собой до самого ухода кузинки Греты, после чего с триумфом вручили Алиции находку.

— Идиотки, — с состраданием сказала она, взяв письмо в руки, — это же письмо от тетки. Не видите, что оно написано по-датски? А то было по-польски, от Бобуся, из Англии. Куда я его, черт возьми, засунула?..

Я мрачно на нее посмотрела и снова пошла путем дедукции, который привел меня к ящику комода. Письмо лежало на самом верху.

— Это? — с беспокойством спросила Зося.

— Это... Да, это.

— Слава богу!

— Читай быстрее! — вмешалась я. — И говори, что случилось.

Мы ни секунды не сомневались, что в письме содержится что-то ужасное. Алиция прочитала, тихо опустила письмо на пол, посидела еще с минуту и разразилась звуком, какой издает локомотив, выпуская пар.

— Этого мне и не хватало, — процедила она с мрачным удовлетворением. — Кругом покой, тоска начала заедать... Ну ничего, теперь будет веселей! Раньше тут только убивали, а теперь еще откроется бордель. Бобуся пожелал увидаться с Белой Глистой. Лучшего места, чем Аллеред, для этого, конечно, не найти. Меня он даже не спросил. Любовь его распирает! Я думала, хоть эта шлюха не получит паспорта, хотела написать, что это исклучено, и вот тебе, пожалуйста! В какое положение он меня ставит?!

Я все поняла. Бобуся, балбес высшего класса, много лет назад нелегально покинул Польшу и осел в Лондоне. Там он женился на милой, кроткой женщине с большим приданым, которой Алиция очень симпатизировала. Единственное, что

Алиция вменяла ей в вину,— это безнадежное ослепление Бобусем.

Белую же Глисту он пламенно и без взаимности полюбил еще в юности. Теперь она была женой одного из приятелей Алиции. Когда Белая Глиста узнала, что Бобусь разбогател, роман их извергся, как вулкан. У Белой Глисты хватило мозгов, чтобы настаивать на разводе, который привел бы к потере состояния. Она держалась собственного мужа и только время от времени выезжала на Запад на романтические свидания, сохранявшие в великой тайне.

Алиция не выносила Белой Глисты, терпеть не могла Бобуса, зато чрезвычайно симпатизировала ее мужу и его жене.

Зося прекрасно знала и Бобуса, и мужа Белой Глисты. Знала, как относится к Бобусю Алиция, не подозревала только о старательно скрываемом романе.

— При чем здесь любовь? — поразились она.— Ничего не понимаю. Что за Белая Глиста?

— Жена Славека,— буркнула Алиция.— Двуличная, лицемерная гнида, которая всегда одевалась в белое. Любовь Бобуса.

— Как же так, они со Славеком приятели! Она же говорила, что улаживала с Бобусем их общие дела.

— Общие, точно. Бобуса и Белой Глисты.

Зося была потрясена.

— Не может быть! Ну и сволочь этот Бобусь! А Слаvek идиот! Ты уверена? Откуда ты знаешь? И они хотят встретиться здесь? Ты их, может, еще и благословить должна? Но ты же не согласишься?!

— Поздно,— угрюмо ответила Алиция.— Они уже выезжают. Будут здесь завтра, самое позднее — послезавтра.

— Может, с ними еще что-нибудь случится? — с надеждой сказала Зося.— Предупреждаю, что я из-за Бобуса не уеду! Пусть Агнешка уезжает. Кстати, она еще долго намерена тут торчать?

— Пока не придут деньги,— ответила Алиция со вздохом.— А где Павел?

— В Копенгагене. Дежурит в «Англетере». Зося его уснула подальше от колдовских чар. Где все-таки Агнешка?

— Не знаю,— пожалала плечами Алиция.— Я ее сегодня не видела. А мой старый халат в красный цветочек тоже никто не видел? Агнешка его надевала после ванны...

Павел вернулся поздно и безо всяких результатов. Он принял во внимание, что я могла ошибиться и спутать нашего героя с кем-нибудь другим, но в «Англетере» вообще не было никого похожего.

— Где Агнешка? — спросил за завтраком Павел.

— Почему тебя это интересует? — сразу оцетинилась Зося.— Наверное, спит еще.

Я почувствовала беспокойство.

— Не нравится мне это. Не хочу преувеличивать, но Владек и Марианн тоже спали, тетя спала, теперь спит Агнешка.

Некоторое время Зося и Павел молча смотрели на меня, потом вскочили и помчались в последнюю комнату. Я догнала их у закрытых дверей.

— Боюсь,— дрожащим голосом сказала Зося.— Может, сначала заглянуть в окно? О боже, боюсь...

После короткого размышления я постучала и решительно распахнула двери: комната была пуста, постель — не смята.

— Можешь открыть глаза,— сказала я Зосе.— Нет ее здесь. Похоже, что и не было.

— Слава богу! — выдохнула она с невыразимым облегчением.— Не люблю ее, но не настолько. Куда же она подевалась?

— Не знаю. Пошла вчера мыть голову и пропала.

— Не утопилась же в ванне? И я ее не видела... Может, позвоним Алиции?

— Она мотается где-то по делам. Оставь ее в покое. Узнает, когда вернется, а до тех пор Агнешка, может, и найдется.

Мы с Павлом собирались ехать в «Англетер», но Зося категорически воспротивилась. Заявила, что не останется одна в этом кошмарном доме, в котором люди не только падают жертвами от руки коварного убийцы, но и дематериализуются непонятным образом. На всякий случай мы заглянули в сундук, под кровать и в шкаф, но нигде не было никаких следов Агнешки.

Позвонила Алиция, сообщила, что Бобусь с Белой Глистой появятся сегодня, вероятно, около восьми, и велела нам любыми средствами приготовить приличный ужин, чтобы не скомпрометировать ее в глазах этой — очень даже ясно сказала... Мы ей рассказали про Агнешку, и она поручила мне связаться с г-ном Мульгором.

Я честно пыталась это сделать, но безрезультатно.

Потом позвонили еще несколько человек, оставляя для Алиции разные сообщения на разных языках. Я все добросовестно записала. Зося бешено утюжила выстиранное вчера белье, непрерывно бормоча что-то себе под нос.

Алиция вернулась около шести, и сразу нашелся г-н Мульгор. Он позвонил по телефону и вежливо, но твердо попросил кого-нибудь пойти осмотреть погреб. Довольно долго доказывали ему, что в доме нет погреба, наконец сошлись на нижней части ателье. Г-н Мульгор настаивал, чтобы мы пошли туда немедленно и сообщили ему о результате.

В ателье, конечно, помчались все, бросив начатый обед. Алиция еще не зажгла свет, а Павел уже спускался по ступенькам. Вдруг он как будто врос в землю. Я шла за ним и не предвидела его намерений. В тот момент, когда загорелась лампа, мы летели вниз, прямо в ящик с искусственным удобрением.

Агнешка лежала в углу, прямо возле стола, на котором были разложены репродукции шедевров архитектуры. Стол, стена и все, что находилось рядом, носили следы энергичной деятельности убийцы. Повсюду виднелись брызги крови.

— Цветы красные,— как в бреду бормотал Павел, выкарабкиваясь из ящика с удобрением,— лампа красная, все красное...

— Перестань! — крикнула Зося сверху.

— Пощупай ее, может, она тоже жива? — достаточно безнадежно предложила я.

Алиция поглядела на Агнешку с сомнением.

— Тут и думать нечего. Живые так не выглядят. Но если это опять сотрясение мозга, то ее лучше не трогать. Хорошо же я о ней позаботилась...

— Да,— сказала наконец в трубку Алиция.— Есть погреб. То есть Агнешка в погребу. Похоже, что мертвая, но точно не знаем...

— Ради бога, не пускай сюда Бобуся с Белой Глистой! — взмолилась Зося.— Вышвырни их! Я этого больше не вынесу!

— А мне казалось, что начинаешь привыкать,— съязвила я. Алиция положила трубку.

— Почему? Если уж пускать кого-нибудь, так именно Бобуся и Белую Глисту.

Через десять минут «Скорая» была уже у нас. Мы во все глаза следили за манипуляциями врача.

— Жива,— сказал он.— Осторожно: сотрясение мозга и большая потеря крови.

Мы дружно признали это чудом. Убийца был так упорен, что в конце концов ему должно было повезти. Со вчерашнего вечера Агнешка могла умереть сто раз и умерла бы, если бы г-н Мульгор вдруг не заинтересовался погребом.

— Я же говорила, что он придурок! — никак не могла успокоиться Алиция.— Что он, раньше не мог позвонить? Идиот!

— Оставь его в покое. Успел же! Ничего с ней не случится.

— Откуда он вообще знал, что ее надо искать здесь?

— Ради бога, спроси у врача, куда они ее везут! Пусть положат в ту же больницу, что и тетю, а то скоро придется ездить по всей Дании!..

Долгожданный г-н Мульгор тут же все объяснил. Его человек, сидевший в кустах, видел вечером, как Агнешка вошла в ателье. Внутри зажегся приглушенный свет, некто вошел вслед за Агнешкой. Свет сразу погас. Некто вышел и пропал в темноте. Агнешку полицейский узнал по светлому халату. Ее долгое отсутствие наблюдателя не обеспокоило — существовал второй вход, через дом,— но на всякий случай он сообщил об увиденном сменщику. Весь следующий день сменщик Агнешки не видел, спросить у нас не мог, оставалось только доложить шефу. Узнав, что на Агнешке был халат Алиции, г-н Мульгор кивнул.

— Да,— сказал он.— Особа полагает, что это та дама, идет за. Дама обзревает картины, очень занята, не оглядывается назад. Особа хватает молот и ударяет. Который час был?

Мы поспешно ответили, что, наверное, около восьми, но оказалось, что г-н Мульгор спрашивал себя. Он посмотрел запись.

— Да, семь минут восьмого.

— А были вчера какие-то гости?

— Нет. Но сегодня будут,— рассеянно ответила Алиция...

Бобусь и Белая Глиста подъехали на такси как раз в тот момент, когда полицейские уезжали.

Первый порыв восторга, который мы испытали, глядя на ужасающе толстую Белую Глисту, схлынул, уступив место сожа-

лению, что они не попали на Владека и Марианн или хотя бы на Казика! Я немедленно повернулась к Павлу:

— Отдай лупу! Где она у тебя?

В глазах Алиции и Зоси читалось одобрение: никаких предосторожностей для Бобуса и Белой Глисты!..

— А...— с интересом протянул г-н Мульгор.— Я вижу, новые гости?

— Да,— радостно кивнула Алиция.— Очень люблю гостей. Заходите, заходите, извините, ради бога, что не смогла вас встретить, сами видите, что тут делается. Шестое покушение в этом месяце. Я так рада, что вы приехали!

Суматоха улеглась уже поздним вечером. Г-н Мульгор уехал, а возмущенные до глубины души Бобусь и Белая Глиста пошли спать. Мы убрали со стола после ужина, бывшего одновременно обедом, и облегченно вздохнули.

— Зачем ты им сказала, что это уже шестое покушение? — ворчливо спросила Зося.— Свихнулась? Еще перепугаются!

— Потому что я хорошо воспитана. Если хотят, пусть рискуют. Не маленькие, должны понимать, что делают. Им, видите ли, не понравилось, что вы здесь,— они хотели одиночества! А про то, что я поселила их в одной комнате, вся Европа узнает...

— Значит, быстро удерут, и никто им ничего не успеет сделать,— огорчилась Зося.

— Бобусь, по-моему, не поверил,— утешила я ее.— Решил, что делаем себе рекламу.

— Вся надежда на то, что всегда был идиотом...

Алиция никак не могла успокоиться:

— На что она похожа? Чудовище! Куча сала! Выглядит на десять лет старше, чем должна.

— Зря радуешься,— охладила я ее.— Зато ее трудно будет спутать с тобой.

— Тетя тоже на меня не очень похожа,— спокойно ответила Алиция.— Не говоря уж о Владеке и Казике. Не положить ли их на мою кровать? Хотя бы одного?

— Я бы завтра вышла из дома,— размечталась Зося.— Павел с Иоанной пусть едут в отель, ты пойдешь на службу, а им неплохо было бы прогуляться. Нужно же иногда ему развязывать руки. Печально только, что завтра приходит уборщица.

— Фру Хансен будет здесь только в три часа, а мы уйдем в десять. В конце концов убийца не маленький, найдет время.

— Лишь бы ему не стукнуло в голову напустить в постель ядовитых змей,— с опаской сказала я.— Очень этого не люблю. Даже если будет метить в Алицию, это свинство расползется по всему дому. Чертовски трудно будет поймать...

— Все-таки интересно, кто это,— задумчиво сказала Алиция.— По-моему, полиция делает ставку на постороннего. На кого-то, кто был поблизости или, к примеру, сидел в кустах...

— В кустах сидел Казик.

— Вот именно. И мог что-то увидеть.

— Кстати, когда он наконец придет в себя?

— Ну, конечно! — вдруг оживилась Алиция.— Из-за всего

этого я забыла вам сказать, что он уже очухался. И даже разговаривает!

От возмущения мы просто не нашли что сказать. Все так ждали, когда Казик очнется: видел убийцу, был нашей главной надеждой!

— Ну знаешь! — воскликнула Зося. — Как ты могла?! Что он говорит?!

— Ну, — поторопил Павел. — Быстрее! Что он видел?

— Не скажу — не хочу выражаться, — ответила Алиция, скривившись. — Видел столько же, сколько и мы. Следил исключительно за Эльжбетой и узнавал ее по ногам. Единственное, в чем он уверен, это не она. Не ее ноги. Ее ноги не останавливались около Эдека и не всаживали в него стилет, насчет других ног ничего сказать не может.

— Что за кретин! — разочарованно процедил Павел.

— Я бы вообще исключила всякие там ноги, всаживающие стилет, — недовольно заметила я. — Что он, не мог посмотреть на руки?

— Смотрел, смотрел и ничего не видел... — проворчала Зося. — Куриная слепота! Какой от него толк?

— Никакого, — признала Алиция. — Я сама огорчилась. Думала, что смогу наконец послать к черту эти дурацкие поиски. А теперь? Что теперь делать?

— Ну, что-то делать надо...

— Проще всего было бы всех по очереди вывести из игры, — поделилась я. — Думала, вчерашний день что-нибудь решит, но все как сговорились — ни у кого нет алиби. Даже у нас...

Узнав о пропаже Агнешки, г-н Мульгор действительно тщательно проверил, где находился в это время каждый из подозреваемых. Это ему ничего не дало. Эва рано ушла со службы и пропала. Она утверждала, что осматривала разнообразные выставки. Рой нырнул где-то на побережье, изучая дно. Скафандр его на самом деле был мокрый, но он мог с таким же успехом намочить его под краном. Аниту в четыре часа дня встретила Алиция. Та спешила на аэродром встречать каких-то иностранных гостей. После этого Аниту уже никто не видел.

У самой Алиции алиби тоже не было — моталась туда-сюда между Копенгагеном и Аллеред.

— По-моему, случай с Агнешкой снимает с тебя всякое подозрение, — заявила я. — Я могла бы понять, что ты убила Эдека, который отравлял тебе жизнь. Отравила Казика, который это видел. В конце концов можно понять даже, что пыталась прикончить Владека с Марианн, а тетку укукошила, чтоб не мучиться, на «вы» ты с ней или на «ты». Но на кой черт тебе убивать Агнешку?

— Действительно, — согласилась Алиция.

— Так что, уходим завтра из дома?

— Уходим, — решительно заявила Зося.

— А я завтра должна быть в больничной кассе, — вздохнула Алиция. — Потом у Йенса. Сменить масло в автомобиле. Съездить насчет раздела имущества. Может, меня все-таки уволят?..

Мы с Павлом целый день зря проторчали в «Англетере». Под вечер вернулись в Аллеред, так и не дождавшись черного типа.

Все уже были дома. Бобусь и Белая Глиста выглядели прекрасно, но Зося с Алицией не сводили с них полных надежды глаз. И, надо сказать, было на что посмотреть. На Белой Глисте — плотно облегающие брюки и такой же обтягивающий свитерок. Все, вместе взятое, производило впечатление одежды из хорошо надутых автомобильных камер. Павел так на нее засмотрелся, что никак не мог выйти из комнаты. Нам этот вид доставил подлинное наслаждение.

Одновременно с нами пришел Торстен.

— Проклятье, и он ведь останется, — шепнула мне Зося. — Салат, сыр и паштет можно есть наверняка — их мы привезли из Копенгагена. Саями тоже. И кофе из этой банки. Но с остальным что делать?

— Подсовывать ему только паштет и салат, — решительно заявила я. — Нельзя подставлять его под удар. Датчане тактичны и берут то, что им дают. Убрать подальше банку с солеными огурцами — я их первыми отравила бы для Алиции...

В эту секунду Бобусь как по заказу сказал:

— Алиция, что я вижу? У тебя есть соленые огурцы? Ну ты же не будешь скрюгой — угостишь своих приятелей?

Алиция просто захлебнулась от бешенства. Я вполне могла ее понять. От таких шуток возмущился бы даже трухлявый пень!

— Дай ему огурцы, — мрачно шепнула я Зосе. Она посмотрела на меня, на огурцы, на Бобуса и заколебалась.

— Ну, Бобусь, перестань, — проворковала Белая Глиста. — Может, Алиция бережет эти огурцы для себя! Тут так трудно с огурцами!

Глаза Зоси сверкнули. Она начала яростно вынимать огурцы из банки. Выбирала верхние, старательно окуная их в рассол.

Алиция несколько странно проявляла чувство юмора, время от времени раздражаясь сатанинским смехом. Торстен внимательно на всех посматривал и иногда что-то записывал. Павел подпирал стенку, периодически меняя место так, чтобы не терять из виду Белую Глисту, и был, по-моему, невменяем. Бобусь гулял по комнате, щедро одаривая нас блеском своего интеллекта.

— Боже мой, что творится на письменном столе! Как можно так хранить бумаги! Я бы тебе быстро навел порядок. Рассортировать, сложить, выкинуть, полчаса — и готово! Завтра займусь этим.

Я подумала, что на этот раз убийца может стать нашим союзником.

— Датские тебе будет особенно легко сортировать! — сказала Алиция, задыхаясь от ехидства.

— Нужно уметь пользоваться словарем. Для этого достаточно и капли ума.

— Нужно еще иметь эту каплю, — шепнула Зося.

— У вас есть польско-датский словарь? — удивилась я, как могла, невинно.

— У меня есть все словари, — снизошел Бобусь. — Культур-

ный человек должен уметь справиться с любым языком.

— Еще нужно быть культурным человеком,— свирепо пробормотала Зося себе под нос.

— Но ведь тут, пожалуй, нет кулинарных рецептов,— с доброжелательной печалью сказала я.— Здесь в основном документы совсем другого содержания.

Бобусь казался несколько озадаченным. Накрывающая на стол Алиция замерла, в экстазе ожидая продолжения: она знала, к чему я клоню.

— То есть? — высокомерно спросил Бобусь.

— Ведь польско-датского словаря не существует. Есть только idiotские разговорники для туристов, в которых в основном речь идет о еде. Вам будет довольно трудно ими пользоваться...

Из Алиции вырвалось нечто среднее между кашлем и блаженным воркованием. Бобусь фыркнул и махнул рукой.

— Можно пользоваться английско-датским или немецко-датским словарем,— обиженно изрек он.

— Ага,— радостно подтвердила Алиция.— Нужно только знать немецкий или английский. Ужин готов, прошу к столу...

Вечер обещал быть прелестным. Дело в том, что Бобусь так и не сумел овладеть ни одним чужим языком. Несмотря на многолетнюю жизнь в Англии, какой-то скрытый дефект ума не позволил ему толком выучить даже английский. Он это старательно скрывал и упорно пытался производить впечатление полиглота.

142  
Перед нами стояла важная задача — охрана Торстена. Алиция, Зося, Павел и я напряженно смотрели ему в рот, а также на его тарелку. Я отодвинула подальше горчицу. Готовая на все Алиция решительно выдернула у него из рук банку апельсинового джема. Торстен несколько обалдел, бросил на Павла странный взгляд и попытался было открыть рот, но джемом завладела Белая Глиста. Время от времени мы поглядывали на Бобуса и Белую Глисту, ожидая увидеть первые симптомы отравления, но они чувствовали себя превосходно. Бобусь о чем-то болтал, а Белая Глиста кокетничала с Алицией. После ужина они вышли в сад все в том же замечательном состоянии. Мы были возмущены!

— Может быть, он не воспользовался случаем? Что же нам, каждый день уходить из дома? — забеспокоилась я.

— Таких даже змеиный яд не возьмет,— с горечью сказала Зося.

Алиция вдруг вспомнила про масло в автомобиле.

— Завтра утром поменяешь,— предложила я.

— Утром я должна ехать в Выборг. Придется очень рано вставать. Попробую сегодня — станции обслуживания ночью не работают.

В дверях коридорчика появился Павел. (После ухода Белой Глисты он страхнул наваждение и ушел в свою комнату.) Вид у него был перепуганный.

— Только без паники,— сказал он шепотом.— В моей комнате вроде бы кто-то лежит.

— Кто лежит? — удивленно спросила Алиция.

— Не знаю. Видны только ноги.

— Ты свихнулся?

— Павел, если это шутка...— дрожащим голосом начала Зоя, но закончить не успела. Отпихивая Павла и налетая друг на друга, мы бросились в его комнату. Какие еще ноги могли лежать в этом доме?!

На небольшом участке свободного от мебели пола, между фисгармонией и кроватью Павла действительно лежали ноги в рабочих брюках. Остальное терялось под столиком для швейной машинки, накрытым тканью в желтый цветочек. Из-под ткани выглядывало что-то красное. Вид был достаточно устрашающий.

— Боже мой! — шепнула Зоя.

— Это просто невыносимо! — возмутилась Алиция. — Я по горло сыта ногами. Где остальное?!

— Под столом, — объяснил Павел. — Я вот думаю: может, это не настоящее?..

— Настоящее или не настоящее, нужно его вытащить! Не лежать же ему там вечно!

— Не трогай! — остановила я наклонившуюся к ногам Алицию. — Может, оно живое! Вдруг позвоночник? Потянешь — и все!

— А что делать?

— Вызывай «Скорую», врача, полицию, какого черта ты ждешь? — крикнула Зоя. — Иоанна права, убийца идиот, может, у него опять не вышло?!

— А если это не настоящее?..

Минут пять мы нервно и бестолково обсуждали, искусственные эти ноги или настоящие, и надо ли к искусственным ногам вызывать врача. Наконец Алиция решилась, присела на корточки и потрогала.

— Ноги, — сообщила она. — То есть похожи на настоящие.

«Скорая» приехала через четверть часа. Врач залез под стол с лампой в руке, с минуту там оставался, а когда вылез, попросил помочь осторожно вытащить тело из-под стола.

— Жива, — сказал он удовлетворенно.

— Фру Хансен! — застонала Алиция при виде верхней части.

— Ну, это уж слишком! — возмутилась Зоя. — Рехнуться можно! Вместо Бобуса и Белой Глисты эта невинная женщина! Что это за свинья такая! Выродок! И как он мог ее с тобой спутать?!

Врач сделал перевязку и поручил нам точно запомнить положение тела и место, куда попали пули: в фру Хансен стреляли. Видимо, врач уже сдружился с г-ном Мульгором и пытался облегчить ему работу. Алиция металась между кухней и коридором, терзаясь беспокойством о фру Хансен и сомнениями, ехать ли менять масло до приезда полиции или после.

Торстен разрешил эту проблему, предложив свои услуги. Алиция с облегчением отдала ему ключи.

Врач решил дожидаться полиции, уверяя, что фру Хансен это не повредит, а г-ну Мульгору наверняка поможет. Мы не протестовали.

Через пару минут приехал г-н Мульгор. Он выслушал нас, осмотрел место происшествия и переговорил с врачом.

— Убийца стоял тут, а непредвиденная особа — вот тут.

Он вышел в коридорчик и заглянул в комнату, как бы выступая в роли фру Хансен.

— Убийца нервный. Стрелял два раза.

— Он все делает два раза,— заметил Павел.— Два раза разбивал голову, два раза травил...

Г-н Мульгор с интересом посмотрел на Павла и продолжил:

— Особа падала тут, а убийца валял останки в комнату.

— А какого рожна запахнул ее под стол? — полюбопытствовал Павел.

— А куда он должен был ее запихнуть? Под кровать? Нет тут свободного места для целого человека...

— Видимо, она действительно застучала его во время поисков,— сказала Алиция.

— Интересно, она его узнала?.. Ну ладно, а что ваш человек? Опять ничего не видел?

Г-н Мульгор таинственно усмехнулся и пригласил нас в комнату. Там он объяснил, что его человек делал снимки. Сидя в зарослях довольно далеко от дома, он фотографировал все, что оказывалось в поле его зрения. Снимки проявят, увеличат и завтра покажут.

— Наконец-то разумная мысль,— похвалила Алиция.

Бобусь и Белая Глиста, видимо, обратили внимание на необычное движение в доме... Они зашли из сада как раз в ту минуту, когда выносили фру Хансен. За носилками несли материю, служившую ей подстилкой. Зрелище было захватывающее: пропитанные кровью лоскуты походили на ключья изуродованного в катастрофе человека.

Бобусь не сумел, как подобает настоящему мужчине, овладеть собой и дико взвизгнул. Звук этот пришелся на момент полной тишины и был так пронзителен, что все подскочили. Белая Глиста с душераздирающим стоном вцепилась в руку Бобуся. Г-н Мульгор посмотрел на них с интересом.

— Гости хорошо себя чувствуют? — любезно осведомился он.

— Очень хорошо,— с некоторой горечью ответила Зося.

— Чт-то это?.. — произнесла, заикаясь, Белая Глиста и пальцем показала на полицейского в дверях прачечной.— Что это значит?

— Полицейский,— вежливо объяснила я.— А значит это, что в доме новое убийство. На этот раз из огнестрельного оружия.

Я решила не уточнять, что жертва снова вышла из этого переплета живой.

— Ну знаешь,— фальцетом пропищал Бобусь.— Это ни на что не похоже! Мы приезжаем, а тут на каждом шагу какие-то трупы! У тебя в доме такие запасы или ты их время от времени пополняешь? Могла бы сделать перерыв!

— Думала, это вас позабавит,— ответила Алиция.

Белая Глиста начала вдруг выгибаться в талии и виснуть на Бобусе. Он был на голову ниже ее и оказался совершенно

придавленным: его возмущение Алицией вскоре перешло в придушенное посапывание.

Алиция хладнокровно предложила ему пива. Бобусь разволновался еще сильнее, весь уйдя в заботы о пошатнувшейся нервной системе Белой Глисты. Я с любопытством ждала, что будет дальше.

— Стилетом он пользовался только один раз,— сказал вдруг Павел г-ну Мульгору.— Надо это учесть.

— Травил два раза,— вспомнил г-н Мульгор.

— Коньячку, Кикочке надо коньячку!..— упорствовал Бобусь.

Алиция вышла на кухню, ожесточенно бормоча:

— Ничего не получат! Закрытая бутылка «Наполеона» стоит в шкафчике. Я ее лучше в унитаз вылью, чем открою для этой...

— Если бы предвидеть его действия, можно было бы поставить ловушку,— увлеченно продолжал Павел.— И кого себе выберет... Ну да, ясно, что Алицию. Если бы еще можно было предвидеть, что сделает Алиция...

— Пойду спать,— решительно сказала Алиция.

Взбешенный Бобусь решил действовать энергичней. Он оторвался от Белой Глисты и трусцой побежал к угловому шкафчику.

— Хватит, Алиция! — решительно заявил он на бегу.— Сами справимся!

В треугольном, встроенном в угол комнаты шкафчике, кроме алкоголя, находилось ценнейшее серебро Алиции. Шкаф был заперт на ключ, ключ висел на гвозде сзади, все об этом знали, но никто не осмелился бы открыть его сам, без явного согласия владелицы.

Бобусь снял ключ с гвоздя и воткнул его в замочную скважину. Мы замерли на полуслове, с ужасом глядя на его невероятную наглость. Алиция окаменела. Г-н Мульгор что-то почувствовал и тоже замолчал, внимательно глядя на Бобуся.

Бобусь повернул ключ и открыл шкаф. Ослепляющий блеск, стук, жужжание, крики Белой Глисты и Бобуся — все слилось воедино. Раздался звон разбитого стекла. С минуту мне казалось, что Бобусю взрывом оторвало голову, и она, как снаряд, перелетев через комнату, разбила окно. Но голова по-прежнему торчала на плечах — Бобусь обхватил ее руками и застонал. Между пальцами текла кровь. Белая Глиста, увидев это, вскрикнула еще пронзительней и бросилась на г-на Мульгора, видимо, чтобы укрыться в его объятиях. Но полицейский не предвидел атаки. Сбитый внезапным толчком с ног, он рухнул на стеллаж, где стоял большой магнитофон. От грохота задрожали стены.

Все смешалось. Куда бежать и кого спасать? Бобусь потерял сознание. Опутанный шнурами и проводами г-н Мульгор тщетно пытался освободиться от Белой Глисты. Зося и Алиция кинулись к Бобусю. Павел набросился на разгромленный шкафчик. Я же кинулась за разбившим окно снарядом, видимо, не желая расставаться с мыслью, что это голова Бобуся...

Это был парик! Бобусь отделался содранной на темени кожей и несколькими ожогами. Значительно больше пострадал магни-

тофон — он разлетелся вдребезги. Г-н Мульгор получил лишь шишку на затылке.

— Ну вот,— философски заметил он,— стреляли два раза.

— Теперь остается только стилет,— утешился Павел.

Восторга Алиции не уменьшил даже разбитый магнитофон.

— Ну теперь он не будет рыться в моих вещах,— пробормотала она вполголоса, собирая обломки.— Может, по этому случаю открыть бутылку «Наполеона»?

— Нет,— отрезала Зося.— Только когда они уедут!

Израженный и оскорбленный Бобусь уезжать не собирался, в отличие от смертельно перепуганной Белой Глисты, готовой убраться из этого кошмарного дома хоть сейчас.

— Ты могла бы ему кое-что простить,— сказала я Алиции, помогая свертывать магнитофонную пленку.— Все-таки потерял парик и взял на себя очередное покушение. Ты бы так легко не отделалась.

— Разбил окно, сломал магнитофон... У меня уже порядочный список убытков, которые они мне причинили. И разве это его заслуга, что он ростом с сидящего пса? Мне бы куда попало?

— В самую середину лица. Ты вообще была бы уже без головы.

— Надо же, а я и не знала, что он носит парик!..

Наконец приехал специалист, вызванный сразу же после происшествия, и вместе с г-ном Мульгором и дрожащим от любопытства Павлом стал осматривать взорванный шкафчик. Специалист с первого взгляда все понял.

Мы глядели на его руки, колдующие над останками шкафчика, и обдумывали новые факты. Убийца должен был знать, что никто, кроме Алиции, шкафчика не открывает. Это знали только близкие, значит, пора отбросить мысль, что в наши дела вклинился кто-то посторонний. Тут уж убийца действовал наверняка: можно было спать в кровати Алиции и ходить в ее тряпках, но открыть заветную дверцу могла только она. Наконец-то он нашел что-то верное — мы ведь оставили целый день в его распоряжении. Убийца, видимо, не знал Бобуся...

— Алиция, тебе пора спать,— вдруг забеспокоилась Зося.— Уже первый час, утром ехать в Виборг...

— Как же я могу спать, когда в этом доме каждую минуту что-нибудь случается! Может, тут часовая бомба лежит или еще какое-нибудь свинство?

— Посмотри под своей кроватью и в машине...

— Кстати, где Торстен? — вспомнила Алиция.— Когда он поехал? В девять? Где он столько времени пропадает?

— Дорога в Копенгаген — полчаса, найти станцию обслуживания, подождать, поменять масло...

Специалист по шкафчикам наклонился и шепнул что-то г-ну Мульгору. Тот забеспокоился.

— Автомобиль номер пани какой есть? — обратился он к Алиции.

Алиция поглядела на него, потом на карточку, прицепленную к стеллажу.

— ВМ 18-235. А зачем?.. Что случилось?

Г-н Мульгор повторил номер по-датски и посмотрел на специалиста. Тот взглянул на него. Оба выглядели довольно ошарашенными.

— Нехорошо,— задумчиво сказал г-н Мульгор.— Очень плохо. Великий огонь на автостраде, автомобиль «вольво» ударил в цистерну с бензином, номер есть очень похожий...

— Торстен!..— вскричала побледневшая Алиция.

Мы мигом сорвались с мест. Третье покушение за один день, это, пожалуй, чересчур! Специалист сказал что-то по-датски, и Алиция окаменела.

— Что он сказал?— заорала Зося, тряся ее за плечо.— Что он там говорит?!

— Обугленное тело внутри автомобиля,— перевел, полный сочувствия, г-н Мульгор.

Через несколько минут мы уже мчались к месту катастрофы в машине г-на Мульгора. На протесты покидаемых Бобуся и Белой Глисты никто не обратил внимания. Бобуся в роли незадачливой жертвы стал для нас неиссякаемым источником радости, уборщица была человеком чужим, но Торстен — близкий, знакомый, милый!.. Его смерть, такая ужасная,— это был уже предел безобразия.

Авария произошла на развилке шоссе. Случайные свидетели дружно подтвердили, что цистерна с бензином, выезжавшая с дороги в Хельсингер, притормозила при виде мчавшегося из Копенгагена «вольво». «Вольво» же, вместо того чтобы обогнуть ее, понесся вперед и врезался прямо в цистерну. Пожар вспыхнул сразу.

Народ на шоссе еще толпился, хотя огонь уже погасили — что ж, подобные зрелища бывают не каждый день! На машину Алиции страшно было смотреть. Труп уже погрузили в одну из санитарных машин, к другой было не протолкнуться.

Алиция всю дорогу лязгала зубами, а теперь перестала владеть собой окончательно. Она редела, вырывалась из объятий Зоси и, совсем одурев, кидалась грудью на толпу у «Скорой», заметно увеличивая и без того немалую суматоху. Зеваки, привлеченные ее воплями, отхлынули от второй машины. За их спинами я увидела Торстена, живого, здорового, разве что слегка помятого.

Я локтями растолкала полицейских и настигла скандальную Алицию.

— Успокойся! Пойдем отсюда!— орала я, пытаюсь вывести ее из толпы.— Перестань оплакивать чужих, у тебя своих навалом! Торстен жив!!!

Алиция послушалась, бросила с трудом завоеванное место и... увидела Торстена. Торстен кротко позволял себя ощупывать, обцеловывать и тискать, только что-то взволнованно выкрикивал по-датски. Недовольный врач и полиция всеми силами пытались вырвать его у Алиции и захихнуть обратно в санитарную машину. Настоящее чудо, что они не разорвали его надвое! Сцена эта эффектно освещалась понатыканными всюду прожекторами.

— Он говорит, что кондрашкахватила рулевое управление,—

уже на обратном пути объяснила нам Алиция.— Водитель — свое, а колеса — свое. Он уже ничего не успел сделать, это было перед самой цистерной, только снял ногу с газа. Очнулся через какие-нибудь полчаса, сейчас совсем хорошо себя чувствует. Но в больницу его все-таки забрали — боялся сотрясения мозга.

— Чей же в таком случае труп?

— Совершенно чужой мужчина. Они встретились на станции техобслуживания, у того сломался автомобиль, и Торстен взялся подвезти его в Аллеред.

— Ужасно! Невинный человек!.. Наверное, ему было предназначено...

— А шофер цистерны? Он жив?

— Жив, только обожжен, он тоже вылетел на другую сторону. Торстен говорит, что это было сделано специально.

— Возможно. Убийца, пока на тебя охотится, прикончит половину человечества. В конце концов на свете останетесь только ты, он и тараканы.

— Почему тараканы?

— А тараканы останутся даже после термоядерного взрыва. Впрочем, не знаю, может быть, не тараканы, а клопы. Во всяком случае, какие-нибудь несимпатичные твари.

— Интересно, когда он это успел сделать...

— Он такой работающий, что мог бы весь мир перевернуть, если бы очень постарался. Кто из них самый старательный? Не Анита же.

— Не хочу спускать краски, но, пожалуй, самый работоспособный из них Рой...

До самого дома мы размышляли, когда было проще всего испортить машину Алиции и мог ли это сделать Рой. Алиция оставляла автомобиль где попало, предпочтительно в местах малолюдных и слабоосвещенных. Возможностей было множество, и прийти к какому-нибудь выводу нам так и не удалось.

— Какое счастье, что он застрахован,— вздохнула Алиция.— Кажется, теперь куплю наконец себе новый...

Разбуженный и страшно разобиженный Бобусь не преминул высказать свое мнение о катастрофе.

— Конечно,— процедил он,— если так обходиться с автомобилем, что-нибудь подобное непременно произойдет! Я это предвидел. Ведь машина в страшном состоянии!

— Ага,— охотно подтвердила я,— совсем сгорела.

Бобусь пожал плечами:

— Сгорела, не сгорела, все равно она уже давно была ни на что не похожа. Алиция ею вообще не умеет пользоваться. Кто-то там что-то поломал!.. Наверняка сама ковырялась и сломала.

— Ага. Регулярно ковыряюсь,— заверила его Алиция, которую чудесное исцеление Торстена и воспоминание о страховке привели в великолепное настроение.— Особенно усердно вывожу из строя руль и тормоза.

— Чтобы с тобой ездить, нужно быть самоубийцей...

— Нужно быть самоубийцей, чтобы жить в этом доме,— с трудом сдерживаясь, пробурчала Зося.— Интересно, когда это наконец до него дойдет?

— Но ты столько потеряла, дорогая,— пропела Белая Глиста тоном, в котором явственно сквозило удовлетворение,— столько потеряла!..

— Есть и еще большая потеря,— тотчас парировала Алиция и показала на пустое место на стеллаже.— Автомобиль был застрахован, а магнитофон нет.

— Старый хлам, а не магнитофон,— фыркнул Бобусь.

— Некоторые любят старый хлам,— меланхолично сказала я, пытаясь одним глазом смотреть на Бобуса, а другим на Белую Глисту, которая была старше меня на целых два года. Толще же — на двадцать.

— Слушай, я все-таки пойду спать,— сказала Алиция решительно, когда мы наконец остались одни.— Утром надо ехать в Виборг, а сегодня, надеюсь, уже больше ничего не случится...

Уходя, г-н Мульгор дал понять, что кое-что его удивляет и он хотел бы внести в эти вопросы ясность. Обещал прийти вечером, когда Алиция вернется из Виборга. Оставшейся без машины Алиции пришлось ехать на автомобиле Оле, так что существовала надежда, что она вернется вовремя.

Общество Бобуса и Белой Глисты чуть не свело меня с ума. Я решила удрать на целый день в Копенгаген, но жаль было оставлять Зося с ними наедине.

Зося, чтобы не терять времени даром, стала искать письмо от Эдека.

— Она его не найдет до судного дня. Оставим ей эти паршивые бумажки и перероем все остальное. Во всяком случае, будем точно знать, где его нет.

Начали с погреба. Под вечер мы были совершенно измотаны и могли выбросить из головы ателье. Кусок за куском и сантиметр за сантиметром пересмотрели весь шкаф Торкилля с рисунками за тридцать пять лет, полки с садовым инвентарем и коробки с тысячами разных вещей. Просеяли искусственные удобрения и чуть не на куски разобрали катафалк. С ужасающей тщательностью проверили каждую штуку постельного белья. Теперь мы могли с чистой совестью присягнуть, что в ателье письма от Эдека нет.

— Если только она не спрятала его под паркетом,— сказала осатаневшая Зося.

Мы приготовили себе вполне заслуженное подкрепление. Бобусь и Белую Глисту на всякий случай решили не кормить.

— Если и сожрут что-нибудь неподходящее, пусть сами отвечают. Я не желаю принимать в этом никакого участия. Не знаю, как ты...

— Можешь быть спокойна, я тоже,— ожесточенно закивала Зося.

В тот момент, когда я азартно доказывала, что убийца непременно должен поинтересоваться результатами своих трудов и что первый, кто позвонит, окажется самым подозрительным, явилась Эва. Паптет с салатом тут же застряли у нас в горле.

— Я просто зашла узнать, что слышно,— как-то нервно сказала она.— Случайно оказалась рядом и решила этим воспользоваться. Где Алиция?

В голове у меня промелькнули миллионы разных подозрений.

— Ты на машине? — поинтересовалась я.

— Ах, нет,— ответила Эва.— То есть да. Меня подбросили на машине, но возвращаться буду поездом. Вы не могли бы дать мне капельку кофе?

— Алиции нет, не помню, куда поехала, и не знаю, когда будет,— мрачно сказала Зося.— Кофе я тебе, конечно, дам. Слушай, Иоанна, для них тоже?

Эва вяло реагировала на наши рассказы и каждую минуту смотрела на часы. Белая Глиста при виде ее спала с лица, совершенно утратила чувство юмора, быстро забрала кофе и с необычной тщательностью закрыла за собой дверь. Зося почти все время молчала и с неприязнью посматривала на нашу подозрительную гостью.

— Мне пора,— сказала вдруг Эва.— Слушай, Иоанна, ты меня не проводишь?

Я немедленно согласилась.

— Это ужасно, у меня уже нет никаких сил,— говорила Эва.— Не могу от него избавиться! Пришлось зайти к вам, ни за что не хотела ехать на его машине. Таскается за мной всюду! Хотя бы Рой не узнал! Он не поверит, что мне на него плевать, видела же, какой он раскрасавец!..

— Мне такие не нравятся,— осторожно вставила я.

Эва махнула рукой.

— Джузеппе черный, а у Роя бзик на этой почве! Он свято верит, что меня волнуют только черные! Как я ему объясню, как мы пойдем друг друга, этот чертов язык?!

Ситуация действительно осложнилась тем, что она объяснялась с Роем исключительно на английском. Язык этот ни для нее, ни для него не был родным, и это вызывало различные недоразумения даже в будничных делах. А что уж говорить о таком, из ряда вон выходящем!

— Слушай, ну что мне делать?!

— Категорически отлучить его от груди,— ответила я без колебаний.— Не слишком ли ты с ним мягка?

— Ох, не знаю! Может быть, но я не умею отказывать! Боже, как он меня мучает!

Она была так подавлена, что у меня никак не поврачивался язык спросить, не она ли убила Эдека и покалечила еще семерых. Я начинала в этом сомневаться: ей без труда можно было приписать убийство в состоянии аффекта, но поверить в ее одновременную хладнокровную деятельность я, хоть убей, не могла. Разве что начала, а продолжил ее ошалевший от любви милый. Кстати, подумала я, он, наверное, уже вернулся в отель, где дежурит Павел. Наконец-то они встретятся!

— Слушай, а чем он, собственно, занимается, этот твой Джузеппе? — осторожно спросила я.— Кто он?

— Не мой!!! — горестно завопила Эва.— Не мой!!!

— Ладно, не твой? Что он делает?

— Ох, не знаю, мне все равно! Он делец. Какие-то там аферы... Ужасно богат. Но на кой черт мне его деньги!

У меня мелькнула соблазнительная мысль напустить на него Белую Глисту, но я тут же подумала, что после Эвы он на нее, конечно, не клонет. Надо быть слепым или ненормальным. А жаль.

— Он был в Польше? — коварно продолжала я.

— Не знаю. Может, и был. Ездит по всему свету. Какое мне до этого дело! Не знаю, что мне с ним делать в Дании! Сейчас!

— Пожалуй, тебе в конце концов придется объяснить все Рою. В крайнем случае Рой даст ему по морде.

— Рой впихнет меня в его объятия, — прервала Эва. — Чтобы я была с ним счастлива. Он меня любит и из любви ко мне пожертвует собой.

Я задумчиво смотрела на Эву.

— Слушай, я, может быть, еще к вам заеду, — нервно продолжала она. — Предупреди Алицию как-нибудь поддипломатичнее. Он считает, что мне надо чаще приезжать из-за этого убийства. Кстати, еще кого-нибудь убивали?

Я почувствовала себя слегка шокированной. До чего, однако, оглушает и ослепляет любовь!..

— Не знаю, на ком ты остановилась, кто у тебя там последний?

— По-моему, тетка Торкилля, — неуверенно предположила Эва. — Что-то я об этом слышала...

— Отстаешь в развитии. Во-первых, тетка тоже выжила...

— Что ты говоришь? В таком возрасте?

— Датские старушки крепкие. Следующие за тетей были Агнешка и фру Хансен, уборщица Алиции. Все больницы напиханы ошибками нашего убийцы. Торстена тоже держат, подозревают сотрясение мозга. Один человек был оскальпирован, и к тому же погиб совершенно чужой, не предусмотренный программой мужчина. Очень активный преступник!

— Ужасно, — рассеянно произнесла Эва. — Ужасно. Кровапролитие в Аллеред. Пора с этим кончать...

Затолкнув ее в поезд, я почувствовала себя не в своей тарелке. Она была права: пора с этим кончать! Надо быть полными идиотками, чтобы и дальше допускать убийства!

— Как ты можешь так вежливо разговаривать с преступницей?! — заявила возмущенная Зося, когда я вернулась домой.

У меня не было времени ей ответить: вернулся Павел.

Я жадно набросилась на него:

— Ну что?! Ты его видел?!

— Куда там! Его опять не было.

— Как это не было! Он полтора часа назад поехал! Целый час уже должен быть в отеле! Как ты мог его не видеть?!

— Не было его, честное слово! — защищался перепуганный Павел. — Я с самого утра сидел, голодный, как волк, эти сосиски у меня уже носом выходят! Не видел я никакого черного! В конце концов пришлось уйти — портье начал на меня поглядывать.

— Как ты мог! Какое тебе дело до портье?! Нужно было выдержать еще полчаса! Он должен вернуться!

— И совсем даже не должен! Мог уехать обедать куда-нибудь в город! Мог уехать куда угодно и вернуться в час ночи! Я уже сыт им по горло, непоседа какой-то! Нет ли места, где он бывает почаще?

— Подожди,— сказала я.— Мы идиоты, это факт. Я тебе завтра скажу, где и когда он должен оказаться, но это абсолютная тайна, если не он, с моей стороны будет ужасное свинство.

— Должен быть он, раз я столько времени за ним гоняюсь,— решительно заявил Павел.

Алиция и г-н Мульгор приехали почти одновременно. Алиция пообедала, г-н Мульгор от кофе категорически отказался.

Он любезно сообщил нам последние новости. Рулевое управление машины Алиции было испорчено весьма хитрым способом, который гарантировал, что рано или поздно владелицу машины постигнет удар. Может, убийца и не надеялся, что Алиция умрет на месте, но попасть в больницу она была обязана. Видимо, он хотел, пока ее не будет, разыскать проклятый документ.

— Пани его знает,— сказал г-н Мульгор, обвиняюще ткнув в Алицию указательным пальцем,— пани держит тайну!

— Какую тайну? — заинтересовалась Алиция.

— Этот убийца ищет, он разыскивает. Пани знает, что? Пани знает!

Сбитая с толку, Алиция молча смотрела на г-на Мульгора.

— Пани знает его, кто он есть! Что он желает узнать?! Что он ищет? Я желаю ответа!

— Ничего подобного, совершенно не знаю, что он ищет. В лучшем случае могу догадываться, а мои догадки никого не касаются.

Г-н Мульгор посмотрел на нее неодобрительно.

— Почему пани не давала алкоголь пану поцарапанному? Я понимаю по-польски все. Я слышал. Он желал, пани не давала. Пани ждала, пока он шкаф откроет. Пани знала о взрыве?

Алиция возмущенно отрицала участие в покушении на Бобуся.

— Зачем тогда пани не давала алкоголь пану поцарапанному?

Г-н Мульгор все больше мрачнел.

— Пани собственной особой сделала взрыв? Я желаю ответа!

— Чушь! — раздраженно ответила Алиция.— Делать мне нечего, только портить из-за этого кретина мебель, не говоря уже о стекле и магнитофоне!

— А! — сказал г-н Мульгор, и в глазах его что-то блеснуло. Некоторое время он задумчиво смотрел на взбешенную Алицию, и наконец лицо его прояснилось.

— Я думаю, что понимаю. Ну да... Ладно. Но он разыскивал. Пани знает, что?

Добрые десять минут их беседа звучала очень монотонно.

Отчаявшись что-нибудь выжать из нее, г-н Мульгор достал обещанные снимки. Они уже были показаны многим. Все замеченные на улице возле дома Алиции оказались членами семей

соседей, их знакомыми или служащими разнообразных учреждений. На карточках были двое рассыльных из близлежащих магазинов, два почтальона, несколько работников магистрата, приводящих в порядок газоны и живую изгородь.

Только одного человека не узнал никто. Это был какой-то лохматый и бородатый тип среднего роста и средней упитанности, который, по словам постового, без цели крутился возле дома. Немножко походил по одной улице, немножко — по другой, остановился посмотреть, как служащий магистрата обрезает ветки, затем куда-то пропал. Если на карточках и был убийца, то это был он.

— Сними парик, отцепи бороду — и пес хромой его не узнает, — заволновалась Зося.

— Таких подозрительных нужно сразу задерживать, — настаивательно сказал Павел.

— Павел, не вмешивайся!

— Я не вмешиваюсь. Но если бы его сразу задержали, проверили документы и обыскали, теперь и хлопот бы не было. А так снова гоняйся черт знает за кем...

Мы с Алицией молниеносно отреагировали, опасаясь, что он раньше времени выдаст Эву. Павел обиделся и ушел в сад. Г-н Мульгор вернулся к волнующей его теме.

— Убийца желает пани лишит жизни. Он хаживает вокруг. Он имеет повод. Он разыскивает. Странно. Он убивает множество osób, также разыскивая. Для какого повода он желает пани смерти?

Несмотря на форму, заявление г-на Мульгора звучало вполне разумно. Мы знали, что убийца панически боится письма от Эдека и пытается его найти. Одновременно пытается убить Алицию. Или это письмо написано шифром, понятным только ей, или она действительно что-то знает. Может, даже не отдавая себе в том отчета...

Я посмотрела на Алицию не менее подозрительно, чем г-н Мульгор.

— Может, тебе попробовать подробно рассказать нам обо всех событиях, которые ты наблюдала в последние пять лет, — задумчиво предложила я.

— Прямо сейчас? — ядовито поинтересовалась Алиция. — С подробностями?

— А почему бы нет? Сегодня у нас исключительно спокойный вечер. Никого не убивали, гостей нет. Бобусь и Белая Глиста сидят тихо.

Зося и г-н Мульгор одновременно забеспокоились.

— Простите, — удивился г-н Мульгор. — Белая... что?

— Вообще-то, — оживленно сказала Зося, — что-то они слишком тихо сидят...

Мы мигом вскочили, старательно скрывая надежду и изображая беспокойство и заботу, и стремительно бросились к дверям, с силой пихнули тяжелую створку двери, протиснулись...

— О, извините, ради бога!.. — сказала в замешательстве Алиция и поспешно стала отступать.

Бобусь и Белая Глиста ничего не сказали, наверное, потому,

что у них перехватило дыхание. Если бы ко мне в такую минуту ввалились четыре особы разного пола, я бы тоже задохнулась...

— О, черт! — смутилась Алиция.

— Похоже, с ними ничего не случилось, — неуверенно произнесла Зося.

— Пожалуй, ничего, — подтвердила я, — разве что сейчас...

— Простите, — вмешался перепуганный г-н Мульгор. — Пани говорила, что? Белая что?

— Белая Глиста, — вежливо объяснила Алиция. — Эту даму так зовут.

— А!.. — г-н Мульгор помолчал и продолжил: — Итак...

Тут из сада донесся какой-то треск и пронзительный крик. Нас словно ветром сдуло.

— Павел!!! — истошно вопила на бегу Зося.

Двери на террасу, к счастью, были открыты. Возле частично раскопанной большой гробницы что-то металось.

— Свет! — крикнула Алиция.

Г-н Мульгор выхватил из кармана электрический фонарик. В его луче мы увидели Павла без ноги, копошившегося где-то у самой земли. Зося со стоном бросилась к нему.

— Не наступай сюда! — крикнул Павел. — О, господи, брюки порвались!

Мы в последнюю минуту притормозили, чтоб не упасть на него и на то, что под ним проломилось. Павел одной ногой застрял в глубокой, прикрытой досками дыре, поломанные доски валялись рядом. С громадным трудом мы помогли ему выбраться из ловушки без особого ущерба для гардероба.

— Какого дьявола ты туда влез? — недовольно спросила Алиция. — Вокруг столько места, а тебе обязательно надо именно сюда?..

— Убийца ли изготовил яму? — полюбопытствовал г-н Мульгор.

— Нет, — ответил Павел. — Убийца был там.

— Где?

— Подкрадывался к окну... Сбежал!!!

— Туда, через дыру!!!

Не вдаваясь в подробности, мы, спотыкаясь, понеслись к дыре в живой изгороди. Ветки сливы поймали за волосы сначала меня, а потом Зосю. Согнувшись пополам, мы друг за другом пролезли под толстой веткой и оказались на улице. Во время нашего галопа фонарик г-на Мульгора бросал во все стороны дикие блики.

В нескольких метрах перед нами, на ступеньках рядом с живой изгородью, стояла Анита и что-то держала в руках. Луч фонарика высветил ее удивленное лицо.

— Ради бога, что вы тут делаете? Играете в казаки-разбойники или занимаетесь бегом с препятствиями? Что происходит?

— А что ты тут делаешь... — голос Алиции постепенно замер. Предмет, который Анита держала в руке, оказался большим черным пистолетом.

Некоторое время мы все молчали, глазели друг на друга и пытались что-нибудь понять. Анита взмахнула пистолетом.

— Так что случилось? — с любопытством спросила она. — Скажите же что-нибудь. Я слышала крики и ужасный грохот, как будто стадо слонов продиралось через сад.

— Откуда у тебя это? — наконец обрела дар речи Алиция. Анита удивленно посмотрела на пистолет.

— Да, в общем, не знаю. Выпал из кустов, когда я шла мимо. Я, конечно, подняла. Вы этим бросались в убицу? Мне кажется, из него скорее стреляют.

Г-н Мульгор наконец шевельнулся, подошел к Аните и осторожно вынул у нее из руки пистолет. Мы сразу почувствовали себя гораздо увереннее.

— Откуда ты тут взялась? — облегченно вздохнув, поинтересовалась я.

— Иду от станции...

Как утверждала Анита, прямо перед нами кто-то с шумом и треском продирался сквозь кусты и перескочил через живую изгородь к соседям. Одновременно из кустов выпал на траву пистолет, который она машинально подняла. Еще ей послышался крик, и сразу вслед за этим из дыры вылезла вереница черных фигур.

— Это мы, — проинформировала Алиция.

— Я уже заметила...

— Господи, так чего мы ждем?! — разволновался Павел. — Нужно его догонять!

— С ума сошел! — запротестовала Зося. — Темно, ничего не видно. Он наверняка уже далеко. И, конечно, снова на машине!

— А если он сегодня пешком?

— Чуть! — решительно сказала Алиция. — Мог удрать в любую сторону. Оставим его в покое. О, слышите?..

Издали донесся рокот запускаемого мотора. Если это был убийца, погоня за ним не имела смысла.

В дверях террасы показался разъяренный Бобусь в пижаме.

— В конце концов это черт знает что такое! — раздраженно прошипел он. — Сумасшедший дом! Знаешь, Алиция, я не ожидал от тебя шуток на подобном уровне. Если так дальше пойдет, мы просто вынуждены будем уехать!

— О, боже! — шепнула из-за моего плеча Зося. — Не верю в такое счастье!

— Это просто хулиганство! — продолжал, пылая возмущением, Бобусь. — Кика ужасно расстроена.

Алиция громадным усилием воли пыталась скрыть восторг.

— Ничем не могу помочь, тут всегда что-нибудь происходит, — участливо объяснила она. — Сейчас еще довольно тихо. Скажи Кике, что бывает хуже.

Бобусь моргнул полным возмущения глазом, открыл рот, фыркнул и с достоинством удалился.

Г-н Мульгор справился наконец со столбняком, обрел энергию и взял в круговой огонь вопросов сначала Павла, а потом Аниту.

Павел, как оказалось, сидел на откосе рядом с ателье и смотрел на крайнюю гробницу. Вдруг его внимание привлекло какое-то движение в глубине сада. Черная фигура, прячась за деревьями, проскользнула к окнам средней комнаты, где мы

сидели, и остановилась, скрытая от него гробницей. Он хотел тихо подкрасться и атаковать таинственный силуэт, но вместо этого попал в дыру, прикрытую досками...

— Остальное вы знаете,— мрачно закончил Павел.

— Откуда эта дыра взялась?!

— Не имею понятия, я ее не копал. Шел себе, и вдруг...

— Господи, я совсем забыла вас предупредить,— сокрушенно призналась Алиция.— Это я ее выкопала давным-давно. И прикрыла досками, чтоб никто не провалился...

— Тебе это удалось,— мрачно сказала я.— Просто чудо, что я ни разу туда не свалилась. Ведь каждую ночь слоняюсь вокруг.

Г-н Мульгор заметно помрачнел и задумчиво посмотрел на Алицию.

— Нехорошо,— сказал он.— Свет был на пани особа. Он выполняет злые намерения через окно. Пани должна не сидеть на освещении.

— Вообще-то я сижу на заднице,— буркнула Алиция.— И что мне теперь делать? Запереться в сортире?

— Закамуфлировать амбразуры,— ответил г-н Мульгор вежливо, делая жест, имитирующий закрывание штор.

Штор не было вообще. Алиция неуверенно посмотрела на окна.

— Ты должна это сделать,— решительно сказала Зося.— У тебя столько тряпок — можно найти, чем занавесить! Помоему, ты уж слишком пренебрегаешь осторожностью.

— Повесить-то есть что, но на чем?

— У тебя же был для этого прут?

— Пропал... Я его уже пару месяцев не могу найти. Ума не приложу, куда он подевался.

Я посмотрела на нее слегка ошалело. Прут для штор был трехметровой длины. Количество мест, где он мог поместиться, было весьма ограничено. Чтобы потерять такую вещь, нужно и вправду большое искусство!

— Кстати, не знаю, какой толк от штор, если стекло выбито,— заметила Анита.— Когда ты собираешься его вставлять?

— Завтра, я уже договорилась. Утром придет человек.

Г-н Мульгор с антипатией глядел на выбитое стекло и качал головой.

— Прятать амбразуры,— сказал он.— Ночной отдых перенести на другое место. Не разьяснять собственную особу...

— Ладно. Перенесусь на диван,— согласилась Алиция и сняла трубку зазвонившего телефона.

Пока она говорила, г-н Мульгор еще раз подчеркнул, что опасность грозит отовсюду, и без особого труда уговорил Аниту ехать в Копенгаген вместе. Они попрощались и ушли.

— Хотелось бы знать, когда я наконец пораньше лягу,— раздраженно сказала Алиция, закрывая за ними дверь.

— Может, сегодня пойдешь спать пораньше?

— Подождите,— осторожно вмешался Павел,— а вам это не кажется подозрительным?

— Что именно? — неуверенно поинтересовалась Алиция, застыв у раковины с кофейной чашкой в руке.

— Ну... Анита. Она как-то вдруг оказалась на улице...

Зося, поднявшаяся с кресла, чтобы убрать со стола, уселась обратно.

— Вот именно. Откуда она там взялась?

— Со станции. Ты же слышала, что она говорила.

— Ну что с того, что говорила? Могла и солгать.

По правде говоря, и мне присутствие Аниты показалось странным. Узнать о новостях она могла и по телефону. Откуда эта внезапная страсть проводить Алицию?

— Мыслите логично, — вмешалась Алиция. — Если это она была в саду, зачем ей стоять с пистолетом в руках! Она бы его спрятала или выбросила!

— Не успела.

— Глупости! Уж пару минут наверняка прошло, пока мы вылезали из дыры.

— Но... — неуверенно начал Павел.

Кто-то неожиданно замолотил в дверь.

— Господи, кого еще черти несут? — забеспокоилась Алиция.

— Зря ты, пожалуй, сказала, что сегодня спокойный вечер, — пробормотала Зося.

В переднюю вошел совершенно не похожий на себя Рой. Угрюм, серьезен и явно взволнован, что в переводе на датские чувства означало бушевавший внутри него смерч.

— Простите, не заходила ли сюда моя жена? — спросил Рой без вступления, не знаю, на каком языке, но поняли все.

— Эва? — удивилась Алиция. — А что, собиралась зайти?

— Не знаю, — сказал Рой. — Я так думал.

Я решила вмешаться: скрывать визит Эвы не имело смысла.

— Она приезжала. Хотела видеть Алицию, но было еще слишком рано. И Эва поехала домой.

— А, понимаю. Спасибо. Извините, — Рой повернулся обратно к выходу. Алиция вдруг опомнилась и предложила ему кофе. Рой отказался, твердя, что слишком поздно. В дверях он на секунду задержался:

— Когда это было? Во сколько Эва ушла?

— Пару минут восьмого. Я проводила ее до станции.

— Ага. Большое спасибо. Доброй ночи.

Мы обалдело уставились друг на друга. Причем мое обалдение было самым меньшим.

— Что, скажи на милость, случилось? Зачем они ко мне все повадились?

— Наверное, лелеют мечту о самоубийстве, — пробормотала я.

— При чем здесь самоубийство? — удивилась Зося.

— Надеются, что им повезет и они падут следующей жертвой нашего вечно ошибающегося убийцы...

— Рой был какой-то странный, тебе не кажется? Что еще Эва выдумала? Она была тут одна?

— Тут — одна, — я сделала ударение на «тут».

— А где — нет?

— Не знаю. Видимо, где-нибудь в другом месте. Не имею

понятия, что она выдумала, не знаю, почему ее нет дома и почему Рой ее ищет, но все это, вместе взятое, мне не нравится.

Алиция угрюмо смотрела в выбитое окно.

— Мне тоже. Откуда он взялся? Правда ли ее ищет? И почему тут? Сначала Анита, потом Рой...

Из-за странного поведения Роя и Эвы я вынуждена была раскрыть тайну. Павел и Зося наконец узнали, что существует какая-то связь между Эвой и типом в красной рубашке, и, пожалуй, только Эва могла иметь повод убрать скандалищего Эдека. Единственное, что не давало нам выстроить стройную и логическую версию, — это полная некомпетентность Алиции.

— Какого черта Эве нужно за мной охотиться! Даю вам честное слово, что я ничего о ней не знаю. Если ей надо сохранить секрет, пусть убивает Иоанну!

— Теперь ей вообще придется всех переубивать, — заметила я. — И Белую Глисту за компанию — она ее видела!

— Проще всего было бы взять пулемет, — вмешался Павел.

— Павел, тебе надо умыться, — рассеянно сказала Зося. — Слушай, Алиция, я тебя прошу, не спи сегодня в своей кровати. Не хочу сгущать краски, но полицейский прав.

— Интересно, а где мне спать? В отеле?

— Да хоть тут, на диване. Нет, тут я буду спать, а ты — у меня!

— И речи быть не может!..

158 Перед домом остановился автомобиль. Кто-то звякнул калиткой и постучал в дверь.

— Нет! — завопила Зося. — Я открою!

— Да уж, спокойный вечер, — поглядев на меня, желчно сказала Алиция. — Интересно, какой еще идиотизм тебе придет в голову...

В передней стояла Эва. В таком состоянии я ее никогда не видела. Растрепанная, заплаканная, с размазанным макияжем, в плаще, накинутом прямо на халат, и в тапочках. Зубы ее стучали.

— Алиция, — надломленным голосом начала она, опершись на дверь прачечной. — Ты не можешь мне одолжить немножко денег? Мне нечем заплатить за такси...

— Войди и успокойся, — мягко сказала Алиция. — Сейчас я заплачу.

— Нет! — бешено закричала Зося. — Заплачу я!!!

Алиция открыла рот, чтобы запротестовать, посмотрела на нее и послушно отдала кошелек. Эва оторвалась от двери, неуверенным шагом прошла в комнату и упала в кресло. Мы терпеливо ждали, пока она отдышится и что-нибудь скажет.

— Я убежала из дома, — проговорила она еле слышно.

— Навсегда? — сочувственно поинтересовалась Алиция.

Эва не очень уверенно покрутила головой и вытерла нос вытащенной из кармана тряпочкой для посуды.

— Не знаю. Алиция, нельзя ли тут у тебя... Иоанна, Алиция знает?..

— В общих чертах. Ты же запретила рассказывать.

— Скажи ей. Я уже не могу! Они встретились у нас дома!.. Рой ушел, Джузеппе его обманул... Я не могу ему объяснить!..

— Все совпадает,— вздохнула я.— Рой устранился, а она его не хочет, того, черного.

Алиция тут же все поняла.

— Оставайся, до завтра успокоишься, и все выяснится. Если хочешь, я поговорю с Роем. По-датски он поймет? И перестань реветь, а то тебя никто не захочет. Подожди, я сейчас сварю кофе...

Эва выпила рюмку коньяка, чашку кофе и сумбурно, со вскриками, начала рассказывать о встрече Роя с Джузеппе.

Мы слушали, стараясь поспеть за ее мыслью и сориентироваться, кто есть кто, кто кому кого уступает, кто кого любит и кто кого бросает.

— Оставим все это до завтра,— решила Алиция.— Если хочешь, я поговорю с Роем...

— Ох, да! Прошу тебя! Объясни ему все на этом ужасном языке!

— Ладно, а теперь пошли спать. Ты еле на ногах стоишь, надо отдохнуть. Подожди, я дам тебе какую-нибудь пижаму, о, вот замечательная, я ее еще ни разу не надевала...

— Мне бы еще умыться...

— Где тебя положить?.. Как ты насчет этого дивана?

— Конечно! Где-нибудь! Ради бога, не беспокойся из-за меня!

— Какое там беспокойство!..— пробурчала Алиция и повернулась ко мне:— Ты как думаешь, это уже конец спокойного вечера или еще что-нибудь будет?

— Выматывайся отсюда,— ответила я нелюбезно.— Еще могут приехать Рой и Джузеппе и драться на дуэли, но это будет уже не вечер, а глубокая ночь...

Измученная Эва сразу заснула и тяжело вздыхала во сне. Зоя решительными жестами вызвала нас в комнату Алиции и закрыла за нами двери.

— Если ты все-таки ляжешь спать тут,— сказала она Алиции,— клянусь тебе, что до утра буду сидеть под окном. Очень просто можно соврать в случае чего, потому что опять вокруг нервные расстройства и преступления из головы, и где это видано, подозревать человека в таком состоянии, а трупы лежат. Или речь идет о больной жене, а трупы лежат...

— Знаешь что, скажи это еще раз в каком-нибудь другом порядке,— попросила Алиция,— а то я не совсем поняла, что ты имеешь в виду.

— Она хочет сказать, что Эва симулирует нервное расстройство, чтобы остаться тут и тебя укокошить,— объяснила я.— Или Рой приедет якобы искать пропавшую жену и тоже тебя укокошит, и вообще, может, они все вместе сговорились, чтобы тебя укокошить. Эва не похожа на симулянтку, я этого Джузеппе видела, и, пожалуй, ей верю, но на твоём месте я все-таки спала бы не здесь. На всякий случай.

Алиция бросила на меня странный взгляд:

— Ты и вправду считаешь вполне естественным с моей сторо-

ны подкладывать вместо себя кого-то другого? Кого мне теперь выбрать в жертвы?

— Никого, не придуривайся. Спи в ателье на матрасе. Места достаточно.

— В лучшем случае ты мне влезешь на голову...

— Можешь спать вниз. Чтобы влезть тебе на голову, мне нужно по крайней мере свалиться с лестницы.

— Она права,— вмешалась злая, как дьявол, Зося.— Хватит уже, перестань выдумывать idiotские отговорки! В ателье полк солдат поместится. Постель там готова, я сама постелила. Убейся отсюда!

После недолгого сопротивления Алиция наконец улеглась. Чтобы не будить Эву и тем более не вторгаться к Бобусю и Белой Глисте, мы несколько раз резво обежали вокруг дома, посещая по очереди ателье, кухню и ванную...

Я проснулась на рассвете. Откуда-то издалека до меня донесся настойчивый, резкий звонок. Я подумала, что подойдет Алиция, и стала мечтать, как когда-нибудь идиотку-Кенгурицу хватит удар — больше в это время звонить некому. Потом я вспомнила, что Алиция спит рядом и, может быть, не услышит, и тоже решила не реагировать. Потом всплыло, что на диване спит Эва, и я подумала, что надо подняться и сказать ей, чтобы Алицию не звала, мол, уехала — на неделю.

Телефон звонил и звонил, и никто к нему не подходил. Я уперлась и решила не вставать ни в какую. Алиция, на счастье, похрапывала, так что ясно было, что жива. Сон у нее всегда был каменный, меня только удивило, как это выдерживает Эва.

Телефон звонил с ужасной настойчивостью и невыносимой размеренностью. Рядом, в комнате Бобуся и Белой Глисты, раздались какие-то приглушенные звуки. От радости, что им пришлось проснуться, я сама чуть не проснулась окончательно. Лежала и ждала, что они сделают дальше.

Тихий скрежет дверей дал знать, что кто-то из них встал и пошел к этому треклятому телефону. Минутой позже, гораздо пронзительней, чем телефон, зазвенел ужасный, полный паники крик Белой Глисты.

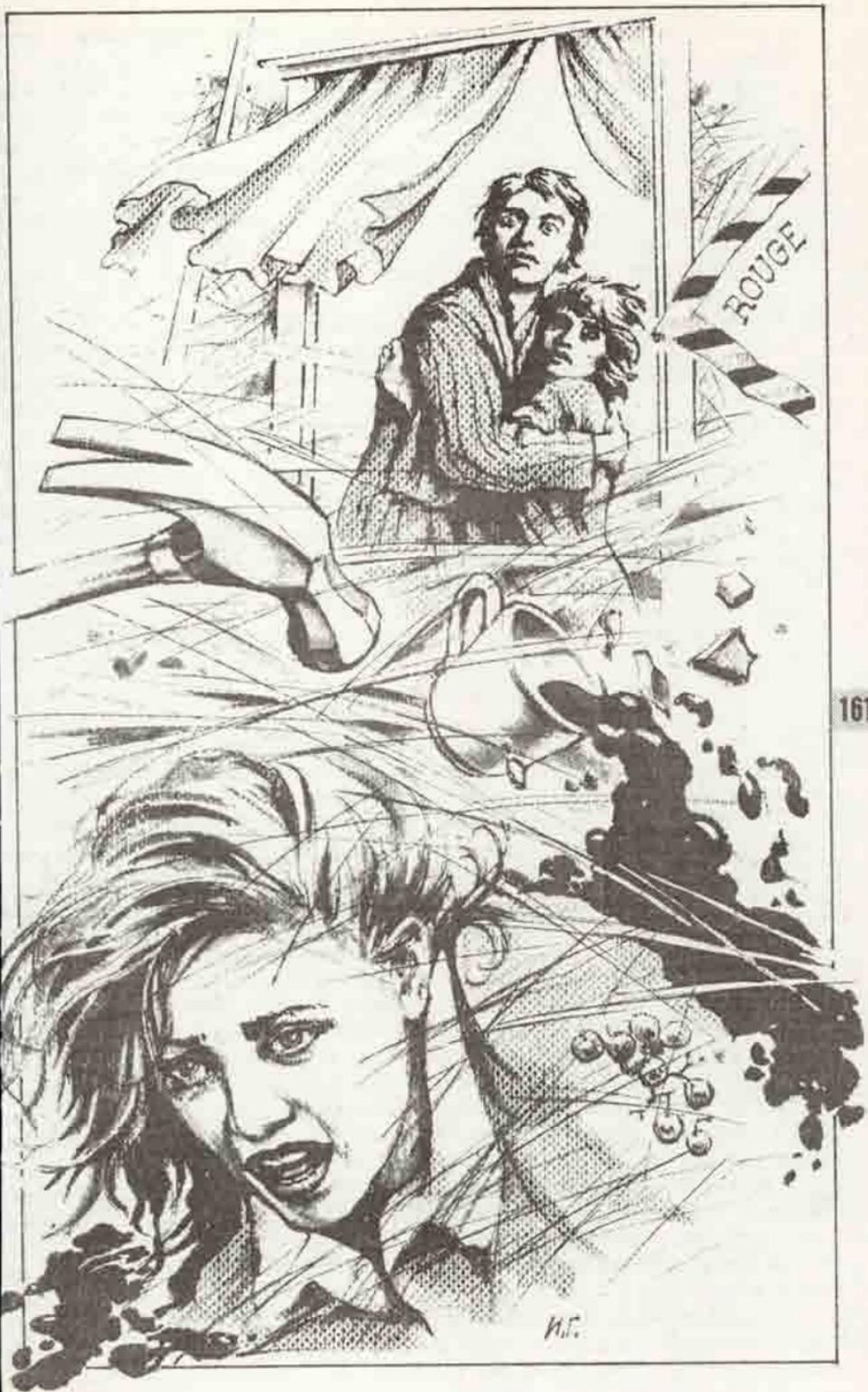
В мгновение ока дом наполнился шумом. Мы с Алицией столкнулись лбами в первых дверях, через вторые пропихнулись, одолев нерасторопного Бобуся. Зося и Павел вылетели со стороны кухни. Белая Глиста, съжившись в кресле, закрывала лицо руками и кричала. Телефон звонил.

Эва лежала на диване, лицом в подушку, так, как обычно спала Алиция. Если бы Алиция не стояла рядом со мной, я решила бы, что это она. Между лопатками торчала рукоятка тонкого стилета...

— Черт бы тебя побрал с этим спокойным вечером!!! — с горечью крикнула Зося.

— Уже утро,— возмущенно запротестовала я.— О спокойном утре я ничего не говорила!

— Успокой ее, к дьяволу, делай с ней, что хочешь, пусть она заткнется! — рывкнула Алиция, пихая Бобуся к Белой Глисте.



— Что же с этим телефоном, господи, боже ты мой, нужно же куда-то звонить! — разволновался Павел.

— Бога ради, пусть кто-нибудь наконец подойдет!!!

— Скажите этой старой холере, чтобы отцепилась ко всем чертям! Это Кенгурица! Эва!..

— Пусть пани отцепится, — гневно заорал Павел в трубку. — Все заняты!

Я щупала Эве пульс. Или это была иллюзия, или пульс действительно бился...

— Эва жива!!! Слушайте, она жива! Скорую!!!

— Павел!..

Павел с трубкой в руке, казалось, остолбенел.

— Что? — сказал он. — Ага. Да, снова жертва. Еще жива, нужна «Скорая»! Мы думали, что это Кенгурица... Все равно! Быстрой!..

Он положил трубку, прежде чем Алиция успела ее перехватить.

— Это не Кенгурица, — сказал он. — Это господин Мульгор. Они видели, как убийца приехал. Сейчас будут здесь...

Расстроенная и одновременно взбешенная Зося принесла из кухни громадный котел с водой и вылила его на голову Белой Глисте. Белая Глиста захлебнулась, и крик наконец затих. Алиция осторожно осматривала Эву.

— Посмотри, — с надеждой сказала она, — посмотри, куда он ее пырнул.

Стилет торчал с правой стороны.

— Метил в тебя...

— Идиотка, нет у меня сердца с правой стороны. Ты сама это выдумала! У меня оно слева, как у всех нормальных людей, только немного сдвинуто! Сделала из меня уroda на всю Европу!

— Слава тебе господи! Может, она благодаря этому и выживет!..

Белая Глиста обрела наконец дар речи и заявила, что она отсюда немедленно уезжает. Мы все по очереди влезли в лужу воды, которую Зося на нее вылила. Бобусь вообще перестал с нами разговаривать. «Скорая» появилась через пять минут. Г-н Мульгор на пятнадцать минут позже.

— Пустяки, — снисходительно сказал врач. — Порезаны мышцы, ничего больше. Очень легко лечится. Сейчас заберем.

В половине шестого утра мы уже пили кофе и облегченно вздыхали. Хотя бы раз путаница оказалась чем-то полезна. Моя болтливость спасла жизнь Эве, у которой, слава богу, сердце было на месте. Врач считал, что удар был нанесен не раньше, чем без десяти пять. Мы полагали, что телефон зазвонил как раз в ту секунду, когда убийца занес руку. Это его спугнуло, и он не стал целиться точно, а просто всадил стилет с правой стороны и удрал, уверенный, что на звонок сейчас выйдут.

— На этот раз мы его здорово облапошили, — удовлетворенно заметил Павел.

А меня мучили страшные угрызания совести. Если бы я сразу вскочила к телефону, может быть, сумела бы ему помешать, и Эва не была бы даже поцарапана!

— Главное, что жива,— утешила меня Алиция.— Зато теперь мы знаем, что это не она. Подозреваемых остается гораздо меньше.

— Честно говоря, только Рой и Анита. А также все остальное человечество.

Тут к нам присоединился г-н Мульгор и даже выразил желание выпить кофе, который он предусмотрительно привез с собой. Мы готовы были исполнить любое его желание, только бы он поскорей рассказал, как они узнали, что убийца снова вышел на охоту. Но прежде чем он успел открыть рот, снова зазвонил телефон. Алиция посмотрела на часы.

— Без десяти шесть,— зло сказала она.— Если это Кенгурица...

Это был Рой. Без всяких вступлений Алиция сообщила ему, что на этот раз жертвой оказалась его жена. Рой на том конце провода обезумел совсем не по-датски.

— Или упал на время в обморок, или его вообще хватил удар,— мстительно сказала Алиция, положив трубку.

— Если он убийца, то так ему и надо. Может, теперь, наконец, успокоится.

— А если не убийца, то будешь на коленях умолять его о прощении за нетактичность,— дополнила я.— Я, впрочем, тоже за лень. Много у него будет работы с прощением.

— Заткнись в конце концов и дай пану вставить слово!— сердито сказала Алиция.— И вообще успокойтесь!

— Помощник мой видел черную фигуру,— начал г-н Мульгор.— Фигура прибыла в автомобиле «мерседес». Он владеет радио. Он вести давал до меня. Я телефонировал сюда долгий период, очень долгий период в полноте опасения, что все особы неживы. Потом одна особа мне говорит: пусть пани отцепится. Почему пани? Кенгурица, что это? Почему? Ожидание другое было?

Мы ему охотно объяснили, кто такая Кенгурица и почему мы так реагировали на звонок. Удовлетворенный, г-н Мульгор продолжил рассказ. Его человек обращал внимание на каждый автомобиль, слоняющийся ночью по территории Аллеред. На счастье, дорог здесь немного. Черная фигура, видимо, пробралась в сад Алиции через владения соседей, а потом, бросив машину, у которой дежурил полицейский, удрала в противоположную сторону. Судя по звукам, там находился второй автомобиль. Видимо, у убийцы был помощник. «Мерседес», естественно, оказался краденым. Его владелец спал блаженным сном и ничего не подозревал — это было установлено сразу.

— Я очень прошу,— с нажимом сказал г-н Мульгор.— Никаких больше гостей!

Алиция с воодушевлением поклялась, что никого больше на порог не пустит.

— Пока поцарапанную голову и пани Белую Глисту я также прошу вон!

Как раз в эту минуту Белая Глиста вышла из комнаты и услышала последние слова.

— Что такое? — спросила она, обращая на г-на Мульгора взгляд удивленной гарпии.

Г-н Мульгор, чтобы не было сомнений, решительным жестом показал на нее пальцем.

— Пани Белая Глиста и тот пан, прошу прочь! Отъезд!

У Белой Глисты занялся дух. У нас тоже. Никому и в голову не приходило, что г-н Мульгор отнесется к услышанному прозвищу всерьез. Мы совершенно не собирались таким образом обнаруживать перед Бобусем и его любимой наши чувства. Много лет употребляемое втайне прозвище было нашей маленькой радостью. Тем более сейчас, когда Белая Глиста отъелась и перестала одеваться в белое.

За Белой Глистой хлопнули двери.

— Ну вот теперь, кажется, уедут, — мстительно сказала Зося.

Сконфуженная Алиция махнула рукой.

— А, пес с ними! Если Бобусь захочет, могу ему в глаза повторить, что я о них думаю. Пожалуй, это и к лучшему, пусть себе не воображает, что я их одобряю.

Г-н Мульгор, не подозревая, что натворил, вернулся к превранному разговору. Его интересовало, почему Эва в пижаме Алиции оказалась на диване.

Будучи слегка не в себе, мы рассказали ему больше, чем собирались. И о бестактном Джузеппе тоже. Видя, что другого выхода нет, мы рассказали и о встрече Эдека с черным типом в Польше. Г-н Мульгор не выказал удивления, сделал какие-то записи, осудил нашу скрытность, похвалил осторожность и ушел.

Бобусь вспылил настолько, что оставил чек на сумму, равную стоимости магнитофона. Белая Глиста покинула дом, не сказав ни единого слова и ни с кем не попрощавшись. Алиция вложила чек в конверт и выслала на адрес жены Бобуся. В одиннадцать все затихло.

— Я пошла, — сказала Алиция. — Из конторы обзвоню больницы и обо всех узнаю. Смотрите за домом: кто знает, что он еще выкинет?

Часом позже она сообщила нам по телефону, что все чувствуют себя превосходно.

Во второй половине дня г-н Мульгор прислал автомобиль за Павлом. Джузеппе был к его услугам, следовало только удостовериться, что именно он пытался ездить в угольном фургоне по улице Гагарина в Варшаве. Судя по паспорту, когда-то в Польше бывал. Павел разволновался и поехал.

Зося вынула почту из ведерка, служащего почтовым ящиком.

— Тебе, — сказала она. — Похоже, ты этого ждала?

Она критически смотрела на меня, пока я вскрывала конверт, затем добавила:

— Ты случайно не поглупела? Он действительно выглядит весьма импозантно, но в таком состоянии я тебя еще не видела. Кажется, ты наконец выйдешь замуж!

— Поглупеть, конечно, поглупела, — вежливо признала я. — Но в замужестве очень сомневаюсь: жена — это не самое выгодное для меня амплуа, а так не хотелось бы его разочаровывать!

Если уж тебе обязательно надо знать правду... то в этом письме должно найтись кое-что о здешних событиях. Не знаю, что именно, но что-то быть должно.

Зося так разволновалась, что выбросила в мусорный ящик тряпку для посуды, которую держала в руке.

— Господи, опять во что-то впуталась!.. Что у него с этим общего?! Так прилично выглядит!.. Читай быстрее!

Я прочитала письмо три раза и с трудом заставила себя переключиться с фрагментов сугубо личных на общественные. Зося стояла надо мной, как палач над приговоренным.

Смерть Эдека наделала много хлопот. Так и не удалось узнать, под какой фамилией выступал при знакомстве с ним тип в красной рубашке. Но было ясно, что личность чрезвычайно подозрительная, связанная с какой-то малосимпатичной организацией. Предполагали, что он сотрудничал с кем-то из нашего окружения в Аллеред, возможно, Алицией, но это не подтвердилось. Нам советовали быть крайне осторожными — дело серьезное, и убийца способен на все. Главное действующее лицо в этой истории — человек, который много путешествует и не возбуждает никаких подозрений.

— Если бы ты побольше путешествовала, то прекрасно бы подошла. Подозрений не возбуждаешь, с типом могла встречаться, Эдека знала...

— Отцепись! Если бы Анита не возбуждала подозрений... Но все-таки лучше всех подходит Эва. Все время мотается по свету, подозрений не возбуждает, черного типа знает, а ее помощник мог пырнуть ее для маскировки. Обрати внимание: при таких благоприятных условиях ей не сделали ничего плохого.

— Рой тоже совершенно не возбуждает подозрений, — задумчиво пробормотала я. — И это горе теперь: по ошибке пырнул свою любимую жену... Что за холера!.. Таких дурацких преступлений не станет совершать ни одна уважающая себя организация.

— Видимо, она себя не уважает, — рассудила Зося. — Оставим ее в покое, главное, узнает ли Павел типа.

Павел вернулся почти одновременно с Алицией. Он был крайне разочарован.

— Ну, поставили передо мной двадцать каких-то черных в красных рубашках. Откуда они их только взяли? Ни один не подходил, и, что хуже всего, я увидел Джузеппе. Это не он.

— Какого дьявола мы столько времени сидели в Англиере? — расстроилась я. — На кой черт нам вообще этот Эвин роман?

— Для расширения кругозора, — наставительно сказала Зося.

— Ты лучше думай о том, что надо быть крайне осторожными. Бобуса и Белую Глисту черт унес, теперь ему совсем не из чего выбирать. Самое печальное, что стилет уже отработан...

Зная, что педантичный убийца ни за что не воспользуется третьей попыткой, мы спокойно поели. Яд, стилет, огнестрельное оружие можно было выкинуть из головы. Молоток тоже. Мы

очень старались, но никак не могли угадать, что еще взбредет ему в голову. Несмотря на протесты Алиции, мы решили, что она каждую ночь будет спать на другой кровати, а в ее постель будем класть куклу.

Около семи неожиданно приехал Йенс с бумагами, которые Алиция должна была у него подписывать. Пока они беседовали, мы тоже даром времени не теряли: взяли старый плед, всевозможные лоскуты, несколько рулонов туалетной бумаги, ночную рубашку, парик Алиции и занялись делом. Кукла вышла замечательная!

Показать Алиции ее двойника мы не успели. Зося в своей комнате еще дошивала наш шедевр, когда Алиция закрыла за Йенсом двери и вынула из сумки новую пачку сигарет.

— О, дьявол, ну и развлечение меня ждет!

Это прозвучало так зловеще, что я прекратила искать в косметичке английские булавки и с беспокойством посмотрела на нее.

— Ну? Что еще?

— Мне придется, — сказала Алиция и закурила сигарету, — мне придется устроить...

И тут кто-то застучал в дверь. Она положила сигарету на стол и пошла в переднюю.

— Что тебе, черт возьми, придется устроить? — потеряв терпение, заорала я вслед. В этом доме стук раздавался в самый неподходящий момент.

Я сидела за столом, вокруг меня на диване было рассыпано содержимое косметички. Хотела по случаю гостя быстро собрать весь этот мусор и выдвориться, но, увидев входящую, уже не смогла двинуться с места.

Это было чудовище. Несомненно, женского пола. Оно щебетало, на голову возвышаясь над Алицией. Я пыталась прикинуть на глаз его периметр, одинаковый от шеи до колен, и решила, что метр девяносто следует принять за минимум. На нем было ситцевое платье, сверху болталась куца черная шерстяная кофточка (в таких у нас в деревне перед войной пасли коров), изпод платья же торчали огромные, бесформенные, собранные в складку шерстяные брюки. Они слегка напоминали слоновьи ноги, хотя слон вместе с ногами выглядит куда изящней. Несмотря на полученное в детстве строгое воспитание, я не могла оторвать от нее глаз. Сидела и с увлечением подсчитывала, сколько бы из нее вышло Алиций. Если не преувеличивать, то две с половиной, а может, и три.

Алиция нашла на письменном столе фонарик и секатор и вместе с гостьей вышла в сад. Сногшибательная мадам светила, а Алиция обезглавливала растущие рядом с террасой георгины. Она составила красивый букет и отдала его гостье. Некоторое время они еще посидели за столом, не обращая на меня внимания, посмотрели какие-то проспекты, потом мадам извлекла из сумки пакетик с семенами, посоветовалась о чем-то с Алицией, попрощалась и ушла.

Я пришла в себя и обрела дар речи. Помня дикий скандал насчет кузинки Греты, я уже собралась осторожно спросить, кто

эта прекрасная и такая элегантная незнакомка, но Алиция меня опередила.

— Ну, и как тебе Лилиан? — ехидно спросила она.

— Действительно, женщина редкой красоты! — с облегчением сказала я. — Как, интересно, можно сделать из себя такого монстра? Что на ней было?

— Что-то, — ответила задумчиво Алиция, глядя в пространство. — По-моему, это не имеет значения. Но что он в ней нашел?

— Как это что? Наверняка надеялся, что количество перейдет в качество.

— Разом.

— Разом.

— Может, она в молодости была худющая?

— Вряд ли. Ее всегда должно было быть очень много. Так что же все-таки случилось?

— Ничего не случилось. Она просто купила семена и хотела проверить, те ли сеяла я...

— Ради бога! — застонала я. — Алиция, лечи склероз! Перед тем, как вошло это чудовище, ты сказала, что тебе что-то придется сделать! Что?!

— Что? — удивилась Алиция. — А, действительно. О, черт... Должна буду устроить ужин.

— Для кого? — мрачно спросила я, понимая, что это что-нибудь официальное.

— Для Херберта с женой. Они уже давно напрашивались на ужин по-польски. Я надеялась это оттянуть, но, оказывается, Херберт будет участвовать в деле о наследстве, а позвонить по делу, не пригласив, нельзя.

Я собрала английские булавки и решила, что Алиция преувеличивает. Херберта, сына нашего давнего приятеля, мы знали чуть ли не с пеленок, он окончил юридический, сделал блестящую партию, но это еще не повод, чтобы так с ним церемониться!

— Ну и что ж такого, ужин на двоих?

— Но это должен быть ужин по-польски!

— Что это значит? Все должны напиться и пить «Красный пояс»?

— Дура. Должен быть бигос или рубцы...

— Рубцы если только из тебя сделать. Но бигос я же тебе привезла!

— Мало! — с сожалением вздохнула Алиция. — Осталась только одна банка, остальное я уже сожрала.

По-польски или не по-польски, я все-таки не могла понять, в чем проблема. Озверевшая от моей тупости Алиция объяснила, что все дело в жене Херберта. Эта дама из высшей аристократии, родственница королевы, и вся сложность состоит в том, чтобы принимать ее как обычного человека, ни на секунду не забывая при этом, что перед нами родственница королевы. В общем, мы должны быть чрезвычайно изысканны и одновременно свободны.

— Жаль, что ни ты, ни Зося не воспитывались при дворе, — было бы проще. Разве что Зося поможет сделать бигос.

— За то, что не воспитывалась при дворе? И когда это должно состояться?

— Как можно скорей. Дело срочное. Лучше всего завтра или послезавтра.

Готовить бигос Зося согласилась, но предупредила, что придется начать немедленно. Я обычно ложилась последней, поэтому мне поручили погасить горелку. Алиция слегка поколебалась, решила, что половина десятого — вполне приличное время, и позвонила Херберту. Он с радостью принял приглашение.

Я сидела за столом и выбирала себе лошадей на ближайший четверг, то есть на завтра. Зося и Павел вслепую подсказывали, кто придет. Павел при этом открывал банку с кислой капустой, а Зося промывала грибки. Алиция заглянула в свою комнату, на секунду застыла в дверях, попятилась и внимательно нас оглядела, как бы удостоверения наши личности.

— По-моему, все на месте? Кто в таком случае, черт побери, спит в моей комнате?

В первое мгновение у меня мелькнула мысль, что в доме опять чужой покойник. Но тут я вспомнила про куклу. Зося, оказывается, уже успела коварно подложить ее в кровать Алиции.

— Осторожность так осторожность, — спокойно, но решительно сказала я. — Ты там спать не будешь. Спи в погребке, в ванной, где хочешь, но не у себя. Там будет спать имитация. Можешь ее пощупать, — добавила я любезно. — Неплохо получилось, а?

Алиция молча вернулась в комнату и критически оглядела свою заместительницу.

— Морда немного страшновата. Ты и вправду думаешь, что можно ошибиться?

— Ты же ошиблась. Не придирайся. Физиономия из туалетной бумаги не может быть чудом красоты. Если он и заметит подмену, вряд ли будет искать тебя по всему дому!

— Кроме того, ты с ней будешь меняться местами. Раз она там, а ты на диване, а другой раз — она на диване, а ты там.

— Но сегодня я там!

— Нет, сегодня она там, а ты тут. А завтра, может, наоборот.

Алиция не устояла перед коллективным нажимом и приготовила себе постель на диване. Зося и Павел пошли спать. Капуста воняла по всему дому. Чтобы проветрить, я приоткрыла дверь на террасу и увидела, что идет дождь. Приятно было сознавать, что Бобуся и Белой Глисты уже нет, и не надо бегать в ванную через сад.

— Слушай, ты не видела, куда я положила сигареты? — беспокойно спросила Алиция. — Мне казалось, что у меня еще целая пачка.

— Была. Ты ее открыла на моих глазах.

— А где я ее взяла?

— В сумке. Сразу после этого пришла Лириан.

Алиция вытрясла на стол содержимое сумки. Сигарет не было. Охваченная предчувствием, я взяла свою сумку и достала свои сигареты. Там были две последние.

— Когда закрывается киоск на вокзале? — забеспокоилась я.  
— В девять. Слушай, ты не видела, что я с ними сделала?  
У тебя сигареты есть?

— Две. Мне кажется, что твои лежали на столе, когда эта слониха собирала свои пожитки. Я ничего не имею в виду, но потом их уже не было.

Алиция взяла у меня сигарету.

— Фу, с фильтром, — буркнула она с отвращением. — Это вполне возможно. Лилиан очень рассеянна, могла запихнуть в сумку все, что было на столе, в том числе мои сигареты. Это уже не первый раз. Потом она спохватывается, извиняется и отдает.

— А у нее нельзя забрать сразу?

— Не хотелось бы. Она живет на другом конце Аллеред.

Я пожертвовала собой, взяла зонтик, надела старые резиновые сапоги и пошла к ближайшему автомату. В автомате не было ни моих «Лооков», ни ее «Викингов», поэтому я купила только десять штук тех единственных, которые без фильтра.

— Ты же куришь с фильтром? — удивилась Алиция.

— Зато ты предпочитаешь без фильтра. Я хорошо воспитана и решила сделать тебе приятное. Дождь не такой уж сильный, чуть капает. Ты не хочешь кофе?

— Знаешь, это мысль. Может, запах кофе забьет эту чертову капусту?..

За кофе мы наконец смогли спокойно поговорить. Алиция внимательно выслушала мои подозрения насчет таинственной организации.

— Теперь меня еще больше интересует, кто твой... — пробормотала она. — Что это, к дьяволу, за организация? Эва, помоему, отпадает, Рой — нуль, в Аниту не верю... Разве кто-то чужой? Прятался в кустах...

— И знает все твои привычки и особенности строения организма? Ты что, давала об этом объявление в прессе?

— Подожди, — прервала Алиция. — Забыла тебе сказать, что разговаривала с г-ном Мульгором. Убийца — большой талант, не оставляет никаких следов. И благодаря тому, что все делает только два раза, до сих пор не попался. У него, видимо, есть помощник с автомобилем. Сейчас увеличивают снимки, чтобы опознать кудлатого. Покажут всем нашим знакомым, но ни о какой организации разговора не было, ничего такого им в голову не приходит.

— Так пусть придет. Кто-то много ездит и не возбуждает подозрений... Алиция, ты должна что-то знать, ради бога, вспомни, что делала в последние пять лет! Где была, кого встречала, что подозрительного видела? Где ты вообще была?

— В Швейцарии, — ответила Алиция, — в Вене, в Париже, Флоренции, Монте-Карло, Амстердаме, Стокгольме. На севере Норвегии. В Варшаве.

Я недовольно посмотрела на нее:

— Много ездил и не возбуждаешь подозрений... Алиция, признайся, может, это все-таки ты?

— Сама задумываюсь. Самой большой глупостью было загу-

бить собственный автомобиль. Хорошо еще, что дом не пустила по ветру.

Все было без толку. Капуста воняла как сатана. Мы только начали входить в азарт, как опять кончились сигареты. Обыскали все, чтобы собрать следующие четыре кроны. На этот раз пожертвовать собой решила Алиция.

— А ты меня все интригуешь,— переобуваясь, сказала она.— Кто этот твой?

— Мой жизненный рекорд. Блондин, которого мне предсказали три гадалки. Я его придумала.

— Что сделала?

— Выдумала его. Эта странная история началась с того, что я поехала в лес за цветами.

Сгоравшая от любопытства Алиция задержалась в передней с зонтиком в руке.

— И там его встретила?

— Наоборот. Намертво забуксовала в таком болоте, что корову можно утопить...

— На кой черт заезжала в болото?!

— Не нарочно же! Болота совсем видно не было, все выглядело очень сухо и заманчиво.— Я замолчала и задумалась.— Нет, началось не с этого. Началось значительно раньше и совсем в другом месте. Давай, неси сигареты, и я расскажу.

Алиция вышла в мокрую темень совершенно заинтригованная и очень странно одетая. На ней были старые боты, какая-то замызганная, ни на что не похожая куртка, в руке — старый зонтик, из которого во все стороны торчали спицы. Я осталась, полная лирических воспоминаний, на фоне которых всплыли некоторые ассоциации, приведшие к тому, что я, как ошпаренная, вскочила и понеслась на улицу.

Осторожность!.. Крайняя осторожность!.. Предвидеть все!.. Что за кретинская мысль выпустить ее одну в эту тьму!!!

170  
Теряя на ходу тапочки, я бросилась через калитку на улицу. Далекие фонари слабо рассеивали мрак. На краю сада Алиции у самой лестницы стоял какой-то автомобиль. Возле него двигались черные силуэты. Один из них держал над головой что-то, похожее на старую метлу... Я открыла рот, чтобы крикнуть, но раздумала и в полной тишине с открытым ртом двинулась в сторону автомобиля. Вдруг заревел мотор, и машина отчалила от кустарника. На перекрестке осталась одинокая фигура со старой метлой в руках.

— Откуда ты взялась? — удивленно спросила Алиция, когда мы уже вошли в дом.— Выскочила, как чертик из табакерки!

— Внутренний голос позвал,— ответила я, вытирая мокрые тапочки туалетной бумагой.— Это же надо додуматься, чтобы в такой ситуации одной шлеться ночью по улице! Он упрямый, как дикий осел в капусте. Что это было?

Алиция в передней пыталась стряхнуть воду с зонтика.

— Сейчас мне кажется, что они хотели меня похитить или убить на месте, не знаю точно. Подъехали на машине... Смотри, опять оторвалось...

От возмущения я чуть не лопнула.

— Ради бога, оставь в покое зонтик, говори ясней. Откуда они взялись?

— Не знаю. Когда я возвращалась из автомата, машина уже стояла на перекрестке. Вышел какой-то тип, второй сидел за рулем. Тот, который вышел, хотел на меня наброситься, а потом ему как будто расхотелось.

— Интересно, почему? Ты ему не понравилась? Оказалась не в его вкусе?

Алиция, видимо, решила отложить починку зонтика, вынула из кармана сигареты и вдруг глупо расхохоталась.

— По-моему, произошла ошибка. По дороге я обдумывала покушения и как раз дошла до фру Хансен — мне пришло в голову, что раз он в нее стрелял, значит, она его видела...

— Ради бога, оставь в покое фру Хансен. Что было дальше?!

— Я тебе и рассказываю. Он выскочил и спрашивает: «Фру Хансен?». А я ему в ответ: «Что вы! Фру Хансен в больнице!» Он как будто обалдел: «В больнице? Фру Хансен?» «Да, в нее стреляли». Тут появилась ты, и он уехал. Уже тогда мне пришло в голову, что речь шла обо мне.

Я ошалело уставилась на нее.

— Ты бьешь все рекорды! Забыла, как тебя зовут?

— Вроде того, — смущенно признала Алиция. — Как-то не подумала, что это обо мне.

— Да уж, выглядишь так, что ошибиться немудрено. Ну и не везет этому бандиту! Других принимает за тебя, а тебя не узнает. Думаешь, он поверил, что опоздал и тебя успели прихлопнуть?

— Похоже на то. А потом ты пошла в атаку...

— Откуда он мог знать, что ты выйдешь? Дело к двенадцати, в это время обычно не выходят из дому! Догадался, что нам не хватит сигарет? Условился с Лилиан?

— С ума сошла! Я же должна была идти к Йенсу. Возможно, он ждал, когда я вернусь.

— Ага, и его смутило то, что ты выходишь из дома, а не входишь в него. Возможно. И если учесть, что вышла не ты, а какое-то замызганное неизвестно что... Откуда он знал, что тебе надо к Йенсу?

— Я же об этом говорила...

— Кому?!

Мы молча посмотрели друг на друга.

— Мы с ним договаривались по телефону, — неуверенно сказала Алиция.

— И кто это слышал? Говорили по-датски!

— Тут сидели мы, наш любимый г-н Мульгор и Анита. Анита понимает по-датски точно так же, как по-польски... А кто был у Йенса?

— Не знаю. Надо спросить...

— Кому ты еще об этом говорила?

— Господи, да все родственники знали! Подожди... Рой пришел сразу после этого... а если во время разговора сидел под окном и все слышал?..

— Опять Рой и Анита... Слушай, а если мы зря к ним

цепляемся? Если это кто-то из твоей здешней родни? Например, Йенс?.. Он много ездит и не возбуждает подозрений...

Алиция в ответ подняла руку, чтобы постучать пальцем по лбу, остановилась, посмотрела на меня и осуществила задуманное.

— Эдек кричал, что принимаю таких людей. Йенса при этом не было.

— Был накануне. Эдек спьяну мог перепутать. Кричал же «ему тоже скажу»...

Алиция задумчиво покачала головой:

— У меня такое впечатление, что мы где-то близко и никак не можем попасть. Теплее, еще теплее, горячо. Что-то меня грызет внутри, но не знаю что.

— Звони г-ну Мульгору. Пусть думает, он за это деньги получает. Может, найдут автомобиль. Может, они до сих пор делают снимки?..

Назавтра я собралась в Шарлоттенлуни и предупредила, что, возможно, не вернусь. Там я должна была встретиться с одной приятельницей и могла после бегов заночевать. Не люблю ночевать по чужим домам, но по опыту знаю: если мы разговоримся после трехлетнего перерыва, наверняка пропущу последний поезд. Но подруга на скачки не поехала.

В лошадей словно вселился какой-то бес: делали фальстарт за фальстартом, и каждый следующий заезд начинался все с большим опозданием. Последний был в половине одиннадцатого. Я выиграла в нем какую-то мелочь, и пришлось ждать выплаты. Потом медленно, чтобы не оступиться в темноте, пошла через черный лес и, конечно, упустила ближайший поезд на Копенгаген... В результате перед домом Алиции я оказалась ровно в полночь.

Тогда я и обнаружила, что забыла ключ в кармане плаща. Дом был темен и производил жутковатое впечатление.

Я постучала в дверь, сначала слегка, потом сильнее — без результата. Чтобы всех не перебудить, решила постучать в какое-нибудь окно. К окнам Зоси и Павла надо было пробираться через кусты и не стриженную с весны траву. Меня это мало прельщало. У Алиции окно было приоткрыто. Я сочла это за недопустимое легкомыслие и решила им воспользоваться, действуя по возможности тихо. Окно, на счастье, находилось очень низко.

Я отцепила крюк и подняла тяжелую раму. Перелезла через подоконник, одновременно думая, что среди всех потрясающих событий сама я не успела еще сделать ничего особенно глупого. Если убогое пропихивание в дом через окно будет моим единственным оригинальным поступком, значит, я уже совершенно опустилась.

Узкая юбка и высокие каблуки отнюдь не способствовали гимнастическим упражнениям. Я попыталась в темноте нащупать какую-нибудь опору внутри и наткнулась на стул, на который, видимо, было навалено немало барахла. Тяжелая, ничем не подпертая рама толкала меня сзади. Придерживая ее

локтем, заторопилась, зацепилась за что-то каблуком, успела подумать, что нужно было снять туфли, и отпустила раму. Рама дала мне сильного пинка, и я рухнула в комнату головой вперед.

Приземлилась во что-то мокрое, скользкое и липкое, что-то перевернулось рядом со мной, что-то свалилось мне на голову. Лежала и думала, что же это такое омерзительное, и каким чудом грохот не разбудил Алицию. Глаза уже немного привыкли к темноте, из окна падал слабый свет далекого фонаря, и, приглядевшись, я увидела у себя на юбке, на коленях и на руках темные пятна. Посмотрела на кровать Алиции. Там, на фоне тех же темных пятен, лежало что-то скрюченное.

Я почувствовала, что задыхаюсь, что меня душит этот молчаливый, вымерший дом...

Совершенно ополоумев, я попыталась трясущимися руками нащупать выключатель. Все выключатели как корова языком слизнула! Выскочила в переднюю, нажала на первую подвернувшуюся под руку кнопку. Зажегся свет. Пятна на моей юбке были цвета крови, руки — по локоть красные...

Сомнений не оставалось: в доме нет никого живого, была какая-то страшная бойня, в каждой комнате, наверное, трупы... Картина эта совершенно меня парализовала. Ничего не соображая, я ринулась в комнату Павла, которая была ближе всего, и зажгла свет. Павел дышал ровно и был как будто совершенно живой...

Наверное, я дернула его за плечо, возможно, за голову, очень может быть, что мой голос мало напоминал человеческий...

— Алиция!!! — хрипела я, охваченная безумием. — Ради бога!.. Павел!!! Помогите!!! Зося!!! Проснитесь, черт побери!! Алиция!..

Павел подскочил, ничего со сна не соображая, и начал что-то бормотать. Бросила его и ринулась в комнату Зоси. Та уже стояла в дверях.

— Помогите!! Алиция!!!

Зося посмотрела на меня, и ее крик в мгновение ока перерос все мои жалкие потуги.

— Все красное!.. — всхлипывая, вопила она. — Все красное!!! Все красное!..

— Алиция!.. — Я отчаянно пыталась увлечь ее за собой. Зося вырывалась всеми силами.

И тут в соседних дверях появилась совершенно живая Алиция. Я отпустила Зося и, чувствуя странную слабость в коленях, медленно опустилась по стене.

Удивление на лице Алиции сменилось ужасом. Со сдавленным криком она бросилась ко мне.

— Матка Боска, что случилось?! Зося!!! Павел!!!

— Все красное!!! — дико завывла Зося.

— Павел, воды!..

Весь дом словно обезумел. Зося вдруг пришла в себя и обрела силы, чтобы направить их против меня. Я ничего не понимала: все трое, как сумасшедшие, силой пытались уложить меня на диван, а я, в свою очередь, изо всех сил пыталась от них вырваться и выяснить, наконец, что за труп лежит в комнате

Алиции. Моя бешеная энергия убедила их, что я пока не собираюсь умирать.

— Что вы от меня хотите?! Отцепитесь!!! Что вам надо?!

— Жива! — облегченно выкрикивали обе. — Жива!..

Я поняла, что они рехнулись.

— Вы что, сдурели?! Почему мне не быть живой? Это не я, это Алиция! Это вообще какой-то чужой человек!..

— Жива!..

Через некоторое время мы начали чуть-чуть понимать друг друга.

— Что на вас напало? — уже тише спросила я. — Почему, сто чертей и одна ведьма, именно я должна умереть?!

— О боже! Она еще спрашивает! — возмутилась Зося.

— Посмотри на себя в зеркало, — посоветовала Алиция.

Я посмотрела и все поняла. Сама бы не узнала этого пугала, с ног до головы вымазанного чем-то темно-красным. Лицо выглядело совершенно асимметрично, ко лбу что-то прилепилось, и казалось, что череп расколот надвое. На первый взгляд мне срочно требовалась врачебная помощь.

— И вдобавок еще кричала «спасите», — недовольно продолжала Алиция. — Я вообще не понимала, каким чудом ты еще жива. Думала, что, может, умерла и ходишь по инерции!..

— Зато я не понимаю, почему ты жива, — обиделась я. — Что там в твоей комнате? Кто там лежит?

— А, ты была в моей комнате?.. Как я не догадалась! Никто там не лежит. Это ловушка свалилась.

— Что?

— Ловушка... Свалилась... — Теперь приступ истерического хохота начался у Павла.

— Ловушка!.. Сделали ловушку для преступника!.. Свалилась с полки!..

— Павел, сейчас же успокойся! — приказала Зося.

— Не могу... Чертовски хорошая ловушка!..

Мы зажгли в комнате Алиции свет, и я наконец смогла рассмотреть весь этот кошмар подробно. На постели и на полу было разлито море густой краски. По морю плавали черепки какой-то посуды, куски картона, останки упаковки от яиц и другой мусор. Именно в него я и влетела головой, а к моему лбу прилип остаток яичной тары.

— Да уж, — заметила я, — все красное. А это смывается?

— Надеюсь, — не слишком уверенно ответила Алиция. — Я еще не пробовала. Это свалилось, когда они уже легли, и мне не хотелось шуметь. Я тоже вляпалась. И ночная рубашка в этом, и халат... Никуда не положишь — все мажется. Засунула в кровать куклу, а сама ушла в последнюю комнату. Когда я увидела тебя, окровавленную, с разбитой головой, у меня совсем память отшибло.

— Ты совсем спятила, — расстроилась Зося. — Это же нужно смывать сразу. Когда высохнет, ее уже ничто не возьмет! Павел, собирай с пола! Возьми старые газеты и перестань смеяться, как дурак!

— Может, сначала попробуем отчистить Иоанну?..

Костюм и блузка на мне были старые, с их утратой я, пожалуй, могла бы смириться. Но с удовольствием убрала бы все красное с туфель, с рук и особенно с лица.

Уже через четверть часа мы поняли, что ни мыло, ни стиральный порошок, ни кипяток этой упорной краски не возьмут. От бензина же она просто размазывалась. Надежда оставалась только на растворитель для клея или чего-то в этом роде, который, по слухам, смывает все.

— Он стоит в шкафчике под потолком. Павел, влезь на что-нибудь! — скомандовала Алиция.

Павел взгромоздился на высокий кухонный столик. Зося пока ставила на мне опыты с помощью молока, спирта, лимонного сока и ацетона.

— По-моему, ты раньше сдерешь с меня кожу, а уж потом сойдет краска, — с сомнением сказала я. — Попробуй-ка лучше на туфлях!

— Что-то же должно на нее действовать, — пробормотала Зося с раздражением, стаскивая с меня вторую туфлю — первую уже держала в руках Алиция. Я тут же влезла чулком в близлежащее кровавое пятно.

— Ну вот, пожалуйста, — с удовлетворением заметил Павел. — Все красное!

— Перестань упражняться в колористике, открывай! — раздраженно сказала Алиция.

— Интересно, как? Тут не за что ухватиться.

Шкафчик находился под самым потолком, на его дверцах, очень плотно закрытых, не было никакой ручки, зато в узкой щели меж ними виднелся крохотный кусочек какого-то неопознанного предмета.

— С ним всегда что-то не так, — пожаловалась Алиция. — Имел привычку открываться самостоятельно, и мне пришлось прихлопнуть его посильней. Попробуй ухватить этот опметок.

— Маловат.

— Возьми клещи, — посоветовала я. — Зося, дай ему клещи.

— Поддень ножом или вилкой, — предложила Зося.

Стоя с задранными вверх головами, мы увлеченно давали ему советы. Зося, не выпуская из рук моей туфли, подавала инструменты. Орудия клещами и вилкой, Павел открыл шкафчик, захватив закопченный кусок бумаги.

Растворитель надежды оправдал. Краску он смывал запросто, правда, при этом адски вонял. Я тоже пропиталась насквозь этим ароматом.

— Алиция, ты не знаешь, это когда-нибудь выветрится?

— О, туфли отчистились! — радостно сказала Алиция. — Нет, это смердит месяцами. Потому я и держу его наверху. А ты что предпочитаешь: пахнуть или быть красной?

— Если в темноте, то, пожалуй, быть красной.

— Не расстраивайся, всегда успеешь покраситься заново... Зося, с одежды сходит?

— Да. Но на постель этого не хватит. Ну и вонь! Что там за гадость намешана? Аж в носу свербит!

Павел до сих пор торчал под потолком, разглядывая огрызок, который вытащил клещами.

— Слишком толсто сложено,— заметил он, кашлянул и чуть не свалился со столика.— Ну и запахок наверху!

— Закрывай скорей и слезай оттуда! — рассердилась Зося.— Нужно хотя бы пол отмыть, чтоб к нему не приклеиться. Еще Херберт завтра придет... Хватит отлынивать!

— Боже мой, Херберт! — перепугалась Алиция.— Черт с ними, с моей комнатой и постелью! Тут надо убирать!

Павел попробовал закрыть шкафчик, ничего не подкладывая, но через минуту дверцы уже широко распахнулись и вызывающе заскрипели.

— Воткни то, что там было, и не морочь голову,— сказала Алиция.— Если толсто, возьми половину.

Павел послушно развернул прокладку, но теперь оказалось слишком тонко. Попробовал сложить иначе.

— Не получается. Дайте другое... — Замолчал, вглядываясь в предмет, который держал в руках.— Алиция,— сказал он удивленно,— ты вообще знаешь, что это?

— Не знаю. Какая-то бумага. Возможно, кусок газеты.

— Это конверт. Слушай, это какое-то письмо. Тебе, заклеенное.

Алиция была занята наведением глянца на мою туфлю.

— Возможно. Оторви половину или сложи втрое... Делай, что хочешь, только закрой эти чертовы дверцы, чтоб они не скрипели над головой! Иоанна, тебе будет очень мешать, если возле подметки останется красное?

— Лишь бы не везде,— буркнула я и отобрала у Зоси кусок ваты.— Если позволишь, кожу с лица я уж сама себе сдеру...

— Алиция! — крикнул Павел.— Но это письмо тебе! Заклеенное!

До Алиции, наконец, дошло.

— Письмо мне? — удивилась она.— А что оно там делает? От кого?

— Не знаю. Здесь не написано.

— Ради бога, закрывай наконец и берись за дело! — раздраженно воскликнула Зося.

— А если нечем?

— О боже, влипла,— сказала Алиция.— Закрой письмом, какая разница, черт побери?... Слушай, юбка тебе уже вряд ли пригодится, разве что перекрасить ее в красную.

— Ага. И блузку. И жакет. Надо уж было за компанию и туфли оставить. Все красное так все красное! Как вам вообще это удалось?

— Это клей... — начала, Алиция.

— Я разлил перед порогом клей,— оживленно продолжал Павел, машинально воткнул письмо в дверцы, захлопнул их и слез со столика.— Чтобы оставались следы.

— Все время морочил голову с ловушкой,— перехватила инициативу Алиция,— и я вспомнила про краску. Попробуй раздеться и надеть халат... Нет, не выйдет, у тебя еще руки...

— И ноги,— заботливо добавила Зося.

— Конечно, если б их не было, было бы гораздо удобней,— желчно заметила я.

— Нужно было что-то яркое, чтобы убийца оставил четкие следы,— продолжал Павел.— И чтоб не смывалось...

— Это вам вполне удалось.

— Алиция смешала краску с клеем...

— Павел, бери и вытирай пол,— вмешалась Зося, всовывая ему в руку кусок ваты.— Не хватало еще, чтоб Хербертова аристократка тут приклеилась. Да не там! Здесь, в кухне! И в передней. И около входа. Везде, где ходила Иоанна.

— Черти ее по всему дому носили,— пробурчал Павел.

— Понимаешь,— продолжала Алиция,— отставила банку на полку, хотела добавить еще клея, но тут банка грохнулась... На кой черт ты лезла через окно?

— Чтоб не будить. Забыла ключи.

— Да, это у тебя неплохо получилось...

После часа каторжных усилий по дому можно было ходить. Свою загубленную одежду я бросила на постель Алиции.

— Какое счастье, что сумка мне мешала, и я ее бросила в кусты! Хоть что-то уцелело! В недобрый час придумала я все красное!..

Хлопоты, связанные с изысканным и одновременно свойским ужином, множились, как кролики по весне. Херберт с Анной-Лизой ожидалась в семь. Перед этим надо было закончить с бигосом и выветрить из дома запах капусты, с которым смешался пронизывающий аромат растворителя. Он смердел по всему дому: Алиция купила еще бутылку, чтобы дочистить диван, на который эти безумцы меня вчера завлекли, и дверь, на которую я неосторожно оперлась. Спасти благоухающий растворителем диван Зося пыталась с помощью спирта, духов и кофе.

— Ничего не помогает,— припохиваясь, сказала она.— Перебивает все.

— Как жаль, что нет клопов,— посетовал Павел.— Вымерли бы все, как один.

— Нужно что-то придумать. А то и впрямь похоже, что мы здесь морили тараканов. Нельзя так оставлять!

Подумав, я предложила воспользоваться луком. Или чесноком.

— Спятила, от лука вообще можно будет рехнуться! — запротестовала Зося.

— От чеснока — да. Но лук пахнет очень даже аппетитно. Сделаем салат из помидоров с луком. Пусть думают, что это от него.

— На диване будем пить кофе,— заметила Алиция.— Кофе с луком — превосходное сочетание!

В итоге наших совместных усилий диван мог смело конкурировать с наигрязнейшим восточным базаром, причем недавно пережившим дезинфекцию. Раскрыли все окна и двери, пытаюсь устроить сквозняк. Ко всем блюдам для убедительности

в изобилии добавили лук. Если бы он не кончился, Алиция, пожалуй, приправила бы им и мороженое.

Готовку завершили буквально в последнюю минуту. И тут выяснилось, что нам страшно повезло: у Херберта и Анны-Лизы был насморк! Сначала они, правда, слегка удивленно потягивали носами, но чуть позже вполне акклиматизировались.

Вечер протекал в приятной атмосфере. Гости впервые попробовали бигос и искренне его хвалили. Трудности возникли лишь под конец ужина. Из-за борьбы со зловонием мы не успели как следует подготовиться к следующему номеру программы. Кофе, пирожные, сливки, электрокофеварка, чашки и другие необходимые принадлежности все еще находились на кухне. Следовало как-то незаметно перенести их в комнату, но раздвинутый стол перекрыл прямое сообщение.

— Зося, кружным путем! — шепнула Алиция, одновременно поддакивая Херберту. — Через ванную!..

Зося свободным движением слегка задвинула занавеску, прикрыв от посторонних взоров глубину кухни, и пропала в дверях ванной с кофеваркой в руках. Я вступила в оживленную беседу по-французски с Анной-Лизой и попутно под столом лягнула Павла. Павел незаметно смьялся.

Алиция плела сети насчет наследства и, наконец, добилась своего: Херберт сам предложил свои услуги. Теперь можно было встать из-за стола и перейти в салон пить кофе.

— Пирог, шоколадки и все прочее каким путем? — нервно шепнула Зося, убирая посуду.

— Обычной изысканной дорогой. Через сортир, — ответила Алиция. — Стол сложим позже.

Запах кофе пикантно смешался с ужасающим зловонием, исходящим от дивана. Я уступила аристократку Зосе и прислушалась к разговору Херберта и Алиции.

— Родители разбирали мансарду, — сказал Херберт, — и нашли сверток с твоими вещами. Может, хочешь забрать? Такая небольшая пачка...

— Мои вещи? — удивилась Алиция. — Интересно, что это может быть? Возьму при случае.

Херберт покачал головой.

— Сейчас они в отъезде. Но я могу забрать ее. Мы же все равно встретимся с тобой в ближайшие дни...

Поздним вечером гости покинули дом, искренне поблагодарив за прием и кашляя на каждом втором слове.

Вонь в передней стояла невыносимая — Зося оставила за дверями бутылку с растворителем.

— Стоит ли это наследство таких хлопот? — с сомнением спросила я.

— Интересно, как это подействует на их насморк, — задумчиво сказал Павел. — Вылечит или наоборот?

— Возьми бутылку и поставь ее наверх, — потребовала Зося. — Пусть наконец перестанет тут вонять! Не будем сегодня ничего мыть.

Зазвонил телефон. Павел поднял трубку.

— Минуточку, Алиция, тебя господин Мульгор!

Г-н Мульгор, уведомленный о вчерашнем происшествии, рассказывал о своих изысканиях на эту тему.

— Толку — чуть, — сказала Алиция, положив трубку. — По-прежнему ничего неизвестно. Хотя иногда мне кажется, что он от нас что-то скрывает.

— Было бы странно, если б не скрывал, — заметила я. — Полиция для того и существует, чтоб наводить тень на плетень. А что говорил, кроме того, что скрывал?

— У Аниты на вчерашний вечер нет алиби. У Роя тоже. Йенс звонил не из дома, а от приятеля, у которого как раз в гостях сидел какой-то подозрительный иностранец. Полиция на него уже давно глаз положила. Почему — не сказал. Снимки сделали. Автомобиль — «мерседес», за рулем сидел некто в больших очках и шляпе, надвинутой на глаза. Спрашивал, не приходил ли счет за живую изгородь. Не было ничего такого?

Все согласились, что не было.

— Наверняка еще будет. Вроде бы придумали какие-то новые способы борьбы, и при следующей попытке убийца непременно будет пойман.

— Что, требуются добровольцы на роль жертвы? — язвительно поинтересовалась Зося.

Алиция вздохнула.

— Не знаю. Может, все-таки лучше найти письмо от Эдека?

— Кстати, — вспомнила Зося. — Павел, поставь бутылку на место!

Павел послушно взял бутылку и начал восхождение, но вдруг застыл на кухонном столике с поднятой ногой и с интересом посмотрел на Зося.

— Проассоциировалось с письмом наверху?

— С каким письмом?

— Шкафчик закрыт письмом. Я же говорил вам вчера!..

Мы туго уставились на него.

— Боже! — с ужасом простонала я. — Кто-то тебе помешал, держала письмо в руке и не знаешь, что с ним сделала! А шкафчик открывался самостоятельно!.. Павел!..

Павел был уже наверху. Мы наперебой совали ему разнообразные инструменты. Он выхватил прокладку клещами, чуть не сорвав дверцы с петель: Алиция вырвала у него из рук конверт.

— Да, — сказала она. — Господи ты боже мой!

То, что мы не задохнулись от нетерпения, пока она вскрывала конверт, было просто чудом. Эдек писал:

«...Есть одно такое дурацкое дело, о котором хочу тебе сообщить. Скоро приеду и расскажу подробности лично. Не раскрывай объятий каждому — не все люди порядочные. Случайно узнал, что одна особа, которая у тебя есть на фотографии с ее дня рождения, дурная для тебя компания. Ты показывала оттиски, когда была в Польше в последний раз. На двух снимках ты, она и большой зверь, а на третьем — только ты и она. Она тут встречается с одним типом, который не может показаться в Дании. Если раскроются их махинации, у тебя будут холерные неприятности. За ним уже следят, за ней еще нет, но никогда не известно... Вообще-то она свинья: надувает всех,

в том числе своего мужа, а мне это не нравится. Сообрази, кто это, и больше с ней не встречайся...»

— Далее идут поцелуи и всякое такое,— закончила чтение Алиция.

На минуту воцарилось молчание.

— Прочитай-ка еще раз,— мрачно потребовала Зося.

Алиция прочитала еще раз, опустила руку с письмом и посмотрела на нас.

— Я, она и большой зверь,— тупо повторила она.— Какой, к дьяволу, большой зверь?! Конь?.. Иоанна!

— Честное слово, у меня только один снимок, где я и конь,— быстро ответила я.— Мне было тогда девять лет, и я вообще тебя не знала!

— Что он, к чертовой бабушке, не мог сказать по-проще?!— разозлилась Зося.— Большой зверь на именинах, который совершает махинации с типом... Что из этого можно понять?!

— Нам оставлено поле для дедукции,— пояснил Павел.— Алиция, на чьих именинах ты была?

— На чьих только не была!— грустно сказала Алиция.— И почти всегда делали снимки. У нее есть муж... До чертовой матери баб, у которых есть мужья...

— Оттиски!— закричала я.— Показывала оттиски, значит, должны быть у тебя! Надо искать три снимка с одной и той же особой, чтобы на двух из них был зверь!

Алиция красноречиво посмотрела на низ стеллажа, где находились многочисленные коробки с фотографиями, пленками и слайдами. Когда-то это все было тщательно разложено и рассортировано, а потом вместе с магнитофоном рухнуло на голову г-ну Мульгору.

— Ну что ж, значит, на ближайшие трое суток работой мы обеспечены,— меланхолично констатировала Зося.— Приступим!

— Только наплюйте на коня. Не поддавайтесь внушению! Это может быть с таким же успехом верблюд, слон или корова... Ищите Алицию с бабой, а зверя отловим потом.

Когда начало светать, мы были по уши зарыты в снимки. Отдельной кучей лежали те, где находилась Алиция в женском или зверином обществе. Зверей в натуральном виде нашли немного, но каждый возбуждал наши подозрения. Некоторое время провели в раздумье над фотографией Алиции с ее приятельницей, француженкой Соланж— дамой преклонных лет с котом на коленях.

— Вполне могла показывать ее Эдеку. Но неужели он назвал это большим зверем?— засомневалась Алиция.

На двух других Алиция выступала в обществе Торстена, кормящего слона в копенгагенском зоопарке.

— Зверь есть,— заметила я.— И вполне подходит по размерам. Только у Торстена, к сожалению, нет мужа, чтоб его надуть.

На восходе солнца мы уже имели несколько подходящих комплектов. Там была Алиция с Эвой на фоне конной гвардии,

Алиция с Эльжбетой в обществе коровы. И, наконец Алиция с Анитой, расположившиеся в саду, в компании громадного пса.

— Все подходят,— мрачно констатировала Алиция.— Тут день рождения королевы, там — юбилей благодетелей, на последней — чествуем Хенрика. И кругом звери! Которая из них?

— Эльжбета отпадает,— рассудила я.— Она не замужем. Остаются Эва и Анита. То есть мы вернулись к исходной точке. Ищи дубли, ищи пленки!

— Спать не пойдем вообще? — робко спросила Алиция.

— Нет,— сказала Зося решительно.— Павел, ты уже не нужен, можешь идти, а я должна дойти до конца!

— Так дело не пойдет.— Павел душераздирающе зевнул.— Вместе так вместе!

Молча, одну за другой, проглядывали пленки. С фотографиями Алиция как раз обращалась на редкость аккуратно — это было ее единственное настоящее хобби. Она теряла все, что только можно, но никогда еще не потеряла ни одного негатива, карточки или пленки. Если бы не несчастный случай с г-ном Мульгором, нам бы хватило на поиски получаса.

— Есть! — наконец сказала Алиция.— Подходит.

— Есть! — одновременно сказала Зося, подсовывая под лампу другую пленку.

— Что у тебя?

— День рождения короля. Ты, Эва и лошади. Преимущественно задом. А у тебя?

— Анита с псом на именинах у Хенрика. На всех пленках я с ней только в трех кадрах, в том числе два — с псом. Проверьте у себя.

Проверили. На дне рождения короля Алиции, Эвы и коней было до черта. С Анитой же Алиция увековечилась только в трех экземплярах, и в двух случаях к ним примазался этот самый пес.

Мы тупо посмотрели друг на друга.

— Похоже, Эдек имел в виду Аниту,— произнес Павел.— Ну и что?

— Действительно,— недовольно заметила Зося.— Если Анита снималась с псом, это еще не доказывает, что она убийца.

— А где остальное? — заинтересовалась я.— Со всей пленки только один снимок. Где остальное?

— Давайте выпьем кофе,— предложила Алиция.— Не знаю, где остальное, сама удивляюсь. Может, после кофе что-нибудь прояснится?

Самое разумное, что нам пришло в голову,— это поговорить с г-ном Мульгором. Сами мы уже были ни на что не способны.

— Анита?.. — засомневалась Зося за второй чашкой кофе.— По-моему, безголовая психопатка, а вовсе не злодейка.

— Кроме того, я о ней ничего не знаю. Прочитала письмо, нашла ее на фотографии. И что?

— Можно ее спросить,— с готовностью предложила я.— Если это она, то должна знать.

Мое предложение никому не показалось странным. Никому

и в голову не пришло, что задавать вопросы подозреваемому в убийстве не лучший способ расследования.

— Анита? — безжалостно ворвалась я в ее сон. — Слушай, получается, что ты убийца. Что на это скажешь?

Анита отчаянно зевнула в трубку.

— Ну да? И как это у вас получилось?

— Очень сложным путем. Никто, кроме тебя, не подходит.

— Кроме меня, говоришь? Что, полиция уже едет?

— Пока нет. Не сообщили им, потому что не можем понять, зачем тебе убивать Алицию. Ты можешь это объяснить?

— А что, прямо сейчас? — Анита снова зевнула. — Если б вы подождали до утра, наверняка бы нашла несколько поводов. Может, у меня мания?

— Да нет, не похоже. Скорей, ты во что-то впуталась, только не знаем, во что. Чем тебе мешает Алиция?

Анита вдруг проснулась.

— Что-то новенькое случилось? Опять жертвы?

— Пока еще нет.

— Так чего ж вы не спите? Я думала: по крайней мере тройное убийство!..

— Вычисляем преступника и как раз дошли до тебя. Алиция говорит, что ничего такого о тебе не знает. Совершенно не можем тебя понять.

— Я сама себя иногда не понимаю. Не принимайте близко к сердцу, — утешила меня Анита. — Но вы меня заинтриговали, пожалуй, сегодня к вам приеду. Разреши только чуть-чуть поспать...

Алиция с Зосей неуверенно переглянулись.

— Не знаю, не бестактно ли обращаться к человеку с такими вопросами в семь утра...

— Звонить в семь утра — это не только бестактность, это просто свинство, — добавила Алиция. — Если не она, придется извиняться.

Я пересказала им наш разговор. Алиция в двадцатый раз перечитала письмо Эдека:

— Наверняка не она. Он тут ясно пишет, что должен быть снимок с ее дня рождения, а то был день рождения Хенрика. Зря ее разбудила.

— Тогда какого черта мы просидели целую ночь? — с горечью спросила Зося. — Я иду спать, а ты как хочешь. Можешь звонить этому полицейскому, пусть ему тоже будет плохо.

Я успела до перерыва сбегать на почту и выслать бестолково написанное письмо. Г-н Мульгор, весьма заинтересованный, приехал около часа. Получил письмо Эдека, фотографии Алиции с Анитой и псом, пленки, просмотрел все и погрузился в размышления.

— Я скажу много, — заявил он, когда мы уже совсем потеряли надежду. — Не мое это дело.

Замолчал и бросил на нас задумчивый взгляд.

— Это действительно много, — пробормотала Зося.

Г-н Мульгор устроился поудобней и печально вздохнул.

— Не мое это дело, — повторил он. — Мое дело есть убийца. Но

мои товарищи грызут другие дела. Они имели мужчину, давно, много лет назад. Мужчина пошел вон и никогда не возвращался. Делал подлую работу, изменял стране для...

Г-н Мульгор заколебался, умолк и внимательно на нас посмотрел. Мы ждали, сгорая от нетерпения.

— Это есть тайна,— предостерег он.

Мы хором поклялись, что никому не скажем.

— Подлая работа,— продолжал г-н Мульгор с отвращением,— для плохой особы в Греции. Наркомания.

— Ах!..— выдохнула Алиция, лучше всех сориентированная в больных вопросах Скандинавии.— Международная контрабанда наркотиками!

Г-н Мульгор энергично кивнул головой.

— Да. Они делают свинские вещи на весь свет. Мужчина имеет помощь. Какая-то особа напряглась для этого. Великое множество особ делает подлую работу. Но мужчина весьма важный есть. Информацию имеем на тему великого милования.

Это неожиданное сообщение нас совсем захватило врасплох.

— Великого что?

— Великого милования. Сантимента. Любить весьма, чрезвычайно.

— Ну, это уж не Анита! — выкрикнула потрясенная с ног до головы Алиция.— Это Эва!..

Г-н Мульгор посмотрел на нее, взял в руки лежащие на столике карточки с Эвой и конями, перечитал еще раз письмо Эдека и душераздирающе вздохнул.

— Нет. Джузеппе Грассани не мужчина. Мои товарищи видели его. Другой, не тот самый. Имеем мы слишком мало...

Забрал снимки, аккуратно сложил их вместе с пленками и письмом и добавил:

— Есть это повод для подозрения. Не наверняка. Доказательств не хватает. Мои товарищи обладают сообщениями, они знают особа убийцы кто есть. Я также знаю...

— Что вы сказали? — невежливо перебила Зося.— Вы знаете, кто убийца?

— Я знаю, да,— подтвердил г-н Мульгор.— Все мои товарищи знают. Хотя особа убийцы малозначащая есть.

— О господи! — вырвалось у Павла.

— Боже, смилуйся над нами! — застонала Зося.— Злодей, пытавшийся убить восемь человек...

— Девять,— поправил Павел.

— ...девять человек, не имеет значения?! Так что же тогда имеет значение?! О чем тут вообще разговор, кого ищут?! Должен убить девяносто девять?!

— Нету девяносто девять,— печально сказал г-н Мульгор.— Только пятьдесят восемь. Ужасно пострадавших. Особу знаем, доказательств нет...

— Как это пятьдесят восемь?..

Г-н Мульгор пошел на более подробные объяснения. Главной целью полиции было накрыть тайственную особу с черным типом, но для этого требовались доказательства их сообщничества. Преступника вычислили теоретически. Причем известно

было, что девять жертв в Аллеред и десятая на автостраде для него просто пара пустяков. За ним тянулся хвост' по крайней мере пятидесяти восьми преступных акций.

— Невозможно дело закончить,— пожаловался г-н Мульгор и указал пальцем на Алицию: — Пани что-то знает или что-то имеет! Память! Где она?

На этот вопрос было несколько вариантов ответа, но сомнительно, чтобы они удовлетворили г-на Мульгора. От всего этого мы так обалдели, что нам в голову не пришло спросить, кто убийца.

— Рехнуться можно! — гневно сказала Зося. — Бред какой-то. Мало что они там знают! Если у них нет доказательств, знают то же, что и мы. Анита и Эва. Мы никогда не отцепимся от одной из них?!

— Это есть наша цель и желание,— торжественно заявил г-н Мульгор.

— А через того типа? — поинтересовалась я. — Он не может нас на что-нибудь вывести?

— Неизвестно, встречался ли он с Эдеком в Варшаве? — потеряла терпение Зося. — Павел никого не узнал!

— Как мог узнать, если его тут нет? — возмутился Павел. — А может, есть какие-то снимки? У него такая характерная нижняя губа!

Г-н Мульгор грустно покачал головой и вздохнул.

— Не обладаем хорошей фотографией. Имеем крайнюю бедность. Таинственная особа украла.

— Ну, а если ты его узнаешь, что будет? — тревожно рассудила Алиция. — Это же не доказательство, что он связан с Эвой или Анитой.

— Что за великое милование? — мрачно поинтересовалась Зося. — Кого к кому?

— Особа имеет великое милование до мужчины,— пояснил г-н Мульгор.

— Значит, все-таки Эва,— решила Алиция. — Жалко, что Эве понадобилось меня убивать...

Наконец г-н Мульгор ушел, унося с собой пленки и письмо и оставив нас совершенно сбитыми с толку.

Во второй половине дня приехала Анита. Мы вспомнили, что о Греции г-н Мульгор сообщил нам строго конфиденциально. Поэтому рассказали Аните лишь о том, что нашлось письмо, и у нас остались на выбор только она и Эва.

— Когда же, наконец, вы выберете кого-нибудь из нас? — с любопытством спросила Анита.

— Не знаем. Даже если это ты, спи спокойно,— ни у кого нет никаких доказательств.

— А какие доказательства вам нужны? Может, я могу помочь?

— Ну, например, твое знакомство с тем типом, которого Эдек встретил в Варшаве. У тебя есть какие-нибудь снимки, где ты в его объятиях? Или любовные письма?

— К сожалению, нет. Но можно сделать фотомонтаж. У вас есть его карточка?

— Ни у кого нет...

— А вы этого типа знаете?

— Даже если знаем, то нам ничего об этом не известно.

— Жаль. Но если у вас снова возникнут вопросы, очень прошу, звоните в какое-нибудь другое время...

В понедельник Павла снова вызвали в полицию. Там он провел несколько часов, просматривая кипу портретов. Единственный снимок, на котором совершенно точно находился искомый индивидуум, представлял его сзади, в плаще и шляпе. Между шляпой и плащом виднелось ухо, увеличенное до слоновьих размеров. Его-то Павел и должен был опознать.

— Совсем спятили,— поделился возмущенный Павел.— Что я, специалист по ушам? Громадное, во всю стену, ни на что не похожее. Откуда я знаю, чье оно?

Во вторник поздним вечером появился загадочный г-н Мульгор и стал дожидаться Алицию, которая совещалась с Хербертом. Она приехала очень недовольная:

— Оказывается, не только у меня склероз, у Херберта тоже, хотя он гораздо моложе. Так было интересно, что в этой пачке, а оказалось, хербертовская жена увезла ее в автомобиле. Условились, что привезет завтра или послезавтра, если снова не забудет. Новости есть?

— Есть,— сказал г-н Мульгор.— Чужая особа стригла живую изгородь.

Он вытащил уже знакомую нам фотографию, сделанную в день нападения на Агнешку. Отдельные части снимка увеличены почти так же, как ухо, которое показывали Павлу.

— Какая-то мания с этим увеличением,— критически заметила Зося.

Мы внимательно осмотрели куски человека в рабочем комбинезоне. Кустистые брови, слегка затемненные очки и короткая борода. Лоб скрывал козырек шапки. Комбинезон производил впечатление местами чем-то набитого. Сабо были на исключительно толстой подошве. На одном фрагменте видна была только пятка, правда, не целиком, но в достаточной степени, чтобы понять, что на ней не мужской носок, а черные дамские колготки. На другом находилась часть горла, согласно нашей оценке, слишком изящная для мужчины. Все остальное было не настолько ясно, чтобы решить, какому полу принадлежит.

— Во всяком случае, одно известно наверняка,— удовлетворенно сказала Алиция.— Изгородь подстрижена, и счета мне не пришлют.

Я не переставала интенсивно размышлять. Убийца облюбовал Алицию и упорно пытается прикончить именно ее. Следовательно, она для него небезопасна. Но какую, черт побери, свинью Алиция может ему подложить? Когда г-н Мульгор ушел, я собрала всех и велела им думать.

— Письмо здесь ни при чем,— заявила Зося.— Оно нашлось, прочитано, и что с того? Ничего.

— Он же не знал, что Эдек там написал, мог бояться худшего,— заметила Алиция.

— Оставьте в покое письмо. Мы уже говорили, что после

смерти Алиции оно найдется скорей, чем при жизни. Должно быть что-то другое. Алиция, ты обязана знать черного типа!

— Мне потребовать, чтоб он представился?

— Дура. Я имею в виду прошлое. Ты его наверняка видела с Анитой или Эвой, только не можешь этого вспомнить. А убийца боится, что вспомнишь. Может, все-таки пороешься в памяти?

— Аниту видела я с ее первым мужем. Впрочем, ты тоже. Светлый блондин скандинавского типа. Мог перекараситься, но нос себе вряд ли изменил.

— Ты лучше вспомни что-нибудь пораньше...

— Секундочку,— задумчиво произнес Павел.— Может, он думал...

— Может, все-таки правильной говорить «она»,— предложила Зося.— Скажем прямо, на повестке дня у нас две бабы.

— Хорошо,— согласился Павел.— Может, она не знала, что Эдек ничего не успел сказать? Или думала, что он Алиции что-то привез, и это навеет какую-то мысль?

— Явно меня переоценили. Ничего мне не навеивает.

— Потому что Эдек ничего не привез...

— Привез. Водку...

— Водка тебе тоже ничего не навеивает?..

— Даже очень, но совсем на другие темы.

— Может, посмотрим еще раз снимки?— предложила я.— Какие-нибудь старые записи, календари или что-нибудь подобное... Старые письма, старые ботинки...

— Старые сумки, старые перчатки, старые шляпы...

— Перестаньте дурачиться, я серьезно!

— Из всего этого могу предложить только старые календари и шляпы,— меланхолично сказала Алиция.— Случайно знаю, где они лежат. Сомневаюсь, что это даст что-нибудь, но можем попробовать.

— Ты еще сохранила шляпы?— оживилась Зося.

— И они, к тому же, вполне доступны. Лежат в коробке, в погребке. Вынуждена была снять ее с антресолей, когда вытаскивала чемодан.

— Потрясающе! Покажи!

Мы охотно прервали наши изыскания. Шляпы у Алиции всегда были исключительные, она никогда ничего не выбрасывала, а, напротив, дополняла с помощью своей и чужой фантазии, и коллекция в конце концов собралась великолепная. Посмотреть ее удавалось редко: обычно шляпы находились в труднодоступном месте, и Алиции было лень их доставать.

Павел принес из погребка коробку необычных размеров, едва не застрявшую в дверях. Отталкивая друг друга, мы кинулись к зеркалу в передней, одержимые только одним желанием — мерить шляпы.

Анита вошла в ту минуту, когда мы уже успели принарядиться. У Зоси на голове была белая панاما с черной вуалью, у меня — мягкий берет из зеленого бархата с длинным пером, Алиция надела ярко-красную шляпу с ошеломительно большими полями. И Зося, и я по непонятным причинам выглядели, как прифрантившиеся коровы. Алиция же была прекрасна!

Анита окаменела на пороге, глаза ее засветились.

— Ну, знаешь! — вместо приветствия сказала она. — Должна ее носить!

— Должна ее носить! — присоединились мы хором. — Не смей снимать! Тебя узнать нельзя!

— И спать в ней?

— И спать! Купаться! Сидеть в конторе! Должна ее носить!

— Безусловно, должна ее носить! Посмотри в зеркало: это же не ты!

— Она ни к чему не подходит!

— А черное? А светлый беж?

— К гнилой зелени тоже подходит, теперь в моде смелые цветовые сочетания, — решительно вмешалась Анита. — Не гнви бога, такое не должно пропасть.

— Алиция, ты должна ее носить! Без этой шляпы я тебя и знать не хочу!

Охваченные безумием, мы дружно решили стоять насмерть. Алиция неуверенно поглядела в зеркало и начала ломаться.

— Буду себя по-дурачки чувствовать...

— Ты же ее носила!

— Но это было десять лет назад...

— Ну и что? Выглядишь в ней как раз на десять лет моложе!

— Даже на пятнадцать!..

— Выглядишь потрясающе! Теперь мода на все! Должна ее носить!

У Аниты разгорелись глаза. Она содрала с головы Алиции шляпу и быстро надела на себя, скривилась и напялила обратно Алиции, задом наперед. Выяснилось, что в таком виде Алиция еще прекраснее. Под влиянием коллективного нажима она почти сдалась.

— Подождите, чуть не забыла, зачем приехала, — сказала вдруг Анита. — Могла, конечно, и позвонить, но я все равно курсирую между Копенгагеном и Хиллеред, так что вы мне по дороге. Не оставляла ли я у вас зажималку?

— Не видели. Посмотри на всякий случай. Если забыла, то могли положить на полочку.

Анита посмотрела на полке под портретом прадедушки. Мы продолжали заниматься шляпами.

— Нет. Где же я могла ее оставить? Жалко, хранила как память, но ничего не поделаешь. Алиция, ты будешь носить эту шляпу или нет?

Алиция посмотрела на нас и, видимо, поняла, что отрицательный ответ ей может дорого стоить.

— Мегеры. Ну ладно...

— Не смей ее снимать!

После ухода Аниты Алиция послушно осталась в шляпе. Мы алчно продолжали рыться в коробке. Зося вытащила гранатово-белый ток.

— Помню его! — обрадовалась я. — Ты в нем первый раз ездила в Копенгаген!

— Во Флоренции я тоже его носила. Упал в фонтан. У меня даже снимок есть, как раз наклоняюсь...

Алиция замолчала и внимательно посмотрела на Зося. Зося бросила беспокойный взгляд в зеркало и на всякий случай сняла ток.

— Что случилось? Его нельзя мерить?..

Алиция задумчиво сдвинула шляпу на затылок, почесала голову.

— А где, интересно, у меня снимки из Флоренции? Не видели?

— Видели слайды.

— Нет. Слайды делались позже. А это обычные оттиски, и вроде еще были две пленки...

— Если ты даже снимки начинаешь терять...— Тут у меня что-то блеснуло.— Не об этих ли пленках было столько разговоров еще на площади Святой Анны? Должна была сделать оттиски и кому-то послать, но сначала задержали в проявке, а потом не могла решить, какие увеличивать...

— Было что-то такое... Это те? Не знаешь, что я с ними могла сделать?

— В Варшаве их не было,— решительно вмешалась Зося.— Так что ко мне не цепляйтесь. Никаких пленок из Флоренции ты в Варшаве не проявляла.

— И здесь их не было. У тебя карточки не лежат в другом месте?

— Нет. Куда же они могли подеваться?

— Насколько я понимаю, Херберт их возит в автомобиле,— ядовито ответила я.— Чтоб мне провалиться на месте, если это не та таинственная пачка.

— Очень может быть. Видимо, я хотела их увеличить, запаковала...

Зося решительным жестом поправила на ней шляпу. Мы услышали скрип калитки и шаги. Кто-то постучал в дверь. Открывать пошла я.

— Добрый вечер,— сказала Эльжбета.— Боже, какая шляпа!

Эльжбета не появлялась уже почти две недели, так что нам было о чем поговорить, но все ушло на задний план в присутствии больших красных полей. Теперь сногшибательную шляпу примерила Эльжбета. Оказалось, что ей она идет еще больше, чем Алиции.

— Ты ее будешь носить? — робко поинтересовалась Эльжбета.

— Сомневаюсь. Они ко мне привязываются, но я им, пожалуй, не поддаюсь. По-моему, ее должна носить ты.

Эльжбета из-под красных полей кинула на Алицию необычно сияющий взгляд. Что-то в этой шляпе было...

— Ты б ее мне не дала? Хотя бы на время!..

— Возьми насовсем. По крайней мере хоть эти мегеры перестанут ко мне цепляться. Выглядишь замечательно!

Чувство справедливости не позволило нам запротестовать. Шляпа была как будто создана для Эльжбеты!

Эльжбета, не отрывая глаз от зеркала, сообщила нам, что Казик наконец выходит из больницы и она сможет вернуться в Стокгольм. Есть какие-то вещи, которые кто-то должен у нее

взять, но его сейчас нет, поэтому не разрешит ли Алиция оставить эти мелочи у нее?

— Они большие? — спросила Алиция, наученная горьким опытом: нередко мелочь оказывалась узлом величиной со шкаф.

— Да нет. Поместятся в обычной хозяйственной сумке. Можешь поставить куда угодно. Хоть в погреб.

— Ну ладно, приноси.

Эльжбета предупредила, что занесет сумку завтра вечером, и ушла, забрав с собой шляпу и не спросив, хотя бы из вежливости, о наших уголовных делах... Мы вернулись к снимкам из Флоренции.

— Я все больше склоняюсь к тому, что Херберт возит в автомобиле именно снимки, — сказала я. — Может, заберем у него?

— Конечно! Мы с ним завтра встречаемся. Что я там еще могла оставить?

— Что ты еще такого можешь знать?.. Уберите же к дьяволу шляпы, с мыслями собраться невозможно! Алиция, пошевели мозгами, не встречала ли Эву или Аниту где-нибудь в Европе при подозрительных обстоятельствах? Не видела ли, как одна из них тайком отклеивает пакет, прилепленный в ресторане под столиком? Или крадется в маске в кабинет дипломата?..

— Что за бред ты несешь? — удивилась Зося, укладывая шляпы в коробку.

— Откуда я знаю, строю предположения! Пытаюсь найти, чем она может грозить убийце.

— Подожди, — вмешалась Алиция. — Пожалуй, что-то видела...

Она нахмурила брови и уставилась в пространство. Мы боялись шелохнуться, чтобы не спугнуть появившееся воспоминание.

— Ну, так что же ты видела? — не выдержала я.

— Не могу вспомнить, — с досадой ответила Алиция. — Мне кажется, Аниту, но где, когда и при каких обстоятельствах? Может быть, в Риме, может, в Париже, а возможно, еще где-нибудь. Встретила ее случайно и только раз... Когда ты несла эту чушь, что-то у меня такое блеснуло...

— Повтори эту ахинею еще раз, — потребовала Зося.

Я повторила, развив и дополнив. Алиция меланхолично вглядывалась в банку с солеными огурцами. Покачала головой и достала один.

— Нет, не вспоминается. Кажется, на какой-то почте, где кто-то из нас послал письмо. Но не уверена. Во всяком случае, маски на ней точно не было. И на четвереньках тоже не кралась. А вообще это могла быть почта в Копенгагене.

— У меня здоровья не хватает, — пожаловалась я, отказываясь от дальнейших поисков.

Половина следующего дня прошла спокойно. Под вечер Павел стриг остатки живой изгороди на дорожке со стороны улицы. Убийца прекрасно подстриг угол, но тропинкой пренебрег, и изгородь в этом месте шокировала глаз. Мы с Зосей на кухне обдумывали обед, когда Павел вдруг постучал в окно.

— Эй! Алиция идет!

— Так рано? — удивилась Зося. — У нее же свидание с Хербертом...

— Может, она забыла про сверток? — забеспокоилась я. — С ума от нее сойду!

— Обед! некогда думать — делаем рыбу! Ставь картошку на огонь!

Я успела прикрыть кастрюлю крышкой и зажечь газ, когда с улицы донесся пронзительный визг тормозов, крик Павла и рев мотора. Мороженая рыба, как птичка, вылетела у Зоси из рук.

Я выскочила из дома первая, решив, что, даже если она хлопнулась в обморок, откачивать ее буду потом. Резкое, как взрыв, хлопанье двери возвестило, что обморок она отложила.

В нескольких метрах от дорожки Павел склонился над кем-то скрюченным, как бы вдавленным в кусты соседской изгороди. Рядом валялась красная шляпа с большими полями. Мы еще не успели подойти, как Павел уже помогал Эльжбете подняться. Одежда на ней висела клочьями, она держалась за левый локоть и не могла стоять на правой ноге. При этом ей удалось не утратить обычного хладнокровия, хотя на лице читалось легкое удивление. Павел же был белее снега.

— Я видел! — дрожащим голосом сказал он, поддерживая Эльжбету под локоть. — Он даже не пытался притормозить!

— И как ей удалось уцелеть?!

— Извиняюсь, — кротко ответила Эльжбета. — Мне показалось, что в последний момент он передумал. Толкнул меня как-то боком. Секундочку... Кажется, ничего не сломано...

190 Попробовала встать на ногу и сделала несколько шагов, сильно хромая и опираясь на Павла.

— Мчался на страшной скорости и свернул прямо на нее! Я видел! — упорствовал Павел. — И удрал как свинья! Думал, что это Алиция!..

— Покажи ногу! — потребовала Зося. — А теперь локоть... Можешь идти? Просто чудо, что попала в эти мягкие кусты!

— Средней мягкости, — уточнила Эльжбета. — Я услышала рев мотора и обернулась, возможно, чуть-чуть отступила, поэтому он толкнул меня боком. Крылом или буфером, не знаю... Ага, вот тут еще что-то болит... Ой, подождите... Шляпа!

Я подняла шляпу, нашла в зарослях сумки — маленькую и хозяйственную.

— Опять красное! — сказала Зося, с ужасом глядя на шляпу. — Скоро возненавижу этот цвет. Выбрось эту гадость!

— Ну нет! — живо запротестовала Эльжбета. — Мало того, что я вся в синяках, так еще и шляпы лишиться?!

Часом позже, когда вернулась Алиция, Эльжбета уже сидела, заклеенная пластырем, перевязанная, с компрессом на ноге. Кое-где вспухло, местами посинело, но, в общем, все обошлось благополучно. Забытая картошка разварилась напрочь, в разбросанную по полу рыбу влез Павел. Обед надо было начинать с нуля.

— Значит, это Анита! — подытожила Алиция. — Все из-за этой проклятой шляпы. Кроме вас, только она меня в ней видела!

— А вот и нет!!! — каким-то склочным голосом заорала Зося из кухни и треснула по столу сковородкой.— Сейчас звонила Эва. Спятить можно! Спрашивала, ходит ли Алиция в той чудесной шляпе?! Ну?!

— Эва? — хором переспросили мы.

Оказалось, что Анита, выйдя от нас, на минутку заскочила к Эве в больницу и рассказала ей об Алициной шляпе, описав ее самым подробным образом.

— По-моему, они сговорились,— печально закончила Зося.

— За рулем сидел мужчина,— вмешалась Эльжбета.

— Что за мужчина? Ты его видела? Может, ты что-то помнишь?

— Конечно,— спокойно ответила Эльжбета.— Перчатки.

— Какие перчатки?

— Его. Держал руки на руле, и единственное, что мне бросилось в глаза,— это перчатки. Могу описать.

— Ну так опиши, ради бога! Наконец хоть что-то конкретное!

— Темно-темно-серые, даже маренго. Автомобильные, с такой дырой и маленькими дырочками рядом. Толстые швы, сшиты черной ниткой. Очень короткая манжета, застегнуты на черные пугови. Если понадобится, могу опознать пугови.

— Гениально! — восхитился Павел.

— Как это тебе удалось?

— Мне казалось, что на меня несутся перчатки, они так и врезались мне в глаза. Все время их вижу.

— Господин Мульгор! — Алиция сорвалась с места.— Немедленно господина Мульгора!..

Г-н Мульгор приехал с двумя специалистами, собрал информацию, осмотрел место происшествия, прикинул повреждения, нанесенные машине, покачал головой и уехал. И тут я вспомнила о загадочной пачке.

— Оставил ее в конторе,— безнадежно сказала Алиция.— Забрал из машины и оставил в конторе. А мне было лень заезжать к нему на службу. Тем более он сам спешил... Договорились на завтра.

— Я с вами совсем спячу,— сказала Зося.

Эльжбета после всего пережитого чувствовала себя плохо. Ходила с трудом, и мы решили оставить ее ночевать. Устроили на место Владека, Марианн, Агнешки и Бобуся, на кровати Алиции оставили куклу. Алиция же легла на диване. Старательно позакрывали все окна и двери и успокоились.

Я умылась, как обычно, последняя, погасила свет и собралась идти спать, но вдруг ужасно захотела чаю. Задвинула кухонную занавеску, чтобы свет не разбудил уже похрапывающую Алицию, и протянула руку к выключателю. Пытаясь его нащупать, влезла прямо в прибитую на стене банку с солью. Терпеть не могу, когда соль влезает под ногти, поэтому я резко выдернула руку, банка выскочила из подставки и полетела на пол, зацепив по дороге сковородку.

Через минуту все, кроме Эльжбеты, были тут как тут. А я, устранив препятствие в виде соли, наконец зажгла свет.

— Господи, да что же это такое! — стонала Зося, хватаясь за

голову и сгибаясь, как сломанная лилия, над кухонной плитой.

— Хочешь нас совсем прикончить? — спросила Алиция зловеще. — Что ты, к чертям собачьим, вытворяешь?!

— Просто мне захотелось чаю, — сокрушенно ответила я. — Идите к черту, сама здесь уберу. Идиотское место для соли.

Подмела соль, убрала, налила себе чай и на пыпочках отправилась в ателье, проверив по дороге, дышат ли Алиция и Эльжбета. Все было в порядке.

Едва заснула, как раздался ужасный шум. Пронзительный звон, лязг, треск выбиваемого стекла — все это гремело за стеной, в комнате Зоси. Вскочила с катафалка, рванула дверь, столкнулась в коридорчике с Алицией и Павлом и вместе с ними ринулась на таран Зосиной двери.

Зося, близкая к истерике, бешено пыталась выпутаться из чего-то невидимого. Ночник под потолком слабо освещал ее усилия.

— Жива! — констатировали мы с облегчением.

— К чертовой бабушке эту безопасность!

Подойдя ближе, мы увидели на полу перед кроватью огромную кучу битых бутылок, крышки от кастрюль и какие-то железные листы.

— Что ты с этим хотела сделать? — удивилась я. Зося мне всегда казалась нормальной.

— Ничего, холера этакая! Не нужно было будить меня этой дурацкой солью! Сама грохочешь, как слонопотам, и вот результат!

— Разбилось от грохота?

— Отцепись! Не могла заснуть, не умею спать с закрытым окном! Открыла и сделала сигнальное приспособление, чтоб никто не влез. Забыла, конечно, и влезла сама!

— Что сделала? — спросила заинтригованная Алиция. — Пыталась влезть через окно?

— Следующий отпуск проведу запертой в погребе! — пригрозила Зося. — Не брала ничего красного! Взяла только бутылки, обвязала вокруг ниткой и прикрепила к окну, а внизу положила все это, чтобы было больше шума. Если кто-то попытается открыть, бутылки полетят на пол... Захотелось пить, встала и запуталась в этой чертовой нитке! К дьяволу! — вдруг заорала она. — Идите отсюда!! Идите и охраняйте Эльжбету!!

Мы послушно пошли спать, по пути объяснив Эльжбете, в чем дело.

— Есть еще какие-нибудь сигнальные устройства? — поинтересовалась она. — Например, по дороге в ванную. Вдруг мне туда понадобится... Ничего не зазвенит, не загудит?

— Да нет, не думаю, — с отчаянием ответила Алиция. — Разве что они... Признайтесь, вы больше ничего не изобрели?

— Ничего, слово чести!

— Отстань, — буркнула я и ушла на катафалк.

Не прошло и пяти минут, как ужасный короткий крик заставил меня снова подскочить на постели. Мне послышался голос Алиции. Один короткий страшный крик и — тишина!

Чуть не вывихнула себе руку, нажимая на выключатель.



Диван был пуст! Алиции не было. В коридорчике услышала шум и голоса Павла и Зоси. Прежде чем я успела почувствовать глобость в коленках, Алиция уже появилась в дверях.

— Извините, ради бога!..— с безграничным раскаянием сказала она.— Я ошиблась...

Зося, пошатываясь, молча шарила рукой у себя за спиной. Павел заботливо посадил ее в кресло. Я уселась рядом.

— Ошиблась и, вместо того чтобы закрыть глаза и спать, открыла рот и начала орать?— кротко спросила я.

— Не совсем. Забыла, где сплю. Разговаривала перед этим с Эльжбетой, кстати, как она?..

— Благодарю, неплохо,— вежливо ответила Эльжбета.

— Ну и замечательно. Потом пошла в ванную, напилась воды и машинально отправилась к себе в комнату, села на кровать... И, вообразите себе, села на кого-то!..

— На куклу,— шепнула Зося.

— Ну да. Но я же забыла, что там спит это страшнелище! Представляете, каково это, когда человек садится на кого-то в своей собственной постели! Дурацкая затея с куклой! Может, я слегка и вскрикнула...

— Слегка!— возмущенно фыркнула Зося.

— Думал, что на этот раз тебя все-таки прикончили,— признался Павел.— Так еще никто не кричал.

— Никто не садился на куклу...

— Боже, что за кошмарная ночь!— простонала Зося.— Даю вам слово, что больше не вынесу! Алиция, делай, что хочешь: думай, ищи, вспоминай, что знаешь, забирай у Херберта пачку, в общем, лови преступницу, не то, клянусь тебе, я начну убивать!!!

— Не сегодня, прошу тебя,— умоляюще сказала Алиция.— Подожди до завтра. Позволь нам перед этим немножко поспать!

Алиция решила все-таки заполучить таинственный сверток. Снедаемый угрызениями совести, Херберт взял его и поехал к Алиции. Алиция же, потеряв терпение, отправилась к нему. Естественно, они разминулись по дороге. В это же время Алицию пытался поймать г-н Мульгор. Таким образом, все трое провели рабочий день, безрезультатно гоняясь друг за другом по городу. Наконец, Херберт встретил Алицию, подвез к дому и только в последнюю минуту вспомнил о причине всей этой суматохи.

С пачкой в руке Алиция триумфально вступила в дом.

— Вот! Если сейчас окажется, что там старые чулки...

В свертке находились карманный польско-итальянский словарь, старый календарик, одна всякая клипса из каких-то зеленых камней, очень оригинальная коробочка из керамической мозаики и пропавшие снимки из Флоренции. Две пленки и несколько фотографий.

— Выглядите, как голодные гены,— критически заметил Павел, глядя, как мы выхватываем друг у друга долгожданные фотографии.

— Есть!— радостно вскричала Алиция, просматривая пленку над лампой.— Вот тут как раз шляпа летит в фонтан!

В ту самую минуту в дверь постучали. Открыл Павел — мы были слишком заняты. Вместе с г-ном Мульгором приехал очень важный незнакомец. Согласно правилам хорошего тона, он был нам представлен, после чего они, уже пренебрегая всякими правилами хорошего тона, бросились на клипсу, как голодные шакалы на падаль. Комната слегка напоминала палату буйно помешанных, так как все пытались сразу выяснить все. Откуда снимки, откуда клипса, и что надо этому господину... Примерно через четверть часа удалось рассортировать вопросы по степени важности.

— В этом свертке вещи из Флоренции, — радостно делилась Алиция. — Клипсу нашла на почте, где встретила Аниту. Сейчас это отчетливо вспоминаю. Наступила на что-то и машинально подняла. Выбрасывать не стала — глупо же выбрасывать золото!

— Эй, — вмешался вооруженный лупой Павел. — Это, пожалуй, Анита!

На фотографии был запечатлен один из многочисленных прекрасных видов. В перспективе старой улицы виднелись дома. Дверь одного из них была полуоткрыта — кто-то выходил. Одна нога у выходящего уже на лестнице, голова чуть повернута назад. Все это было чрезвычайно миниатюрное и неясное, но тем не менее фигура в дверях весьма напоминала Аниту.

Мужчины бросились к пленкам, добываясь одновременно от Алиции точного времени, когда были сделаны снимки. Товарищ г-на Мульгора пылал, и Алиция решила вызвать из своей памяти все, что можно.

— Утром, — сказала она. — Вышли со Стефаном из отеля и по дороге, помню, фотографировали, а потом я пошла на почту. А вот еще снимок на почте. Видите, какой темный? Стефану приспичило проверить, выйдет ли в помещении. Этот я печатать не отдавала... А фонтан был тут же, около почты.

Г-н Мульгор энергично вскочил с кресла и несколько раз пожал ей руку.

— Теперь мы знаем все, — изрек он. — Имеем доказательства. Был разговор, пани знает. Он искал это!

— Что? — спросила сбитая с толку Алиция.

— Это, — повторил г-н Мульгор и указал поочередно на клипсу, календарик и снимки. — Это отыскивал. Пани очень мудрая. Очень благоразумно не укрыть это в доме.

— Как?! Так это все-таки Анита?!

Г-н Мульгор прочувствованно вздохнул:

— Да. Великая драма. Завтра прибуду. Остальное буду распознавать.

И г-н Мульгор с важным типом поспешно покинул дом, унося с собой снимки и клипсу. Мы продолжали тупо сидеть за столом.

— Я всегда знала, что я очень мудрая, — без особой уверенности произнесла Алиция.

— Невěřоятно, — шепнула Зося. — У нее железные нервы!

— Подходить-то она всегда подходила, — начал Павел.

— Совсем даже не подходит, — прервала его Алиция. — Большая любовь! Аните это совсем не идет.

— Зато стояла на тропинке. Знала, что стекло выбито. Алиция ей говорила, что возвращается домой, когда напали на Агнешку. Пряталась в передней, украла ключи... знала о шляпе!..

— Ну ладно, но любовь?!

Я не выдержала, бросилась к телефону и набрала номер Аниты. Г-н Мульгор ведь ничего не говорил о сохранении тайны!

— Слушай,— возмущенно сказала я,— значит, это все-таки ты! Ты что, на голову упала?!

— Вы уже знаете? — спокойно спросила Анита.— А я все надеялась, что Алиция не вспомнит... За мной следят, уже не могу сбежать. Черт бы вас всех побрал!

— Господи, но почему? Что тебе в голову стрельнуло?

— Для меня только одно важно на этом свете,— холодно и решительно сказала Анита.— Только одно! Плевать мне на все! И тебя могла убить, если б понадобилось. И надо было, ты одна знаешь... Говорила тебе когда-то... Да ладно, пусть все катится к чертям...

Я медленно положила трубку и попыталась прийти в себя. На меня напряженно смотрели три пары глаз.

— Нервы у нее пошаливают,— неуверенно резюмировала я.— Сидит дома, зажата со всех сторон, кажется, начала плакать...

— Отчаялась,— подтвердила Алиция.— Я подозревала, что она с приветом, но не до такой же степени! Что на нее напало?

Разоблачение преступницы, столько лет находившейся с нами в дружеских отношениях, подействовало на нас не лучшим образом. Выйти из этого состояния помог г-н Мульгор. Он приехал с цветами, всем поочередно пожал руку и разложил на столе более двадцати фотографий мужчин на все вкусы.

— Есть!!! — с триумфом воскликнул Павел.— Вот он!

— Но я его знаю! — удивилась Алиция и выхватила у него из рук фотографию черноволосого красавца (такой тип мне всегда был отвратителен!).— С этим греком я познакомилась много лет назад в Вене, а потом встретила его там, во Флоренции...

— Зачем же вы говорили, что у вас нет снимка, и заставили опознавать это дурацкое ухо? — обиделся Павел.

— Не было,— таинственно ответил г-н Мульгор.— Сегодня утром портрет прибыл фототелеграфом из Варшавы. Никакая особа не знает, от кого и по какой причине.

Он предложил нам для просмотра следующий комплект карточек — увеличенные фрагменты пленок Алиции.

— Это осмотреть прошу. Очень внимательно.

— Вот видишь, как просто все отпечатать и увеличить,— зло сказала я Алиции.— А ты столько лет тянула да еще гоняла с этим Херберта.

— Отвяжись!

На трех снимках была ясно видна Анита. На одном — в ее ухе торчала натуральной величины клипса, такая же, какая была в свертке Алиции. На двух других она была вместе с черным типом: в одном случае на первом плане оказался фонтан, в другом просматривалась, хоть и неясно, необычно захватывающая

сцена внутри почты. Анита оглядывалась назад, а черный тип закрывал абонемента почтовый ящик, номер которого также можно было прочесть. Г-н Мульгор постучал по нему пальцем.

— Долгие годы,— изрек он,— множество лет тайные места многие особы отыскивали. Ни одна не нашла. Сегодня тайна стоит открытая. Там же — невыразимо полезный документ.

— Зря она не прищипнула Стефана, хотя бы из мести,— заметила Зося.— Это он всему виной.

Г-н Мульгор показал пальцем на клипсу.

— Оного дня в том доме было преступление. Украшение найдено также. Другое украшение тут.

— Просто удивительно, что все подозрения не пали на меня,— пробормотала Алиция.

— Этот,— продолжал г-н Мульгор,— очень важная особа для подлой работы. Та дама работает сообща. Пани знает!

— Видела их вместе,— призналась Алиция,— во Флоренции и в Риме. Перед этим она как раз полгода была в Израиле...

— Нет,— прервал г-н Мульгор,— в Греции.

— В Греции? Говорила, что в Израиле... Когда на меня наткнулась, просила, чтоб никому об этом не рассказывала: мол, ей это может повредить по службе.

— Не понимаю двух вещей,— вмешалась Зося.— Во-первых, откуда об этом знал Эдек, и, во-вторых, почему она сотрудничала с этим типом. На кой черт ей торговля наркотиками?

— Великое милование,— грустно объяснил г-н Мульгор.— Дама чувствует великую любовь до грека.

— Анита?! Невероятно!

— Свихнулись все с этими великими любовями! — рассердилась Алиция.— Эва с Роем устраивают драмы, Анита от любви готова всех убить... Ты от любви приезжаешь не тогда, когда нужно... Эпидемия, что ли?!

Я меланхолично покачала головой:

— Я же говорила тебе, что ты не по-людски рационально устроена. Не понимаешь самых простых вещей: как назло, Хенрик, первый муж, был блондином, а у нее всегда был бзик на почве брюнетов... Когда ей попался брюнет, вцепилась в него намертво. Кроме того, неизвестно, добровольно ли она этим занималась.

— Известно,— уточнил г-н Мульгор.— Требования огромные учинял. Великие деньги делал. Весьма богатый есть. Обладает одним потомком. Дама произвела на свет.

Казалось, нас ничего уже не могло удивить, но г-н Мульгор, видно, обладал особым талантом. Сраженные последним сообщением, мы дружно вытаращили на него глаза. Анита призналась во всем. Мотивы преступлений в Аллеред медленно вырисовывались.

Я вспомнила многочисленные разговоры с Анитой, какие-то ее намеки, воспоминания, в свое время удивлявшие меня. Из всего этого вытекало, что существовали в ее жизни какие-то отношения, не вполне взаимные и чрезвычайно сложные.

С помощью г-на Мульгора мы кое-как воссоздали события.

Захваченная страстью, Анита согласилась на сотрудничество.

Чтобы получить датское гражданство, вышла замуж за Хенрика. Стала представлять для грека некоторую ценность с тех пор, как часть Европы закрыла перед ним свои границы. Часто ездила в командировки, общалась со множеством людей, перевозила ценнейшую контрабанду, не возбуждая никаких подозрений... И все время боялась, что он ее бросит. Надеясь связать его, родила сына, просидев семь месяцев в Греции. Отказалась от сына, отдав его на воспитание греческой бабке, и продолжала участвовать в преступных акциях. Тип был беспощаден и требователен. Она лезла вон из кожи, чтобы удовлетворить все его желания, но панически боялась утратить мужа и службу, понимая, что в тот же миг потеряет и возлюбленного. Всячески угождала Хенрику и напропалую его обманывала. Одно дурацкое высказывание пьяного Эдека могло свести на нет все ее планы и намерения.

— Обезумела,— грустно констатировала я.

— Для этого надо иметь соответствующий характер,— заметила Зося.— Мне она всегда казалась эгоисткой. Захотела иметь этого брюнета, а на остальное ей наплевать. Хладнокровно могла переубивать пол-Европы!

— Ну да,— согласилась Алиция.— Сломалась, когда поняла, что ее красавца черти взяли. Уж он ни в чем не признается, это точно.

— Стоп,— вмешался Павел.— Анита Анитой, но ведь был еще мужчина! Тот, который переехал Эльзбету.

— А! — сказал г-н Мульгор и вытащил из саквояжа небольшой пакет.— Эпидемия царит на память. Переехавшая дама должна узнать. Все особы, прошу свидетелями!

Ни минуты не колеблясь, Эльзбета из десяти продемонстрированных ей перчаток выбрала одну. Г-н Мульгор кивнул.

— Согласуется. Есть то сотрудник малая мошка.

— Какая еще мошка?

— Медкая сошка,— шепотом пояснила Алиция.

— Особа для подлой помощи. Владеем им. Пойман.

— А! Такой второстепенный помощник для мокрых дел?

После некоторого размышления г-н Мульгор согласился с этим определением. Сообщил также, что Анита отправлена на психиатрическую экспертизу, после чего один человек может с ней увидеться.

— Иоанна, иди ты! — сказали Зося и Алиция.— Может, хоть от нее узнаешь, при чем здесь Эдек?

Вскоре свидание было разрешено.

Анита, уже пришедшая в себя после нервного шока, немедленно развеяла мое мрачное настроение.

— Какие вы глухие! — беззаботно заявила она.— Я же ничего не имею против Алиции, наоборот, очень ее люблю. Вовсе не хотела ее убивать.

Я вытаращила глаза.

— Так что, ты просто хотела ей сделать приятное, убирая из ее дома излишек гостей?!

— Ну, это-то мне как раз удалось, а? Но не об этом речь. Я не хотела, но должна была ее убить,— она тяжело вздохнула.—

Алиция встретила меня во Флоренции и сделала там свои idiotские снимки... Я знала, что на них виден Андреа...

— Какой еще, к чертовой матери, Андреа?!

— Мой... Его зовут Андреа. Это единственные фотографии, на которых он со мной, я просто обязана была их раздобыть. У местной полиции я тоже их украла, но с полицией было проще, у них все содержится в полном порядке. У Алиции же черт ногу сломит. А я так боялась, что она сама наткнется на снимки и вспомнит... Ты не представляешь, сколько у меня было хлопот, чтоб никому другому не причинить вреда!

— Но Эдек...— я прикусила язык, не зная, не бестактность ли это.

Анита снова вздохнула.

— С Эдеком я действительно потеряла голову. Хотела его попросту утихомирить. Пожалуй, у меня это слишком хорошо получилось. Ну, теперь ты видишь, что я сумасшедшая? — неожиданно подвела она итог беседы.— Уверю тебя, что потеряла рассудок навсегда. Ничего они мне не сделают...

Да, это имело смысл. Датское правосудие считает безумцем каждого преступника и гораздо охотней отправляет на лечение, чем в тюрьму. Я и сама, вероятно, заподозрила бы ее в сумасшествии, если бы не эта безошибочная линия обороны.

Анита задумалась на секунду и добавила:

— Ну ладно, все равно все пропало, сделай милость, скажи хоть теперь, где она это прятала?

— В мансарде на площади Святой Анны. Она совсем об этом забыла, и если бы не Херберт и не ремонт мансарды...

— Если бы я знала, что это на площади Святой Анны... От Алиции действительно можно всего ожидать!..

Двумя днями позже пришло письмо от двоюродной сестры Эдека, его единственной наследницы. В письме находился другой конверт и записка, что она нашла это в старом пиджаке Эдека и решила отослать согласно воле покойного.

Конверт был воплощением крайней степени нищеты и отчаяния. На нем живописно смешались разноцветные пятна, в которых мы угадали сладкую вишневку, немного кофейной гущи и уксус от селедки. Письмо, находившееся внутри, выглядело не лучше.

— Должно быть, был страшно пьян,— заботливо сказала Алиция,— ничего не разберешь.

Каракули завивались клубком, залезали друг на друга, места были размазаны. Пожалуй, над ними пришлось бы попотеть и квалифицированному специалисту. Мы напрягли все наши умственные способности, и в конце концов нам удалось узнать: Эдек встретил своего старого знакомого с послевоенных времен; за две недели, в течение которых они обмывали эту неожиданную радость, успел заподозрить его в шпионской деятельности, так как раньше тот носил другую фамилию, узнать, что его приятель имеет ключ от варшавской холостяцкой квартиры Аниты и выслушать весьма циничные признания на тему влюбленных женщин. Нечаянный товарищ не скрывал, что на чув-

ства своей дамы не отвечает взаимностью, использует ее как орудие в своих рискованных делах и бросит тотчас, как она перестанет быть ему полезна. Про свою работу ничего подробно не рассказывал, но и подозрений в шпионаже не отвергал. Часть письма содержала угрозы совести и сомнения, по отношению к кому он должен сохранять лояльность: к Алиции, которой грозит опасность, или к приятелю, которому ничего не грозит в случае прекращения отношений между Алицией и подозрительной особой.

— Наверное, написал это, надравшись, засунул конверт в карман и забыл о нем. А потом написал второй раз, уже трезвый.

— Значит, Анита была права, боясь, что ее в любой момент могут бросить. Исключительно антипатичная личность.

— Странно, что он так разоткровенничался перед Эдеком. Какой-то придурок, — высказала свое мнение Зося.

— Он же не мог предполагать, что Эдек знает Аниту, а о моем существовании ему тогда вообще не было известно, — пояснила Алиция.

— Что-то мне становится жаль Аниту, хотя она, конечно, жалости не заслуживает...

Жизнь шла своим чередом. Зашла попрощаться почти уже переставшая хромать Эльжбета. Сразу же после нее появился выпущенный из больницы Торстен. Повеселевшая Эва сообщила по телефону, что скоро увидимся. Остальные жертвы неудавшихся покушений также стояли на пороге выздоровления. Начало охватывать давно забытое чувство беззаботности, события последних недель казались кошмарным сном...

— Ну, мои дорогие, — сказала Алиция, — по-моему, пришла пора открыть «Наполеон». Белая Глиста и Бобусь, надеюсь, уехали навсегда, Эва жива и невиновна, тетя не имеет претензий, а за машину возвращают полную стоимость. Лучше не будет!

Мы дружно согласились.

— С трупами покончено! — с безграничным облегчением вздохнула Зося. — Какая благодать!

Полные сантиментов, мы все столпились у кухонного стола. Алиция сварила великолепный кофе, и я еще раз во всех подробностях рассказала о свидании с Анитой.

— Просила передать тебе, что изгородь была в ужасающем состоянии... — вспомнила я. — А главное вот что: она видела, как ты нашла клипсу, и знала, где потеряла вторую. С тех пор уже не могла жить спокойно, все время ждала разоблачения.

— Это она клипсу искала?

Я выпила немного коньяка, прежде чем ответить, и в тишине — все напряженно ждали продолжения — услышала какой-то негромкий звук. Как будто что-то капнуло.

— И клипсу тоже. И снимки из Флоренции. Знала, что Алиция без них ничего не вспомнит.

Кап...

— Но зачем ей было меня убивать? — рассеянно поинтересовалась Алиция, навострив уши.

— Ты единственная видела их вместе...

Кап...

— Что-то течет,— сказала Зося.— Павел, закрути кран.

— Он закручен.

Кап...

Все замолчали.

Кап...

— Где это капает?— забеспокоилась Алиция.— В ванной?

Кап...

— Нет, скорее в уборной.

Кап... кап... кап...

Темп резко возрос. Несколько минут мы молча смотрели друг на друга и пытались локализовать звук.

Кап... кап... кап...

Павел поднялся и заглянул в приоткрытые двери коридорчика.

— Это здесь,— сказал он, зажег свет. И замер.

Мы привычно вскочили с мест.

С антресолей струилась густая темно-красная жидкость. На полу расплывалась все увеличивающаяся лужа. Стены были все в красных брызгах...

— Нет!!! — зазвучал ужасный крик Зоси.— Ради бога, нет!!! Все уже кончилось!..

— Анита же арестована! — шепнула Алиция.

Первой пришла в себя Эльжбета.

— Боюсь, что придется туда залезть. Или предпочитаете подождать полицию?

— Боже?! Кто же на этот раз?!

— Сам туда влез или его запихнули?..

— Все возможно. Пожалуй, пора звонить в полицию...

Г-на Мульгора не было дома, не было на службе и вообще не было нигде. Посоветовавшись, решились посмотреть сами.

Пытаясь сдержать отвращение, Алиция обогнула лужу и поставила стремянку. На нее добровольно взобрался Торстен — наиболее из нас крепкий в психическом отношении. Осторожно откинул крышку, держа в другой руке фонарь, и заглянул.

Сверху на нас полился темно-красный дождь. Мы дружно вздрогнули от отвращения.

— За сундуком,— гробовым голосом сказал Торстен. Он вручил Павлу фонарик, жестом приказав светить вглубь. Перегнулся по пояс в недра антресолей и с усилием что-то передвинул.

— Не знаю, что это,— сказал он, слезая.— Но, по-моему, Алиция, это что-то твое. Уже все вытекло, взгляни сама.

— Господи!— странно оживилась Алиция и быстро полезла по стремянке.— Ну, конечно, весь вишневым сок вытек к чертовой бабушке! Наверное, банка лопнула, когда запихивала сундук!

Похоже было, что Зося организует нам новый труп, на этот раз Алиции. К счастью, она быстро обессилела.

— Больше у тебя ничего нет? Какого-нибудь другого цвета? Зеленого? Фиолетового? Голубого?.. Я уже не могу видеть красное!.. Подумать только, Дания считается спокойной страной!

Даже скучной! И я приехала провести отпуск в спокойной стране!..

Уже на вокзале, провожая нас, Алиция вспомнила еще об одном, невыясненном вопросе.

— Слушай, откуда они, собственно говоря, взяли тот снимок?

— Который?

— Ну этого, Анитинога хахаля...

Не зря же я последнее письмо в Польшу выслала «авиа»... Но не имела теперь ни малейшей охоты это объяснять — сначала мне нужно было повидаться с блондином моей жизни. Я занесла ногу на ступень вагона. Зося и Павел уже были внутри.

— Ты же слышала: получили его из Польши этим научным методом, когда, знаешь, точки бегут...

— Ты меня точками не морочь. Кто его прислал? Никого ведь ни о чем не просили. Что там, в Польше, образовался коллектив ясновидцев?

Я поставила на ступень вторую ногу.

— Просто, наверное, это у них случайно оказалось, и они подумали: вдруг здесь пригодится?

— Ты, кажется, письма писала? О том, что здесь делается?

— Писала, ну и что?

Алиция посмотрела на меня внимательно, и мне показалось, что так легко ее не проведешь.

— Ну-ка, говори, кто этот твой?..

— Такая ты умная, как не знаю что, — недовольно сказала я. — А когда убийцу надо было вычислять, ты где была?

— Не вливай. Кто он?

— Один такой...

— Это он выслал снимок, да? И интересовался Эдеком? Ему нужно было имя этого бандита, а?

— Предположим. Ну и что?

— Так кто же он, черт побери? Во что ты на этот раз впуталась?

И тут, к счастью, поезд тронулся.

— Ни во что не впуталась! — закричала я, высовываясь из окна. — Это совсем другая история, продолжение которой вот-вот наступит! А что было раньше, я тебе при случае обязательно расскажу!

Кондуктор захлопнул двери вагона.

## АНОНС

### УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В следующем, 1991, году мы продолжим публикацию лучших зарубежных детективов. В портфеле редакции — произведения Поля Андроэта, Буало-Нарсежака, Грегори Макдональда, Дерека Марлоу, Жака Рея, Жака Робера, Раймонда Чандлера, Джеймса Чейза и других популярных авторов детективного жанра.

# ПЯТЬДЕСЯТ НА ПЯТЬДЕСЯТ

Итак, после длительного перерыва ставшая теперь уже популярной телепрограмма «50×50» нашего журнала вновь выходит в эфир. И мы вновь приглашаем читателей принять участие в оценке мастерства молодых исполнителей. Первый выпуск программы проходил в Таллинне, в нем приняли участие следующие дебютанты:

артистич- ность	исполни- тельное мастерство (вокал)	само- бытность	репертуар
--------------------	--	-------------------	-----------

Инна Желанная  
Ирина Кайдашева  
Группа  
«Старшая сестра»  
Группа «Чад»  
Группа  
«Страна чудес»

Как видите, критерии оценки не изменились. Не изменен и высший балл — 5. Оцениваются все без исключения исполнители, названные в талоне-отклике.

203

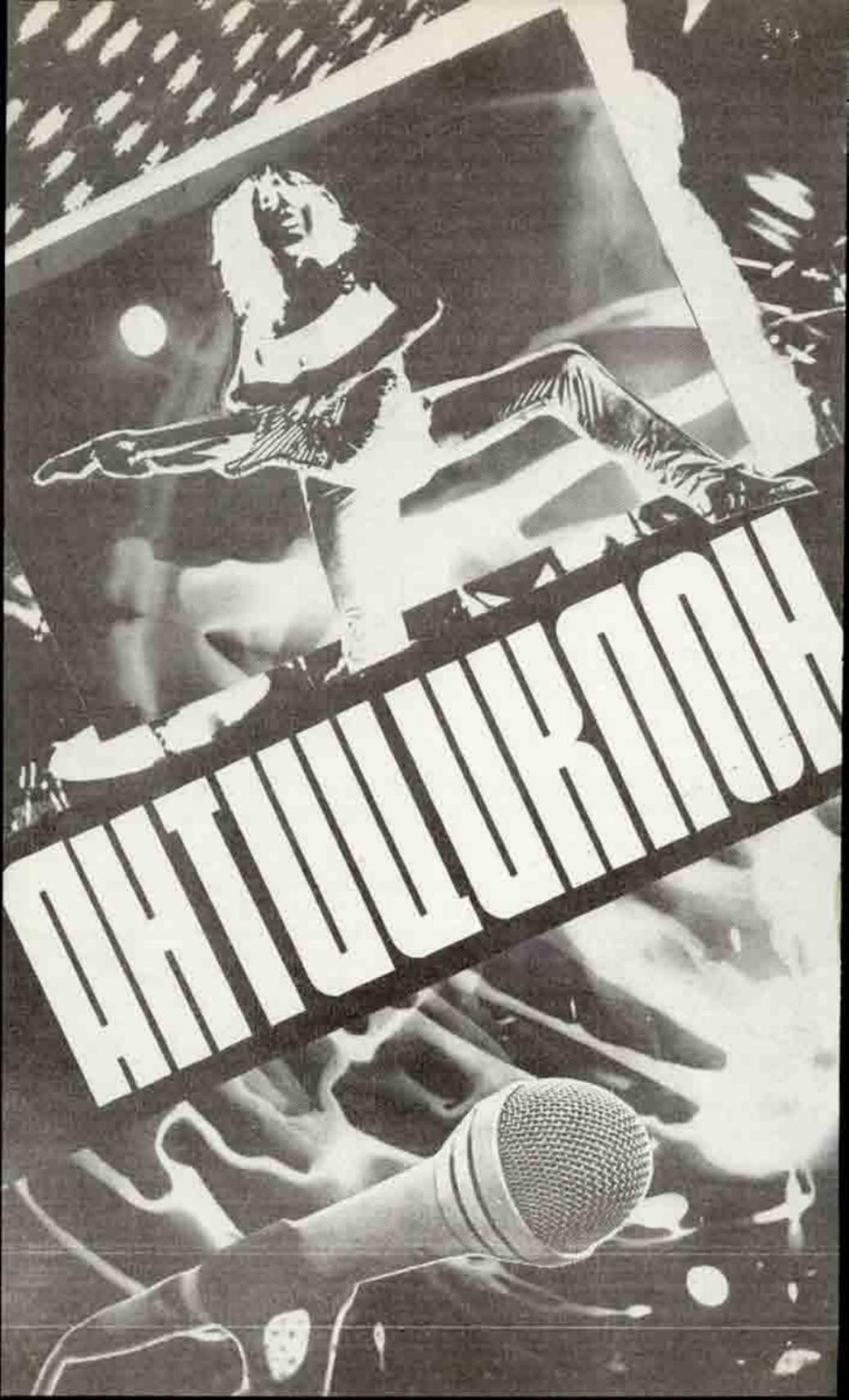
2. Кого из перечисленных исполнителей вы хотели бы видеть в финальной передаче 1990 года?

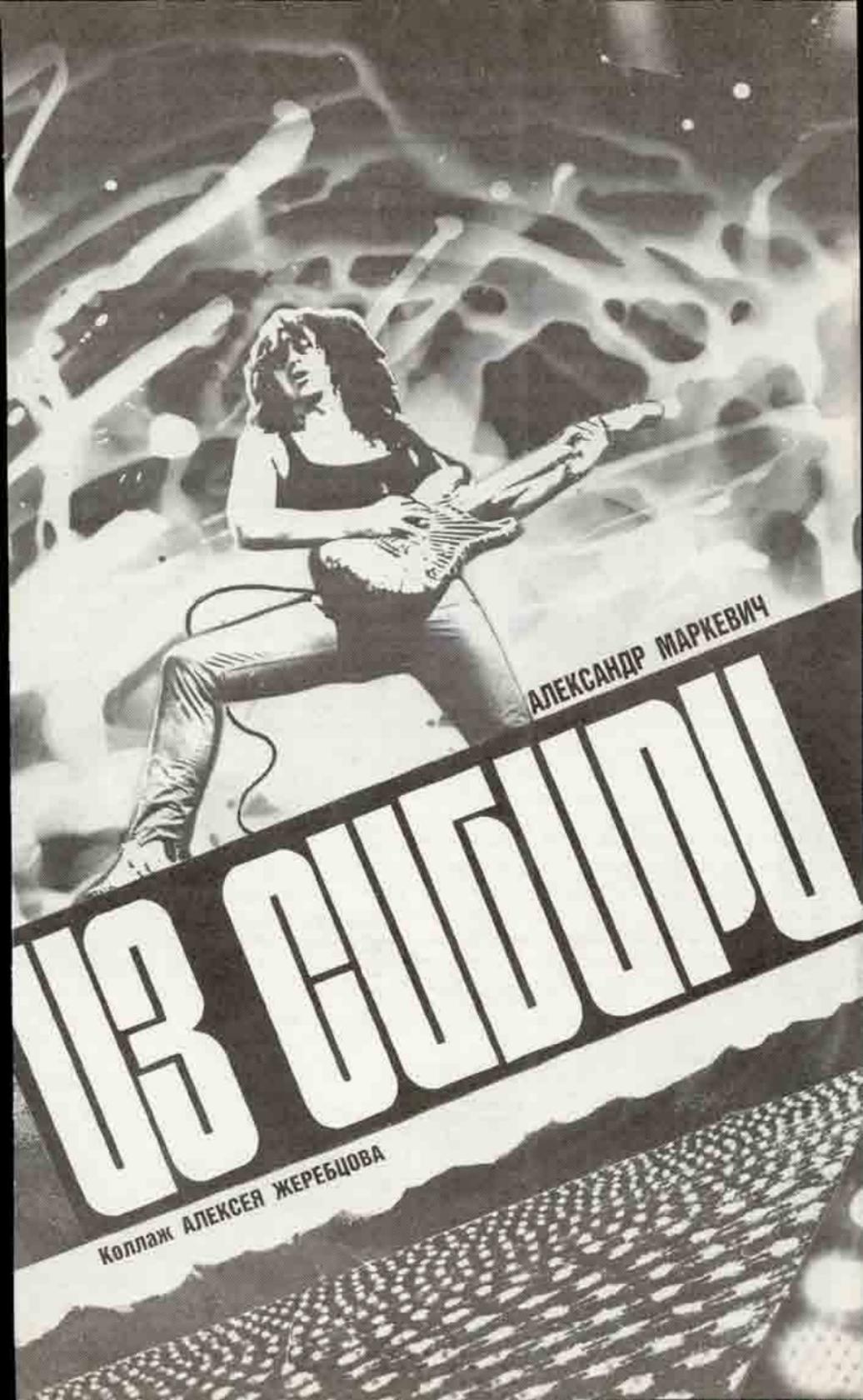
А теперь несколько слов о себе (обведите соответствующие данные кружком).

3. Ваш пол  
001 — мужчина  
002 — женщина

4. Ваш возраст  
003 — до 20 лет  
004 — от 21 до 25 лет  
005 — от 26 до 30 лет  
006 — от 31 до 40 лет  
007 — от 41 до 50 лет  
008 — старше 50 лет  
Где вы живете?

**P. S.** Анкету вовсе не обязательно вырезать из журнала. Можно переписать ее от руки или отпечатать на машинке и выслать в редакцию.





АЛЕКСАНДР МАРКЕВИЧ

КОллаж АЛЕКСЕЯ ЖЕРЕБЦОВА



ропание статей о рок-музыке и рок-музыкантах из занятия неблагодарного превратилось в занятие малопочтенное. Для большинства рок проходит по ведомству сугубо социальному, а коли так, то ему понятно, что за развитием политических событий рок не поспевает: социальная атака при вспышке гласности захлебнулась и ушла в песок. С музыкальной же точки зрения отечественный рок не поспевает за Западом, где «все схвачено, за все заплачено» и поставлено на широкую ногу: есть институты с рок-факультетами для обучения высокопрофессиональных лабухов, есть электронные «примочки», короче, много чего есть там, где нас нет. С кавалерийского наскока захватить западный рынок не довелось, и ура-патриотические иллюзии относительно того, что наши проблемы кого-то волнуют и что мы в два счета обгоним и перегоним, так иллюзиями и остались. Музыкальный стиль, который с первых же тактов заявлял бы о себе, как о явлении русского рока, к всеобщему нашему сожалению, пока что на свет не появился.

Изнаночная, не видимая глазу рок-болельщика ситуация тоже не ахти. Жить некоторые рокеры стали лучше, и даже намного веселее, а вот с музыкой — облом. Лет семь назад, помнится, сидел я в компании трех знатных полуофициальных музыкантов. Времецко было, если кто помнит, врагу не пожелаешь, и все с жаром обсуждали хитроумный указ о том, что группы имеют право лишь на 20% песен собственного сочинения в репертуаре, обязуясь гонорары за остальные — истинно профессиональные, любимые народом шедевры — переводить прямехонько в ВААП, на союзкомпо-зиторские счета. Кухонное негодо-

вание доползло до точки кипения, когда один из нас спокойно заметил: «Нечего лезть в бутылку. Когда уйдет их поколение, придет наше. И будет так же душить тех, кто пойдет следом. Такова диалектика, старички, это же Дарвин, естественный отбор в неестественных условиях лже-конкуренции». Все, разумеется, благородно возмутились, а я подумал: нет уж, дудки, ежели нас выпустят из загона, мы будем другими, и наступит великое братство.

Ну вот, нас выпустили. Хватило года с небольшим, чтобы перекормить разрешенным роком даже записных гурманов. В эпоху хозрасчета и кооперативных концертов, в час чёса «рок-старички» принялись яростно воплощать в жизнь бухаринский лозунг: «Обогащайтесь!» И, как водится, «молодняку» не досталось ни вершков, ни корешков, и он возроптал, и пошли дрязги и разборки. Выражаясь казенным языком, углубился рост взаимного отчуждения. «Играть сперва научитесь, с наше повоюйте, мы пахали», — ворчат старички. «Лысые уже, а все туда же. У вас же все есть!» — рычат их оппоненты. И вот некогда сплоченная, битая-перебитая рок-тусовка разбивается на фракции «по интересам». И покамест она рычала-ворчала, новое поколение — в массе своей — сделало выбор: «Ласковый май».

Неколебимо — «железным» остервенением в бушующем океане претензий казались металлисты и хард-душники. Но лишь до поры до времени. Судя по последним данным разведки, и у них все затрещало по швам: «Ария», «Мастер», другие гранды обозвали себя «монстрами рока» и сколотили свою бригаду. «Коррозия металла», «Шах» и иже с ними обвинили новоявленных монстров в розовой попсовости, читай — в дефи-

ците жесткости. Никакие вы, дескать, не чудовища, а так, шелупонь одна. Того и гляди дело кончится тем, что металлисты начнут хватать друг дружку за грудки с криком: «Не могли поступаться принципами!»

Так, по-моему, не за горами пертурбации и в среде, к примеру, коллекционеров. Филателисты ополчатся на, скажем, нумизматов, а кактусники вызовут на дуэль собирателей импортных пивных этикеток. Как все это грустно...

## КОЕ-ЧТО О ЗАВОДЕ И БРАКЕ

Если собрать в кучу все определения рока, впору будет схватиться за голову, настолько одни противоречат другим: от крайностей типа «рок — это жизнь» либо «рок — это свобода» до сакраментального «рок — духовный СПИД». Наиболее емкой, хотя и несколько наукообразной представляется дефиниция И. Смирнова: «Рок — новый самостоятельный жанр искусства, появившийся в середине XX века в результате творческого и научно-технического прогресса (так же, как в начале века появилось кино). Для него характерно заимствование выразительных средств традиционных жанров: музыкального, поэтического (текст) и театральное (шоу), которые образуют не делимое на составные целое — рок-композицию. Кроме того, электрическое звучание, коллективное творчество и особая форма музыкального хэппининга — концерта с участием зрителей, — т. н. «сэйшен». По своему происхождению рок — явление фольклорное, хотя и не сводимое к одному только фольклору».

Антинаучно, однако, не лишено изящества определение рок-обозревателя А. Троицкого, который

утверждает, что року присуща «энергетическая субстанция, обзываемая в народе заводом, драйвом и т. д., а в академическом музыковедении — особой звуковой экспрессией или чем-то в таком роде». И еще: рок отличается «звуковым нонконформизмом, или антипопсовостью, или, совсем уж просто, неприятием ширпотребных музыкальных канонов эстрадно-кабацкой практики». Эти два качества, пишет Артем, плюс в ряде случаев тексты и отличают «Битлз» от «АББЫ», рок от ВИА... при всех их электрогитарах и ритм-компьютерах.

Под этим можно было бы подписаться обеими руками, если бы точно знать, что такое завод (драйв). Ежели исходить из заряда энергии, льющейся через колонки, то самые роковые группы — металлические. Но стоит прислушаться, о чем они (в большинстве) поют, и задаешься вопросом: отчего бы не голосить то же самое, сидючи с гитарой у костра в опасной близости от туристских палаток. В то же время внешнее отсутствие драйва у «Аквариума» дает повод джаз-рокмену Алексею Козлову выводить Б. Гребенщикова за рамки рока и называть его музыку разновидностью авангардного джаза.

Дело, наверное, в том, что понятие завода распространимо не только на музыку, но и на тексты, на энергетiku слов, которые в роке неотделимы, как тело от души, от целого (рок-композиции). Когда мы до конца поймем это, у нас сама собой отпадет надобность выводить Б. Г. с его словесным шаманством за границы той музыки, в которой он родился и которую нарек «энергией света».

По сути рок — грохочущий трактор, вспахивающий целину непознанного звучания, доселе не слы-

ханного саунда. В оставляемых же им бороздах произрастает всякого рода дурнина (вот, кстати, отличное сибирское словцо, похищенное мной у Ф. Абрамова и обозначающее сорные травы, сорняки). На вспаханной и унавоженной почве, когда не нужно уже ничего выдумывать и экспериментировать, и дает обильные всходы попс — сладкая музыка для ног — т. е. рок без страсти, оскотенный и стерильный; попс, годный лишь для прикладных целей — для развлекаловки, для танцулек, для выжимания пьяной слезы в кабаках и прочая, и прочая. В принципе никто не против поп-музыки: если и день и ночь напрягать мозги, шарики за ролики зайдут. Но вызывает недоумение гигантское количество песен, которым никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах шлягерами не стать, поскольку сварганены они вопреки всем законам жанра и человеческого восприятия. Коли уж так она называется, ПОПУЛЯРНАЯ музыка, то любая непопулярная, а значит, бездарная, никакая песенка — брак. Только вот отчего-то ряды бракоделов растут не по дням, а по часам, и критерии шлягерности размываются и стираются. И это при том, что легионы композиторов активно «сдирают» западные образцы, творя как бы «в струе». Но — вкус, но — качество исполнения, но — нищета аранжировок!..

Ах, если бы только в поп-музыке водились бракоделы. Невыразимо грустно все это.

## ПРЕЗИДЕНТ НА ОСЛЕ

Но не будем о грустном.

Если где-то гражданин по имени Рок скончался или находится при смерти, то только не в Сибири.

...Когда президент барнаульско-го рок-клуба Женя Колбашев (в

миру — учитель истории) спросил, известно ли что-нибудь в Белокаменной о феномене сибирского рока, пишущий эти строки бодро заявил, что, по его разумению, сибирский рок — самый холодный рок в мире. Столичное пижонство было мгновенно осажено цитацией из древнего-древнего китайца Цюй Юаня, «Ода с камнем на шею»:

*Обычно деревенские собаки  
Встречают злобным лаем  
незнакомца.*

*Чернить людей,  
талантом одаренных,—  
Вот свойство подлое  
людей ничтожных.*

Засим москвичу был прочитан краткий курс СР (сибирского рока) с демонстрацией видеозаписей и привлечением обширного эпистолярного наследия. В процессе ознакомления с материалами выяснилось, что рок-движение во глубине сибирских руд зародилось едва ли не раньше, чем в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Питере и Москве, и началось с пения на языке, отдаленно напоминающем родную мову ливерпульской четверки. Причем свободолюбивые мотивы, возникшие еще во времена Ермака Тимофеевича, а также далекие от музыки события — такие, как переселение в суровый край не худшей части русской интеллигенции: декабристов (XIX в.), социал-демократов (XIX—XX вв.), репрессированных (30—50-е гг.), — все это плюс отсутствие материальной базы создало здесь уникальные условия для развития культуры в целом, искусства в частности, и рока «мэйд ин Сайбириа» в особенности.

Итак, вообразите праздничный Барнаул под насупленным свинцовым небом, разномастную тусовку у входа в ДК и на горизонте укрупняющуюся точку — едущего на

сером осле президента рок-клуба. Каждый шаг дается ослу с трудом, ибо он осознает непомерность своей ноши и тот факт, что он, ослик, является субъектом исторического события — открытия «Рок-периферии», общесибирского фестиваля. А в это время журналист местной молодежи А. Русанов с высокой трибуны зачитывает в мегафон зажигательные, на подвиг зовущие призывы:

— Советские женщины! Повседневно заботясь о благе семьи, активно участвуйте в движении «Рок-периферия»!

— Советские ученые, деятели культуры и искусства! Нарращивайте интеллектуальный потенциал «Рок-периферии»!

— Рокеры всех регионов Сибири и Дальнего Востока! Присоединяйтесь!

— Комсомольцы, юноши и девушки! Настойчиво овладевайте рок-знаниями и приумножайте духовное наследие «Рок-периферии»!

Товарищ президент, по-ковбойски прыгнув с седла, то есть, извиняюсь, с осла, поднимается на трибуну и водружает на нос темные очки. Раскрывает толстенный манускрипт. Площадь затихает. Вьючное животное испускает нечеловеческий вопль и сконфуженно умолкает. Все превращается в слух.

И президент не обманывает ожиданий, он произносит самую впечатляющую и самую краткую речь, каковую мне доводилось слышать в подобных торжественных случаях, речь из одной-единственной фразы:

— Да здравствует рок-н-ролл!

Примерно пять минут толпа медитирует, впитывая все нюансы и потаенные смыслы фразы, у всех на глазах входящей в историю, а затем принимается бросать в воздух чепчики, и раскатистое военизированное «ур-р-ра!» по-

трясает небеса до основания, а затем тучи трескаются, и ровно через три дня на город обрушиваются осадки.

## ОТ БАРОККО ДО РОКА

«Весь регион делится на три зоны: Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток. В каждой зоне проводятся свои локальные фестивальчики. Победители ежегодно встречаются в Барнауле, который на четыре дня становится как бы столицей мира», — так говорил президент Колбышев, не спуская глаз со сцены, где творились прямо-таки чудеса.

Первым откровением для меня стало наличие развитого акустического рока в этих широтах. Скрипка, «сухая» гитара, контрабас, рояль — это «Дядя Го» (Барнаул) во главе с Е. Чикишевым. «Дядя Го» играет музыку — только не пугайтесь — барокко. Играет, как положено: с гармоническими виныетками-завитушками, очень усложненную, но и очень современную музыку. В наше издерганное время слушать тонкую стилизацию, воссоздающую другую эпоху, — роскошная редкость. Конечно, кое-кто недовольно вопрошает: при чем тут рок, где, понимаете ли, биения себя в грудь кулаками, где, наконец, протест?! Зато менее воинственный слушатель «въезжает» сходу. Музыканты идут к гармонии окольными путями, стараясь извлечь красоту из любого созвучия. Композиция «Я сижу на mine» могла бы пропахать хит-парады, если бы наше ЦТ было чуточку любознательнее.

Единственно, что временами раздражает, — интонационное совпадение голосов Чикишева и Славы Бутусова из «Наутилуса». И хотя Чикишев на концерте всегда попадает в ноты и не злоупотре-

требляет приемами цыганского пения, все же, закрывши глаза, так и видишь на сцене Бутусова в ореоле лауреата премии комсомола за прошлый год.

А вот акустический «Корабль дураков» (Красноярск) черпает вдохновение в музыке Возрождения, весьма близкой нам эпохе. Да и само название группы отсылает к картине Босха и поэме средневекового поэта Себастьяна Бранта. Лидер группы Р. Намаконов (вокал, клавиши, флейта). Тексты «Корабля» мрачноватые, зашифрованные, вполне читабельные и в отрыве от музыки, рассчитанные не на одно прочтение. Правда, иногда кажется, что по этим «огородам» уже лазал Б. Г.

Самое же замечательное, что у двух этих не легких для восприятия групп масса поклонников. Как ни печально, в первопрестольной столь же серьезных профессиональных акустических команд нет.

Полная противоположность им группа «9» из Барнаула. Однажды она уже была лауреатом фестиваля, к тому же выступала в Москве и собрала хорошую прессу. Стопятидесятикилограммовый (уф!) С. Лазорин, внешнестью смахивающий сразу на Д. Руссоа и Ю. Шевчука, с такою же лужоной глоткой (естественно, как у Шевчука), автор бессмертных шлягеров «Ай ду ю пиво эври дэй» и «Поручик Штолпеккер», синтезатор традиционного рок-н-ролла и «новой волны», работающий по совместительству в фольклорном коллективе «Песнохорки», где, кстати сказать, поют еще двое местных рокеров, — на «Рок-периферии» выступил на сей раз неудачно. Без драйва. Без кайфа.

## СКОМО-РОК

...Однажды его «взяли» прямо

во время концерта, на вокзале. Битых четыре часа милиционер не отпускал его, все допытывался: зачем это он честным людям какие-то штучки-дрючки раздаёт, не положено! «Так я же даром», — оправдывался застигнутый на месте преступления Б. У. Кашкин; он же — Евгений Малахин; он же — инженер из Свердловска; он же — 50-летний председатель «Общества «Картинник».

Но в глазах стража порядка человек дающий и поющий ничем не отличался от нарушителя обыкновенного, поскольку сам акт бесплатного отдавания чего-то являлся очевидным «основанием к задержанию».

Между тем фолк-панк-шоу-скоморох-группа «Общество «Картинник» с «диким свердловским бородачом» во главе, имеющая своих музыкантов не на договоре и многочисленных фанатов как на Урале, так и в Сибири, — явление явно неординарное. Ученая критика относит картинников к «ноль-культуре», младшему братцу концептуалистов, сам же Б. У. Кашкин провозглашает себя непримиримым примитивистом. Но так как букашкинский примитив зародился не где-нибудь, а на развалинах соц-арта (искусства, сюрреализирующего бетонные конструкции идеологических догм социума, которое неистово овеществляет себя в плакатах, лозунгах и т. д.), то он, примитив, наводящий издевку на высосанный из пальца пафос, приобретает не разрушительно-отрицательный знак (все уже и так разрушено), но некий созидательный смысл. Издевка и ирония обнажают свою тыльную сторону, одаривая нас тою добротой, которая НЕ хуже простоты.

Букашкинские хэппенинги заряжают публику веселыми токами вольницы. Пляски — прибаут-

ки — притопы — прихлопы — ча-стушки — хороводы, свободное от режиссуры действие затягивает зрителей не хуже аэродинамической трубы. Мелькают тени Крученных, Бурлюка, поэтов-обэриутов... В окружении балалаечников, ложечников, гармонистов, чечеточников и всякого рода массовиков-затейников Б. У. Кашкин совершает стремительные налеты на рок-фестивали и повсюду свет радость. Б. У. Кашкина и К° любят дети и панки, старики и пожарники. А вот милиционеры, увы. Не сложилось...

Более всего ласкает слух и тешит душу цикл «Сонеты», нраво-учительные благоглупости в духе эпохи развитого застолия, всякий раз начинающиеся сентенцией «Не зря Ильич...» Нет, не зря картинники, Б. У. Кашкин, сотоварищи раздают во время шоу раскрашенные досочки, деревянные мультипульты с актуальным стёбом на горячие темы: антиалкогольную, антивоенную, и т. д., и т. п.

*ДНД, ЛТП, и т. д., и т. п.*

*Если ты рабочий класс —  
Пей газводу, сок и квас!*

*Если сержанты снимут штаны —  
В мире не будет новой войны!*

*Из пьющих умер каждый третий —  
Нет хуже ничего на свете!*

Скоморошья традиция не прервалась. Становится как-то ясней, отчего после выступлений скоморохам частенько давали на конюшне плетей (см. начало этой главки).

## **ПРИМУС + ОГНЕТУШИТЕЛЬ**

Довольное, но усталое жюри единогласно присудило гран-при «Рок-периферии» группе из Мага-

дана «Миссия: Антициклон». Ей были вручены новейшие модели примуса и огнетушителя. Красивые, как от Диора.

«Антициклонщиков» хочется слушать и слушать, но лучше один раз увидеть. Музыкантам чуть за 20, они безумно энергичны, раскованны и крепко сыграны (9-месячные морозы, знаете ли, способствуют...). Вокалист и басист Гена Вяткин в образе крутой девчонки а-ля Пеппи Длинныйчулок, с косичками-рожками, магнетичен и непредсказуем. Говорить, что группа гонит «волну», — значит ничего не сказать. А. Максимов из «Магаданского комсомольца» (экземпляры которого перебирают и упаковывают «антициклонщики», чтобы заработать на кусок хлеба без масла) полагает, что группа находится за границей стилей, поскольку географическая изоляция позволила создать в Магадане практически свободную от отечественных штампов музыку, где фирменным знаком групп стал вольный полет ассоциаций на заданную тему, этакий гон, действующий психику на уровне бессознательного.

Очень может быть. Как бы то ни было, до Вяткина никто целенаправленно верлибров по-русски не пел. Диапазон его текстов — от абсурдной антилогики («Страдивари не делал дверей. А я не готовлю обед») до вещей, прошибающих до кости:

*Представляешь,  
очнуться в могиле,  
когда еще сквозь землю  
слышен оркестр,  
в котором фальшивит труба,  
в котором фальшивит труба...  
Труба!*

Интересно, знал ли Вяткин о случае из жизни Моцарта, кото-

рый упал в обморок, когда услышал, что в оркестре фальшивит труба.

...Когда в 50-х музыка американских негров (ритм-энд-блюз) пересеклась с музыкой белых фермеров (хиллбилли), мало кто предполагал, что рок-н-ролл, обогащенный идеями джаза, впитает кельтские, англосаксонские, а теперь и азиатские песенные традиции в новом электрическом звучании. По меньшей мере забавны разговоры о «безродности» рока, раз уж он работает на объединение людей.

В этой связи подлинным открытием «Рок-периферии» стал «Чолбон» из Якутии. (Пишу название так, как оно мелькнуло по ЦТ и в прессе, хотя, по-моему, тут вкралась ошибка, ведь переселенцев с Чала и Дона исстари звали в Якутии чалдонами, и слово чалдон приобрело значение «коренной житель».) Это одна из немногих групп, способных удивить даже выдавших виды марсиан. Национальные мелодии, завораживающий ритмический рисунок, великолепный бубен с колокольцами, незаемная раскладка голосов — говорят о своем, чисто якутском музыкальном языке. Диву даешься, сколько огня отпустил Бог сельским музыкантам-самоучкам. От песен пахнуло такою древностью, такой тоской по чему-то благополучно нами забытому, что перевод на русский осуществлялся без толмача, где-то на уровне подкорки. А в многочастной композиции «Шаман» чалдоны пели про обратную сторону души, про изуверскую людскую жестокость, про расстрелянных в сталинские времена черных и белых шаманов. И даже если ничего этого в текстах не было, в музыке было, было!

Осенью этого года в Барнауле состоится первый международный

фестиваль «Рок-Азия». Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что белые шаманы из Якутска не будут выглядеть там зауряд-статистами.

## РАЗНОЕ

Как и в любом другом регионе, в Сибири есть десятки групп, которые — словно картины, предназначенные для вывешивания в казенных учреждениях, — «художественной ценности не имеют». Это безъязыкие, не думающие группы, они вспыхивают на миг, чтобы тотчас раствориться в окружающей среде. Запоминаются разве что какие-то курьезные штуки, вроде упитанного вокалиста, размахивающего в процессе якобы пения игрушечной сабелькой над головой (сам О. Газманов, счастливо открывший стиль «есаул», до сабли не додумался). К области курьезов относятся также разглагольствования одного певца, который заявил на пресс-конференции, что его голубая мечта — начать выступление в переполненном зале, видеть, наслаждаясь, как зрители бросаются к выходу и уходят, уходят, а он все поет, поет... один в пустом зале.

Но это все пена. Что бы там ни говорили, приятно побывать в стране, где не ступала нога демона коммерции и где, как до строительства Вавилонской башни, вкусы публики еще не поляризовались, и металлисты кричат «браво» акустическим командам, а панки аплодируют металлическим. И где рок-н-ролл не поза, не средство для добычи денег, а образ жизни.

Специально наводил я справки насчет помощи комсомольских органов. «Не мешают, — без особого энтузиазма отвечали мне, — и то хлеб». Томичи же и барнаульцы нахваливали. А вот отцы омского

комсомола пожертвовали аж 20 тысяч на нужды рок-клуба. И столь же широким жестом забрали денюжки назад. В народе сия благотворительная операция метко называется «накося — выкуси».

И совершенно уж волюющий случай — в Магадане, где рок-клуб попросту разогнали. Пацанве теперь некуда пойти в 40-градусную холодень, все сиднем сидят по квартирам и глушат горькую от тоски и неверия в светлое будущее. Невольно вспоминается А. К. Толстой, еще сто лет назад писавший: «Страна богата наша. Порядка ж нет как нет...»

И безобразия эти творятся тогда, когда центр рок-музыки из Свердловска потихонечку дрейфует в сторону Магадана, где, помимо «Миссии: Антициклон», есть еще неподражаемый «Восточный синдром» (лауреат журнала «Аврора»), ассоциация «Конец, Света!», «Доктор Тик» и другие. Боже, как все это...

## ВМЕСТО РЕЗЮМЕ

Но не будем о грустном.

Надеюсь, многим теперь стало понятней, почему на вопрос: «А есть ли в Сибири рок?» — сибиряки за словом в карман не лезут и отвечают резонным вопросом: «А где же он еще, по-вашему, есть?»

С генерал-майором  
внутренней службы  
**В. И. СНЫЦЕРЕВЫМ**  
беседует наш корреспондент  
**ВИТАЛИЙ АРКАДИН.**



# ОКАЖНОЕ РЕМЕСЛО

**Начальник Усольского управления лесных колоний генерал-майор внутренней службы Василий Иванович Сныцеров — личность известная. И среди работников МВД, и среди осужденных. В 1981 году по его проекту в городе Соликамске был построен специальный профилактический центр, получивший название «Белый лебедь», где в порядке эксперимента начали применять нестандартные методы перевоспитания.**

— Одни возмущаются вашими экспериментами, других они приводят в восхищение. К вам просятся на работу сотрудники колоний из других регионов страны. Мать повторно судимого парня умоляла перевести его в ваше управление. Вы пошли навстречу. Но прибывший парень смотрел на вас со страхом. «Белый лебедь» в представлении многих осужденных — чуть ли не застенок. Парень успокоился только тогда, когда ему объяснили, что здесь содержатся те, кто не хочет работать, пытается возвыситься над другими осужденными, унижая их достоинство, — те, кого называют отрицательными лидерами, «авторитетами», «ворами в законе». Отказавшихся от такого поведения переводят в расположенную рядом строгорежимную колонию. Именно там и практикуются послабления и льготы: можно насчитать восемь нарушений испра-

вительно-трудового кодекса: внеочередное получение посылок, передач, свиданий, ношение коротких причесок и так далее.

Итак, с одной стороны, я знаю, вас осуждают за слишком крутое отношение к отрицательным лидерам, с другой — обвиняют в чрезмерной мягкости к основной массе осужденных. А вы отшучиваетесь...

— Как сказал Петр I, тюрьма есть ремесло окаянное, для этого скорбного дела нужны люди твердые, но добрые и веселые. На моей стороне убедительные результаты работы и... Владимир Ильич Ленин. Да, да! В исправительно-трудовом кодексе 1922 года, который он лично редактировал, сказано предельно ясно: «В местах лишения свободы следует создавать для осужденных условия, максимально приближенные к тем, в которых они находились до осуждения». Вот мы здесь, в Соликамске, и стараемся вернуться к истокам советского исправительно-трудового закона в его ленинском толковании. Хотя отлично понимаем, как это может быть расценено людьми, ревностно охраняющими букву закона.

К началу эксперимента, в 1980 году, когда я принял Усольское управление, у меня и у моих сотрудников за плечами был определенный опыт, который привел к довольно грустным выводам: как ни ужесточаем меры воздействия, большинство осужденных почему-то молчаливо, а порой и открыто поддерживают не нас, администрацию, которая вроде бы желает им добра, а «отрицаловку» во главе с «авторитетами» и «ворами в законе». Самый грустный вывод в том, что после трех — пяти лет пребывания в тех условиях, которые были придуманы нашими учеными в 60—80-х годах, у осужденных происходили на-

столько глубокие негативные изменения психики, что они никогда уже не могли стать психически и нравственно здоровыми.

От чего они становятся больными? С одной стороны, от постоянного враждебного отношения к администрации, которая, исправно исполняя все предписания, лишает осужденного не только свободы, но и минимальных человеческих условий; он вынужден вести борьбу за выживание, нарушая исправительно-трудовой кодекс. С другой стороны, осужденные становятся больными от постоянных конфликтов между собой.

Таким образом, все пребывание осужденного в колонии превращается в непрерывное конфликтное поведение, которое, по сути, есть не что иное, как систематически преступное или предпреступное. А мы хотим, чтобы после нескольких лет такой жизни человек выходил на свободу и вел себя нормально. Добиваемся и ожидаем от него невозможного.

— Итак, вы начали менять главное — характер исправительного воздействия...

— Вы беседовали в «Белом лебеде» и в строгорезимной колонии с осужденными на их рабочих местах. И там, где они занимаются обработкой древесины, и там, где сколачивают ящики, и там, где плетут корзины. Ежемесячно им перечисляется на лицевой счет более ста рублей. А тем, кто на аренде, — до двухсот.

О чем это говорит? О том, что их никто не обманывает. Ни мастера, ни нормировщики, ни бухгалтеры. Никто из «авторитетов» не присваивает насильно их труд. То есть осужденные не страдают от несправедливости в самой главной сфере человеческой жизни — работе. Никто не видит в офицерах жуликов и паразитов, а в своем

лице — крепостных, как выражаются осужденные. Вы заходили в столовую, видели, как там кормят, спрашивали, каждый ли день так готовят или только к вашему приезду постарались. Что вам ответили?

— Превжний заведующий столовой, уличенный в воровстве продуктов, сейчас сам в «Белом лебеде». Зеленый лук, которым посыпан борщ, выращивается в оранжерее не только для сотрудников.

Вот где заподозрил показуху, так это в ларьке. Чего только нет! Тушенка, маргарин, мед, пряники, сушки, несколько сортов конфет... И при офицерах, и в их отсутствие интересовался: всегда ли так? Убедился: бывают, конечно, перебои, но в основном всегда есть что купить и добавить к своему рациону. И если осужденный трудится в поте лица и не нарушает режим, то может получать продукты на сумму до 25 рублей в месяц.

Мы, журналисты, народ недоверчивый. Но лучше всяких слов говорил о физическом состоянии осужденных цвет их лиц.

— Что еще бросилось вам в глаза?

— Чистота, порядок в общежитиях. Уют и оформление тех помещений, где осужденные проводят свободное время. Все сделано — резьба по дереву, картины, инкрустации, чеканка — их собственными руками, но чувствуется, что не по принуждению и абы как, а с душой. Цветные телевизоры!.. За ними на воле сегодня гоняются. А тут даже видеофильмы. Превосходная библиотека. Залы для игры в шахматы. Помещения для занятий спортом.

Но больше всего меня поразило отсутствие «локалок», которыми в других колониях огорожены здания общежитий.

— Да, мы и тут нарушили инструкцию в интересах эксперимен-

та. В результате — никаких нарушений режима, связанных с «локалками». А сколько этих нарушений в других колониях, даже нашего управления. Тьма! Но чем меньше поводов для конфликтов осужденных с персоналом, тем меньше антагонизм между узником и тюремщиком, а именно он мешает исправлению преступника.

За девять лет эксперимента — ни одного преступления. Ни в «Белом лебеде», ни в прилегающей к нему колонии. В частности потому, что мы решили проблему нехватки контролеров. Поставили на должности дневальных (то есть надзирателей, если пользоваться старой терминологией) тех осужденных, кому мы полностью доверяем. Они лучше знают не только психологию осужденных, но и владеют информацией о том, кто, когда, где собирается что-то натворить. И — либо предотвращают нарушение, либо пресекают его в момент совершения.

— Я знаю, вы горячий сторонник того, чтобы отменить призыв на службу во внутренние войска молодых ребят и заменить их наемной охраной из числа взрослых людей.

— Это нужно делать немедленно! Не считаясь ни с какими расходами. Уж поверьте моему опыту: места лишения свободы портят молодых солдат. С их психикой и внутренним миром происходят очень неприятные вещи. Нельзя превращать священную обязанность молодого советского гражданина, по сути дела мальчишки, в тюремную службу.

— В прошлый раз я видел у вас на столе Библию. Сегодня это книга Митфорда «Тюремный бизнес».

— И без той, и без другой не обойтись.

...Часто слышу упреки: превращаете колонии в курорты! Дей-

ствительно, в некоторых колониях у «авторитетов» можно обнаружить в тумбочках и дорогие сигареты, и шоколад, и прочие деликатесы, которых сегодня на воле днем с огнем не сыщешь. Но, спрашивается, как все это попадает в колонии? Объяснение одно, и не только у нас, но и во всем мире. Осужденные подкупают надзирателей, то бишь контролеров, вольнонаемных работников. Вот вам еще одно объяснение, почему иному осужденному-дневальному мы доверяем больше, чем иному контролеру. Мы не против шоколада, но пусть он будет в тумбочке у добросовестного трудяги, твердо решившего порвать с преступным прошлым. И пусть этот шоколад попадет туда по разрешению администрации, а не за взятку. Мы вообще за то, чтобы администрация не была связана мелочными регламентациями (например, какие-то льготы разрешены только после отбытия первой трети срока наказания). А если, допустим, человек искренне раскаялся в содеянном, еще не переступив порог колонии, на стадии следствия? Если этот внутренний перелом произошел в первые же месяцы пребывания в колонии? Зачем же ему терпеть тяготы и лишения неволи на равных с ответыми, неподдающимися? Разве это справедливо? И разве это не препятствует перевоспитанию? Всякий человек, преступивший закон, ощущает себя отвергнутым, презираемым. Следовательно, примирять его с обществом нужно сразу после вынесения приговора, а не заключать этот важнейший процесс в рамки шаблона.

...В исправительно-трудовом кодексе все расписано, все разложено по полочкам. И чем ревностней персонал исполняет кодекс, тем больший протест вызывает это у осужденных. Я уже говорил

и могу повторить: будь на то моя власть, я бы этот кодекс переписал. Дал бы больше прав администрации. Самым большим разделом кодекса был бы раздел под названием «Запрещено». Я запретил бы только то, что не работает на исправление. Но не стал бы вносить в кодекс раздел «Разрешено». И применил бы известное толкование: разрешено все, что не запрещено. Это дало бы администрации и больше прав, и большую ответственность, и больший авторитет в глазах осужденных, и больший простор для воспитательного творчества. А главным критерием того, насколько профессионально и эффективно пользуется администрация исправительно-трудовым кодексом, была бы статистика: сколько такой-то колонией выпущено на свободу и сколько снова туда вернулось. Надо только наладить соответствующую информационно-статистическую службу.

Кому, как не администрации (и в первую очередь начальнику отряда), виднее, когда произошел у осужденного положительный сдвиг в сознании? А если администрации виднее, значит, она и должна иметь право стимулировать этот сдвиг: предоставлять право носить нормальную стрижку, чаще разрешать получать посылки и свидания. То есть использовать то, что связывает осужденного с волей, близкими. Наш же исправительно-трудовой кодекс в его сегодняшнем виде в лучшем случае тормозит сдвиг в сознании, о котором мы говорим, лишает осужденного стимулов к тому поведению, которого от него ждут. Понятно, чем вызвана отсрочка в предоставлении льгот до отбытия одной трети срока. Это якобы та кара, которую должен прочувствовать каждый осужденный. На первый взгляд,

суждение вроде бы справедливое. Но, как показывает практика, в большинстве случаев идея кары порождает у осужденных ответную отрицательную реакцию. По отношению к администрации и к обществу.

А теперь давайте немного потеоретизируем. Зачем мы водворяем преступника в колонию? Для того, чтобы сформировать у него правильное правосознание. Вдумаемся в это слово. Правосознание. Человек должен правильно сознавать свои и чужие человеческие права, уметь их учитывать, считаться с ними. А что происходит в жизни? С одной стороны, все самые минимальные права у осужденного отнимает исправительно-трудовой кодекс. С другой — последние остатки минимальных прав осужденные отнимают друг у друга. В особенности там, где во главе неформального порядка стоят «авторитеты», «воры в законе».

Вот мы и пытаемся смягчением формального порядка лишить «отрицаловку» возможностей встать во главе неформального, который существовал и будет существовать, хотим мы того или нет. Самое важное, чтобы во главе неформального порядка стояли честные работяги. И чем больше их в колонии, тем крепче их власть, а значит, и власть администрации, поскольку у нас с работягами не вражда, а взаимодействие и сотрудничество.

Нужно привести наш исправительно-трудовой кодекс в более полное соответствие с так называемыми «Минимальными стандартами обращения с заключенными», принятыми ООН. Эти «Минимальные стандарты» для меня — мерило того, что мы уже сделали, и стимул к тому, что предстоит.

Давайте пройдемся по тексту,

опустив то, в чем мы у себя уже добились частичного или полного соответствия: условия содержания, питания и т. п. Цитирую: «Все заведения должны иметь в своем распоряжении по крайней мере одного квалифицированного медицинского работника... Каждый заключенный должен иметь возможность прибегать к услугам квалифицированного зубного врача...» Вы были в санчасти старорежимной колонии. Соответствуем? Полностью! «Заключенным следует давать возможность общаться через регулярные промежутки времени и под должным надзором с их семьями как в порядке переписки, так и в ходе посещения». И в этом у нас полное соответствие. «Тюремная администрация должна заботиться о тщательном отборе персонала всех категорий, ибо хорошая работа исправительных заведений зависит от добросовестности, гуманности, компетентности и личной пригодности этих сотрудников... Все сотрудники мест заключения должны вести себя и выполнять свои обязанности так, чтобы служить примером для заключенных и завоевывать их уважение». Ну, тут уж не мне судить, каких работников я подобрал.

А теперь зачитаю главный руководящий принцип «Минимальных стандартов», которому мы следовали и будем следовать: «Заключение в тюрьму и другие меры, изолирующие правонарушителя от внешнего мира, причиняют ему страдания уже в силу того, что они отнимают у него право на самоопределение, поскольку лишают его свободы. Режим, принятый в заведении, должен иметь целью сводить до минимума те различия между жизнью в тюрьме и жизнью на свободе, которые уменьшают у заключенных чувство ответственности и сознание чело-

веческого достоинства. В обращении с заключенными следует подчеркивать не их исключение из общества, а то обстоятельство, что они продолжают оставаться его членами. Ответственные организации следует поэтому привлекать там, где это возможно, к сотрудничеству с персоналом заведений в целях возвращения заключенных к жизни в обществе».

— *Позвольте здесь прервать вас, Василий Иванович, и высказать одну идею. Мы говорили о закономерном чувстве солидарности у осужденных, которое объясняется общностью их положения. О том, что при мягком и гуманном обращении становится реальным переход от антагонизма к сотрудничеству. И мы знаем, что для решения проблемы необходимы большие затраты. Так не создать ли общество социальной реабилитации осужденных? Независимое от МВД, но сообразующее с ним свою работу. Это общество должно получить право на издание собственного печатного органа. Другая задача — помощь освободившимся в прописке и устройстве на работу, создании семьи. Не мешало бы подумать о возмещении материального ущерба, нанесенного потерпевшим. Общество должно располагать собственным — и немалым — денежным фондом. Где же взять деньги? Если каждый осужденный перечислит на расчетный счет фонда всего один рубль, общество социальной реабилитации сразу получит 800 тысяч рублей. Как мы знаем, за последние тридцать лет через колонии прошло около 35 миллионов человек. Уверен, что и они не захотят остаться в стороне. Стало быть, общество может располагать такими суммами, которые позволят ему ощутимо помочь осужденным вернуться в жизнь. Я беседовал со многими из них на эту*

тему. Они готовы поддержать эту идею. Но поддержит ли Министерство внутренних дел?

— Судить за других, тем более за высокое начальство, трудно. Но мне кажется, что все инициативы хороши, только бы они вносили реальный вклад в трудную борьбу с преступностью. Много раз уже говорилось, что силами одних только органов правоохраны ее не выиграть. Поэтому крайне необходимо включение в эту борьбу обеспокоенных граждан и их объединений. Наверное, поможет и общество, о котором вы говорите.

Вот вы сказали, что это общество должно иметь свой денежный фонд. Так ведь это что-то вроде «всесоюзного общака». Только если воровской «общак» собирается насильно, то тут-то будут исключительно добровольные пожертвования. Если воровской «общак» помогает выжить в неволе только «избранным», верхушке уголовной среды, то здесь-то средства пойдут на нужды тех, кто нуждается в помощи, будь он в заключении или первые недели на свободе. Как можно быть против такого благородного «общака»?

Свое издание для осужденных — тоже превосходная идея. Чего греха таить, есть кое-где администрация, которая действует рука об руку с прокурорами по надзору. Иному осужденному, испытывающему несправедливость, трудно найти защиту. А свое издание его всегда защитит, пришлет корреспондента. И администрация всюду будет знать, что на ее неправомерные действия всегда найдется управа. Содержание осужденного в неволе в условиях строжайшего соблюдения справедливости — задача чрезвычайно важная. Это первый залог того, что осужденный встанет на путь исправления.

Другую задачу печатного органа для осужденных я вижу в смягчении тех неписаных законов, которые навязывают им отрицательные лидеры. Те ведь тоже неглупые. Например, решили они не преследовать с прежней свирепостью тех, кто сотрудничает с администрацией. Прекрасно! Мы, в свою очередь, могли бы не притимать тех из них, кто своим авторитетом поддерживает в колониях устойчивую, спокойную оперативную обстановку. Иной раз нужно идти на такие компромиссы. Нельзя бесконечно воевать друг с другом, нужно и договариваться. Но с одним условием — власть в колонии должна принадлежать не кучке паразитов, а добросовестным трудягам.

Мы активно боремся с таким безобразным явлением, как «опущение». Но нужно, чтобы в самой среде осужденных этот отвратительный ритуал «опущения», превращение слабого человека в отверженного, перестал действовать. Если одну только эту проблему решит печатный орган, честь ему и хвала!

Одно пожелание. Вы сказали: общество социальной реабилитации осужденных должно действовать независимо. Правильно! Но хочу предостеречь: не становитесь в оппозицию к МВД, а действуйте с ним в одном направлении, только другими, своими средствами, более привлекательными для осужденных, находящими у них отклик и полную поддержку. Готов помогать чем смогу.

— Василий Иванович, сегодня государство выделяет МВД дополнительные средства для усиления борьбы с преступностью. Повышается профессиональное мастерство работников правоохраны. У вас, я вижу, тоже дело движется. Достраиваете новое здание «Белого лебедя», отвечаю-

ще «Минимальным стандартам». Камеры для двоих. Одиночки. Многие предусмотрено для предотвращения незаконного проноса продуктов, спиртного, наркотиков. Осужденный, который не желает порывать с преступным образом жизни, должен испить горькую чашу неволи до дна. Но где же представители организованной преступности, в чьих руках не жалкие тысячи, которыми кичатся «воры в законе» старой формации, а сотни тысяч и миллионы? Именно на сегодняшних наших мафиози можно было бы проверить эффективность вашей практики и неподкупность персонала.

— Мы ждем воротил организованной преступности с большим

нетерпением. Делаем специальные запросы: присылайте к нам. Прислали пока только одного — знаменитого картежника, рэкетира. Он сразу понял, куда попал. Работает вместе со всеми. Вступил в секцию профилактики правонарушений. Сотрудничает с нами. Спрашивает: как бы пораньше освободиться? Мы отвечаем: для этого надо полностью перейти на нашу сторону, то есть на сторону общества, и самому принять участие в борьбе с преступностью. Он попросил бумагу, перо. Чертит схемы, структуры преступных групп, орудующих в разных городах, где он бывал, пишет реферат, как эффективней бороться с такими, как он.

# РИСК И НЕИЗБЕЖНОСТЬ

**СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ**

222

Этой истории две тысячи лет без малого.

Для одних — самая реальная реальность, с которой, при свете которой живешь изо дня в день. Для других — чуть подалее: то, во что полагается верить людям верующим.

Для третьих — еще дальше: один из компонентов культурной традиции, «мотив», «образ», метафора для описания вещей посторонних. Очень емкая метафора.

Для четвертых, наконец, — вредный вздор, который необходимо всеми дозволенными и недозволенными приемами изгладить из памяти человечества. Но ни первые, ни вторые, ни третьи, ни даже четвертые не могут позабыть, успокоиться, жить, как будто ничего не было. «Огонь пришел Я низвести на землю»; этот огонь обжигает до сих пор. Старую историю будут передумывать снова и снова.

Четыре древних повествователя изложили ее очень сжато, с тревожащими наше воображение лакунами, с загадочными умолчаниями, а главное — не позволяя себе никаких мотиваций, даже никаких оценочных эпитетов. Каждое их слово как будто погружено в молчание, омывается молчанием, как остров — океаном. То, что они рассказали, требует толкователей, но своего собственного истолкования в себе не содержит. Что может быть менее похоже на обычную религиозную литературу, например, на традиционные жития святых? Там-то все разъяснено,

# ПЕРЕСКАЗА

растолковано, там на каждом шагу словно расставлены дорожные указатели, сообщающие, какая дорога ведет в Рай, а какая — в Ад, там за каждым движением героя и его антагонистов указаны мотивы. В Евангелиях — ничего подобного.

Вот что Иисус «во время оно» сделал. Вот что сказал. И точка.

«Во время оно...» Последовательность эпизодов прерывна, что ощущается резче всего, конечно, у Марка, но неизбежно в различной мере и для других евангелистов. Деление евангельского текста на главы и «стихи» — позднее, искусственное и не очень вразумительное (хотя и удобное для практических нужд цитирования); само по себе повествование членится именно на эти обособленные эпизоды, «перекопы», как они были названы в церковной практике. И расстояния от одного эпизода до другого не заполнены ничем, кроме молчания.

Сказано заведомо не «все». «Всего» не скажешь, как ни старайся. «Если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь». Такими словами кончается Евангелие, стоящее в каноне последним.

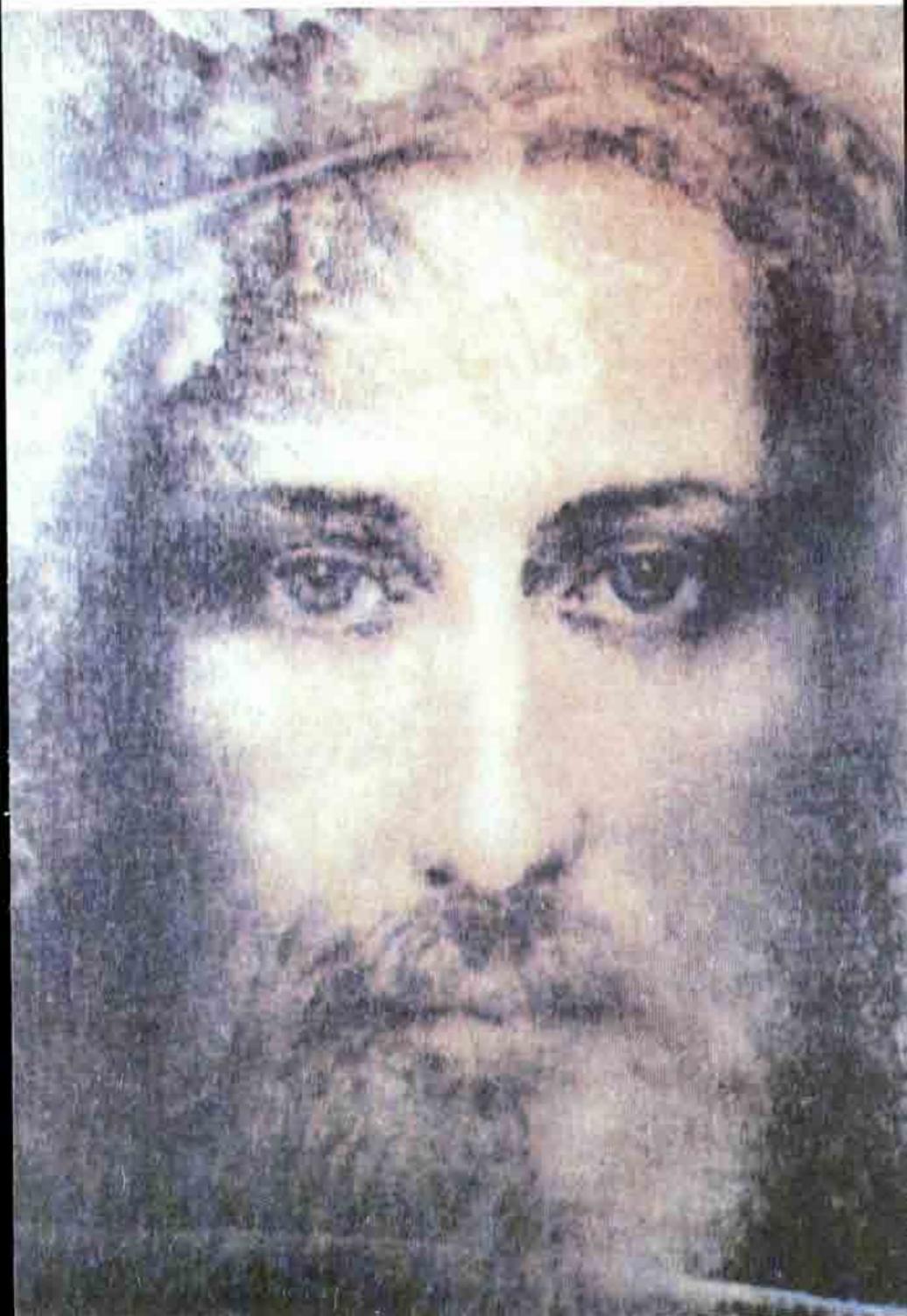
Толкователи пришли очень скоро. И в числе их — толкователи особого рода, которых можно называть пересказчиками.

Уже в IV в. наследники римской образованности перела-

гали латинскими гекзаметрами сводное Евангелие, основывая традицию, которая была продолжена в IX в. древнесаксонским эпосом «Гелианд», в XVII в. — «Возвращенным Раем» Мильтона, в XVIII в. — «Мессиадой» Клоштокка. За поэтами последовали пересказчики в прозе, одни — благоговейные, другие — не очень. Нам сейчас трудно понять успех «Жизни Иисуса» Ренана (1863 г.); чересчур самодовольное красноречие и размягченное воображение оскорбляют наш вкус, а двусмысленность позиции оттолкнет в наши дни как верующего, так и атеиста. Но потребность времени была угадана верно, ничего не скажешь. В XX столетии был трехтомник Мережковского «Иисус Неизвестный», где прорывы живой человеческой реакции на конкретность данных археологии и филологии (правда, уж очень по-дилетантски воспринятых) перемежаются, увы, с тяжеловесными красотами символической неоромантики. Была «Жизнь Иисуса» известного католического романиста Мориака, с интересными психологическими домыслами. Был умный, на английский лад эмоционально сдержанный цикл из двенадцати радиопьес Дороти Сэйрес «Тот, Кто был рожден царствовать»... Всего не перечислишь.

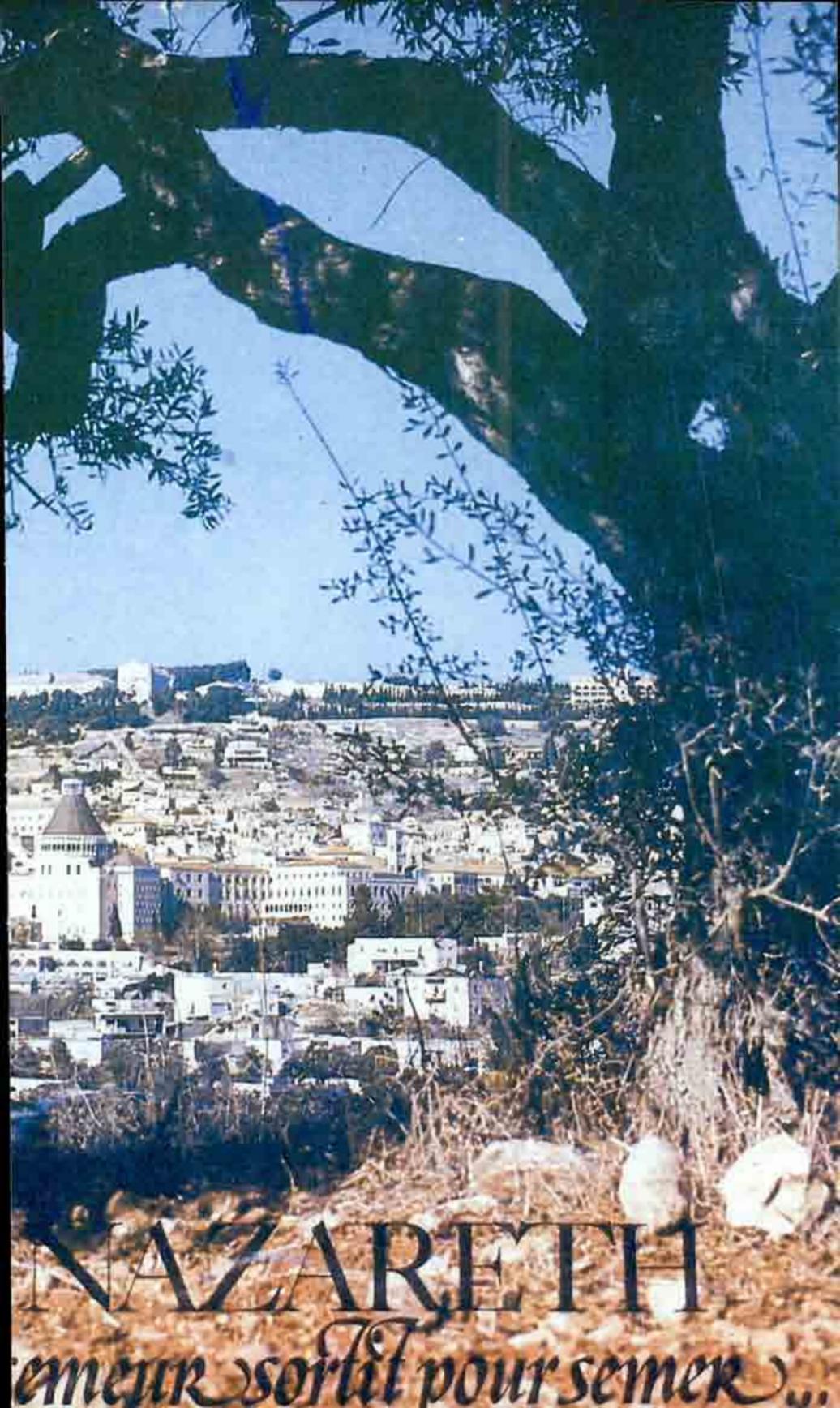
224  
Всякий рассказчик берет на себя большой риск просто потому, что, как бы хорошо он ни сказал, его речь все равно будет несравнимо слабее, чем первоисточник и первоисточник молчание первоисточника. Но это риск, который люди брали и берут на себя снова и снова, побуждаемые внутренней необходимостью, и едва ли перестанут брать.

Эта книга, написанная с незаурядной компетентностью, с серьезным учетом новых данных науки, а также, добавим, с необходимым при контакте с наукой чувством пропорций, нигде не гипнотизирующая читателя эрудицией, но дающая ему возможность ориентироваться в еще не обжитом пространстве, — она берет на себя смиренную служебную роль проводницы к первоисточнику, к подлинному евангельскому тексту. И лучшее, что можно пожелать ее читателю, верующему или не верующему, — это с новой подготовленностью или с новой остротой восприятия перечитать четыре Евангелия.



*Лик Христа по реконструкции американского агентства NASA.*





NAZARETH

*Le semeur sortit pour semer...*

Богоматерь Владимирская. Начало XII в.



# СЫН ЧЕЛОВЕЧЕС- КИЙ

## ОТ АВТОРА

Для чего написаны эти страницы? Нужны ли они, если об Основателе христианства было уже столько сказано?

Любая новая книга на евангельскую тему может вызвать подобные вопросы. Кроме того, очевидно, что никакой труд, посвященный жизни и учению Иисуса Христа, не в состоянии заменить своего первоисточника. «Есть книга, — писал незадолго до смерти Пушкин, — коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни... Сия книга называется Евангелием, — и такова ее вечно-новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удру-

ченные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие<sup>1</sup>. В самом деле, кто, кроме евангелистов, сумел справиться с этой грандиозной задачей — запечатлеть образ Иисуса Назарянина, причем пользуясь удивительно скудными средствами?

Итак, если мы хотим знать правду о Христе, то должны искать ее прежде всего в Евангелии.

Но тот, кто впервые берет его в руки, может столкнуться с известными трудностями. Ведь авторов Нового Завета отделяют от нас почти две тысячи лет. Современному человеку бывает нелегко понять многие их намеки, обороты речи, а подчас даже самый ход их мысли, что вы-

Из этой книги протоиерея Александра Менья, писателя, историка и православного богослова, в нашей стране были напечатаны лишь отдельные главы. За рубежом она выходила трижды в издательстве Центра Восточного Христианства (Брюссель). Здесь мы публикуем журнальный вариант четвертого, переработанного издания, которое готовится к печати.

зывает необходимость в комментариях, которые давали бы ключ к Евангелию.

Изучение новозаветной письменности давно уже стало целой наукой. Сотни толкователей — богословов, историков, филологов — проделали огромную работу по разбору и сопоставлению текстов, по уточнению их смысла. Они кропотливо исследовали каждую главу и каждый стих Евангелия.

Ценность этих аналитических трудов бесспорна. Они помогли уяснить немало важных подробностей. Однако авторы их следовали методу, который нередко оставлял на втором плане главное. Обширные критические excursus о Матфее, Марке, Луке и Иоанне почти заслонили самого Христа. А ведь евангелисты стремились донести до нас именно весть о Сыне Человеческом, Который есть альфа и омега христианства; без Него оно лишается души, попросту говоря, не существует.

Вот почему за последние полтора века в евангельской историографии наряду с богословским и литературным анализом стали использовать также и метод *обобщения*, синтеза. Авторы, которые пошли по этому пути, хотели, опираясь на данные текстуальной критики, воссоздать целостную картину земной жизни Христа.

Одним из первых этот подход применил известный русский проповедник архиепископ Иннокентий Херсонский (Борисов). Его очерки вышли в 1828 году под названием «Последние дни земной жизни Иисуса Христа». Книга с тех пор выдержала много изданий и продолжает пользоваться широкой популярностью. Однако она охватывает события только Страстной недели.

Остается сожалеть, что опыт полной «биографии» Христа, написанной в форме связного повествования, был предпринят впервые автором нехристианским. Речь идет об Эрнесте Ренане, французском историке и публицисте, книга которого «Жизнь Иисуса» появилась в 1863 году.

В ней автору удалось нарисовать яркую и правдивую панораму евангельской эпохи и необычайно живо изобразить Самого основателя христианства, хотя, будучи по мировоззрению скептиком-позитивистом, Ренан в значительной мере искажил Его облик.

Успеху «Жизни Иисуса» немало способствовало и то, что центральная тайна Евангелия — тайна *Богочеловечества* — отступила в христианском сознании на второй план. Это естественно привело к реакции, выразителем которой стал Ренан. Вскоре после выхода в свет его книги соотечественник Ренана — пастор Эдмон Прессансе писал: «Человечество Христа очень часто приносилось в жертву Его Божеству, забывали, что последнее неотделимо в нем от первого и что Христос... не Бог, скрывшийся под видом человека, но Бог, сделавшийся человеком, Сын Божий, униженный и поруганный, говоря смелым языком ап. Павла, Христос, действительно подчинивший Себя условиям земной жизни... Христа очень часто представляли нам как отвлеченный догмат, и потому бросились в противоположную крайность»<sup>2</sup>.

И поклонников, и противников Ренана сначала больше занимали его философские взгляды; когда же интерес к ним остыл, а страсти, разгоревшиеся вокруг «Жизни Иисуса», стали утихать, отчетливо обнаружилось достоинство примененного в книге метода.

Характерен случай, который рассказывали о Владимире Соловьеве. Однажды, беседуя с обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым — человеком крайне консервативным, философ попросил у него позволения издать по-русски «Жизнь Иисуса», снабдив ее, разумеется, критическими примечаниями.

— От вас ли я это слышу? — возмутился обер-прокурор. — Что это вам в голову пришло?

— Но ведь надо же наконец народу о Христе рассказать, — ответил, улыбаясь, Соловьев.

Сам он относился к Ренану отрицательно, но хотел подчеркнуть, что, как правило, многословные труды критиков и толкователей мало приближали людей к евангельскому Христу. В этом смысле на их фоне мог выигрывать даже Ренан.

Неудивительно, что вслед за книгами архиеп. Иннокентия Херсонского и Ренана стали выходить другие, написанные в том же жанре, и число их с каждым десятилетием увеличилось. Нередко, правда, результаты получались спорными и противоречивыми. Одни хотели видеть в Назаряне только реформатора иудаизма, другие — последнего из пророков; сторонники насилия изображали Его революционером, толстовцы — учителем непротивления, оккультисты — «посвященным» эзотерического ордена, а враги традиционных общественных устоев — борцом против рутины. «Есть нечто трогательное, — замечает известный историк Адольф Гарнак, — в этом стремлении всех и каждого подойти к этому Иисусу Христу со стороны своей личности и своих интересов и найти в Нем самого себя или получить хотя бы некоторую долю в Нем»<sup>3</sup>. С другой стороны, в таких попытках обнаруживалась узость людей, которые силились разгадать «загадку Иисуса», исходя только из своих, подчас весьма односторонних воззрений.

Между тем личность Христа неисчерпаема, она превосходит все обычные мерки; вот почему каждая эпоха и каждый человек могут находить в Нем новое и близкое им. Об этом, в частности, свидетельствует и история искусства. Если мы сравним фреску в катакомбах Рима или древнерусскую икону с изображением Христа у Зль Греко или модерниста Шагала, то легко убедимся, как по-разному преломлялся Его образ на протяжении веков.

Чем же можно проверять и корректировать эти трактовки в живописи, в науке и литературе?

Единственным критерием здесь является *само Евангелие*, на кото-

ром основаны все попытки изобразить Сына Человеческого.

Правда, некоторые историки утверждают, что Евангелия слишком лаконичны, чтобы дать материал для «биографии» Иисуса. Действительно, в них опущены многие факты, ряд конкретных деталей остается неясным, но непредубежденный исследователь найдет в них все важнейшие черты жизни и учения Христа. К тому же скудость источников обычно не мешает создавать жизнеописания великих людей, о которых сохранилось куда меньше достоверных данных.

Есть и богословы, отвергающие возможность изложить евангельскую историю лишь на том основании, что Новый Завет не «объективный рассказ», а проповедь о спасении и Спасителе мира. Но если даже Евангелия и возникли как книги церковные, богослужебные, содержащие прежде всего благовестие веры, это вовсе не исключает их исторической ценности. Созданные не летописцами и не историками, они, однако, содержат свидетельство, пришедшее к нам из первого века, Церкви, когда еще были живы очевидцы земного служения Иисуса.

Повествования евангелистов подтверждаются и дополняются античными и иудейскими авторами, а также открытиями современных археологов. Все это позволяет считать задачу биографов Иисуса Христа вполне осуществимой.

Разумеется, чисто исторический аспект не может являться главным в Его «биографии».

Сын Человеческий принадлежит не только прошлому. Сегодня, как и в то время, когда Он жил на земле, Его любят, в Него верят и с Ним борются.

Однако нельзя забывать, что путь Христов проходил среди людей определенного времени, что к ним в первую очередь было обращено Его слово. Св. Иоанн Златоуст рекомендовал, читая Евангелие, представлять себе конкретную обстановку, служившую фоном священных событий. Теперь

мы можем следовать этому совету успешнее, чем во дни самого Златоуста, поскольку располагаем более подробными сведениями об Иудее I века.

Увидеть Иисуса Назарянина таким, каким видели Его современники, — вот одна из главных задач книги о Нем, если она строится по принципу историко-литературного синтеза. Среди христианских авторов, руководствовавшихся этим принципом, наибольшую известность приобрели Фредерик Фаррар, Конингем Гейки, Альфред Эдершейм, Ари Дидон, Франсуа Мориак, Дмитрий Мережковский, Ари Даниель-Ропс, Артур Нисен, Чарлз Додд. Но поскольку все они писали для Запада, появление еще одной книги этого направления, ориентированной на русского читателя, может быть оправдано.

В ней автор не ставил себе исследовательских целей, а стремился лишь к тому, о чем говорил Вл. Соловьев в беседе с Победоносцевым, — просто *рассказать о Христе*. Рассказать на основании Евангелий, лучших комментариев к ним, а также других источников. При работе были приняты во внимание важнейшие результаты современной новозаветной критики, но с учетом того, что и она сама нуждается в критическом подходе.

Предназначена эта книга в основном для тех, кто прочел Евангелие впервые или даже совсем незнаком с ним. *Поэтому рассказ начинается с внешних событий, лишь постепенно приближаясь к темам более глубоким и сложным.*

Впрочем, искушенный читатель, быть может, тоже найдет здесь для себя нечто новое, хотя прямо ему адресован только раздел, относящийся к «теории мифа» и происхождению Евангелий.

Автор надеется, что книга окажется небезынской и для неверующих. Любому человеку следует иметь представление об Основателе религии, которая стала неотъемлемой частью мировой культуры.

Цитируя Новый Завет, автору при-

шлось отказаться от общепотребительного синодального перевода. Достоинства его несомненны, но, сделанный более полутора веков назад, он устарел как в научном, так и в литературном отношении. Поэтому в книге использован (с некоторыми поправками) новый перевод, осуществленный в Париже под редакцией архиепископа Кассиана (1970).

Ссылки на литературу приведены только в самых необходимых случаях. Желающие углубить свои знания в этой области могут обратиться к трудам, указанным в библиографии.

Если предлагаемый очерк поможет читателю лучше понять Евангелие, пробудит к нему интерес или просто заставит задуматься, цель автора будет достигнута.

# ПРОЛОГ



Весной 63 года до н. э. на дорогах Палестины показались колонны римских солдат. За ними со скрипом тянулись обозы, грохотали тяжелые осадные орудия, в тучах пыли блестели панцири легионеров и колыхались боевые знамена.

Командовал армией сорокатрехлетний полководец Гней Помпей. Втайне мечтая о мировом господстве, он любил рядиться в тогу международного арбитра и говорил, что явился в Сирию не для захвата чужих владений, а как защитник порядка и освободитель. В эти годы он достиг зенита славы и был окружен любовью военных. То, что Помпей расправился с пиратами — этим бичом мореплавателей — и победоносно завершил кампанию против Митридата Понтийского и Тиграна Армянского, укрепило его позиции как в Риме, так и за его пределами.

Ближний Восток Помпей застал в состоянии войны, которую вели между собой местные царьки и правители. Поэтому он поспешил водворить там мир, раздавая титулы и короны, и в то же время объявил все сирийское побережье провинцией Рима.

Этот момент совпал с упорной борьбой за иерусалимский престол двух братьев-претендентов — Аристубула и Гиркана. Они обратились к Помпею с просьбой решить их спор. Но пока в Дамаске тянулись переговоры, Аристубул внезапно передумал и отказался от помощи римлян. Узнав об этом, разгневанный Помпей быстрым маршем двинулся на Иерусалим...

Палестина, или страна Израиля, по которой шли теперь когорты и где через сто лет должен был прозвучать голос Христа, расположена на перекрестке Европы, Азии и Африки, что постоянно делало ее яблоком раздора. Многие завоеватели на протяжении веков покушались на ее территорию, хотя она никогда не славилась особенным плодородием или природными богатствами. Эта небольшая полоса земли, протянувшаяся по берегам Иордана и Мертвого моря, включает всевозможные оттенки климата и рельефа. Недаром ее называют краем контрастов. Вечные снега лежат на вершинах израильских гор; зимой снег нередко выпадает даже на юге, а кое-где летом жара достигает почти тропической силы. Пальмы и гранатовые деревья, смоковницы и кипарисы соседствуют с зарослями орешника и ивнякам; зеленые равнины чередуются с голыми скалистыми грядками.

В древности наиболее цветущим был северный округ — *Галилея*, расположенный на запад от озера Кинерет (Генисарет), которое иногда называли Галилейским морем. Среди населения этой местности жило много иноплеменников, из-за чего ее именовали «Галилеей языческой». С юга к ней примыкает область *Самария*. Когда-то вместе с Галилеей она составляла Северное Израильское Царство, уничтоженное в 722 году до н. э. ассирийцами. Завоеватели угнали в плен жителей городов, а на их место переселили людей из Месопотамии и Сирии. Колонисты смешались с израильтянами и приняли их веру, сохранив, однако, свои старые обычаи. Иудеи отказывались признать в этих *самарянах* собратьев, считая их полуязычниками, что вело к конфликтам, о которых упоминают и Евангелия. Несколько сот самарян и сегодня живут в Израиле. Подобно своим предкам, они почитают священной гору Гаризим, где некогда стоял их храм.

Южная часть страны, или собственно Иудея\*, представляет полную противоположность Северу. Неприветливая и бесплодная, она похожа на гористую пустыню с оазисами. Ее суровый, но здоровый климат закалил иудеев, сделав их выносливым, чуждым изнеженности народом. Последним пунктом на пути римлян в Иерусалим, еще сохраняющим прелесть благодатного Севера, был Иерихон; он славился целебными источниками и пальмовыми рощами. Именно там разбил свой лагерь Помпей и оттуда привел солдат к стенам иудейской столицы.

Иерусалим, переживший пятнадцать веков славы и падений, уже давно стал легендарным городом. Он был расположен на горе и представлял собой мощную крепость. Вид его стен смутил Помпея, который знал толк в осадном деле. Однако ему помогли раздоры, бушевавшие внутри города. Аристокл сдался на милость римлян, а партия его брата Гиркана открыла им ворота. Только те, кто не желал мириться с присутствием чужеземцев, заперлись в храмовой цитадели, готовые стоять насмерть.

Целых три месяца шла осада, пока римляне с величайшим трудом не разрушили одну из башен. Когда они хлынули в ограду Храма, то с изумлением увидели, что священники продолжают совершать богослужение. Все время, пока длилась отчаянная оборона, духовенство не покидало алтаря и погибло вместе с защитниками святыни.

Пользуясь правом победителя, Помпей захотел осмотреть знаменитый Храм, в том числе и *Дебир*, Святое Святых, место, куда мог входить, да и то раз в году, только первосвященник.

Переступить запретный порог толкало римлянина неудержимое любопытство: ведь о религии иудеев ходили самые фантастические слухи. Одни рассказывали, что в Дебуре находится золотое изображение ослиной головы, другие уверяли, что там прячут человека, обреченного на заклятие. Что же скрывается в нем на самом деле? Каких только сюрпризов не подносил загадочный Восток людям Запада!

\* Римляне называли Иудею всю Палестину.

В напряженной тишине отодвинута завеса... И что же? Удивлению Помпея и его офицеров не было границ. Они ожидали увидеть нечто необыкновенное, по крайней мере какой-то образ — прекрасный или отталкивающий. Но там было пусто. Там обитало Незримое...

Со странным чувством, к которому примешивался суеверный страх, покинули римляне Храм, не прикоснувшись ни к чему. Но, наверное, они удивились бы еще больше, если бы узнали, что судьба поставила их лицом к лицу с религией, предназначенной стать колыбелью учения, которое завоеует Восток и Запад, беломраморную Элладу и их родной Рим.

Чем же отличалась эта религия от прочих?

Ответить на вопрос можно, лишь начав издалека.

Уже тогда, когда свет разума впервые вспыхнул в человеке, он ощутил реальность некоей высшей Силы, объемлющей мироздание. Для первобытных охотников было естественно отождествить Ее с тем, что мы теперь называем природой. Поэтому всюду — в облаках и звездах, в реках и живых существах — люди искали присутствия Божественного.

Сначала, как правило, это приводило к грубому идолопоклонству, к обоготворению отдельных предметов и явлений. Позднее в Индии, Китае и Греции культ природы породил веру в то, что видимый мир есть единственно подлинная действительность. Но такой взгляд шел вразрез с общечеловеческим духовным опытом и не получил широкого признания.

Напротив, с приходом религиозной и философской зрелости культур укрепилось убеждение, что верховная Реальность в корне отличается от всего частного и ограниченного. Последним словом дохристианской мысли стало учение о Божестве. Чье сокровенное, неисповедимое бытие находится по ту сторону зримого. Как бы ни называть Его — Небом, Отцом, Судьбой, — глубина Его не может быть познана никем из смертных. Идея эта не только вытекала из переживаний мистиков, но имела и логическое основание. Поистине — какой разум в состоянии охватить саму Беспредельность?..

Однако таинственный прорыв ввысь не погас в человеке. Он все время стремился преодолеть дистанцию, отделяющую его от Неба, связать свою жизнь с иным миром. В результате продолжали существовать две тесно переплетенные веры: вера в Непостижимого и — в стихийные божества. Последние, казалось, стояли ближе к человеку, и с ними можно было вступить в прямой контакт. Считалось, что есть секретные магические приемы, с помощью которых люди способны влиять на демонов и духов. Подобный утилитарный взгляд оставался господствующим в течение тысяч лет.

Многобожие и *магия* тщетно пытались заполнить пропасть, отделяющую землю от неба.

Впервые эта раздвоенность была снята в библейском Откровении. Оно учило о Боге «святом», то есть несоизмеримом с тварью, и одновременно — о человеке как Его «образе и подобию». Таинственное родство бесконечного Духа и духа конечного делает, согласно Библии, возможным *Завет* между ними.

Завет, или Союз, есть путь к единению человека не с богами, а именно с высшим Началом, пребывающим над Вселенной.

Примечательно, что религию Завета исповедовал народ, который не создал могущественной цивилизации, не выделялся в политическом отношении и лишь на короткое время достиг национальной независимости. Однако верность Богу он сумел пронести через долгие столетия своей мучительно трудной истории. Предки этого народа с незапамятных времен кочевали между Сирией и Египтом. Предание сохранило память о племенном вожде евреев **Аврааме** (ок. 1900 г. до н. э.), с именем которого связано начало ветхозаветной религии. Первая ее заповедь указывала на важность человеческих поступков перед лицом Неба. «Я — Бог Всемогущий; ходи передо Мной и будь непорочен». Аврааму было обещано, что через его потомков «благословятся все племена и народы земли»; хотя оставалось тайной, что будет означать это благословение<sup>1</sup>.

В XVII веке до н. э. гонимые голодом евреи переселились на восток нильской Дельты, где постепенно подпали под деспотическую власть фараонов. Вера Авраама была почти забыта.

Около 1230 года группа еврейских кланов, носивших имя «Сыны Израиля», или просто **Израиль**, была объединена **Моисеем** — их великим пророком и законодателем. Он вернул народ к «Богу отцов», к «Богу Авраама, Исаака и Иакова» и вывел соплеменников из «дома рабства». В память об «исходе» и освобождении Моисеем был установлен праздник Пасхи.

232

Скрывшись в Синайской пустыне, израильтяне некоторое время обитали в окрестностях священной горы Синай и оазиса Кадеш, где пророк торжественно провозгласил основы религии Завета.

Моисей заповедал народу чтить лишь одного Бога, Владыку и Создателя мира, Который есть **Ягве**, Суший, Тот, Кто обладает бытием, будучи Сам превыше всего чувственного. Пророк запретил поклоняться каким-либо природным богам и даже делать изображения Самого Ягве. Знаком Его пребывания среди верных был только ковчег, большой ларец, украшенный фигурами крылатых существ — керубов. Его укрепляли на длинных шестах и во время битвы несли перед воинами.

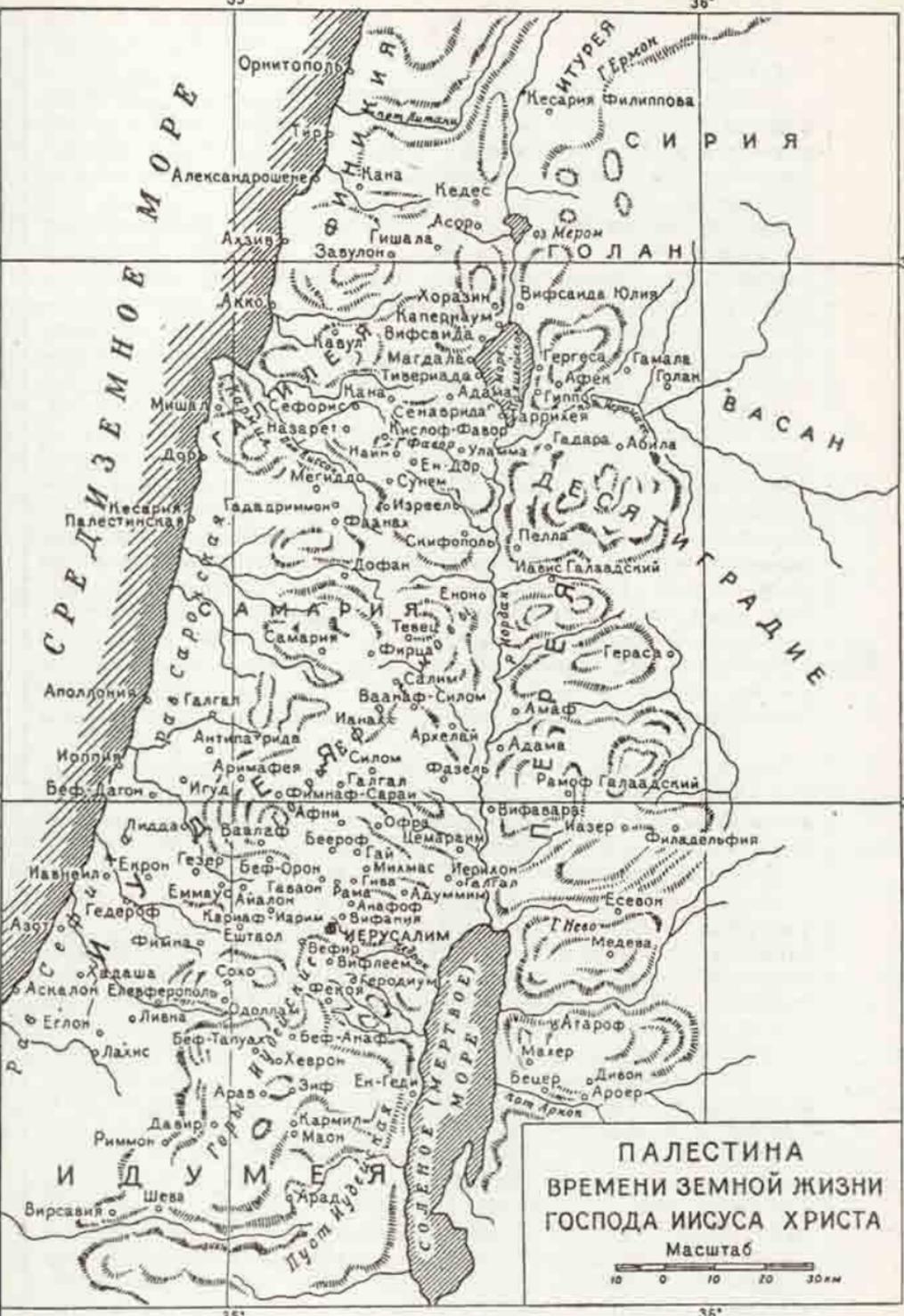
Моисей учил, что по воле Сушего Израиль должен стать **избранным** Его орудием, «народом святым и царством священников», то есть общиной людей, предназначенной служить истинному Богу.

Культ кочевников-израильтян был свободен от обилия церемоний, свойственного всем древним религиям. Учение пророка кратко сформулировано в **Декалоге**, десяти заповедях, которые были начертаны на двух каменных плитах. Суть их сводилась к верности Господу-Избавителю, а также основным нравственным нормам: чти отца и мать, не убивай, не кради, не прелюбодействуй, не клеветничай, не завидуй. Из культовых обычаев Декалог упоминает лишь один — закон субботнего дня, посвященного Богу.

Кроме Десяти заповедей, к той же эпохе, вероятно, относится

35°

36°



**ПАЛЕСТИНА**  
**ВРЕМЕНИ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ**  
**ГОСПОДА ИСУСА ХРИСТА**  
 Масштаб  
 10 0 10 20 30 км

35°

36°

и молитва-исповедание, начинавшаяся словами: «Слушай, Израиль! Ягве — Бог наш, Ягве — един. И возлюби Ягве, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими!»<sup>2</sup>.

Величественная простота Моисеевой веры и ее заповеди, следовать которым и до сих пор оказывается столь нелегко, знаменовали коренной поворот в религиозном сознании. Неудивительно, что Моисей должен был пережить трагедию непонятого пророка.

Библия повествует о том, с каким трудом воспринимали вчерашние рабы уроки своего учителя, как они восставали против него, как сильна была над ними власть привычных суеверий. Но пророк не отступал даже тогда, когда ему казалось, что дело проиграно. И его усилия не пропали даром. Религия Завета стала тем прочным корнем, из которого выросли духовная стойкость и единство народа.

Еще при Моисее израильтяне начали проникать в *Ханаан*, как тогда называли Палестину, а после его смерти большая их часть перешла реку Иордан и завоевала страну. Осуществилась мечта многих поколений: жить на «земле Авраама». Племя иудейское осело в районе гористого Юга, а остальные колена — на Севере. Но вскоре оказалось, что дети пустыни попали в положение победителей, которым пришлось покориться культуре побежденных. Цивилизация хананеев, родственная финикийской, была по тем временам высокоразвитой. Тем не менее ханаанские культы продолжали сохранять древний изуверский характер. В них практиковались и человеческие жертвоприношения, и ритуальные убийства детей, и храмовая проституция. Праздники, связанные с плодородием, сопровождались у хананеев чувственными обрядами и оргиями.

Под воздействием народа, среди которого ему пришлось жить, Израиль стал быстро терять свою духовную самобытность. Почитание Ваалов и других земледельческих богов Ханаана незаметно вошло в быт еврейских крестьян. Как говорит Библия, «Сыны Израиля уклонились от Ягве, Бога своего».

Около 1100 года на ханаанский берег высадились воины, пришедшие с островов Эгейды. То были филистимляне, народ, уже овладевший секретом выплавки железа. Они быстро установили власть над страной, и от них впоследствии она получила свое греческое название — Палестина. Израильтяне и хананеи, имевшие только бронзовое оружие, не могли противиться завоевателям.

Прошло почти полвека, прежде чем иго чужеземцев было осмыслено как небесная кара за отступничество. И тогда явились проповедники, призывавшие возвратиться к вере отцов. Они пробудили народные силы и возглавили восстание против филистимлян.

Война длилась долго и закончилась победой. В результате ее было образовано независимое еврейское царство. Около 1000 года при царе *Давиде* оно объединило несколько родственных племен и простерло свои границы «от Нила до Евфрата». Религиозной и политической столицей Давид сделал ханаанскую крепость Иерусалим, куда по его приказу перенесли ковчег.

Пророк Нафан предсказал царю, что его преданность вере будет вознаграждена: один из потомков Давида станет основателем вечного царства.

По обычаю Востока, когда человека провозглашали монархом, священник возливал на его голову кубок елея. Елей, масло оливо, считали символом прочности. Обряд же «помазания» напоминал о том, что власть даруется от Бога, Дух Которого отныне будет пребывать на Избраннике. Поэтому каждый властелин Израиля (а иногда и пророк) именовался Помазанником, *Мессией*, или по-гречески — *Христом*. Однако со временем этот титул стали относить лишь к великому Царю грядущего.

Для израильтян обетование о Мессии сливалось с общей надеждой на свершение неведомых замыслов Господних. Эта надежда издавна была характерной чертой Ветхого Завета. Она зародилась еще во дни Авраама; потом вожденной целью стала «земля обетованная», куда указал путь Моисей, и, наконец, пророчество Нафана дало новое направление народным чаяниям.

Не следует, впрочем, думать, что духовная жизнь Израиля оставалась в ту пору незамутненной. В каждой главе библейской истории есть драматические страницы, повествующие о борьбе и соблазнах, падениях и отступничестве. Малодушие и страсти, тага к чужим культам и расчеты политиков не раз колебали веру.

После Давида контакты с Финикией и Египтом вновь усилили влияние язычества. Хотя в храме, который построил царь Соломон, не было изображения Бога (то есть соблюдался Моисеев завет), зато рядом с ним разместились капища иноверцев. Когда же в 922 году царство распалось на Север и Юг, Израиль и Иудею, угроза идолопоклонства стала еще реальной. Повсюду воздвигались алтари в честь Ваалов и Астарты, казалось, еще один шаг — и язычество будет признано второй официальной религией Израиля.

Духовный кризис сопровождался кризисом социальным. Самодержавие монархов, которые все больше расширяли свои привилегии, рост имущественного неравенства, несправие и разорение крестьян, огромные налоги, проникновение в страну финикийской роскоши — все это не могло не тревожить людей, которые верили в миссию Израиля и ужасались его упадку. Их взоры были обращены к идеалам Синая, к чистой вере патриархальной старины.

Из среды этих оппозиционеров и вышли *пророки*, Божии посланцы, звавшие народ очнуться от спячки.

Обычно они проповедовали в Храме. Не намереваясь создать новую религию, пророки хотели возродить и очистить ту, что была унаследована от времен Моисея. Пророки отказывались во имя ложно понятого патриотизма лстыть толпе и без колебаний начали переоценку всего строя национальной жизни.

Деятельность пророков совпала с той эпохой, когда большинство цивилизованных стран вступило в полосу религиозных революций. Это был исторический перелом, который можно сравнить лишь с появлением христианства. Старое мировоззре-

ние, ставившее в центр ритуал, заклинание, магию, начало колебаться. Повсюду, от Китая до Италии, появились **мировые учителя**, пытавшиеся найти новые ответы на жгучие вопросы жизни и веры. Авторы Упанишад, Будда, Махавира, Лао-цзы, Конфуций, Заратустра и греческие философы — вот те, кто духовно сформировал мир, в который пришел Иисус Назарянин. Они были Его предтечами, но в строгом смысле слова называть так можно только израильских пророков.

Многое роднит их с великими мудрецами Востока и Запада. Подобно отшельникам Индии, они знали, что Бог как абсолютный источник бытия превосходит все земное; подобно персидскому реформатору Заратустре, верили в Него как в совершенный Свет и Добро; подобно Гераклиту, они созерцали в Нем динамическую, «огненную» силу; подобно Анаксагору и Платону, говорили о нем как о вселенском Разуме, или Премудрости. Но при этом пророки были далеки от того, чтобы вместе с Буддой считать эту жизнь злом, тягостным маревом; в отличие от элейских метафизиков не учили, что Творец и мир есть нераздельное целое.

Они знали, что Бог, как бы ни был велик Он, связан узами любви со Своим творением, что человек — Его избранный, которому Он Себя открывает.

Самое непостижимое в пророках — тайна их вдохновения. Они не строили гипотез, не создавали умозрительных систем. Бог **непосредственно** через них возведал Свою волю. Речь пророков обычно начиналась словами: «Так говорит Ягве». Дух Господень овладевал ими с покоряющей силой, и люди внимали их голосу, как голосу Неба. Это чудо потрясало самих пророков. Иногда им было даже трудно охватить умом все открывшееся.

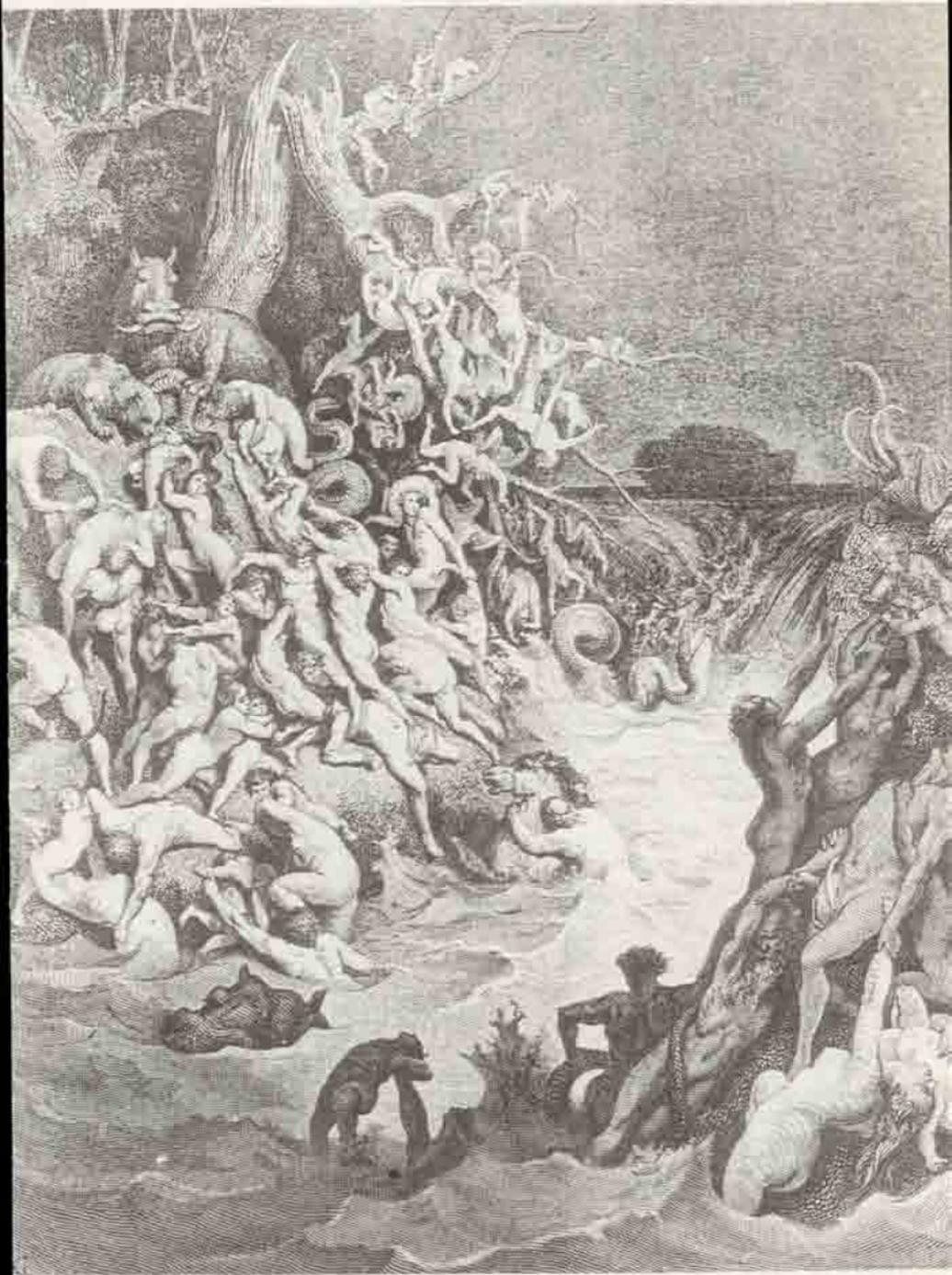
Пророки отчетливо сознавали себя орудиями, глашатаями и посланниками Всевышнего. Но в то же время они были непохожи на языческих прорицателей, вроде пифий, которые вещали, находясь в состоянии бессознательного транса. В опыте библейских провидцев просветленный человеческий дух предстал Сущему, открывающему Себя как Личность. Бог говорил с миром и ждал от него ответа. Таким образом, в пророках осуществлялось единение твари с Творцом, осуществлялся тот Завет, который был основой веры Израиля.

Пророки не только переживали встречу с Богом в глубине своего существа, но видели Его руку в жизни народов. Это было откровением, уникальным среди других религий.

«Вечный закон, который греки усматривали в стройном развитии и движении материи, — пишет английский историк Кристофер Доусон, — для иудеев осуществлялся в превратностях человеческой истории. В то время как философы Индии и Греции размышляли об иллюзорности или вечности космических процессов, пророки Израиля утверждали нравственную цель истории и объясняли преходящие события своего времени в их отношении к божественной воле»<sup>3</sup>.

Наблюдая неизменные ритмы природы: восходы и закаты, смену времен года и движение планет, — большинство древних

ГЮСТАВ ДОРЕ. Всемирный потоп.



философов пришло к мысли о **циклическом** характере бытия. Все, полагали они, несется по кругу, все один раз случившееся повторится опять, и ничего не может быть в корне изменено. Рождаясь, умирая и возникая вновь, Вселенная и человек обречены на вечный круговорот. В противовес этому взгляду Библия учит о творении, которое устремлено ввысь, к совершенству. И хотя одновременно с добром возрастают и злые силы, в конечном счете они будут побеждены, и миру откроется свободный путь к Царству Божию. Иными словами, пророки стали первыми, кому открылись **направление и смысл истории**.

Благодаря пророкам учение Моисея приобрело черты **мировой религии**\*. По словам Паскаля, единственным выражением библейской веры «должна быть любовь к Богу, и Бог осуждает все остальное»<sup>4</sup>. Эта любовь требовала не столько церковных церемоний, сколько человечности, добра и правды. Поэтому в проповеди пророков такое большое место занимала идея социальной справедливости. Как бы ни различались учителя Израиля по своему характеру, темпераменту и общественному положению, их всех объединяла бескомпромиссность в отношении к отступникам, тиранам и лицемерам, которые надеялись «задобрить» Творца дарами и жертвами.

Вот пламенный **Илия** (ок. 850 г.), защитник гонимых и обездоленных, который без колебания бросает упрек в лицо самому царю.

Вот пастух **Амос** (ок. 770 г.), человек из народа, не желающий даже называть себя пророком; но он не может молчать, когда Господь повелел ему идти по городам и возвещать День Суда. Пусть не надеются израильтяне на свою избранность. Ее будут достойны лишь те, кто следует закону правды Божией.

*Не подобны ли сынам эфиопов  
для Меня вы, сыны Израиля? — говорит Ягве.  
Не вывел ли Я Израиль из Египта,  
как филистимлян из Крита  
и сирийцев из Кира?*<sup>5</sup>

Вот левит **Осия** (ок. 750 г.), оплакивающий духовное вырождение Северного царства. Он провозглашает, что любовь между людьми дороже Богу всех пышных ритуалов. «Милосердия хочу, а не жертвы», — говорит Господь через пророка<sup>6</sup>.

Вот **Исайя**, иерусалимлянин знатного рода, влиятельный советник царя (ок. 730 г.). Его не может обмануть показной блеск двора, не радуют толпы во дворе Дома Господня. Никакие воскурения и молитвы не в состоянии заменить чистоты сердца и справедливых поступков.

*К чему Мне множество жертв ваших? —  
говорит Ягве...*

\* Т. е. религии универсальной, в противоположность старым, чисто национальным культам.

*Когда вы приходите пред лице Мое,  
кто требует от вас этого?*

*Довольно топтать дворы Мои,  
и не приносите больше ненужных даров...*

*Удалите от очей Моих злодеяния ваши,  
перестаньте делать зло,  
научитесь делать добро,*

*Ищите правды, удерживайте насильников,  
защищайте сироту, вступайтесь за вдову?*

Пророков нередко называют социальными утопистами. Но на самом деле они не предлагали никаких политических реформ. Если Платон разработал проект режима с общностью имущества и контролем правительства над всеми сферами жизни, а философ Ямбул мечтал о Городе Солнца, где все будут равны, то пророки ставили на первое место веру и нравственные задачи человека. Они знали, что одних внешних перемен недостаточно, что гармония в мире возможна лишь в результате гармонии между волей Божией и волей людей.

Но именно поэтому пророки не собирались мириться с язвами общества. Их страстный протест был продиктован верой в высокое предназначение человека. Они говорили о «Дне Господнем», когда кончится царство зла среди людей. Духовному взору Исаии предносилось явление Помазанника, через Которого Суший установит Свое Царство. Тогда все народы познают вечную правду, оставят идолов и преступные дела. Бог «отрет каждую слезу», и земле снова будет возвращен Эдем. Пророк **Иеремия** (ок. 630 г.) связывал конец старого мира с **Новым Заветом**, который будет начертан уже не на каменных скрижалях, а в душах людей.

230

Эсхатологические чаяния пророков обостряли в них чувство ответственности за свой народ. Ему дано откровение, и потому его грехи преступны вдвойне. Ему поручена миссия привести человечество к Богу, но если избранные окажутся недостойными, небесный покров покинет их. Из дальних стран придут язычники, чтобы разрушить Израильское и Иудейское царства.

Грозные предсказания скоро сбылись. В 772 году Северная монархия евреев была сметена с лица земли Ассирией, а в 586 г. халдейский царь Навуходоносор II взял штурмом Иерусалим, сжег Храм и угнал основную массу иудеев в Вавилон.

Казалось, такая катастрофа могла привести к полному исчезновению Израиля и его религии. Но этого не случилось. Завска пророков была настолько сильна, что и вдали от отечества иудеи продолжали сознавать себя народом Божиим. Испытание углубило в них покаянное чувство, и с тех пор языческие соблазны перестали манить их, как прежде. Пророки, жившие среди изгнанников, — **Иезекииль** (ок. 580 г.) и **Исаия Второй** (ок. 550 г.) — продолжали дело своих предшественников. Они проповедовали в молитвенных домах, вели беседы, писали книги. Под их влиянием иудейство постепенно превращалось в сплоченную Общину — Церковь Ветхого Завета.

Через полвека «плен на реках Вавилонских» кончился, Хал-

дея была захвачена персами. В 538 году царь Кир, основатель величайшей державы Востока, разрешил всем переселенным в Вавилон иноземцам вернуться на родину. Одушевленные речами проповедников, многие иудеи направились в землю отцов. Но смелые мечты энтузиастов, вообразивших, что дни Мессии наступят немедленно, разбились о неприглядную действительность. Вместо прежнего Израиля было образовано маленькое княжество, подчиненное Ирану, которое включало лишь Иерусалим с его пригородами. Крепость Давида лежала в руинах, новоприбывшие терпели нужду.

Прошло время пророков; нужно было теперь учиться жить по их заветам, но ни у кого не было ни сил, ни энергии, ни уверенности в будущем. Когда из Вавилона около 400 года вернулся священник Эзра (Ездра), он нашел кое-как отстроенный храм и народ в состоянии полной апатии.

Эзра привез с собой полный текст Закона Божия, именуемый **Торой**, или Пятикнижием Моисеевым. Тора выросла из Десяти Заповедей и дополнялась на протяжении веков. Священники записали устные предания и уставы времен Моисея, а также внесли в книгу богослужебные правила. Отныне ей предстояло служить религиозным, нравственным и гражданским кодексом Израиля.

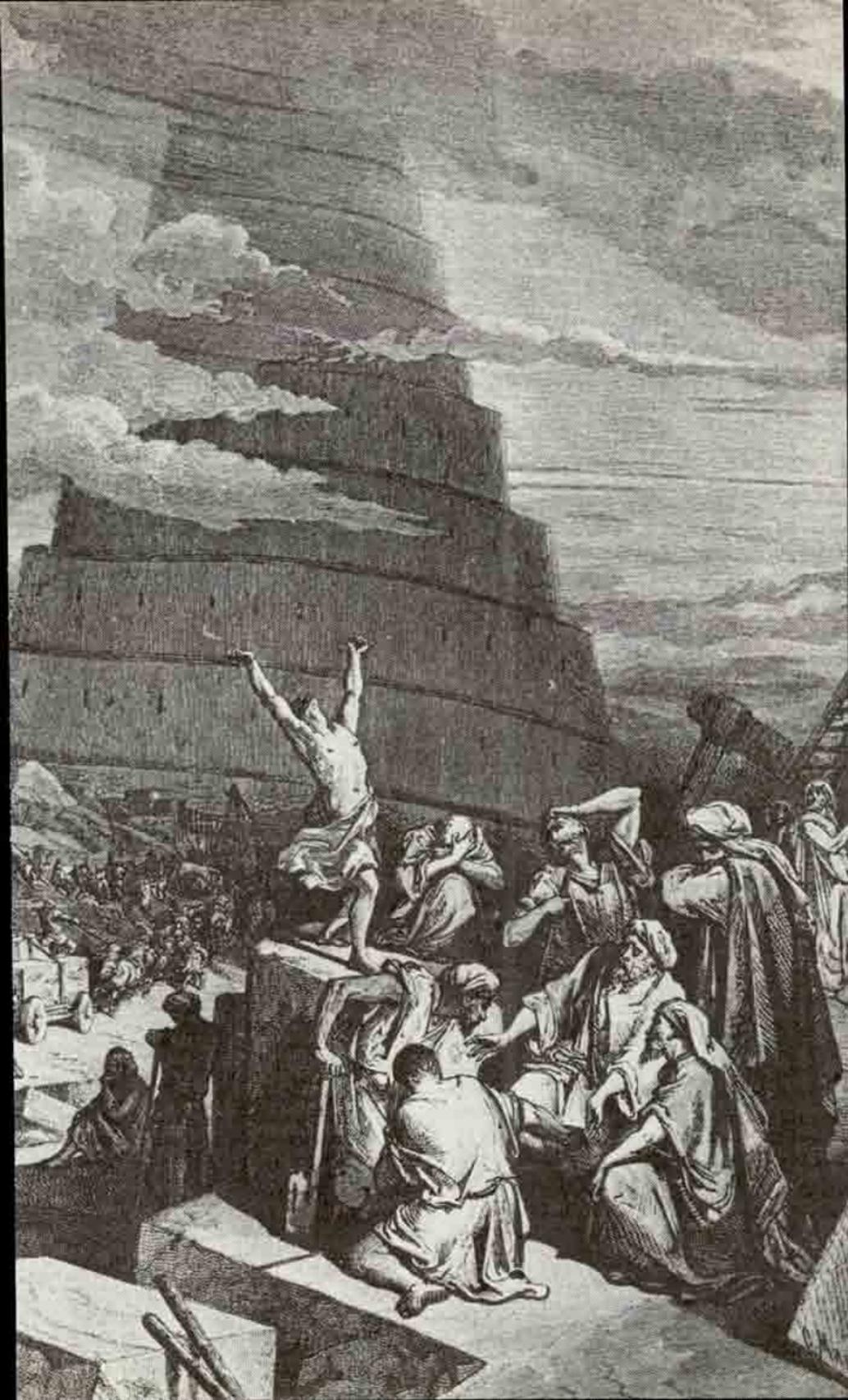
Опасаясь влияния языческих соседей, Эзра и его продолжатели **книжники** задумали отделить иудеев от всего мира. Неукоснительное соблюдение субботы, пищевые запреты и другие обычаи преследовали одну цель — ограждение Общины.

На первый взгляд создается впечатление, что законники похоронили наследие пророков под грудой мелочных предписаний. Однако, как показало время, их крутые обособительные меры были тогда оправданы. Именно благодаря их мощному панцирю религия Библии вышла невредимой из той битвы, которая разыгралась в Палестине при греческом царе **Антиохе Епифане**.

Греция к этому времени давно перестала быть островом демократии. Ее погубили партийная борьба, войны и распри. Повсюду народ тяготел к сильному централизованному правительству. Поэтому, когда в IV веке до н. э. Александр Македонский провозгласил себя монархом, он лишь привел к логическому концу процесс, начавшийся уже за сто лет до него.

Чтобы придать царской власти высший авторитет, Александр причислил себя к сонму богов. Так поступили и его наследники, и среди них был Антиох Елифан (175—163). Этот царь, всерьез возомнивший себя сверхчеловеком, хотел спаять подвластные ему народы, насаждая среди них единую цивилизацию эллинизма, ее стиль, вкусы, религию. Предприятие Антиоха нигде не встречало преград, и только вера Израиля стала тем камнем, о который он споткнулся.

Рядовое духовенство, книжники и народ сначала оказывали ему лишь пассивное сопротивление, но когда царь осквернил храм, устроив там жертвенник Зевсу, и начал путем террора вводить многобожие, против него вспыхнуло восстание. Оно быстро переросло в освободительную войну, возглавленную Иудой Маккавеем, полководцем из **Хасмонейского** рода.



В годы борьбы вновь прозвучало пророческое слово. Неведомый пророк, скрывшийся под именем Даниила, написал книгу, где клеймил тиранию и религиозные преследования. Автор изобразил великие державы в виде алчных зверей и предсказывал, что настанет час, когда с неба явится Избавитель и положит конец империям-хищникам. В отличие от чудовищ, олицетворявших царства мира сего, Мессия, согласно Даниилу, будет подобен человеку, «*Сыну Человеческому*». Этот контраст указывает на коренной переворот, который ожидает мир.

Прилив воодушевления творил чудеса. Маккавей нанес армии Антиоха ряд чувствительных ударов, освободил Иерусалим от врагов и выбросил из Храма «мерзость», как называли иудеи языческий алтарь. Когда же Иуда погиб в бою, его дело продолжили братья. В 140 году Симон Хасмонеи был коронован и стал царем-первосвященником. Израиль добился независимости и вернулся к границам, какие имел при Соломоне. Укрепились и общины за пределами страны. Эти «церкви рассеяния» служили связующим звеном между Иудеей и остальным миром. Их трудами Библия была впервые переведена на греческий язык. Ко времени Рождества Христова из 4 миллионов иудеев почти 3 миллиона жило в чужих землях. Впоследствии существование их очагов, разбросанных повсюду, окажет немалую услугу апостолам христианства.

Хасмонеи не оправдали, однако, ожиданий народа. Новые цари скоро превратились в заурядных деспотов, не желавших считаться с Законом Божиим. Произвол властей вызвал отчуждение ревнителей веры от царствующего дома. К тому же законными монархами по традиции считались лишь потомки Давида. В силу этого Хасмонеи просто терпели как временных правителей.

242 Душой оппозиции двору стала группа благочестивых людей, которых называли «отделившимися», или *фарисеями*. Сначала они пробовали свергнуть династию, но в 88 году их мятеж был беспощадно подавлен. Сотни фарисеев были распяты на крестах царем Александром Яннаем.

После смерти Янны положение фарисеев упрочилось. Но постепенно они отошли от политики, всецело посвятив себя религиозной деятельности. Многие из фарисеев стали толкователями Закона и учителями, раввинами. В школах и синагогах они вели трудную, но необходимую работу: укрепляли в людях основы веры и нравственности. Непокоримая преданность Богу, прочные семейные устои, гуманность, любовь к свободе и справедливости — все это было привито народу лучшими представителями фарисейства, среди которых особенно выделялся кроткий мудрец *Гиллель*, прибывший в Иерусалим около 40 года до н.э. По его мнению, сущность Закона заключена в золотом правиле: не делай другим того, чего не желаешь себе, а все остальное Гиллель считал лишь «комментарием»<sup>8</sup>.

Было в законничестве и другое направление. Его вождем стал соперник Гиллеля — *Шаммай*. Если первый охотно приобщал иноплеменников к вере, то второй презрительно гнал их от себя. Шаммай придавал огромное значение так называемым «преда-

ниям старцев». Его ученики умножали число обрядовых предписаний и любили выставлять напоказ свое благочестие.

Фарисеи пользовались большим уважением в народе. Зато **саддукеи** — священническая аристократия, связанная со двором, — относились к ним враждебно и не разделяли их воззрений. В отличие от фарисеев саддукеи считали, что со смертью для человека все кончается. Они признавали только Пятикнижие, а на писания пророков смотрели как на второстепенные. Эти богатые и надменные люди не слишком доверяли предсказаниям о Мессии и ориентировались лишь на земную политику.

Параллельно с фарисейским братством около 160 года в Палестине возник полумонашеский орден «Сынов света» или **ессеев**. Не желая иметь ничего общего с греховным миром, ессеи избрали уединенную жизнь в пустыне. Около 140 года их глава, которого они называли **Учителем Праведности**, основал колонию на берегу Мертвого моря в Кумране. Там, вдали от суеты, ессеи трудились сообща, проводя свободное время в ритуальных трапезах, молитвах и чтении Библии. В их общины, насчитывавшие в целом до 4 тысяч человек (число значительное для маленькой страны), стекались всевозможные мечтатели, а также разочарованные и уставшие от жизни люди. Большинство есеев придерживалось безбрачия, хотя некоторые и сохраняли семейный образ жизни.

Уверенные в скором явлении Христа, «Сыны света» готовились достойно встретить Его приход. Они не сомневались, что в День Суда всех, кроме них, ждет погибель.

Выпады сектантов против Хасмонейского дома привели к гонениям на Учителя Праведности. Его почитатели говорили, что в наказание за это монархию должна постигнуть суровая кара.

Предсказание есеев исполнилось через полвека после смерти их вождя. В 63 году Палестину заняли войска Помпея. Он присоединил ее к империи и оставил Гиркану II только тень верховной власти. А в 40 году Римский сенат даровал титул царя Иудеи иудейскому военачальнику **Ироду**, который после трехлетней гражданской войны вступил на престол Давида.

Между тем евреи «рассеяния» продолжали активно усваивать элементы греческой культуры. Наиболее образованные среди них стремились согласовать античную философию с Библией. В этом направлении особенно много сделал **Филон Александрийский**, современник Ирода. Он учил о божественной Силе, которую вслед за мудрецами Эллады называл **Логосом**, Словом.

Тайна Божества, говорил Филон, необъятна и невыразима, но, когда Оно проявляет Свое могущество и благость, то действует через Слово. Словом Суций творит и поддерживает Вселенную, в нем Он открывается смертным. Филоновская идея Логоса как посредника между Творцом и космосом помогла впоследствии излагать Евангелие на языке философов.

Сближение иудеев с эллинистическим миром привело к тому, что многие язычники заинтересовались их религией. Отрицание идолопоклонства, здоровая нравственность, живое религиозное чувство иудеев — принесли им первых новообращенных. Нача-

ли наконец сбываться слова пророков о народах, которые придут к Богу истины, добра и справедливости. Кое-где слово «иудей» стало приобретать скорее вероисповедное, нежели этническое значение.

Во II и особенно в I веке до н. э. *прозелиты*, то есть люди, перешедшие в иудейство, в большом числе появлялись в разных частях Римской империи. Некоторые из них обратились под влиянием книг, написанных от лица греческой ясновидящей *Сивиллы*. Это имя было псевдонимом, которым пользовались иудейские миссионеры Египта. Они предрекали миру гибель за то, что он отдал себя во власть истуканов и деспотов. Из уст в уста передавалась весть о том, что из Иудеи выйдет Некто, предназначенный стать властелином народов.

Но между тем в действительности мировое господство все больше сосредоточивалось в руках римлян.

Превращение Рима в империю началось уже около 200 года до н. э., после его победы над главным конкурентом — Карфагеном. Однако при этом военная мощь оказалась пагубной для республиканского строя самой Италии. Слишком много земель приходилось держать в повиновении, слишком влиятельной стала армия, чтобы демократические элементы правления смогли сохраниться. Обещая, принуждая, подкупая, диктаторы незаметно свели к нулю большинство политических свобод. Республика была задушена, и Рим на всех парусах шел к единоличной тирании.

244

После гражданских войн и кровавого террора 30-х годов до н. э. племянник Юлия Цезаря *Октавиан Август* довольно легко установил самодержавный порядок. По словам Тацита, Август, «именуя себя консулом и якобы довольствуясь трибунской властью для защиты прав народа, сначала покорил своими щедротами воинов, раздачами хлеба — толпу, и всех вместе — сладостными благами мира, а затем, набирая мало-помалу силу, начал подменять собой сенат, магистратов и законы»<sup>9</sup>.

Еще Юлий Цезарь запретил все союзы и организации, даже самые безобидные, режим же Августа возвел постоянный надзор за гражданами в принцип. Разыгрывая демократа, Октавиан бдительно следил за любым возможным очагом недовольства. Этой цели хорошо служила разветвленная сеть шпионов.

Впрочем, многие полагали, что абсолютизм — вполне умеренная плата за спокойствие, стабильность и длительный международный мир. «Век Августа» называли лучшим периодом Рима, золотым веком его культуры. При Августе Капитолий горделиво вознесся над миром, внушая почтение и страх. Римский орел раскинул крылья от Атлантики до Ближнего Востока и от Британии до африканских берегов. Город на семи холмах превращался в центр, куда «вели все дороги».

Блестящая военная техника, организация и дисциплина завоевали римлянам положение хозяев Средиземноморья. Правительственные чиновники вывозили из покоренных стран несметные богатства. Со всех концов текли они в Рим: рабы, слоновая кость и звери для цирка из Нумидии, мрамор из

Греции, хлеб из Египта, стекло и пурпур из Финикии. Коммерческие караваны доставляли ковры, ткани и драгоценности из Вавилона, Аравии, Индии и даже Китая. Столица была перестроена. Говорили, что цезарь принял ее кирпичной, а оставил мраморной.

Превосходные магистрали соединили Рим с окраинами; оживилась торговля и контакты между провинциями. Юридическое равенство всех, кто стал «римским гражданином», способствовало сближению народов Востока и Запада. Казалось, мечта философ-стоиков о едином государстве, где каждый человек — гражданин вселенной, близка была к воплощению.

Неудивительно, что придворные поэты превозносили Августа и не скупились на панегирики. Сам цезарь поощрял льстецов и всеми средствами поддерживал свой авторитет. Для этого исподволь, начиная с восточных провинций, стал создаваться культ императора. Вскоре по всей державе уже действовали храмы Августа; ему пелись славословия, его провозглашали «отцом отечества», «сотером» — спасителем наций.

Зрелище поднимающейся империи с человекобогом во главе поражало современников. Заговорили уже о «нерушимом царстве», установленном на века. Однако покоренные народы не хотели мириться с этой перспективой. В конце правления Августа начались волнения во многих провинциях, где на Рим смотрели как на поработителя. Иудеи верили, что этот апокалиптический Зверь падет от меча Мессии.

Завоевания не избавили Рим от тяжких внутренних конфликтов. Земельные владения и финансы все больше сосредоточивались в руках олигархии. Разоренные крестьяне Италии толпами шли в Рим, где кормились случайными заработками и подачками правительств. Долгие войны буквально наводнили столицу рабами (их там было около миллиона). Рабы много раз поднимали восстания, пытаясь вернуться в родные края, но эти попытки неизменно кончались расправами. Так, после разгрома гладиаторов Спартака шесть тысяч непокорных были распяты вдоль дороги от Капуи до Рима.

Не менее глубоким был и духовный кризис. Древние верования и мифы у многих стали вызывать насмешку. Религия теряла свое значение, превращаясь в составную часть гражданских обязанностей. Еще Цицерон говорил, что официальный культ нужен только для соблюдения порядка в массах.

Находились и люди, которые готовы были идти куда дальше. Поэт Лукреций видел в религии просто вредное заблуждение. В своей книге «О природе вещей» он воскрешал **материализм** старых греческих философов Демокрита и Эпикура. Согласно их доктрине, Вселенная есть не что иное, как случайное образование, порожденное пляской атомов. Рано или поздно ее ждет гибель. Лукреций уже видел повсюду симптомы мировой осени, предвещавшей конец и распад мира. Подобные идеи широко распространялись не только на Западе, но также в Индии и Китае.

Однако сама природа человеческого духа не позволяла ему

слишком легко примириться с идеей бессмысленности бытия. Даже разуверившись во всем, люди не хотели признать жизнь случайным всплеском материи, вслед за которым наступает тьма.

Поэтому, когда римляне познакомились с религиями Востока, они жадно потянулись к ним. Началось подлинное завоевание Запада чужеземными культами. Египетской Исиде стали молиться от Британии до Балкан, в Риме сооружались иудейские синагоги, храмы Фригийской богине-матери Кибеле, персидскому богу Митре. Уличные проповедники возвещали истины, принесенные с берегов Ганга, из Парфии и Средней Азии. Возродились греческие мистерии, которые сулили их участникам бессмертие и познание высших миров. Оккультные учения, астрология, магия и ворожба находили последователей во всех классах общества. Погоня за чудесным вызвала рост суеверий и шарлатанства.

Видя это, люди, скептически настроенные, готовы были вообще отказаться от надежды разгадать смысл жизни. По их мнению, на вопрос: «что есть истина?» — ответа не существует. Словом, разброд в умах был полный. Мистические искания и бездуховность, жажда чистоты и нравственное разложение могли встретиться в одной семье. Нередко отец замыкался в стоическом презрении к суете мира, мать ходила на ночные радения сектантов, а сын изобретал новые виды удовольствий и острых ощущений.

246 Человек стоял на распутье и со всех сторон слышал призывные голоса: будь равнодушен к печалям и радостям жизни, погрузись в спокойное созерцание — говорили буддисты и стоики; живи согласно природе, как все существа, — учили киники и эпикурейцы; счастье в знании и размышлении — возражали им философы-естествоиспытатели; очищай себя тайными обрядами и обретешь бессмертие — уверяли наставники мистерий; храни верность единому Богу и соблюдай Его закон — возвещала религия Израиля; а римский орел, высматривая добычу, парил над этим водоворотом духа, где, как в первозданном хаосе, смешались противоборствующие начала.

Время от времени оживала надежда, что появится тот, кто выведет мир из лабиринта. Поэт Вергилий предсказывал рождение младенца, с которого начнется новая Сатурнова эра. Буддисты ждали Будду Майтрейю, индуисты — очередное воплощение бога Вишну, персы — Спасителя-Саошианта, иудеи — Мессию...

В Палестине с каждым годом сгущалась атмосфера мистических чаяний. Надеялись, что вот-вот явится с неба пророк Илия и совершит помазание над Посланником Божиим. Многие думали, что Он будет великим воином, который сокрушит языческие царства. Другие же верили в конечное торжество добра над злом, света над мраком, бессмертия над смертью, верили, что «**Бог посетит** народ Свой»<sup>10</sup>.

Наконец, когда все, казалось, было уже испытано и исчерпано, над темным горизонтом истории зажглась утренняя заря. В двадцатый год правления Августа в маленьком селении Назарет галилейская Дева услышала весть: «Ты родишь Сына и на-

речешь Ему имя ИИСУС. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца».

#### ПРИМЕЧАНИЯ

##### От АВТОРА

- <sup>1</sup> А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1949, т. VII, с. 443.
- <sup>2</sup> Э. Прессансе. Иисус Христос и Его время. Пер. с франц. СПб., 1869, с. 11.
- <sup>3</sup> А. Гарнак. Сущность христианства,— в кн.: Общая история европейской культуры. СПб., 1910, т. 5, с. 40.

##### ПРОЛОГ

- <sup>1</sup> Книга Бытие 17, 1; 12, 3.
- <sup>2</sup> Исх. 20, 2—17; Втор. 5, 6—21; 6, 4—9.
- <sup>3</sup> Ch. Dawson. Progress and Religion. New York, 1960, p. 125.
- <sup>4</sup> Б. Паскаль. Мысли о религии. Пер. с франц. М., 1902, с. 126.
- <sup>5</sup> Амос 9, 7. Здесь и далее ветхозаветные цитаты даны в переводе автора.
- <sup>6</sup> Осия 6, 6.
- <sup>7</sup> Книга пророка Исайи I, II сл.
- <sup>8</sup> Вавилонский Талмуд, Шаббат, 31 а.
- <sup>9</sup> Тацит. Анналы, 1, 2.
- <sup>10</sup> Лк. 1, 68.

Продолжение следует.

---

Весь гонорар за книгу «Сын человеческий», которую мы намерены опубликовать в «Смене» (6—12 номерах 1990 г.), автор перечисляет на строительство крещального здания Сретенской церкви. Счет № 701605 Жилсоцбанка г. Пушкино Московской области.



Под Лениным себя  
давно никто не чистит,  
но, Господи спаси! —  
как мечется душа!

---

Заживем мы светло и безбедно,  
без оглядок на дедовский морок,  
без российского бражного бреда,  
без любимых лаптей и опорок...  
Мы еще удивим политесом  
напомаженных девок Парижа.  
Руки будут... хватило бы леса...  
леса много... да надо поближе...  
Граду быть — собирайте котомки,  
мужички, и айда на работу!  
Пусть потом исчисляют потомки,  
что вколочено в эти болота:  
им завидки не выкрошат зубы —  
пусть считают хоть розно, хоть скопом...  
Тут быть граду — поелику люблю  
НАМ отсюда смотреть на Европу...  
С двоеперстными только нет ладу —  
да на крепость найдутся тараны...  
заживем...  
Так, подув на лампаду,  
думал Петр Алексеич Романов.

---

А перед временем потерь  
все легче цепь приобретений —  
для горько пахнувших растений  
вот-вот должна открыться дверь...  
И сухо хрустнет первый лед,  
и первый лист сорвется с клена...  
И потому во мне живет  
боязнь звонков и почтальонов...

## БУЛАТ БЕКТЕМИР

---

На старой Басманной,  
Где очередь к «Винному» топчет асфальт,  
Коричневый Бауман  
Стоит, обнимая невидимый альт.  
Когда же планета  
С другой стороны наслаждается днем,  
Порой до рассвета  
Он трудные пьесы  
Играет на нем.  
Спиною к забору,

Уютно усевшийся на постамент,  
Рукой Командора  
До утра ласкает он свой инструмент:  
Ненужность волнений,  
Огромное счастье любить и шагать,  
Конфликт поколений,  
Дела, на которые всем наплевать.  
Не скажешь словами,  
Про что, до рассвета забыв обо всем,  
Коричневый Бауман  
Играет деревьям на альте своем.

—  
Я бездомный,  
Влюбчивый, ничей,  
Люди, позабудьте про меня.  
Я люблюсь пламенем свечей и  
Домами,  
Ждущими огня.  
А когда  
На ощупь, наугад  
Я соприкасаюсь с бытием —  
Кто я есть:  
Я брошенный солдат  
В феодальном имени Твоем.  
Все в дыму,  
Едучем и простом,  
Папирос (за сотню по рублю).  
Я дружу с задрипанным котом.  
Он поет,  
А я его кормлю.  
Вот сидят, уставясь,  
За столом,  
На свечу, плывущую из тьмы,  
Человек с взрослеющим котом,  
Это я,  
Ты знаешь, это мы...

—  
Понедельник  
Только начинался.  
Ты спала,  
Исполненная силы.  
Я проснулся.  
Я тебя боялся.  
Потому что ты меня  
Любила.  
Ты спала. Летела.  
Я боялся.  
В этих снах

Куда тебя носило?  
Я к тебе теснее прижимался.  
Потому что ты меня  
Любила.  
Ты спала.  
Ты верила в приметы.  
Ты старалась — гладила и  
Шила.  
Торопилась в лето и  
При этом  
Почему-то ты меня  
Любила...

==

Вы, верно, вспоминали обо мне..  
Сегодня в печке прыгала заслонка.  
Сегодня мышь сбежала от котенка,  
Хотя он мог догнать ее вполне.  
(Вы, верно, вспоминали обо мне?)  
Расцвел цветок на кухонном окне.  
Я плохо спал.

Во сне я видел море.  
Подумалось,  
Что мы почти что в ссоре.  
Вы, верно, вспоминали обо мне.

Зачем я не провидел в этом дне?  
Известие —  
Как свет в конце сеанса.  
Вы вышли замуж за американца.  
Вы, верно,  
Вспоминали обо мне.

# ХИРОМАНТИЯ ПРОТИВ СУДЬБЫ

ВЛАДИМИР ФИНОГЕЕВ

252

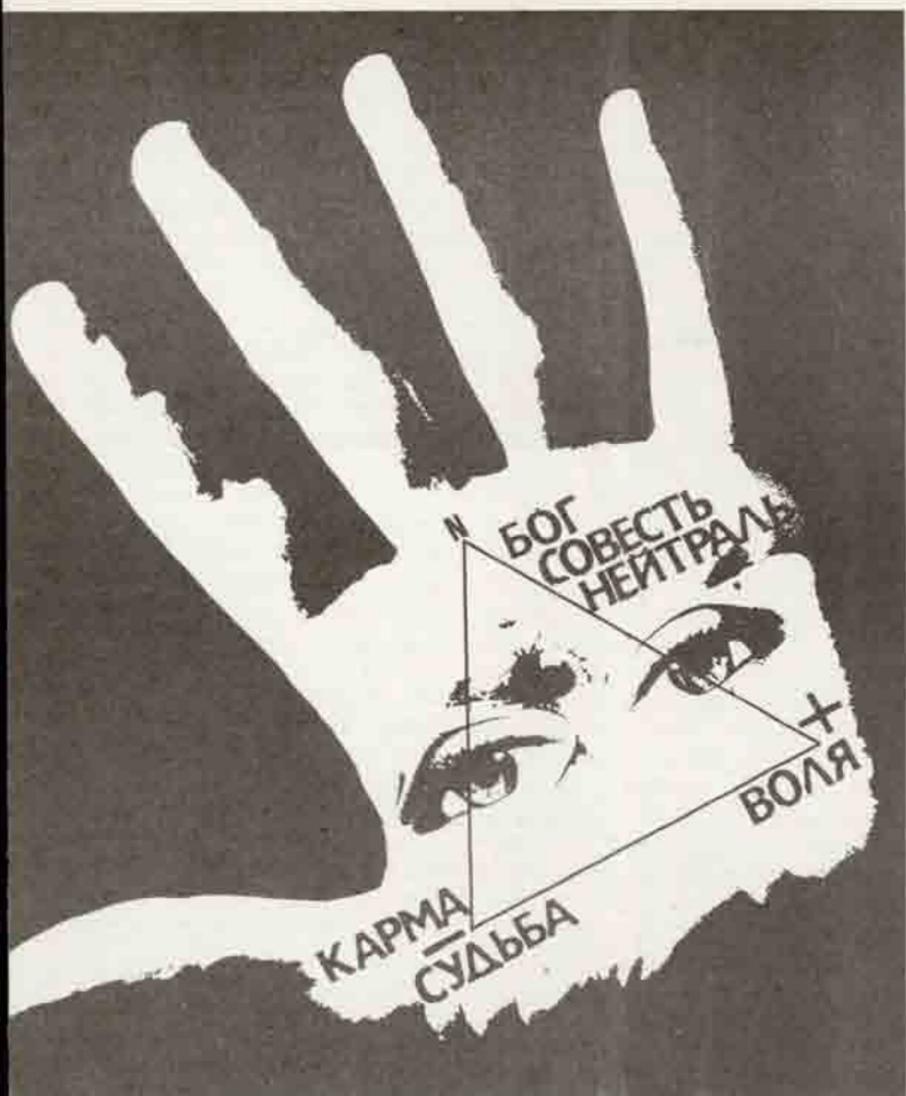
НАУКА БЕЗ ЧУДЕС

Три раза в неделю в одной из районных поликлиник на окраине Москвы собираются не совсем обычные пациенты. Эти люди пришли, чтобы получить консультацию специалистов, работающих в оздоровительном центре восточной медицины «Аюрведа».

Аюрведа — одна из четырех священных древнеиндийских книг, в переводе — «Знание жизни», ее также называют «Книгой

священных формул». Она содержит систематизацию многовекового народного опыта в лечении недугов. Наряду с этим в ней обнажаются связи телесных процессов с внешними, главным образом энергетическими, воздействиями, то есть тем, что наш уровень знаний не позволяет классифицировать иначе как мистическое, сверхъестественное, потустороннее. «Аюрведа-центр» предлагает

Журнальный вариант



гражданам так называемые нетрадиционные методы лечения: йогу, иглотерапию, экстрасенсорное воздействие, мануальную терапию. «Аюрведа-центр», кроме этого, первое и чуть ли не единственное место в СССР, где любой желающий может открыто получить консультацию у профессионального хироманта.

Йога, экстрасенсорные методы лечения сегодня стали в Советском Союзе делом почти обыкновенным. Но вот выход в свет хи-

романтии еще достаточно непривычен. Пять лет назад это слово произносилось с оглядкой, шепотом, а если громко, то в него вкладывалось мистическое, черное и даже преступное значение.

Последние достижения науки, мировой опыт хиромантии, мои собственные изыскания накопили достаточное количество фактов, идей и представлений, чтобы предложить новую гипотезу определения участи человека и меха-

низма предсказаний будущего в целом. Прежде чем изложить этот новый взгляд, следует сказать несколько слов о теперешнем положении хиромантии и о том, что она такое. Нынешний статус хиромантии таков, что она пока не признана как серьезный, самостоятельный, научный метод изучения человека и причислена к оккультным заблуждениям человечества.

В отношении к хиромантии наблюдается столкновение двух противоположных стереотипов. С точки зрения здравого научного смысла будущего нет. И предсказание судьбы человека похоже на вторжение абсурда в святые пределы нормы. В лучшем случае на надувательство в корыстных целях. Это мнение можно было бы признать верным, тем более что примеров, подтверждающих эту точку зрения, сколько угодно. Если бы не было предсказаний насильственной смерти Пушкина, Муравьева-Апостола, Бухарина, Махатмы Ганди, Джона Кеннеди. Если бы мы ничего не знали о точном предвидении судьбы Ивана Грозного, Николая I, Генриха II, Наполеона, Гитлера, Мэрилин Монро. Поневоле задумаешься о том, что истинный смысл отрицания хиромантии не в том, что она пытается предсказать будущее, а в том, что ей это действительно удается.

Выход из этой щекотливой ситуации до сегодняшнего дня был прост — если нельзя объяснить, то не надо и признавать. И вот хиромантию деликатно, под локотки препровождают в огороженную территорию.

За чертой естественных наук, среди самых различных социальных слоев в противовес этому господствует обратное убеждение. Суть его в том, что будущее уже «где-то» есть. Что оно написано.

Причем до такой степени, что его нельзя изменить.

Хиросогический опыт не позволяет согласиться и с такой концепцией жесткого будущего.

Тормозит признание хиромантии стойкий традиционализм самих хиромантов. В большинстве своем они объясняют исполнение предначертанной судьбы действием божественной воли. Но в противоборстве идей Бог — слишком сильный аргумент: любое научное доказательство выглядит неубедительным в Его присутствии.

С завидной последовательностью негативной позиции в отношении к хиромантии придерживается церковь. Как ни странно, ссылки на Всевышнего не освободили чтецов рук от подозрений в связях с темными силами.

Но хиромантия не уходит. Потому что, кроме фактов подтвердившихся предсказаний, уверенность в ее ценности подкрепляется еще одним. Тем, что великие умы человечества сочли хиромантию занятием, достойным внимания. Пифагор, Аристотель, Демокрит, Гиппарх, Плиний Старший, император Август, Юлий Цезарь, Спутинус, Гален, Альберт Магнус, Парацельс, Авиценна, Аварозе, Савонарола, Дюма, Бальзак — лишь малая часть тех, чья благосклонность придает этому предмету так много значимости.

#### **Что же такое хиромантия?**

В нее ошибочно вмещают всю науку о человеческой руке. Это неверно. Хиромантия — это еще не все. Это часть целого. Изучение руки разворачивается на четырех уровнях. Эти четыре прослойки крепко спаяны между собой, и каждый уровень поставляет материал для последующего.

Первый уровень, фундамент всей постройки, — папиллярные линии на ладони и пальцах. По этим линиям можно определить

особенности хромосомного набора человека, выявить наличие генных патологий — в некоторых случаях до появления клинических симптомов. Заключение о присутствии врожденного заболевания принимается с учетом комплекса дефектов узоров пальцевых и ладонных полей и их количественных характеристик. К настоящему времени описано свыше 40 наследственных болезней, таких, как болезнь Дауна, синдром Клайнфельтера, Патау, Тернера и т. д. Этим направлением ведает специальная наука — дерматоглифика. Она стала оформляться в конце 19 века, а в 20-е годы нынешнего столетия получила официальное признание.

Второй и третий уровни — формы руки и линии на ладони. Каждый уровень изучается соответственно хирогномией и пальмистрией. Вместе они составляют хирологию. Хирогномия ищет корреляции между формой и размерами кисти, пальцев, ногтей с психофизиологическими характеристиками личности. Та же цель и у пальмистрии, но ее поле — ладонь: линии, знаки, рельеф. Пальмистрия более конкретна, нежели хирогномия, но точное соответствие знака факту достигается только на фоне хирогномии. Для получения верного результата хиролог учитывает длину и форму пальцев, их ширину, смотрит, гладкие они или узловатые, прямые или ломаные, каков кожный покров кисти, как сделаны ногти, их размеры и форма, каков их цвет, толщина, какова ладонь, широкая она или узкая, длинная или короткая, как она соотносится с массой пальцев, пухлая она или жесткая, как развиты бугорки на ее поверхности, что представляют из себя линии, их положение, глубина, цвет. Вся эта и еще другая информация должна быть

обработана, взвешена и сведена в единую формулу. Это серьезная и трудная работа, подчас чрезмерная даже для хорошо подготовленного и опытного хиролога, если его на миг покинут настойчивость и чувство ответственности. Каждая новая рука бросает ему вызов и в его лице всей науке, всякий раз заставляя его преодолевать сопротивление тайны, витающей над ладонью.

Одна из главных ценностей хирологии — диагностическая. Исследования дали материал, позволяющий в ряде случаев высветить скрытые, вялотекущие заболевания, выявить предрасположенность к тем или иным недугам. Кроме этого, появляется возможность увидеть, когда может прорваться наружу хронический процесс или тенденция превратится в стопроцентную болезнь. Рука предлагает характеристики, на основе которых можно предвидеть исход болезни или лечения. Хирология не имеет желания свергнуть или потеснить медицину. Она стремится ее дополнить. Хиролог должен работать совместно с медиком.

Другая область применения хирологии и хиромантии — психотерапия. Мой опыт свидетельствует, что для ряда людей анализ руки является весьма эффективным видом психотерапевтической помощи.

Наконец, перейдем к тому, что составляет предмет хиромантии. Это четвертый уровень — судьба человека, его будущее. Именно этим аспектом человеческой жизни занимается хиромантия. Для своих предсказаний хиромантия, безусловно, пользуется тем, что дают дерматоглифика и хирология. Особенность анализа руки в том, что хирологические характеристики универсальны. Каждый знак занят в нескольких ролях.

Текст зависит от того, на каком уровне он рассматривается и какая функция на него накладывается. Возьмем такой пример. Взгляните на ладонь: крупная горизонтальная линия, лежащая по срединному сгибу, носит несколько названий. В дерматоглифике ее называют четырехпальцевой бороздой. В хирологии и хиромантии встречаются следующие: линия мозга, линия головы, линия ума, линия таланта, линия богатства, линия матери. Линия одна, но разные названия отражают разные ее качества. **Линия мозга** раскрывает состояние мозга, наличие структурных изменений, опухолей. Дает подсказку о работе гипофиза, гипоталамуса, щитовидной железы. А в значении **линии головы** она работает как показатель физической целостности головы. Иными словами, по ней можно судить, были ли травмы головы, будут ли и когда, каковы возможные последствия этих событий. Она также дает информацию о состоянии глаз, ушей, травмах конечностей, о язвенных воспалительных процессах в кишечнике. **Линия ума** отправляет нас совершенно в другую область. Это сфера качеств и свойств ума. Каков ум данного человека? Практический и деятельный или созерцательный. Слабый или могучий. Возвышенный или движимый лишь материальными интересами. Энциклопедический или убогий. **Линия таланта** продолжает эти значения, но здесь упор делается на одаренность данного лица, область применения способностей и дарований. Нередко даже вид деятельности, в каком он мог бы достигнуть наивысшего результата и ожидать удовлетворения от этого занятия. **Линия богатства** подчеркивает результативность материальных устремлений человека. **Линия матери** приоткрывает заве-

су над особенностями воспитания и влияния матери на данного индивидуума. Определить, с каким именно аспектом линии мы имеем дело, помогают дополнительные знаки, нанесенные на самой линии, вокруг нее, по всей руке.

Кроме хирологического материала, хиромантия использует собственные знаки, которые принадлежат только ей.

Но все-таки насколько верно, что хиромантия может ответить на древнейший вопрос, который занимал умы людей во все времена? На важный, влекущий и одновременно страшный вопрос: можно ли предсказать будущее человека? Способна ли хиромантия предвещать, какова будет карьера человека, его материальный и социальный уровень? Будет ли он счастлив? Каким будет его брак? Будут ли у него дети, и что их ждет? Будет ли его жизнь долгой или ее оборвет ранняя смерть от злого умысла, собственной неосторожности, несчастного случая и когда?

Факты, исследования и размышления неуклонно подталкивают нас к одному ответу — утвердительному. Правда, с одной оговоркой. Хиромантия не предсказывает. Она прогнозирует.

Принцип прогноза несложен. Судьба человека — это его характер, его интеллект, энергия, здоровье, уровень образования и культуры, талант, материальные условия и окружение, в котором он живет. Перечислены не все факторы, а наиболее существенные. Некоторые авторитеты хиромантии считают, что для того, чтобы судьба свершилась, достаточно и одного — характера. В чем заключается принцип? Представим, что нам надо «предсказать» судьбу двух людей. Вот условия задачи: один умен, настойчив, целе-

устремлен, работоспособен, талантлив. Другой глуп, пассивен и не имеет никакой цели. Если они начинают в равных материальных условиях и оба здоровы, то, несомненно, первый добьется большего, чем второй. Его судьба будет значительнее, богаче, интереснее. Конечно, это упрощенная схема. В жизни все неизмеримо сложнее. Слишком много нюансов — случайностей. Но речь шла о принципе. Были даны условия — мы решили задачу. Хироманту эти условия дает рука. Он читает качества, и на этой основе прокладывает путь в будущее. Он рассчитывает вероятность, если, конечно, мы говорим о классической хиромантии, которая, по сути, есть вычисление признаков. И не говорим об экстрасенсорной, где действуют другие законы.

Итак, хиромант составляет прогноз. Его задача была бы почти невыполнимой (главным образом из-за случайностей и нюансов), если бы она не была облегчена тем, что прогноз на руке уже есть! Оказывается, он кем-то сделан до нас. Остается лишь правильно прочитать его.

Кто же или что составляет прогноз жизни человека?

## **ФИЗИОЛОГИЯ ФАТАЛЬНОСТИ**

То, что мы видим на руке и ладони человека, не бессмысленный набор случайных линий. Не только и не просто «судьба» человека.

Это программа его психофизиологического развития.

То, что формирование ребенка в утробе матери задано, что оно происходит по определенному плану, не требует особых доказательств. Это очевидно. Как теперь уже известно, этот план не завершается с достижением совершеннолетия. После зрелости приходит старость. Ее наступление во мно-

гом загадочно. Выдвигаются различные версии, ни одна из которых пока не признана окончательной.

Какой бы ни была причина, мы видим, что процесс старения хорошо организован. Соблюдаются этапность, соразмерность, определенная скорость. Оркестром управляет дирижер. Чтобы управлять, надо помнить мелодию, знать очередность. Как мы уже отмечали, папиллярные линии на ладони представляют генный уровень. Однако по этим линиям нельзя определить время болезни. Эту возможность дают крупные линии, которые относят нас к физиологии. Отсчет времени начинается именно с этого уровня. Отсюда прорастает предположение, что программа старения находится не в генотипе, а «выше».

Но и в том случае, когда эта программа идет из вселенной хромосом и разворачивается против воли мозга, навязывается ему и он выступает только регулятором, то и тогда графика ладони подтверждает, что мозгу известен не только факт этой «чужой воли», но и ее план.

Каким образом эта информация попадает на ладонь? Думается, по нервным каналам и связям. Если тело — по изящному выражению американской исследовательницы Кандасу Перт — лишь продолжение мозга, то сокровенные тайны мозга становятся известны и телу. Ладонь и пальцы насыщены нервными окончаниями. Руки — верный помощник и инструмент головы. Они ощупывают мир, они обслуживают тело, они защищают, они разрушают, они строят. Они будто часть мозга, вынесенная в авангард. Линии и знаки на ладони — это следы «внутренней жизни» мозга, его реакций.

Изучение ладони показывает,

что есть линии, которые не изменяются никогда или эти изменения незначительны. По этим линиям в целом (так как есть руки с низкой «проводимостью») и устанавливается время прошлых и будущих физиологических событий — периодов болезней, выздоровлений и ремиссий. Уточнить диагноз помогают прочие характеристики.

На данном этапе мы располагаем набором хирологических признаков, позволяющих в некоторых случаях точно определить типологию заболеваний, таких, как язва двенадцатиперстной кишки, язвенный колит, язва желудка, шейный остеохондроз и др. Но в преобладающей массе примеров речь идет об общей локализации недуга, о приблизительном его типе. Ладони убеждают, что мозг прекрасно «знает» не только состояние органов и систем, но и их ресурс. Так мы приходим к хирологическому подтверждению существования программы физиологического развития.

Кроме малоподатливых линий, есть и стойкие, неуступчивые, неподдающиеся знаки. Они восходят к характеру человека.

Если семейной паре задать вопрос: «Сможете ли вы изменить очертания пальцев вашему мужу или жене?» — то вряд ли кто-нибудь ответит «да». Тем не менее большинство не сомневается, что они могут изменить характер партнера к лучшему. Статистика показывает, что при настойчивости этим «лучшим» часто бывает развод.

Эксперименты, в свою очередь, свидетельствуют, что если человек вдруг садится за учебники и начинает напряженно учиться, то его пальцы удлиняются.

То, что нельзя изменить извне, можно изменить изнутри. Хироло-

гия и хиромантия оперируют законом желаний. Если кто-то хочет преобразить свою жизнь, улучшить здоровье, подшлифовать характер, он должен этого возжелать. Понятно, чтобы закон работал, желание должно быть сильным.

То, что вместе с внешним сходством человек наследует не только право на имущество, но и типы характера и, главное, качества и достоинства рода, было известно еще в ветхозаветные времена. Ныне и генетика разрешила нам иметь подобные представления с уточнением, что некоторые черты характера могут передаваться по наследству. И хотя генетика появилась совсем недавно, возникают подозрения, что Моисей кое-что об этом знал. Это знание словно мелодия в его старании выписать исключительно мужскую генеалогию. Будто он ощущал, что в мужчине есть женское, но в женщине нет мужского. Говоря генетическим языком, речь идет о половых хромосомах. В любой клетке женщины есть только женские половые хромосомы XX, а в мужской клетке — и женская и мужская XY. Генетика открыла, что мужчина определяет пол потомства, передавая X или Y. Пользуясь терминами догенетической эпохи, мы вправе сказать, что только мужчина может родить мальчика, как бы ни смешно это звучало. И что только из ребра Адама можно «взять» Еву, а не наоборот — сделать Адама из ребра Евы. Миф о сотворении человека предстает не таким произвольным, как это кажется с первого взгляда, а весьма генетически обоснованным. Вот почему указание матери в мужской линии было бы хромосомно неуместным.

Мы никогда не узнаем мнение самого Моисея. Объясняется ли его увлечение мужской линией

отражением превосходства мужской силы в древнем быте, данью ли патриархальной традиции, действительным знанием законов наследственности, смутным ли ощущением этой истины, простым ли совпадением, но так или иначе библейская история — это история мужской половой хромосомы. А непорочные зачатия Будды и Христа приоткрывают завесу и над половой ориентацией самого Бога.

Но если говорить серьезно, то, вероятно, комбинация половых хромосом является матрицей, которая печатает характер.

Пока сказанное выше объясняет лишь то, что человек наследует определенный психический каркас, некий контур, который будет заполнен определенным содержанием. Программа же должна предполагать план развития психических данных и качеств. Есть ли какие-либо основания для этих утверждений? Изучение ладони показало, что каким-то странным образом на линиях появляются знаки, обозначающие будущие нервные потрясения, периоды депрессий, ясности или, наоборот, слабости мышления, периоды преобладания страсти над разумом и времена господства ума над чувствами, периоды резкого ожесточения характера, всплески участия или равнодушия, наконец, переходы от возвышенных романтических воззрений к прозаическим материальным устремлениям. Сначала появляется знак, а затем — иногда через годы — человек входит в полосу «предсказанных» изменений. Эти хирологические данные и вызвали мысль о плане. Речь не идет о конкретном, пошаговом, поэтапном, планировании, о плавных преобразованиях — их практически невозможно отследить. Имеются в виду крутые, резкие и объ-

емные перемены. Механизм этих перемен, видимо, в значительной мере обусловлен физиологической программой. Программа психического развития как бы напылена на физиологию. Сливаясь с ней, повторяя ее «изгибы», она тем не менее образует свой собственный слой, который не только принимает влияния, но и производит их.

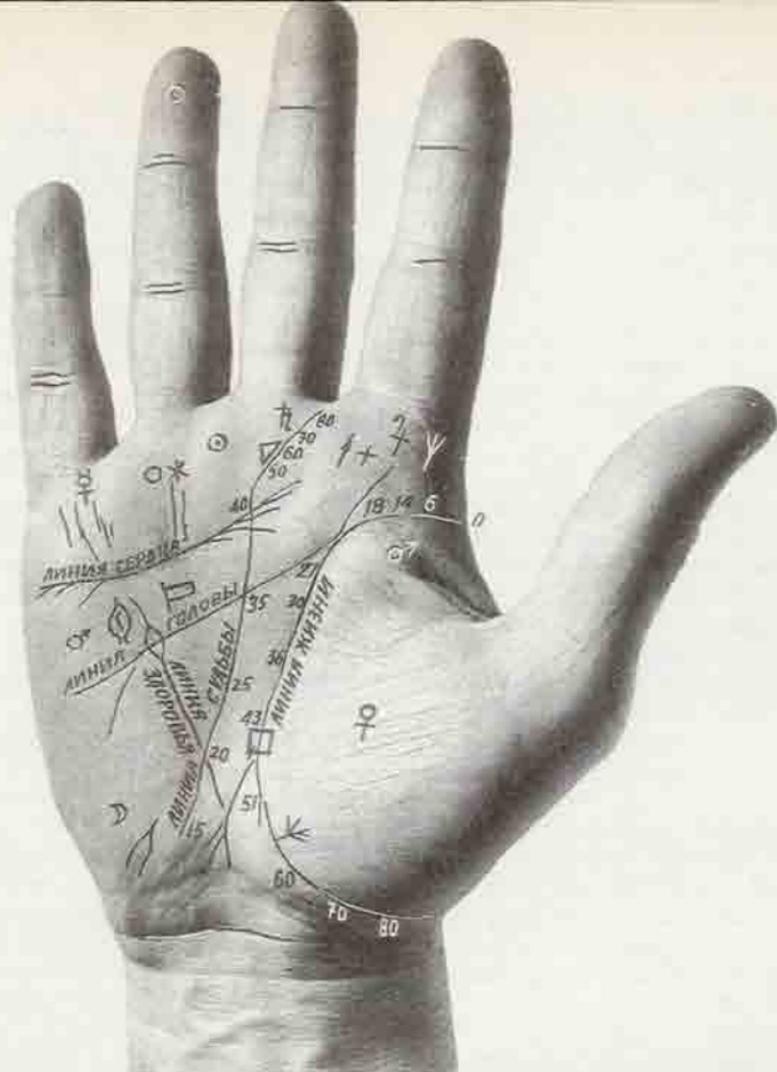
Ныне наука подтверждает взгляды, что разум оказывает влияние на здоровье. Сквозь «мистические заблуждения» о превосходстве мысли над телом мерцает свет.

Остается сделать еще один шаг вверх. Маленький, почти невидимый. Преодолев микроскопическое расстояние на ладони, мы оказываемся в сфере судьбы. В хиромантии под судьбой понимается результат усилий и устремлений человека, исход его труда по достижению различных целей: материального благополучия, социального положения, признание достоинств и талантов, успех семейной жизни, здоровье супругов и детей. Кроме этого, сюда относится набор величин, кажущихся случайными: преждевременная смерть (по состоянию здоровья, насильственная, от несчастного случая), травмы, материальные потери, препятствия в карьере и пр.

Прогноз судьбы вычерчивается своими специальными знаками и линиями. Это последний слой краски, нанесенный на ладонь. Он важен как индикатор, ибо он метит выживаемость человека.

Если есть программа, если на руке начертан прогноз жизни, то разумно предположить, что этим занимается специальный отдел мозга, поскольку именно оттуда произошла «утечка» информации. Этот отдел я назвал **Центром судьбы (ЦС)**.

Постижение принципов работы



На фотографии изображена правая рука с нанесенными на ладонь некоторыми знаками, которыми оперирует хиромантия. Предваряя ошибки, которые могут возникнуть, если вы захотите механически перенести эти знаки на вашу собственную ладонь, обращаем внимание на следующее: каждый знак в хиромантии имеет несколько значений, конкретное выбирается в зависимости от того, на каком участке ладони или пальцев он находится и каковы общие хирологические характеристики.

Небольшой набор знаков, который здесь приводится, выделен исследователями как западного, так и восточного направлений. В последнем доминирует Индийская школа. В нашем примере наряду с универсальными знаками, которые применяются хиромантами всех направлений, помещены специфические, используемые только в Индийской школе, о чем делается соответствующая ссылка.

**Планетные знаки** (в порядке изображения): Солнце, Луна, Юпитер, Сатурн, Меркурий, Венера, Марс. Здесь знаки указывают зоны ладонной поверхности, которые, как полагает хиромантия, принимают и пропускают в тело влияние данной планеты, какое, в свою очередь, добавляет нашему уму, характеру, нравственным качествам и здоровью вполне определенные достоинства и недостатки.



**Квадрат.** Основное значение — защита от неприятностей и опасности. При его присутствии на руке человек избегает неудач, потерь, ранений и смерти подчас самым необыкновенным образом. Это, по всей видимости, самый загадочный знак в хиромантии.

**Звезда.** Имеет силу предвещать как славу, так и скандальную потерю репутации; также богатство и банкротство, успех и поражение, несчастья и смерть. Здесь он сообщает о высоком положении, известности, успехе на поприще литературы и искусства.

**Крест.** В большинстве случаев указывает на неудачи, неприятности, травмы, смерть. Однако может быть при соответствующих показателях и благоприятным. Здесь — счастливый брачный союз.

**Треугольник.** В целом относится к разряду благоприятных. Имеет широкий спектр значений: от одаренности в какой-либо сфере деятельности до самообладания, мужества и присутствия духа перед лицом смерти. Здесь — исключительные способности к научной работе.

**Островок.** Неблагоприятный знак. Означает денежные потери, поражения, депрессивные состояния, болезни. Здесь — предрасположенность к заболеваниям дыхательных путей.

**Наконечник.** Знак большого успеха по роду занятий. Здесь — успех в политической и общественной деятельности.

**Трезубец.** Предвещает осуществление самых высоких честолюбивых замыслов и желаний.

**Круг.** Считается благоприятным только под безымянным пальцем и на самом пальце. Свидетельствует о славе и самой широкой известности, которым сопутствует и богатство. В остальных случаях предполагает неодолимые препятствия на пути к цели; при отягощенных хирологических характеристиках — ранения и смерть.

**Рыба.** По Индийской школе, один из четырех знаков, несущих высокое положение, достоинство, честь, уважение и почет, прочные нравственные устои, религиозность, истинную благотворительность, владение большим состоянием, ученость.

**Раковина.** Редкий знак. По представлениям Индийской школы, свидетельствует о подлинном величии духа, ума и характера, высокой культуре и образовании, чистоте жизни и помыслов, мировой славе и богатстве.

**Лотос.** Редкий знак. Адепты Индийской традиции приравнивают его к раковине. Знак величия, любви к богу и святости.

**Флаг.** Редкий знак. Индийские эксперты связывают его с отказом от мирской жизни, чистотой духа, необыкновенной стойкостью, мужеством и силой характера в сочетании с деликатностью и добродетельностью. Он отражает дар вдохновлять и вести людские массы на борьбу за высшие идеалы.

На фотографии также обозначены основные ладонные линии в их традиционных названиях.

Цифры на линиях жизни и судьбы показывают годы жизни человека в их приблизительном соотношении с данными участками линий, поскольку на всех руках время течет по-разному и определяется строго индивидуально.



ЦС приводит к пониманию, насколько мало случайного в жизни человека.

Ранее мы говорили, что успех человека в достижении какого-либо уровня как бы детерминирован его характером, способностями, интеллектом, работоспособностью, единством цели, образованием, здоровьем. Зная социальный фон, на котором будет развиваться деятельность индивида, можно рассчитать предполагаемый результат. И все было бы ясно и хорошо, если бы в эту картину не входили игры случайностей, приносящие с собой безобразные деформации.

Давайте попробуем исчислить если не все, то хотя бы главные типы таких случайностей.

В **первую группу** мы сведем то, что связано с частичной или полной потерей трудоспособности в результате болезней физиологического или психического ряда. Причем расстройства вызваны внутренними причинами, а не физическими или душевными — травмами. Внутренние причины известны ЦС. Они читаются по руке. Они неожиданны и случайны для сознания. Они сознанию «предсказываются», но они реальность для ЦС. Следовательно, эту группу мы можем опустить.

Далее отсечем круг случайностей, сопровождающих карьерный рост человека. Здесь властвуют способности и качества. Полезные контакты и знакомства, вовремя принятые предложения, подхваченные идеи, благоприятные обстоятельства случайны по времени. Но они неизменно и даже неотвратимо возникают в процессе работы и могут прогнозироваться.

**Следующую группу** случайностей, видимых на ладони, составляет неожиданная помощь или противодействие какого-либо лица. Иногда до того, как это лицо

становится нам известно. Значит, кроме прогнозирования отношений с людьми знакомыми, мозг проделывает такие же операции для тех, кто еще не вошел в поле нашего сознания. Таким образом, ЦС получает информацию каналами и способами, которые не проходят через сознание.

Теперь отдалим всю массу мелких случайностей, которые хоть и раздражают, но не меняют нашей судьбы и не угрожают нашей безопасности, таких, как испачканный костюм, отлетевший каблук, поломки бытовой техники, ремонт машины, мелкие потери или даже кражи имущества. Ими можно пренебречь. Такую информацию ладонь не несет и не «предсказывает». Во всяком случае, пока таких корреляций на руке не обнаружено.

Обводя круг нашего интереса, мы получили территорию, где расположились самые важные и самые непредсказуемые случайности. К ним относятся травма и преждевременная смерть. Сделаем некоторые уточнения. Травму можно разделить на три вида: физическую, психическую и их комбинацию. Преждевременная смерть бывает насильственная и ненасильственная. К насильственной мы приколем примеры, когда человек стал жертвой преступления. Ненасильственной будем считать смерть, последовавшую от несчастного случая. Эти случайности нельзя прогнозировать, исходя из логики событий или на основе прошлого опыта. Падение балкона на голову или немотивированное убийство — стопроцентная случайность, «чистое» будущее для жертвы. То, что нельзя ни предусмотреть, ни предугадать, ни вычислить.

Вот тут и начинается самое паразитическое в хиромантии. Ее тайна и ее достижения. Ибо все эти

будущие случайности: и моральные, и физические травмы, и насильственные смерти, и несчастные случаи представлены на руке вполне определенными знаками. Они появляются задолго до события. Случаи смерти и тяжелой травмы даются с самого начала жизни. По этим знакам можно увидеть, когда, то есть в каком возрасте, это произойдет. Каким же образом за двадцать — тридцать лет вперед можно предвидеть стечение обстоятельств, которые приведут к несчастному случаю или смерти? Разве это не чудо?!

Действительно, если идти от обстоятельств к человеку, от того далекого факта в жизни к знаку на ладони, через бездну неисчислимых событий, их разделяющих, то это — монолитное чудо. И объяснить его без вмешательства Всевышнего, что и делает нынешняя хиромантия, а к ней примыкает большой круг населения, — невозможно. Но очевидно, что у Бога есть принципы. Один из них — ни во что не вмешиваться. Тем более что Его роль в том, чтобы сначала начертать знак на руке, а потом подстроить несчастный случай или убийство, слишком унижительно и мелко, дабы соответствовать Его достоинству.

А что, если следовать от человека к обстоятельствам? Домохозяйка режет овощи, прислушивается к радио и ранит палец. Рабочий на секунду задумывается о предстоящем повышении зарплаты и теряет руку. Студент торопится на лекцию, перебегает дорогу и лишается жизни. У всех этих несчастий есть одна общая причина — потеря внимания. Ладонь демонстрирует, что при всем разнообразии травм, несчастных случаев их графика однотипна. Наблюдается один и тот же рисунок на всех руках независимо от спосо-

ба произведенного действия. Не следует ли из этого, что на руке изображены не сами эти события, не травмы, не смерти, не прочие происшествия, а их причина — кратковременная потеря внимания? Эта последняя, в свою очередь, вызвана нарушениями психофизиологических процессов (вспомним повальное увлечение биоритмами) и далее — ходом биохимических реакций, совершающихся в организме. Сбои могут происходить под воздействием генных или экзогенных факторов. О чем мозг «знает», и это «знание» невольно, без всякого умысла, а из-за того, что существует нервная связь, передается на ладонь. Если причина нарушений наследственная, то она дается на ладонь по рождению. Если накапливаются негативные влияния среды, то мозг вычисляет, когда они достигнут критического уровня и приведут к потере внимания, и «вносит» соответствующие поправки в ладонную картинку.

Хорошо, но как быть там, где внимание бессильно? Например, смерть или телесные повреждения при ограблении, крушении поезда, столкновении автомобиля, террористическом взрыве или приземлении на голову прозаического кирпича. Как мы уже выяснили, эти события также изображены на руке. При анализе этих знаков мы видим ту же закономерность: графика аналогична без связи с типом и способом смерти. Более того, и смерти по собственной неосторожности (потеря внимания), и смерти данного вида имеют один и тот же принципиальный рисунок, отличие лишь в окружении, то есть во вспомогательных знаках, разбросанных по ладони. Эти дополнительные значки отсылают нас к какой-то другой системе. К счастью, нет необходимости доказывать наличие у людей экстра-

сенсорного восприятия. Сегодня услугами экстрасенсов пользуются многие — от медиков до полицейских. Идет бурная идентификация паранормальных явлений. 30 сентября 1989 года наше телевидение объявило об открытии группы советских ученых. Было установлено, что человек способен воспринимать магнитные излучения. Эти способности будут использоваться в ранней диагностике землетрясений и других стихийных бедствий. Это напоминает не открытие явления, а открытие терминологии, которая импортирует феномен из оккультного мира в естественнонаучный. Тем не менее это и многие другие научные подтверждения справедливости «субъективных» экстрасенсорных ощущений приводят к убеждению, что тело снабжено системой, которая работает с энергиями, выступающими за пределы пяти органов чувств. То есть не проходящими через плоскость сознания. Эту систему я назвал **Системой энергетического ответа (СЭО)**. Она и поддерживает необходимый уровень подсознательного внимания.

Все, что не воспринимают органы чувств, улавливается СЭО. Восприятие еще не внимание, чтобы стать им, оно должно пройти специальную обработку. Мы видим не потому, что глаз останавливает солнечные лучи определенного спектра, а из-за того, что мозг осмысливает поступившие импульсы. Равно и информация, поступившая от СЭО, имеет ценность лишь при ее анализе. Внимание — это функция, производная работы мозга. Все, что угрожает жизни, попадает в сферу особого внимания. Хирологические данные вызывают предположение, что сферу особого внимания генерирует определенная группа нейронов или их группы (система). Эти клетки отбирают опасное для тела из

всего, что поступает от пяти органов чувств и от СЭО. Они возбуждают, стимулируют, координируют сознательные действия по спасению жизни. Эти клетки я назвал **Центром безопасности (ЦБ)**.

Как работает ЦБ? Мы уже говорили, что человек окружен коконом внимания. Кокон сознательной сферы ограничен полем действия пяти органов чувств. Кокон энергетической системы простирается в невидимый мир. Он может быть очень большим или даже безграничным в своей воспринимающей способности. Как, например, сетчатка глаза реагирует на свет, пришедший с огромных расстояний, если ничто не заслоняет его источник. Предположим, вы любите прогуляться перед сном. Обычно ваш путь лежит через парк. Однажды за деревом, у тропинки затаился человек с оружием. Он думает, что хорошо спрятался и его не видно. Но в энергетическом мире нельзя спрятаться. Его тело излучает в широчайшем волновом спектре — от тепловых волн до агрессивной энергетической среды. Эта опасная среда принимается клетками вашего тела. ЦБ обрабатывает эти импульсы. Не исключено, что он определяет расстояние до источника (пользуясь даром СЭО сканировать пространство, как это делают, например, летучие мыши), затем, зная ваше намерение, скорость движения, делает необходимые вычисления и «видит», что встреча с убийцей неизбежна. Тогда ЦБ подвигает сознание на какое-либо спасительное действие. Вам вдруг захотелось пройти не через парк, а просто погулять по улицам. Иногда ЦБ задействует речевой центр, и тогда мы слышим «голоса», приказывающие нам сделать то или иное. Или вас охватило желание немедленно позвонить приятелю, и, пока вы это

делаете из автомата, кто-то другой пройдет мимо этого дерева и станет жертвой. Кто-то, чей ЦБ или «проспал» опасность, или не рассчитал чего-то, или ошибся, или был не в настроении, или молчал из-за сбоя в биохимии. Потому что это был его Открытый период. Вы туда уже не попадете. Вы спасены, сами того не зная, не подозревая, не имея никаких предчувствий. Отсутствие предчувствий объясняется, вероятно, хорошей работой ЦБ. Предчувствия возникают тогда, когда ЦБ не может изменить движения навстречу опасности при помощи своих «штучек» или он парализован. Очевидно, импульсы СЭО замыкаются на сознание напрямую, в обход ЦБ, без его анализа.

Центр безопасности находится в постоянной работе. Он обследует маршрут, по которому мы идем или едем, проверяет прочность балконов, арок и мостов на нашем пути, надежность почвы под нашими ногами. Поэтому падение кирпича на нашу голову просто исключено. Шутка, что кирпич падает только на подготовленную голову, обретает неожиданный «научный» смысл. Центр безопасности обсчитывает наше движение, опережает тело, мчится вперед, прикидывая всевозможные комбинации пересечений с агрессивными средами. Математические способности нашего мозга огромны. Вспомним гениальных счетчиков, обгоняющих компьютер. Центр безопасности получает и обрабатывает импульсы СЭО в отношении наших друзей, знакомых, коллег. Так, на нашей ладони появляются линии друзей и врагов. Словом, он проделявает массу операций, в том числе, видимо, и тех, что ускользают от нашего воображения.

Люди биологически неравны.

Одни одарены высокими способностями к какому-то делу, другие — средними, третьи бывают и вовсе лишены их. Это справедливо и для ЦБ. У части людей он силен, даже талантлив, у других не очень. Нет, скорее всего, и никакой прямой зависимости между интеллектуальным и нравственным уровнем и развитостью ЦБ. И у людей никчемных, и у великих мира сего ЦБ может быть фантастически пронизательным.

Известно, что Иди Амин, бывший правитель Уганды, всякий раз каким-то чудесным образом избегал готовящихся на него покушений. У него было прекрасно развито чувство опасности. Рассказывают, что во время многолюдных государственных приемов стоило кому-нибудь начать не очень лестно отзываться о диктаторе, как он мгновенно появлялся возле этой группы гостей, что заставляло их немедленно умолкнуть.

На Де Голля было организовано 15 покушений. Но в эти планы неизменно проникала какая-то счастливая случайность, спасавшая ему жизнь и низвергавшая замыслы врагов. ЦБ Де Голля работал безукоризненно и нередко являл подлинную гениальность. Так, однажды террорист пропустил вперед машину главы государства, навел автомат на затылки Де Голля и его супруги, сидевших сзади, и уже преодолевал свободный ход спускового крючка, как вдруг генерал оглядывается и смотрит ему прямо в глаза — наступает секундное замешательство, машина тем временем скрывается из виду.

Выходит, что нет злой воли рока, а есть хорошая или не очень хорошая работа Центра безопасности. Периоды молчания ЦБ, его дисфункций, причинами которых являются наследственные или

приобретенные факторы. Иными словами, «банальная» биохимия. Графическое проявление таких нарушений ЦБ и было ошибочно принято первыми хиромантами за знаки смерти.

Это значит, что никто не устраивает для нас те или иные комбинации событий. Никто специально не готовит нам смерти, несчастий или травм. И то, что есть немало случаев, когда присутствие на руке Открытых периодов (знаков смерти) не сопровождается ни гибелью, ни повреждением тела, только цементирует это утверждение. Следовательно, нужно знать свою программу, свой прогноз, чтобы избежать неприятностей, подчас летальных. Программу физиологического развития и прогноз жизни можно изменить. Катон Старший говорил: «Мужественный человек не зависит от богов, но умеет жить и умереть по своей воле». Мужество, страсть, фанатизм меняют будущее.

### БУДУЩЕЕ С ИЗНАНКИ

Ладонь, как и мир, разделена на сферы влияния, и раздел этот завершен. Восемь планет восходит над ладонью. Даже отдаленный Нептун арендует небольшой участок. Свои представительства (или как теперь говорят, проекции) имеют все внутренние органы. Есть на них поля, которые принадлежат нашим родственникам. Нашим родителям. Нашим детям.

На ладони, как и в мире, уживаются разные тенденции и даже разное время.

Исследования установили, что дети, чьи родители порвали отношения или задумали разойтись, имеют на ладони вполне определенный рисунок. Знак разлома родительской любви. Они рождаются с этим знаком. Но они пока об

этом не знают. Они узнают об этом позже. Для них это будущее. Но будущее только для их сознания, так как Центр судьбы уже сделал запись в своем реестре.

Даже из этого небольшого примера ясно, что с точки зрения индивидуальных информационных обменов провести четкую границу будущего сложно. Островки будущего обтекаются настоящим.

Что считать будущим? Словари дают нам, в основном, два толкования: время, которое еще не пришло, и условие, которого еще нет. С временем пока более-менее ясно, но ведь содержание этого времени, еще не пришедшего, может быть известно. Дом, построенный сегодня, будет стоять и завтра. Язык, на котором мы говорим, не исчезнет с закатом солнца.

Принято считать, что у нас есть будущее, настоящее и прошлое. Это схема песочных часов. Сверху резервуар будущего, из которого течет время, внизу емкость прошлого. А настоящее — это маленькая дырочка, место встречи двух пространств. Настоящее в этой схеме весьма уязвимо, его очень мало. Почти нет, если принять во внимание нескончаемую дробность мига. Прошлое наступает будущему на пятки и буквально пожирает настоящее. Но над прошлым мы не властны. Настоящего фактически нет. Значит, мы владеем только будущим?

К чему такие пространственные рассуждения о времени? Дело в том, что первое, что должно настораживать в предсказаниях, — это точное указание даты его совершения в будущем. Для решения вопроса о датах в предсказаниях и о самих предсказаниях как таковых необходимо сначала разграничить планы, прогнозы и предсказания.

Когда мы хотим достичь какой-либо цели, мы рассчитываем, при-

кидываем наши действия на будущее — это план. Прогноз оценивает возможности, потенциал, сможем ли мы достичь этой цели.

Предсказание — это сообщение о том, как это будет на самом деле. Предсказание претендует на самую высокую точность.

И если исполняется предсказание, то нас поражает необъяснимость этого феномена.

В основе механизма предсказаний лежат действие Системы энергетического ответа человека, животных, растений, неживой вещественной материи и обработка мозгом полученных данных.

Предлагаемая теория чтения будущего не претендует на всесторонность и законченность. По мере расширения наших знаний она будет уточняться и обогащаться.

Предсказания производятся, видимо, не каким-либо одним способом или приемом, а комбинацией способов и приемов.

**К первому способу** следует отнести скрытую телепатию. Скрытую, поскольку она, как правило, не осознана как таковая и обычно лишена волевого импульса у тех, кто принимает информацию, и у тех, от кого она принимается.

Судьба человека читается по энергоконтурам Центра судьбы. Чаще это делает родственник или человек с соответствующими способностями (экстрасенс-провидец). В случае трагических предсказаний (а это наиболее распространено) на самом деле принимается лишь дисфункция Центра безопасности, или опасения Центра судьбы по поводу этой дисфункции. Дистантно передается и принимается подсознательное стремление к самоубийству. Скрытая телепатия участвует в выполнении пророчеств о естественной кончине людей. Здесь имеет место «подключение» предсказателя к про-

грамме физиологического развития этого лица.

**Второй способ** предсказаний — вычисление. Мы уже ранее отмечали, что Центр судьбы (или иной участок мозга, не работающий на сознание), используя СЭО, получает данные об окружающей среде и намерениях людей, обсчитывает будущие действия человека.

**Третий способ** предсказаний — чтение, прием отдельных прослоек, или волн, или потоков частиц энергопласта.

Действительность дает нам примеры, когда мощные низкочастотные (неслышимые) звуковые колебания вызывают у человека страх, панику, ощущение неминуемой гибели и беды. Так, моряки, охваченные невыносимым отчаянием, бросались за борт и погибли, оставляя после себя тайну покинутых кораблей. Ясно, что инфразвук не несет в себе никакой «сознательной» информации или приказа покинуть судно. Такого его воздействие на биохимию мозга. Этот пример удручающ, поскольку он иллюстрирует древнюю мудрость о том, что человек весьма склонен подчиняться чувству, а не рассудку. И, следовательно, потоки каких-либо особых (но лишенных всякого смысла) излучений из космических глубин могут оказывать влияние на поведение больших человеческих масс. И, как это ни иронично, вызывать общественные потрясения и катаклизмы.

Предсказания неизбежны. Они закономерны. Вся масса предсказаний содержит как ложные, так и истинные положения. Отделить зерна от плевел сложно, так как отсутствуют уточняющие детали. В частности, даты совершения будущих событий. Вопрос «когда» — наиболее уязвимая часть пророчеств.

Многовековая фактура пред-

сказаний нищенски бедна датами. Библейские пророки не оставили ни одной, сколь-либо запоминающейся. Нет точного времени грядущего в Псалмах. Апокалипсис — главное пророчество нашей эры не сообщает ни дня, ни месяца, ни года мрачных разломов судьбы мира. Михаил Нострадамус — величайший пророк после Рождества Христова, среди сотен предсказаний привел только три даты. Великий пожар в Лондоне в 1666 году. Тотальное преследование христианской церкви во Франции в 1792 году. И время конца света. Два первых подтвердились.

Тенденция к обозначению определенных периодов будущих перемен наиболее отчетливо прослеживается в астрологических предсказаниях. Опять же периоды, а не точные даты.

Но даже несколько утесов дат посреди безвременного моря предсказаний понуждают нас расследовать причины их появления.

**Первое**, что приходит на ум, — это совпадение. Случайное совпадение произвольно названной даты с действительным временем события. Но поскольку мы уже пришли к заключению, что предсказания не сверхъестественны, а нормальны и, более того, закономерны, что они естественная часть нашей жизни, восстанавливающая деятельность нашего мозга до более полного объема, то мы уже не можем позволить себе удовольствоваться случайным совпадением как единственным объяснением. В свете приведенных выше рассуждений случайность становится слишком случайной, чтобы быть серьезной. Тем не менее мы должны оставить ей незначительный процент.

**Второе**, что может быть предложено в качестве разгадки, — это опять-таки вычислительные способности мозга. Видимо, не следу-

ет локализовывать сверхбыстрые и сверхсложные вычисления только в подсознательной сфере. Сознательное и подсознательное не разделены каким-то большим расстоянием. В мозгу все рядом, все переплетено. Мозг в силе обработать огромное количество разнообразной информации без нашего ведома и рассчитать наступление события в реальном времени. Правда, в этом случае остается тайной — на основе какой рациональной или иррациональной информации можно вычислить пожар в Лондоне за сто лет вперед?

Есть еще и **третий инструмент**, позволяющий определить дату события. Но поскольку он смыкается и даже образует суть четвертого способа предсказаний, то для начала несколько примеров.

«В 1584 году над Москвой появилась комета. Иван Грозный, который пред этим сильно хворал, с трудом вышел на крыльцо, долго смотрел на нее и, побледнев, сказал: — Вот знамение моей смерти.

Царь уже не верил ни в милость судьбы, ни в силу молебнов. Он обратил свои надежды к колдунам. По его приказу повсюду стали хватать баб-ведуний и срочно доставлять в Москву. Так было привезено шестнадцать ведьм, которых держали под замком, поставив надежный караул. Б. Я. Бельский, один из самых доверенных людей царя, каждый день посещал их, передавая потом их слова Ивану Грозному. Однажды в один голос они закричали, что царь умрет 18 марта. Царю не понравились такие речи, и он повелел за вранье 18 же марта сжечь их живьем.

Однако, когда утром назначенного дня Бельский явился, чтобы исполнить волю царя, ведьмы принялись вопить, что день, мол, только начался и неизвестно еще,

чем он кончится. Правда, ничто не предвещало трагической развязки. Царь чувствовал себя хорошо, был даже весел... Но, садясь играть в шахматы, вдруг покачнулся и схватился за грудь. «Через несколько минут он потерял сознание и вскоре скончался». («Закрытые страницы истории». А. Горбовский, Ю. Семенов).

Лео Таламонти в своей книге «Запретная вселенная» пишет, что в 1898 году американский писатель Морган Робертсон опубликовал рассказ «Тщета». Речь в нем шла о гибели корабля. Корабль назывался «Титан» и описывался как непотопляемый. Это мгновенно напоминает крушение «Титаника» 14 апреля 1912 года, поэтому в дальнейшем будут приводиться параллельные характеристики. Длина корабля в рассказе составляла 800 футов (длина «Титаника» — 882 фута), на борту находилось 3 тысячи пассажиров (на самом деле 2207). «Титан» сталкивается с айсбергом (!) во время своего первого (!) плавания в апреле (!), двигаясь со скоростью 25 узлов в час (в действительности — 23 узла). Большое число утонувших вызвано тем, что на «Титане» было только 24 спасательных шлюпки (на «Титанике» — 20).

Нам также известно, что немало предсказаний было сделано накануне отплытия «Титаника» из Лондона.

Наконец, третий случай, также взятый из «Запретной вселенной» Лео Таламонти.

«Д-р Антонио Медичи, невропсихиатр, рассказывает, что как-то в Палермо, когда он присутствовал на одном из еженедельных розыгрышей лотереи, исполненная жадной выигрыша толпа принялась с энтузиазмом выкрикивать нужные номера — 6, 22, 26, и... именно эти билеты и были

вытянуты ребенком с повязкой на глазах, который производил эту операцию».

Последний пример как бы служит комментарием к первому. Он словно показывает, как это делается. День смерти Ивана Грозного не был прочитан или вычислен. Он был ему задан. В хирологии это называется инструктивной коррекцией программы психофизиологического развития. Инструкция работает, когда воля пациента бежит навстречу воле инструктора. Сам акт установки должен быть обставлен соответствующими атрибутами, усиливающими веру людей. Главные из них — авторитет инструктора и таинственное, мистическое окружение этого процесса. Невежество, непомерное самомнение, сознание своей вселенской исключительности сыграли с царем злую шутку. Иван Грозный сам подготовил себя к смерти. Ему недоставало только даты. И он ее получил.

Второй пример показывает, что задавать можно не только судьбу человека, но и события.

Предсказания не только предсказывают будущее. Они делают его в буквальном смысле. Предсказание, ставшее гласным, вошедшее в головы миллионов сознательным путем, создало в их мозгу биохимические структуры (запустило биохимические реакции). Последние благодаря энергоконтурам стали достоянием энергопласта. Эта новая длина волны или рисунок через СЭО связал подсознание многих людей, забывших или даже никогда не знавших о предсказании. Тех, кто финансировал проект; тех, кто строил «Титаник»; тех, кто вел его сквозь туманную мглу Атлантики. Все они действовали, сами того не зная, по плану, созданному человеческим воображением. Так люди и вещи по взаимодействию своих

СЭО оказались втянутыми в чудовищную энергетическую игру.

Михаил Нострадамус задал дату пожара в Лондоне и преследования христиан во Франции. Он задал нам и конец света. И если мы ничего не предпримем, то эта энергетическая пружина раскрутит свои трагические витки. Нужно контрпредсказание, отменяющее эту зловещую инструкцию.

Мы должны быть благодарны Нострадамусу. Ведь его предсказание может быть истинным. Он мог прочесть предсигналы, пришедшие из глубин Вселенной, и на основе этих данных просчитать будущие воздействия. Он мог принять спонтанные энергетические деформации, несущие смерть. Он мог неосознанно уточнить план Иоанна Богослова, изложенный в Апокалипсисе. Дата могла быть произвольной, но суть верной.

В заключение — некоторые выводы.

— На руке человека простулают программа его психофизиологического развития и прогноз жизни. Человек может увеличивать или сокращать программу, менять качество жизни. Как волевыми, сознательными действиями, так и непосредственно силой желания.

— Графика руки дает возможность проверять надежность работы жизненно важных центров и систем, обеспечивающих безопасность и выживаемость человека. При соответствующих показаниях хирология предлагает схему мероприятий по спасению жизни человека.

— Хирология ставит человека в центр всего, делает его причиной событий. Пользуясь Системой энергетического ответа, человек может контролировать и управлять некоторыми (пока) событиями внешней среды без непосредственного физического контакта.

— Эволюция жизни на земле должна быть дополнена и пересмотрена с учетом принципа энергоинформационных обменов между видами.

— Возникновение жизни есть закономерное явление. Она неизбежно создается как продукт взаимодействий энергетических сред разной плотности.

Жизнь — это системная организация энергии. Иерархичность систем стремится к бесконечности.

— Предсказания — это форма существования будущего. При отсутствии предсказаний будущего нет, поэтому его нельзя изменить.

— XX век — век последней истины. К его концу Бог будет открыт как природный феномен и математически описан. Электронно-вычислительные устройства построят Его модель.

# ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г Зинаида и Франсуа  
Г Почему мы ленивы?

Дорогие друзья! Я, Ирен Франке, проживающая в Бельгии, обращаюсь к вам с необычной и непростой просьбой: помогите мне, пожалуйста, разыскать или хотя бы узнать что-либо о судьбе моей русской матери.

В страшные военные годы моя мама Зинаида Антоновна Паничева (родилась она 21 мая 1926 года в селе Пички Донецкой области, но я, к сожалению, не уверена, что адрес этот точный), как и многие советские девушки, была угнана в Германию. Всю тяжесть горькой неволи, унижения, голод, болезни пришлось перенести ей. Каждый день мог стать последним днем ее жизни. Но ей выпала иная судьба. Рядом работали пленные из Бельгии. Один из них, Франсуа Франке, обратил на нее внимание, старался быть рядом, поддерживал ее, помогал, подкармливал. Близился конец войны. И вы, наверное, уже догадались: молодые люди, не знавшие общего языка, но прошедшие рядом ад плена, помогавшие друг другу выжить, поженились. Наверное, в этом сила и счастье рода человеческого — жизнь продолжается и побеждает страдания, боль, муки. Кончилась война, и они уехали в Бельгию. Я родилась 18 июля 1945

года. Жизнь постепенно налаживалась, но скоро произошло событие, объяснить которое мне не могли ни отец, ни мои бельгийские родственники. Мне было всего одиннадцать месяцев, когда мама уехала на родину, в Донбасс, будто бы навестить своих родителей и к нам в Бельгию не вернулась.

Меня всю жизнь мучает вопрос: почему мама покинула нас, что с ней случилось? По слухам,



доходившим до меня, она присылала письма, но я не видела ни одного. Отец говорил, что мама умерла, но мне почему-то в это не верится. Несколько лет назад отец умер. У меня растут двое детей. Я знаю, что такое мать для каждого человека, даже если он уже совсем взрослый. А я выросла без материнской любви, без материнской заботы. Сколько ночей я не спала, сколько слез пролила...

Очень прошу родственников, знакомых, всех, кто знает что-нибудь о судьбе Зинаиды Антоновны Паничевой: напишите мне, расскажите, какой она была, как жила после возвращения в родные края. Когда я стала взрослой, узнала, что те, кто возвращался из Европы домой в СССР, страдали не только от разрухи и неустойчивости послевоенного времени... Возможно, будут полезны и другие, хотя и совсем скудные сведения о семье моей мамы. Ее отец Антон Паничев был шахтером. Мать, мою бабушку, звали Марфой. Жили они в Сталино.

**ИРЕН ФРАНКЕ,**  
г. Боом, Бельгия

**P. S.** Редакция «Смены» присоединяется к просьбе Ирен Франке и надеется, что наши читатели помогут ей.

Письма просим направлять в адрес редакции.

Как много сейчас говорится о возрождении крестьянства! Перестройка ввела в наш лексикон слова «хозрасчет», «аренда», «арендаторы». Но не каждый соглашается взваливать себе на плечи груз аренды, хотя и бытует мнение, что арендаторы получают бешеные деньги. А из средств массовой инфор-

мации мы узнаем, что на аренду тем не менее переходят целые хозяйства и предприятия. Странно, правда, что среди арендаторов мало молодежи.

Про нас, шестнадцатилетних, двадцатилетних, взрослые часто говорят, что ни к труду, ни к земле мы не приспособлены. Если говорить честно, то многие из моих сверстников действительно любят работу. Тем более работу в сельском хозяйстве.

А почему? Поделюсь своим личным опытом. Весь сентябрь мы, школьники, оказываем помощь колхозам и совхозам в уборке урожая. Сначала нам работа нравится. И не столько из-за романтики труда, сколько из-за того, что не надо учиться. Через неделю-две работа надоедает: ведра с яблоками кажутся огромными и неподъемными, кучи свеклы — нескончаемыми. Мы больше портим, нежели собираем. В прошлом году, например, наш класс в числе других около месяца работал в совхозе «Усманский». И что же? Ни копейки нам не заплатили. Даже совхозу должны остались. Учителя говорят, что мы автобусы и то не окупили своим трудом. Выходит, месяц работали бесплатно. Откуда же появится любовь к труду? Лучше бы учились! Ведь потом нам задавали учить столько, что мы по всем наукам, как говорится, скакали галопом.

По приглашению Центрального телевидения я была в Москве и участвовала в программе «Марафон-15». У нас была встреча с председателем Госкомитета по народному образованию Г. А. Ягодиным. Он сказал, что с этого года студенты могут по желанию ездить на сельхозработы. А о школьникам воп-

рос еще не решен. Так когда же он решится?

Я уверена, что если бы мы были заинтересованы результатами труда, то работали бы хорошо. Почему бы, например, не внедрить арендные отношения в работу ученических производственных бригад? Если все останется по-прежнему, о каком возрождении крестьянства можно вести речь? Так и будут сельские школы покидать из родных мест в города...

**ЕЛЕНА ЮРОВА,**

**г. Усмань Липецкой области**

Помогите мне, старушке, пожалуйста, дожить оставшуюся жизнь в своем доме! У меня дом хороший, красивый, с наличниками, есть земельный участок, за счет которого я живу... Есть дворик, держу живинку, свой колодец, баня... Получаю пенсию 70 рублей. Дом снесут — как я буду жить? Всю жизнь я проработала в больнице санитаркой, а муж был плотником. И построили дом своими трудовыми руками. Вскоре муж помер, а теперь без моего согласия сносят дом...

Я буду лежать на своей печи и никуда из своего дома не выйду. Пусть сносят бульдозером, если есть закон, вместе со мной. Власть не хотят меня слушать, одно говорят: надо сломать мой дом. Все, кто подписались, подтвердят, что у меня хороший и добротный дом.

**БЕЛЯЕВСКАЯ Н. Н., пенсионерка;**  
**ОВЕЧКИНА, юрист; ЗАЙЦЕВ, сотрудник**  
**музея; ХОРИНА, машинистка... (всево**  
**53 подписи)**

**г. Тотьма Вологодской области**

#### Поправка.

В № 3 «Смены» в материале Ольги Кузьминой «Шаг от боли» на стр. 262 следует читать: «Институт радиотехники и электроники АН СССР».



Неожиданная смерть человека всегда горька и трагична. Неожиданная смерть человека, который больше всего на свете любил саму жизнь, горька и трагична вдвойне.

Он, Александр Петрович Кулешиов, любил сам процесс жизни, по которой всегда шел легко, весело, иногда, казалось, даже легкомысленно. Он был, пожалуй, одним из самых прилежных наших членов редколлегии, верой и правдой служивший журналу более двадцати лет. И всегда, когда мы собирались вместе, от Александра Петровича, постоянно бодрого, подтянутого, улыбающегося, исходил и проливался на всех нас добрый и теплый свет — свет обаятельного и интеллигентного человека.

Председатель творческого объединения детских и юношеских писателей Москвы, вице-президент Международной федерации самбо, он плодотворно работал в литературе, где у него была своя любимая тема — армия и спорт. Его романы «Голубые молнии», «Белый ветер», «Ночное солнце», «Заколдованный круг» принесли ему заслуженную известность и любовь молодежи.

Он многое еще хотел сделать, написать, издать, но смерть подкралась внезапно. Мы, сменовцы, будем всегда помнить нашего доброго, умного, обаятельного друга.

**Коллектив редакции**  
**журнала «Смена»**

**И**ностранные журналисты выпрашивали у наших тренеров: кто эта темнокожая девушка? Сенсация: мулатка в советской команде! А фамилия русская — Петрова. Лена Петрова...

Она суеты не замечала, до последнего выхода на татами оставались минуты, а усталые мышцы сводило судорогой. Что делать? Были бы рядом Сеич или Корнеев, они бы наверняка что-то придумали. Но их нет. Вместо них другие, которые только и могут что долбить: «Давай, Петрова! Не урони честь флага...»

...14 лет назад коренной ленинградец, Алексей Викторович Андреев (или Сеич), отслужив в армии, устроился в райисполком (он, мастер спорта, отвечал за физкультурную работу) и взялся безвозмездно тренировать интернатских детишек. Среди них была Лена, маленькая худышка, очень далеко метавшая теннисный мяч и удивлявшая быстрыми секундами на стометровке.

Поначалу Андреев отобрал Петрову и еще нескольких ребятшек, но на первую же тренировку заявился весь класс. Не гнать же... И просторная квартира оди-

нокого Сеича неожиданно-негаданно превратилась в «продленку». Так для Лены Петровой (Петрухи, как до сих пор зовут ее друзья) началась другая жизнь. Она, быть может, впервые ощутила, что кому-то небезразлично ее достоинство, ее мечты. Андреев стал ей вроде отца.

Однажды Сеич сказал:

— Петруха, если тебя еще раз кто бы то ни было обзовет «черномазой», без раздумий подходи и бей в нос.

Вскоре Сеича прямо с работы вызвали в интернат. В учительской висела тягостная тишина, Петруха сидела в углу, за столом директор, милиционер и учитель истории с распухшим носом.

— Можно мне с ней на минутку отлучиться в коридор? — спросил Алексей.

Дело было так: учителю показалось, что она списывает, и он сказал: «Дай дневник». А Петруха ответила: «Я девочка, а вы мужчины, подойдите и возьмите» (о, переходный возраст!).

И вот тут у педагога сорвалось с языка оскорбительное словцо. Дальше все было, как учил Сеич. Она встала, подошла и врезала. Лена метала теннисный мяч за семьдесят метров — удар получился что надо.

Андреев вернулся в учительскую и, с трудом сдерживаясь, порекомендовал историку боль-

**КОНСТАНТИН ТИНОВИЦКИЙ,**  
мастер спорта

# Сказочный

ше никогда не переступить порога интерната. Тот счел за благо внять совету.

Увы, ей приходилось еще не раз сталкиваться с национализмом в стране, где официальная пропаганда многие годы воспевала «нерушимую дружбу народов». Она уже достаточно была закалена жизнью и не слишком удивлялась, когда, попав в сборную страны по метанию копья, вдруг оказалась вне состава команды, выезжающей за рубеж. (Кто-то «бдительный», наверно, очень боялся, как бы она, покинув пределы Отечества, не мотанула к родному отцу в Сьерра-Леоне. Опасения эти, как видно теперь, оказались напрасными, хотя что зазорного в желании дочери жить в семье родного отца?)

Андреев стал ее отцом приемным...

Спрашиваю:

— Алексей, а почему ты именно Лену удочерил?

— Была б возможность, я бы всех интернатских к себе забрал,— отвечает он,— но она была самая несчастная.

И вот Лена поселилась в большой квартире старого питерского дома по улице с чудным названием Зверинская. (Рядом — зоосад.)

Тогда же у девочки впервые появились обновы.

Порой ей и влетало от Сеича.

— За что тебе «пару» влепили? — стараясь быть строгим, спрашивал он.

— За дело, урок не выучила,— ничуть не робея, отвечала она.

— Почему не выучила?

— А-а... Неохота.

— Ладно. Надевай перчатки.

И они надевали боксерские перчатки...

«Я же ее не мог в угол ставить, давать ремня или лишать обеда. Пробовал не разговаривать. Так она, упрямца, десять раз меня перемолчит».

Но ссоры все же были редкостью, а радости... Сколько веселья было, когда до упаду один на один гоняли во дворе в хоккей, а летом — в баскетбол или футбол. А удачное Петрухино стихотворение или песня доставляли удовольствие не меньшее, чем игра... Помните, у Юрия Левитанского:

«А время шло, скрипя на тормозах, катилось по неведомой спирали...»

Лена училась на третьем курсе инфизкульты, когда случилась беда — тяжело травмировала плечо.

— Смутный какой-то был год,— вспоминает Лена.— Я тренировалась через силу, плечо болело, какие тут занятия? Наверное, от расстройства в меня тогда словно бес вселился. Сеича не слушалась, делала все наперекор,

# СНАЖЕТ

да и виделись мы с ним не так уж часто, он по сборам, а я дома одна. Тут компания подвернулась, такая, знаете ли, что в институт благородных девиц не взяли бы. Теплая компания. Но, как говорится, бог уберег. Однажды знакомая затащила меня на тренировку к дзюдоистам, а там тренировал Александр Сергеевич Корнеев. Человек он умный и добрый. С ним интересно работать...

Через десять дней Лена победила на первенстве Ленинграда по дзюдо, а еще шесть месяцев спустя стала чемпионкой страны. Чтобы дойти до финала мирового чемпионата, ей понадобилось меньше двух лет тренировок. В кино такое увидишь — скажешь, сказка.

О том, что Лена увлеклась дзюдо, Андреев узнал чуть ли не из газет. Сначала не одобрил (заело, что ли: как это без него?), но, поразмыслив, решил: девчонка создана для спорта, так не все ли равно, где талант раскроется. Больше того, в корнеевской секции Сеич (снова на общественных началах, ему не привыкать) взялся вести занятия по специальной физической подготовке...

У Лены свой взгляд на систему подготовки дзюдоисток.

Женское дзюдо, считает она, должно развиваться самостоятельно. Здесь не нужны мужские нагрузки.

— У нас в секции мы делаем ставку на игру, на индивидуальную технику. Творческая свобода: спортсмен и тренер — единомышленники. Но в сборной Корнеев не пришелся ко двору. Жаль. Таких тренеров поискать.

— В английском языке есть выражение «фан персон» — радостный человек. Вот и я такой человек, — продолжает Лена. — Я спорт воспринимаю как способ

самовыражения, а не как рабский труд. В сборной иначе... Здесь падают на износ. Считают пульс во время тренировки: «Если редкий, значит, плохо работаешь, лентяйка». А пульс у меня и без нагрузки много реже, чем у других...

Но самое главное — это, мягко говоря, странные методы отбора на главные старты. Ты становишься чемпионкой страны, а на первенство Европы берут другую. Так было и со мной. Мы словно игрушки в чужих руках. Повезло, что это не повторилось перед чемпионатом мира. Ведь мало кто верил, что смогу попасть на пьедестал. А я так психовала, проиграв в финале, даже сдерживалась, чтобы не плакать, принимая поздравления.

Ленинград. Улица Зверинская. Квартира Андреева. Хозяин квартиры, Корнеев и я перед видеомагнитофоном, смотрим финальную схватку чемпионата мира.

— Смотри, смотри, — говорит Андреев, — в прием хорошо вошла, а тянуть сил нет. Загнали ее... — Окончание фразы он произносит нечленораздельно. — Но французенка тоже обессилела.

Поединок заканчивается безрезультатно, и судьи двумя голосами против одного отдают предпочтение спортсменке из Франции.

Андреев с досадой машет рукой, словно видит эту пленку впервые, потом кивает в сторону Корнеева:

— Опять его на сбор не приглашают. Сколько ж можно? Ведь спортсмену нужны, если разобратся, лишь три человека — его личный тренер, врач и менеджер. Почему у нас не так, спрашиваешь? Но что тогда будут делать тренерский совет и сопровождающие лица из Госкомспорта? Уж эти своего не отдадут...

— Не пригласят — приеду сам, сниму комнату, буду приходить на

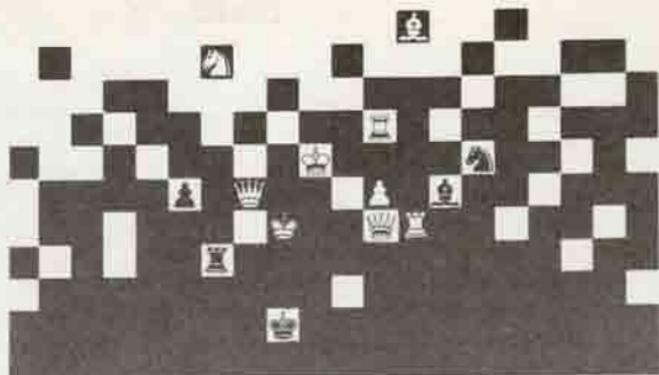
тренировки,— очень спокойно отвечает Корнеев.

В самом деле, почему педагог, с которым спортсмен дорос до сборной, оказывается «вне игры», когда дело доходит до главного этапа подготовки? «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить»? Не оттого ли все редет и редет тренерский корпус, что переводят-

ся желающие трудиться «на дядю»?

...Назавтра после чемпионата мира у Лены был день рождения. В память о нем остался небольшой плакатик, исписанный поздравлениями и пожеланиями на разных языках. Перевожу надписи. Кто-то называет ее «солнечной девчонкой». Похоже.





# 32-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией  
гроссмейстера  
**ВИКТОРА  
ЧЕПИЖНОГО**

278

В предпоследнем туре нашего заочного соревнования любителям шахмат предстоит решить две трехходовые задачи и четыре этюда. Полное решение каждого задания следует посылать на отдельной открытке. За правильные ответы участникам начисляется соответствующее количество баллов (оно зависит от трудности решения задачи или этюда и публикуется под диаграммой). Сумма набранных баллов определит, какие разрядные нормативы покорились участникам олимпиады (независимо от количества выполненных заданий). Читатели журнала, набравшие максимальное количество баллов, будут претендовать на общую победу в заочном соревновании журнала «Смена». При равных показателях будут учитываться обнаруженные решателями дефекты в конкурсных заданиях: побочное решение, нерешаемость, дуали и т. п.

Ответы на задания следует присылать только на открытках (без конвертов!) с пометкой «32-я шахматная олимпиада. Шестой тур». Последний срок отправки открыток (по почтовому штемпелю) — 1 октября. Ответы, посланные позднее указанного срока, рассматриваться не будут.

# Шестой тур

I



Белые: Кра 3, Лд 7, Сд 8, Кс 8, п. с 6 (5)

Черные: Кра 6 (1)

**Мат в 3 хода (1 балл)**

II



Белые: Кра 4, Фг 2, Лд 5, Се 8 (4)

Черные: Кре 1, Кг 1, п. f 2 (3)

**Мат в 3 хода (2 балла)**

III



Белые: Крс 6, Ла 3, Лб 7 (3)

Черные: Кре 8, Лд 7, Се 7 (3)

**Выигрыш (1 балл)**

IV



Белые: Крд 6, Лб 3, (2)

Черные: Кра 8, Сг 8, Кд 1, п. d 2 (4)

**Ничья (2 балла)**

V



Белые: Крh 6, Сс 8, Кh 5 (3)

Черные: Крh 8, Кh 7, п. e 6 (3)

**Выигрыш (3 балла)**

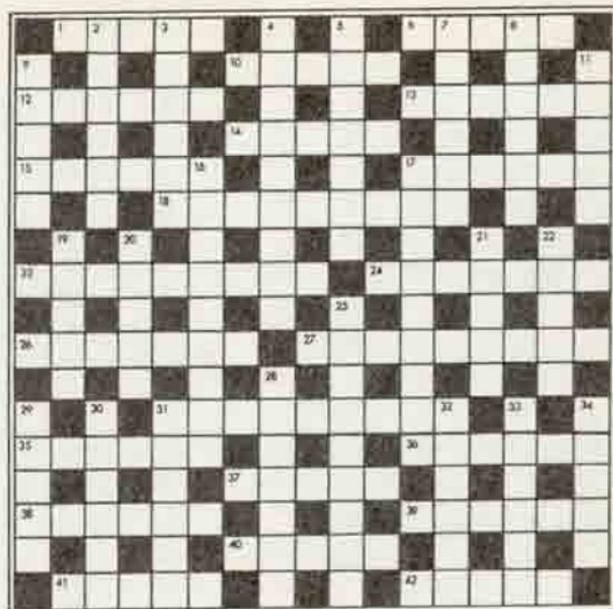
VI



Белые: Крс 6, Ка 1, пп. a 6, b 7 (4)

Черные: Кра 5, Сб 8, п. c 3 (3)

**Выигрыш (3 балла).**



**ЗРУДИТ**

**По горизонтали:**

1. Возникшая на средневековом Востоке роспись керамики, сильно повлиявшая на итальянскую майолику. 6. Дерево, по-русски великолепно названное (И. Тургенев. «Отцы и дети»). 10. Один из основных газов в атмосфере Юпитера. 12. Спортивная мечта. 13. Государство, жившее по законам Ликурга. 14. Разгул стихии на картинах И. Айвазовского. 15. Титул, сделавший Веллингтоном английского фельдмаршала Уэлсли. 17. Знаменитый русский и французский артист и балетмейстер, умерший на руках барона Э. фон Фальц-Фейна — единственного русского, жившего в 80-х годах в Лихтенштейне. 18. Порода собак. Была известна на юге Германии как собака мясников. 23. Роман в цикле «Ругон-Маккары». 24. Один из самых известных художников-модернистов. Тем не менее для жителя он купил во Франции старинный замок. 26. «Знеида» И. Котляревского (жанр). 27. Тишь да гладь, да божья ... (поговорка). 31. Поэт, о котором боготворившая его М. Цветаева сказала, что он выглядит, как араб и его конь. 35. Счастливый миг судьбы. 36. Английский естествоиспытатель, чья теория противоречит закону энтропии. 37. Американский шахматист, в двенадцать лет выигравший первую же партию у опытного венгерского мастера Левентяля. 38. Месяц, в который немцы впервые применили на войне иприт. 39. Судно, чей образ в русской поэзии впервые появился в стихотворении В. Жуковского «Путешественник». 40. Птица, способная подкарауливать как рыбу у воды, так и мышь у норы. 41. Поприще Элеоноры Дузе. 42. Отмирающее «приспособление» для ущемления критики.

### По вертикали:

2. Купринская «домашняя» история Александровского училища. 3. Страшный суд в земном варианте. 4. Традиционное празднество в Авиньоне, на которое С. Беккет в 1982 году прислал пьесу «Катастрофа», написанную в защиту В. Гавела и посвященную ему. 5. Государство, чей народ считает себя потомками арабов, переселенных Навуходоносором в Вавилонию и вновь вернувшихся на архипелаг. 7. Самоцвет, камень Юпитера у древних римлян. 8. Вода, которую пьют в «Княжне Мери» М. Лермонтова. 9. Итальянский дирижер и композитор. Был дирижером первых постановок в Петербурге балетов П. Чайковского «Спящая красавица» и «Щелкунчик». 11. «На солках Маньчжурии» (суть). 16. Зверь. Из его меха была мантия Петра Первого. В ней он изображен на миниатюрном портрете работы Г. Мусикийского. 17. Областной центр, где А. Котов завоевал звание гроссмейстера. 19. По русскому поверью, от его утреннего пения разбегается нечистая сила. 20. Сказочный герой, сумевший прищипнуть саму щуку. 21. Королева под ударом в «Галантные» времена шахмат. 22. Одна из рек, снабжающих водой Свердловск. 25. Зеленый ловец солнечных лучей. 28. Название турка в стихотворении И. Никитина «Донцам». 29. Правила в параграфах. 30. Солон Афинский, Фалес Милетский, Виаз, Питтак Митиленский, Хилон, Клеобул и Периандр (каждый из них). 31. Ба-клажан, картофель, мандрагора (общее название). 32. Казнохранилище франкских королей. 33. «Аристократы Сибири», как называли этот народ посланцы России. 34. Камень, на котором вырезана знаменитая «камея Гонзаго».

### ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

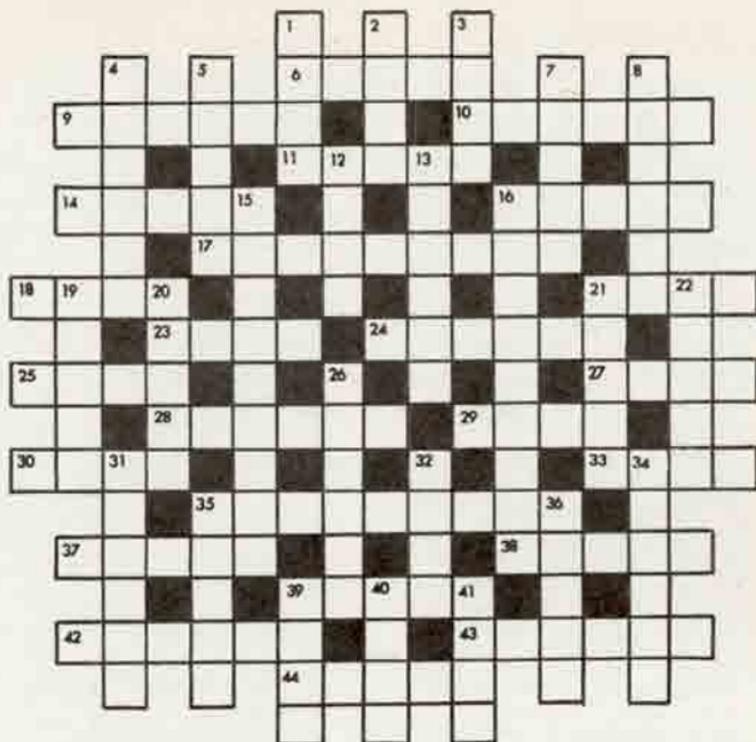
### По горизонтали:

1. Крупа. 6. Фихте. 10. Бочка. 12. Англия. 14. Элегия. 15. Храбрость. 16. Очаг. 18. Лион. 19. Йод. 22. Цахес. 24. Чародей. 26. Канна. 27. Шмель. 28. Отборка. 29. Хвост. 30. Юнкер. 31. Сараево. 33. Парик. 34. Жок. 37. Улей. 41. Волк. 42. Тиранство. 44. Триумф. 45. Артист. 46. Мороз. 47. Елена. 48. Алмаз.

### По вертикали:

2. Рогдай (в поэме «Руслан и Людмила»), 3. Псих. 4. Бомба. 5. Укроп. 7. Июль. 8. «Тигрис». 9. Нагон. 11. Рядно. 13. «Ярь». 14. Этбай. 17. Горностай. 18. Лермонтов. 20. ...завтрак. 21. Доломан. 22. Церковь. 23. Халва. 25. Клюев. 31. Сизиф. 32. Суета. 33. Перикл. 35. Корица. 36. Скетч. 38. Майор. 39. Псков. 40. Ива. 42. Тмин. 43. Орел.

**КОНКУРС  
КРОССВОРДИСТОВ  
Второе  
задание**



Каждый, кто желает участвовать в конкурсе, должен по этой сетке составить кроссворд, ни в чем не отступая от правил, напечатанных в № 2 «Смены» за прошлый год (статья «Гимнастика ума»). В сетке сорок восемь слов. Значит, на одну букву нельзя брать больше четырех слов. Имен собственных нельзя загадать больше 16, а слов с правильным чередованием гласных и согласных — больше 24.

Следует учесть, что жюри будет в первую очередь рассматривать работы, в которых не меньше 24 слов загадано интересно и оригинально. Причем определения этих слов не должны встречаться в Большой советской энциклопедии, в Советском энциклопедическом словаре и толковых словарях русского языка (в этот список не входит словарь В. Даля). То есть искать их надо в других справочных и литературных изданиях, в центральных газетах и журналах. К каждому слову совершенно обязательна ссылка на источник определения. Если читатель придумал собственное интересное определение, то вместо ссылки он должен обосновать его.

Задание на этот раз такое: надо постараться включить в кроссворд как можно больше слов, которые начинаются и кончаются на одну букву (колонок). Каждое такое слово стоит одно очко. А вот каждое слово-перевертыш (кок, Рур) стоит 3 очка.

К работе надо приложить листок, где в одной колонке выписаны все слова, начинающиеся и кончающиеся

одной буквой, а во второй — слова-перевертыши. Внизу надо обозначить число тех и других слов, суммы очков за те и другие и общую сумму. Скажем, читатель сумел загадать 36 слов, которые начинаются и кончаются на одну букву, причем из них 13 слов-перевертышей. Тогда он набрал  $23 + 39 (13 \times 3) = 62$  очка.

Лучшую работу мы напечатаем. Ее автору, а также еще одному победителю редакция предоставит возможность вне очереди напечатать в журнале обычный кроссворд, составленный, разумеется, по нашим правилам и с достаточным числом интересных определений слов. Оба они, а также еще восемь победителей будут награждены дипломами «Смены».

Прежде чем начинать работу, внимательно изучите эти условия и названные правила. Ни в чем не отступайте от них!

Последний день отсылки конкурсных работ — 15 сентября. На конверте, пожалуйста, пометьте: Конкурс кроссвордистов-90, второе задание.

Будем благодарны читателям, которые предложат темы и условия для будущих конкурсов кроссвордистов.

**ОТВЕТЫ  
НА КРОССВОРД,  
НАПЕЧАТАННЫЙ  
В № 5**

**По горизонтали:**

1. Тициан. 6. Яванки. 10. Динас. 12. Монголия.  
14. Хувентуд. 16. Вицмундир. 17. Явор. 19. Эгле.  
20. Рубец. 23. Лунка. 25. Ритинис. 27. Эпонж.  
28. Стиль. 29. Гонорар. 30. Чибис. 31. Гранд. 32. Филонка. 35. Уцмий. 36. Анфас. 39. Латы. 42. Топи.  
43. Бухгалтер. 47. Хлебосол. 48. Журавина. 49. Нория. 50. Астрейя. 51. Заимка.

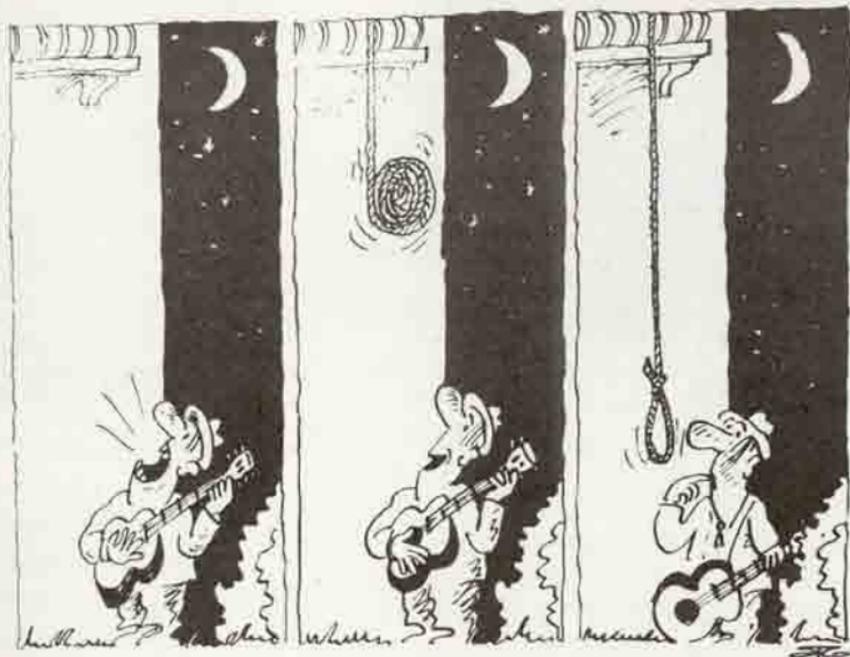
**По вертикали:**

1. Тимьян. 2. Цензор. 3. «Азов». 4. Нияма. 5. Махно. 7. Веер. 8. Натуга. 9. Индиец. 10. Диц. 11. Суд. 13. Ливер. 15. Витус. 18. Руандийцы. 19. Экстернат. 21. Цикорий. 22. Миколог. 23. Лихачка. 24. Сплин. 26. Клинч. 32. Фикус. 33. Анкер. 34. Плахта. 35. Утрехт. 37. Софизм. 38. Тирана. 40. Юглон. 41. Алжир. 43. Бове. 44. Хон. 45. Туя. 46. Рада.



Рисунок КОНСТАНТИНА КИРИЛЛОВА





# TERRA

## РАССКАЖЕТ:

Черная и белая магии  
Народная китайская магия  
Восточные духи и чудеса  
Китайская гимнастика и  
боевые восточные искусства  
Европейская магия  
Сатанизм и «черная месса»  
Кровавые культы  
Человеческие  
жертвоприношения  
Телепатия и пирокинез  
Вампиры и бессмертие

## ПОКАЖЕТ:

«Индиана Джонс  
и храм Судьбы»  
«Молодой  
Шерлок Холмс»  
«Большой переполох  
в Малом Китае»  
«Отряд Нидзя»  
«Голод»  
«Сияние»  
«Полтергейст»

## ЧУДЕСА В ЖИЗНИ:

экстрасенсы из биоэнергетической лаборатории,  
сеанс биоэнергетического массажа

ФИЛЬМ

## «Порождающая Огонь»

комментарии искусствоведа  
КИРИЛЛА РАЗЛОГОВА

Организации, которые приобретут кассету,  
имеют право на ее коммерческое использование.

Заявку на трехчасовую видеопрограмму  
«TERRA MAGICA»

направьте по адресу: 101457 ГСП, Москва,  
Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена».

**ЦЕНА КАССЕТЫ — 300 РУБЛЕЙ.**



# MAGGIE



# КЛЮЧ ОТ ИНСТИТУТА



Учащиеся 10-х и 11-х классов общеобразовательных школ и СПТУ, а также работающая молодежь, желающая поступать в вузы! Всесоюзные заочные подготовительные курсы (ВЗПК) ЦЭНДИСИ при Академии наук СССР помогут вам подготовиться к поступлению в высшие учебные заведения. Для самостоятельной работы вы получите методические пособия, которые содержат краткое изложение теоретического материала, примеры выполнения типовых заданий с рекомендациями высококвалифицированных специалистов и индивидуально ориентированные контрольные работы.

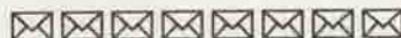
Учащиеся курсов получают информацию об избранном учебном заведении и особенностях вступительных экзаменов.

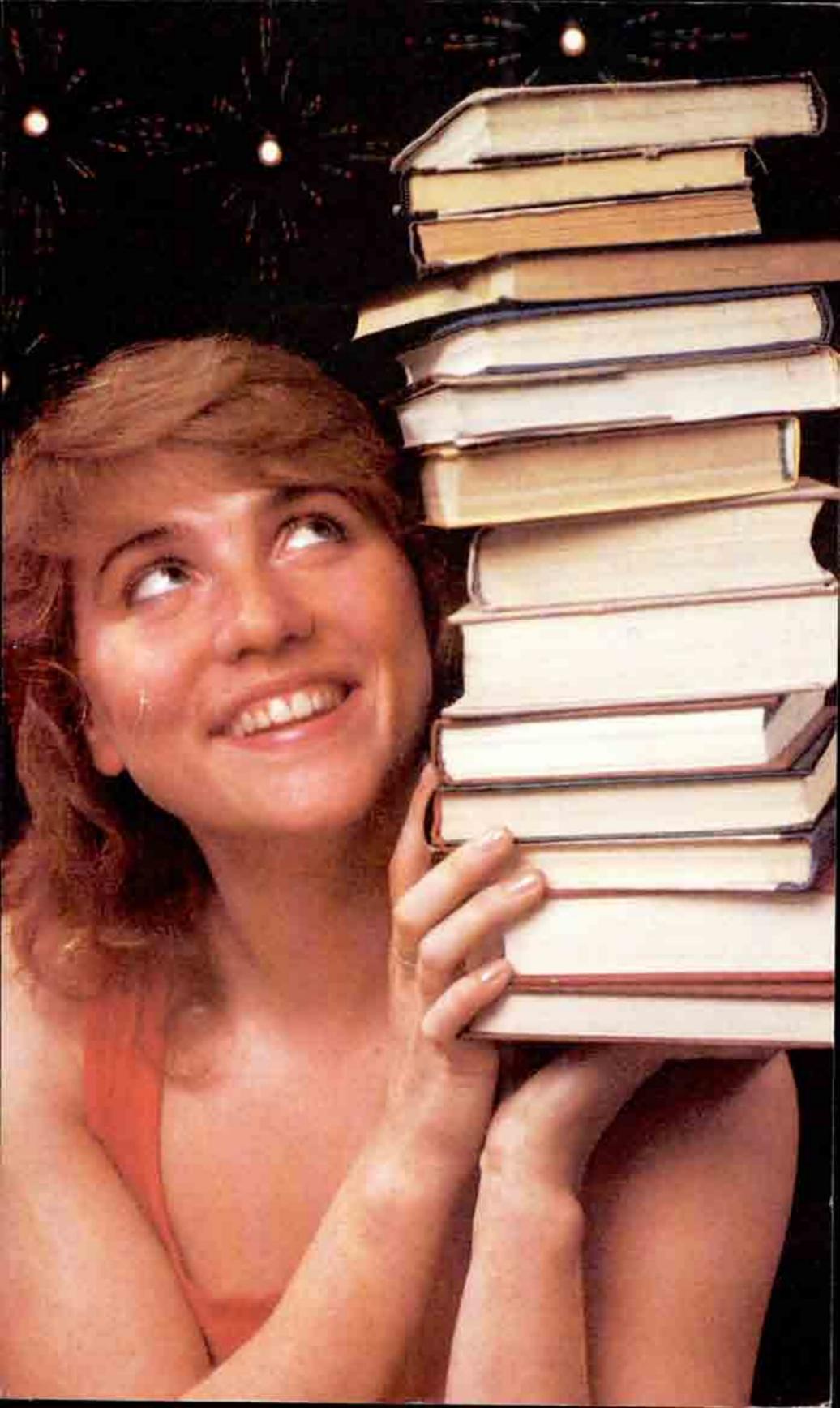
Обучение ведется по математике, физике, химии, биологии, русскому языку и литературе, истории, обществоведению, географии, английскому языку, украинскому языку и украинской литературе, казахскому языку и казахской литературе. Филиалы ВЗПК в Киеве и Алма-Ате осуществляют обучение не только на русском языке, но и на языке республики.

На курсы принимаются лица с любым уровнем начальной подготовки. Обучение платное. Инвалиды детства, воспитанники детских домов, воины-интернационалисты имеют льготы. О формах оплаты и условиях зачисления можно узнать, написав в адрес любого отделения ВЗПК. Рекомендуем выбрать отделение либо ближе к месту жительства, либо к избранному вузу. Во всех остальных случаях обращайтесь в Центральное отделение ВЗПК.



Адреса отделений ВЗПК:  
129110, Москва, ВЗПК.  
190000, Ленинград, ЛТО ВЗПК.  
252001, Киев, УРО ВЗПК.  
480100, Алма-Ата, САКО ВЗПК.





ИНДЕКС 70820. 70 коп.



**ВСЕВОЛОД МЕЧКОВСКИЙ. Пришелец.**